НОАМ ХОМСКИЙ

КТО ПРАВИТ МИРОМ?

Annotation

Книга Ноама Хомского «Кто правит миром?» – крайне значимый для XXI века труд, призванный встрясти мир и пошатнуть всеобщее спокойствие, добравшись до самых основ современного мироустройства. Анализ Хомского текущих процессов во внешней политике сосредоточен на фактах, течениях и политических дискурсах, которые, как правило, выпадают из пространства общественного мнения и остаются в тени. В книге рассматриваются «Настоящие правители» XXI века и их влияние на современность и будущее человечества. Прежде всего, речь идёт об Америке, ее становлении сверхдержавой и сбоях системы, преступлениях, внешних и внутренних друзьях и врагах.

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

-
-
-
-
-
-
-

НОАМ ХОМСКИЙ

КТО ПРАВИТ МИРОМ?

Ноам Хомский

Кто правит миром?
WHO RULES THE WORLD?
by
Noam Chomsky

Перевод с английского В. М. Липка

WHO RULES THE WORLD?
© 2016 by L/ Valeria Galvao Wasserman-Chomsky
© Липка В.М., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019**Введение**

Вопрос, вынесенный в название этой книги, не имеет простого и ясного ответа. Мир слишком сложен и разнообразен для этого. Но выделить кардинальные отличия в возможности определять мировые дела, равно как и выявить самых заметных игроков, не составляет никакого труда.

Если говорить о государствах, то после Второй мировой войны Соединенные Штаты были и остаются первыми среди неравных, причем с большим отрывом. Они по-прежнему задают тематику глобального дискурса – от таких проблем, как израильско-палестинский конфликт, Иран, Латинская Америка, «война с террором», международная экономика, правосудие, права человека и так далее, до жизненно важных вопросов выживания цивилизации (ядерная война и экология). В то же время могущество США, достигнув в 1945 году беспрецедентного за всю историю пика, значительно ослабло. На фоне этого неизбежного заката Вашингтон в определенной степени делит власть с «мировым правительством», если воспользоваться расхожим выражением бизнес-прессы, под которым понимаются ведущие капиталистические государства (страны Большой семерки) вместе с подконтрольными им институтами «новой имперской эры», в том числе Международным валютным фондом и глобальными торговыми организациями[1].

Эти «владыки», само собой разумеется, весьма далеки от того, чтобы представлять население ведущих стран мира. Даже в государствах с развитой демократией граждане оказывают лишь ограниченное влияние на политические решения. В Соединенных Штатах ученые представили весьма любопытные доказательства того, что «экономические элиты и организованные группы, представляющие бизнес-интересы, оказывают значительное влияние на политику американского правительства, в то время как влияние обычных граждан и групп, сосредоточенных на интересах общества, совсем незначительно, если, конечно, оно вообще есть». По заключению авторов этого исследования, его результаты «в существенной степени свидетельствуют в пользу теорий доминирования экономических элит или пристрастного плюрализма, но не теорий мажоритарной избирательной демократии или мажоритарного плюрализма». Другие исследования показали, что большинство населения – та его часть, что находится на «минусовом» конце шкалы достатка, – исключено из политической системы, а избранные ими официальные представители игнорируют мнения и позиции выборщиков, в то время как крохотная прослойка на самом верху обладает огромным влиянием. Причем это наблюдается в течение длительного времени, и размер фонда избирательной кампании самым замечательным образом может предсказать политический выбор[2].

Одним из следствий этого является так называемая апатия: отсутствие интереса к голосованию. Здесь налицо значительная классовая корреляция. Вероятные причины такого явления тридцать пять лет назад обсуждал один из ведущих специалистов в области электоральной политики Уолтер Дин Бернхем. Отказ голосовать он связывал с «основополагающей сопоставительной особенностью американской политической системы, которая сводится к полному отсутствию массовой социалистической либо лейбористской партии, способной организованно составить конкуренцию на электоральном рынке». По его мнению, именно этим в основном и объясняются высокие «показатели неявки на избирательные участки, варьирующиеся в зависимости от класса», а также сознательное замалчивание вариантов политического выбора, в потенциале поддерживаемых основной массой населения, но противоречащих интересам элит. Эти высказывание справедливы и сегодня. В своем

подробном анализе выборов 2014 года Уолтер Бернхем и Томас Фергюсон показывают, что уровень явки на избирательные участки напоминает «самое начало XIX века», когда правом голосовать почти исключительно владели состоятельные мужчины. Авторы приходят к выводу, что «и результаты прямых опросов, и здравый смысл свидетельствуют о том, что огромное количество американцев все настороженнее относятся к обеим лидирующим политическим партиям, а долгосрочные перспективы удручают их все больше и больше. Многие убеждены, что политику контролируют интересы верхушки, представленной меньшинством. Они жаждут эффективных усилий, направленных на предотвращение экономического спада в долгосрочной перспективе и ликвидацию нарастающего экономическое неравенства, но ни одна из двух движимых деньгами лидирующих американских партий не в состоянии предложить им что-то на необходимом уровне. Это, по всей видимости, только ускоряет процесс дезинтеграции политической системы, столь явно бросавшийся в глаза во время выборов в Конгресс 2014 года»[3].

В Европе закат демократии заметен немного меньше по той причине, что решения по жизненно важным вопросам принимают брюссельская бюрократия и те финансовые круги, которые она в значительной мере представляет. Их презрение к демократии резко обозначилось в июле 2015 года – в виде предельно жесткой реакции на саму мысль о том, что греческий народ может иметь собственное мнение в отношении судьбы своего общества, сотрясаемого политикой суровой экономии, контроль за которой осуществлял триумвират в лице Европейской комиссии, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда (в первую очередь здесь отметились политические деятели МВФ, а не экономисты, критиковавшие деструктивные меры). Режим строжайшей экономии Греции навязали с заявленной целью сократить долг страны, хотя в действительности ее долг по отношению к ВВП только вырос, в то время как общественное пространство пошло трещинами, а сама страна выступила в роли воронки, через которую французские и немецкие банки, любители рискованных займов, получили финансовые вливания, спасшие их от банкротства.

Удивительного в этом очень и очень мало. У классовой борьбы, носящей, как правило, односторонний характер, долгая и горькая

история. На заре нынешней эры государственного капитализма Адам Смит осуждал «владык человечества», в роли которых в те времена выступали английские «торговцы и промышленники», «безоговорочно являвшиеся главными архитекторами политики» и «уделявшие львиную долю внимания» собственным интересам вне зависимости от того, насколько тяжелые последствия их действия несли остальным (в первую очередь жертвам «дикой несправедливости» в других странах, но также, причем в значительной степени, и жителям самой Англии). Неолиберальная эра последнего поколения добавила к этой классической картине несколько собственных мазков – теперь в роли владык выступают воротилы все более монополизируемой экономики; монстроподобные, зачастую хищнические финансовые институты; транснациональные корпорации, защищаемые государственной властью; и политические деятели, очень часто представляющие свои собственные интересы.

Тем временем не проходит практически ни дня без новых сообщений о зловещих научных открытиях в сфере разрушения окружающей среды. Не очень весело читать, что «в средних широтах Северного полушария средняя температура повышается со скоростью, эквивалентной продвижению на юг на 10 метров (30 футов) в день» – эта скорость «примерно в сто раз больше климатических изменений, зафиксированных за всю историю геологических наблюдений», а может, даже в тысячу раз больше, если верить данным других исследований[4].

Не менее мрачной представляется и растущая угроза ядерной войны. Прекрасно информированный бывший министр обороны США Уильям Перри, которого уж точно нельзя назвать злым лжепророком, считает, что «вероятность ядерной катастрофы сегодня даже выше», чем во времена «холодной войны», когда избежать ядерного конфликта удалось лишь чудом. Между тем великие державы упрямо продолжают реализацию своих программ «национальной небезопасности», если воспользоваться уместной в данной ситуации фразой аналитика Мелвина Гудмана, долгое время работавшего в ЦРУ. Помимо прочего, Перри относится к числу тех, кто призывал президента Обаму «уничтожить новую крылатую ракету», оружие с усовершенствованной системой наведения на цель, способное подтолкнуть к «ограниченному ядерному конфликту», ведущему к

глобальной катастрофе. Что еще хуже, эта новая ракета выпускается в двух вариантах – с ядерной и обычной боеголовками, – поэтому враг, подвергшийся нападению, может заподозрить худшее и дать непропорциональный ответ, тем самым спровоцировав ядерную войну. Но оснований надеяться, что разумным советам внемлют, очень и очень мало – запланированная Пентагоном программа модернизации систем ядерных вооружений движется полным ходом, а государства второго ряда предпринимают собственные шаги навстречу Армагеддону[5].

1. И снова об ответственности интеллектуалов

Перед тем как размышлять об ответственности интеллектуалов, стоит прояснить, кого мы имеем в виду. Концепция «интеллектуалов» в современном смысле этого слова приобрела известность после выхода в 1898 году «Манифеста интеллектуалов», подготовленного дрейфусарами. Вдохновившись открытым письмом протеста Эмиля Золя французскому президенту, они осудили как ложное обвинение артиллерийского офицера Альфреда Дрейфуса в предательстве; критике также подверглось последующее сокрытие военными фактов по этому делу.

Позиция дрейфусаров представляет интеллектуалов поборниками справедливости, честно и смело бросающими вызов власти. Однако в те времена их вряд ли воспринимали подобным образом. Будучи в меньшинстве, дрейфусары подверглись острой критике со стороны господствующей интеллектуальной элиты и, в частности, выдающихся представителей «Французской академии, упорно осуждающих протестантов», как пишет социолог Стивен Льюке. Для Мориса Барреса – романиста, политика и лидера противников дрейфусаров – они были «анархистами с лекторской кафедры». В глазах другого академика, Фердинанда Брюнетьера, само слово «интеллектуал» означало «одну из самых смешных нелепостей нашего времени – я имею в виду претензии на возвышение писателей, ученых, преподавателей и филологов до ранга суперменов», осмеливающихся «считать наших генералов идиотами, наши общественные институты – абсурдом, а наши традиции – тлетворностью»[6].

Кого же тогда в действительности считать *интеллектуалами*? Меньшинство, вдохновленное примером Золя (который был приговорен к тюремному заключению за клевету и бежал из страны),

или же членов Академии? В той или иной форме этот вопрос находит отклик и сегодня, долетая к нам сквозь столетия. **Две категории интеллектуалов**

Один из вариантов ответа на этот вопрос общество услышало во время Первой мировой войны, когда в поддержку своих государств выступили интеллектуалы противоборствующих сторон. Так, в подготовленном ими «Манифесте 93-х» интеллектуалы Германии, одной из самых просвещенных в мире стран, обратились к Западу с такими словами: «Верьте в нас! Поверьте, мы доведем эту войну до конца, как цивилизованная нация, для которой наследие Гёте, Бетховена и Канта так же священно, как наши собственные сердца и дома»[7]. По другую сторону барьера был проявлен не меньший энтузиазм. Со страниц *New Republic* прозвучало критичное заявление, что «действенную и решительную работу в интересах войны провел… класс, который всеобъемлюще, но довольно произвольно, можно описать в ранге “интеллектуалов”». Став жертвами интриг британского министра информации, тайно стремившегося «направить мысль большей части мира», и особенно мысль прогрессивных американских интеллектуалов, в сторону войны, они, интеллектуалы, думали, что обеспечивают вступление Соединенных Штатов в кровавую бойню «под влиянием морального вердикта, достигнутого после заключительного обсуждения самыми вдумчивыми членами общества»[8].

Джона Дьюи очень впечатлил великий «психологический и назидательный урок» войны, доказавший, что люди – в особенности «самые разумные члены общества» – могут «взять человеческие дела в свои руки и заниматься ими… взвешенно и с умом» для достижения заявленных целей[9]. (Дьюи понадобилось всего несколько лет, чтобы из ответственного интеллектуала Первой мировой превратиться в «анархиста с лекторской кафедры», осудить «несвободную прессу» и задаться вопросом о «возможности существования при действующем экономическом режиме подлинной интеллектуальной свободы и социальной ответственности в сколь-нибудь значимом масштабе»[10]).

Покорно придерживаться правил никто конечно же не стал. Подобно Золя, видных деятелей, таких как Бертран Рассел, Юджин Дебс, Роза Люксембург и Карл Либкнехт, приговорили к лишению свободы. Особенно сурово наказали Дебса, дав десять лет тюрьмы за

то, что он подверг сомнению «войну президента Вильсона за демократию и права человека». По окончании войны Вильсон отказался его амнистировать, хотя следующий президент, Уоррен Гардинг, в конечном счете все же уступил. Некоторых инакомыслящих, таких как Торстейн Веблен, наказали, но обошлись с ними не так сурово. Веблен потерял должность в Управлении по надзору за продуктами питания, после того как подготовил доклад, доказывающий, что нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве можно преодолеть, если положить конец жестокому преследованию президентом Вильсоном профсоюзов, особенно «Промышленных рабочих мира». Рэндольфа Борна свалили прогрессивные газеты и журналы, после того как он подверг критике «лигу благожелательных империалистических наций» и их великие начинания[11].

Модель восхваления и наказания хорошо известна в истории человечества: тех, кто подчиняется и прислуживает государству, интеллектуальное сообщество в основной массе восхваляет, а тех, кто отказывается это делать, наказывает.

Впоследствии между этими двумя категориями интеллектуалов были проведены более явственные различия. Нелепых эксцентриков окрестили «ценностно-ориентированными» интеллектуалами, указав, что они бросают демократическому правительству вызов столь же серьезный, по крайней мере в потенциале, как тот, что раньше бросали клики аристократов, фашистские движения и коммунистические партии. В числе прочих злодеяний эти опасные типы «посвящают себя оскорблению достоинства лидеров, подрыву авторитета власти» и даже выступают против институтов, ответственных за «воспитание молодежи». Некоторые, такие как Борн, опускаются до того, что подвергают сомнению «благородство целей, преследуемых войной».

Порку «злодеев», противоборствующих власти и установленному порядку, устроили ученые мужи из либеральной международной Трехсторонней комиссии (многие ее члены впоследствии получили должности в администрации Картера), опубликовав в 1975 году работу под названием «Кризис демократии». Подобно прогрессивным деятелям *New Republic* во время Первой мировой войны, они расширили установленные Брюнетьером границы концепции «интеллектуалов», включив в нее «технократов и интеллектуалов, политически ориентированных» – серьезных, ответственных

мыслителей, которые занимаются конструктивной работой по формированию политики в рамках существующих институций и надлежащему воспитанию молодежи[12].

В особенности ученых из этой комиссии встревожил «избыток демократии» в непростой период 1960-х годов, когда обычно пассивные и апатичные слои общества вышли на политическую арену, чтобы заявить о своих проблемах: женщины, молодежь, меньшинства, пожилые люди, рабочие… одним словом, то самое население, которое порой называют «группами со специфическими интересами».

Их следует отличать от тех, кого Адам Смит называл «владыками человечества», – «главных архитекторов» политики правительства, реализующих свой подлый принцип: «Все для себя и ничего для других»[13]. Роль хозяев политической арены в подготовленном для Трехсторонней комиссии докладе никто не критикует и даже не обсуждает, вероятно, по той причине, что они представляют «национальные интересы», как и те, кто аплодировал себе за подталкивание страны к войне, «когда после заключительного обсуждения самыми вдумчивыми членами общества» был вынесен «моральный вердикт».

Для преодоления чрезмерного бремени, налагаемого на государство «специфическими интересами», Трехсторонняя комиссия призвала к более «умеренной демократии», то есть к пассивности менее достойных, а может даже, к возврату к счастливым временам, когда «Трумен мог править страной совместно с относительно небольшой прослойкой юристов и банкиров с Уолл-стрит», что способствовало процветанию демократии. Члены комиссии вполне могли бы заявить о своей приверженности первоначальным целям Конституции, «по сути своей аристократическому документу, призванному сдерживать демократические тенденции своего времени», который передавал власть людям «высшего сорта» и преграждал путь в политику «тем, кто был небогат, не мог похвастаться благородным происхождением и не стал видным членом общества», если воспользоваться выражением историка Гордона Вуда[14].

Вместе с тем, в защиту Мэдисона мы должны признать, что он обладал докапиталистическим менталитетом. Утверждая, что власть должна принадлежать «цвету нации» и «самым способным мужам», он

представлял этих мужей в образе «просвещенных государственных деятелей» и «благожелательных философов» воображаемого Римского мира. Им полагалось быть «благородными и чистыми», «людьми умными, состоятельными, обладающими мудростью, способной в любых обстоятельствах определить истинные интересы своей страны, отличающимися патриотизмом и стремлением к справедливости, чем, по всей вероятности, они никогда не пожертвуют из соображений временного либо пристрастного характера». Наделенные такими способностями, эти мужи «облагородят и расширят общественные воззрения», охраняя интересы народа от «вреда», который им может нанести демократическое большинство[15].

В аналогичном ключе прогрессивные интеллектуалы времен Вильсона могли бы утешиться открытиями в поведенческих науках, которые в 1939 году сделал психолог и теоретик образования Эдвард Торндайк[16]:

Для человечества огромное благо, что между умом и моралью, включая добрую волю по отношению к ближнему, наблюдается существенная зависимость… Как следствие, те, кто способнее нас, в основной массе являются нашими благодетелями, и доверять им наши интересы зачастую даже безопаснее, чем самим себе.

Отрадная доктрина, но складывается ощущение, что у Адама Смита глаз все же был зорче.

Когда ценности меняются на противоположные

Различие между двумя указанными категориями интеллектуалов дает нам основу для определения «ответственности интеллектуалов». Эта фраза представляется двойственной. Что имеется в виду? – их моральная ответственность как достойных людей, использующих свои привилегии и статус ради свободы, справедливости, милосердия и решения прочих сентиментальных вопросов, или же мы говорим о роли, которую они, предположительно, должны играть как «технократы и политически ориентированные интеллектуалы», не порочащие лидеров и установленные институты, а прислуживающие им. Поскольку власть в общем случае стремится к господству, «ответственными интеллектуалами» считаются последние, в то время как первых отвергают и чернят – у них же дома.

Что касается «врагов», то различия между этими двумя категориями интеллектуалов сохраняются, но ценности меняются на

противоположные. Ценностно-ориентированных интеллектуалов из бывшего Советского Союза, диссидентов, американцы уважали, в то время как у себя дома к политически ориентированным интеллектуалам мы питаем презрение. Аналогичным образом мы приветствуем мужественных диссидентов Ирана и осуждаем тех, кто служит интересам религиозной верхушки страны; и в том же духе в любом другом уголке мира.

Таким образом, почетный термин «диссидент» используется избирательно. С присущей ему положительной коннотацией его конечно же никто не применяет внутри страны – к своим же инакомыслящим, как и к тем, кто выступает против тирании, поддерживаемой США, в других государствах. В этом отношении весьма любопытен случай Нельсона Манделы, которого Государственный департамент в 2008 году вычеркнул из официального списка террористов, позволив ему приезжать в Соединенные Штаты без специального разрешения. Но ведь двадцать лет назад он, если верить докладу Пентагона, возглавлял одну из «самых печально известных террористических организаций» мира[17]. А все потому, что президенту Рейгану приходилось поддерживать режим апартеида, наращивать торговлю с Южной Африкой в нарушение введенных Конгрессом санкций и одобрять бесчинства ЮАР в соседних государствах, в результате которых, по данным ООН, погибли 1,5 миллиона человек[18]. Это только один эпизод войны с терроризмом, которую Рейган объявил, чтобы одолеть «чуму современной эпохи», или, как выразил ту же мысль госсекретарь Джордж Шульц, предотвратить «возврат к варварству в наши дни»[19]. Сюда же можно добавить сотни тысяч убитых в Центральной Америке и десятки тысяч на Ближнем Востоке. И то, что специалисты из Института Гувера поклоняются этому Великому мастеру общения как колоссу, «чей дух шагает по стране, наблюдая за нами в роли доброго, дружелюбного призрака»[20], можно считать маленьким чудом.

Показательным примером является Латинская Америка. Тех, кто призывал к свободе и справедливости в этом регионе, в пантеон почетных диссидентов не приняли. В частности, через неделю после падения Берлинской стены шесть ведущих латиноамериканских интеллектуалов, священников-иезуитов, были убиты по прямому приказу высшего командования Сальвадора. Преступники служили в

элитном батальоне (вооруженном и натасканном Вашингтоном), за которым на тот момент уже тянулся отвратительный след крови и террора.

Этих умерщвленных священников никто не стал увековечивать как почетных диссидентов, как и других, им подобных, во всем полушарии. Почетные диссиденты – это те, кто призывал к свободе во «вражеском стане», в частности в Восточной Европе и Советском Союзе, и эти мыслители конечно же страдали, причем не «по мелочам», как их коллеги в Латинской Америке. Подобное утверждение нельзя воспринимать всерьез: как пишет в своей книге «Кембриджская история “холодной войны”» Джон Коутсворт, за период с 1960-х годов до краха Советского Союза в 1990-м количество политических узников, пыток жертв и казней инакомыслящих в Латинской Америке значительно превосходит численность их собратьев по несчастью в Советском Союзе и его восточноевропейских сателлитах. Среди казненных были и те, кто пострадал за религиозные убеждения, кроме того, известны многочисленные случаи массовых убийств, последовательно поддерживаемых или даже инициированных Вашингтоном[21].

И к чему тогда все эти различия? В ответ на это можно заявить, что события в Восточной Европе для нас куда важнее судьбы глобального Юга. Было бы любопытно услышать, чтобы кто-то озвучил этот аргумент, а заодно посмотреть, как подобные доводы объяснят, почему США должны пренебрегать элементарными моральными принципами, вмешиваясь в дела других государств, а не сосредоточивать усилия на тех направлениях, где можно принести больше всего пользы, – как правило, мы несем ответственность за содеянное. Мы без каких-либо проблем требуем, чтобы этим принципам следовали наши враги.

Немногим из нас есть дело до того, что Андрей Сахаров или Ширин Эбади, иранская правозащитница, Нобелевский лауреат, говорили о преступлениях Соединенных Штатов или Израиля, впрочем, мы восхищаемся ими за то, что они сказали и сделали в собственных странах. Данный вывод еще более справедлив для тех, кто живет в более свободных демократических обществах, имея по этой причине значительно больше возможностей для эффективных действий. Любопытно, что в самых уважаемых кругах практика

представляет собой чуть ли не полную противоположность тому, что диктуют элементарные моральные ценности.

Войны, которые США вели в Латинской Америке в 1960-1990-х годах, даже если рассматривать их в отрыве от всех царивших там ужасов, в долгосрочной перспективе обладают немалым историческим значением. Не в последнюю очередь они были направлены против Католической церкви: их затеяли, чтобы подавить страшную ересь, провозглашенную в Ватикане в 1962 году. Тогда папа римский Иоанн XXIII «объявил новую эру в истории Католической церкви», выражаясь словами выдающегося теолога Ханса Кунга, и восстановил наставление евангельским заповедям, забытое еще в IV веке, когда император Константин учредил христианство в качестве официальной религии Римской империи, начав революцию, превратившую «гонимую церковь» в «церковь-гонителя». Ересь Второго Ватиканского собора подхватили латиноамериканские епископы, выбравшие «предпочтительный вариант для бедняков»[22]. После чего священники, монахини и миряне донесли радикально пацифистский посыл евангельских заповедей до неимущих и помогли им организоваться, чтобы улучшить их горькую судьбу в сферах влияния США.

В том же ,1962 году президент Джон Кеннеди принял ряд жизненно важных решений. Одно из них заключалось в том, чтобы поручить военным в Латинской Америке новую миссию – теперь им полагалось не «защищать полушарие» (анахронизм времен Второй мировой войны), как раньше, а обеспечивать «внутреннюю безопасность». По сути, это было не что иное, как война против собственного населения, – в том случае, если оно поднимет голову[23]. Совсем не удивительно, что Чарльз Мечлинг-младший, в период с 1961 по 1966 год занимавшийся планированием американских операций по противодействию партизанам и обеспечению внутренней безопасности, описывает последствия решения 1962 года как переход от терпимого отношения латиноамериканских военных к «жадности и жестокости», равно как и к «прямому участию» в их преступлениях Соединенных Штатов, в том числе к поддержке «методов батальонов смерти Генриха Гиммлера»[24]. Одной из таких крупных инициатив стал военный переворот в Бразилии, поддержанный Вашингтоном и осуществленный вскоре после убийства Кеннеди, в результате к власти

в стране пришла кровожадная, бесчеловечная хунта. Чума репрессий распространилась по всему полушарию, включая переворот 1973 года, установивший в Чили диктатуру Пиночета, а позже и самый ужасный из всех путч в Аргентине, после которого к власти в стране пришел любимый латиноамериканский режим Рональда Рейгана. В 1980-х годах – уже не в первый раз – настала очередь Центральной Америки, причем в качестве лидера выступил «добрый и дружелюбный призрак» ученых из Института Гувера, столь чтимый ныне за свои достижения.

Убийство интеллектуалов после падения Берлинской стены стало последним ударом в борьбе с ересью либеральной теологии, кульминацией десятилетия ужаса в Сальвадоре, начавшегося убийством практически теми же злодеями архиепископа Оскара Ромеро, которого называли «голосом лишенных голоса». Победители в этой войне против Церкви горделиво заявили о своей ответственности. В качестве одного из своих тезисов «Школа Америк» (впоследствии переименованная), прославившаяся подготовкой латиноамериканских наемных убийц, заявила, что либеральная теология, провозглашенная Вторым Ватиканским собором, была «побеждена с помощью армии США»[25].

В действительности убийства 1989 года были *почти что* последним ударом, поскольку требовались новые усилия. Год спустя в Гаити прошли первые свободные выборы, в результате которых – к величайшему изумлению и потрясению Вашингтона, предвкушавшего легкую победу своего собственного кандидата, представителя привилегированных элит, – организовавшийся электорат трущоб и холмов избрал Жана-Бертрана Аристида, популярного священника и сторонника либеральной теологии. Соединенные Штаты тут же бросились расшатывать избранное правительство и после военного переворота, случившегося несколько месяцев спустя, оказали существенную поддержку хунте, выражавшей интересы элит, которая захватила власть. В нарушение международных санкций США стали наращивать торговлю с Гаити, а при президенте Клинтоне, который, вопреки своим же директивам, разрешил нефтяной компании «Техасо» осуществлять поставки кровавым правителям, этот процесс еще больше набрал обороты[26]. О позорных последствиях этого я говорить не буду, о них уже много сказано в других источниках, укажу лишь, что в 2004 году два традиционных мучителя Гаити – Франция и

Соединенные Штаты, при участии Канады, которая была вынуждена вмешаться, – похитили президента Аристида (избранного вновь) и переправили в Центральную Африку. По сути, Аристида и его партию устранили от участия в марионеточных выборах 2010-2011 годов, которые, собственно, стали последним эпизодом кошмарной истории, насчитывающей уже не одну сотню лет, но вряд ли известной интеллектуалам, ответственным за эти преступления, ибо эти ребята предпочитают сказки о преданных усилиях по спасению страдающего народа от уготованной ему печальной участи.

Еще одно судьбоносное решение Кеннеди принял, послав в 1962 году в Колумбию миссию Сил специального назначения армии США под командованием генерала Уильяма Ярборо. Тот порекомендовал колумбийским органам безопасности взять на вооружение «тактику военизированного саботажа и терроризма в отношении известных поборников коммунизма», добавив, что такого рода действия должны пользоваться поддержкой со стороны Соединенных Штатов[27]. Значение фразы «поборники коммунизма» расшифровал уважаемый президент Колумбийского постоянного комитета за правам человека, бывший министр иностранных дел страны Альфредо Васкес Карризоса, написав, что администрация Кеннеди «приложила максимум усилий, чтобы превратить наши регулярные воинские подразделения в бригады по борьбе с мятежниками, одобрив новую стратегии батальонов смерти» и реализовав «в Латинской Америке так называемую доктрину национальной безопасности».

…Это не защита от внешнего врага, а способ позволить военному руководству страны быть хозяевами положения. .. и обладать правом сражаться с внутренним врагом, как заявлено в Бразильской доктрине, Аргентинской доктрине, Уругвайской доктрине и Колумбийской доктрине: это право бить и уничтожать общественных деятелей, членов профсоюзов, а также тех, кто встал на путь коммунистического экстремизма. Это может быть кто угодно, включая и борцов за права человека, таких как я[28].

Васкес Карризоса жил под усиленной охраной, когда в 2002 году я приехал к нему в составе миссии *Amnesty International*, что положило начало продолжительной кампании этой организации в защиту поборников прав человека в Колумбии в ответ на ужасающие данные о нападениях на профсоюзных деятелей и активистов движения, но

главным образом на традиционных жертв государственного террора: бедных и беззащитных[29]. Террор и пытки в Колумбии дополнялись использованием химического оружия (так называемое «окуривание), которое проводилось в сельской местности под предлогом войны с наркотиками и впоследствии привело к массовому переселению тех, кто выжил, в городские трущобы. По нынешним данным Генеральной прокуратуры страны, военизированными формированиями, зачастую действовавшими в тесном сотрудничестве с финансируемой США армией, было убито свыше 140 тысяч человек[30].

Свидетельства этих злодеяний можно увидеть повсюду. В 2010 году на разбитой грунтовой дороге на юге Колумбии мы с коллегами наткнулись на полянку с множеством простых деревянных крестов, установленных на могилах жертв нападения военизированного формирования на местный автобус. После того как мы немного поговорили с теми, кто остался в живых, – самыми добрыми и сострадательными людьми, каких мне когда-либо доводилось встречать, – картина стала еще убедительнее, но от того только мучительнее.

Это только краткий набросок страшных злодеяний, в которых в значительной мере повинны американцы, – картина, которую мы, как минимум, могли бы без труда улучшить. Но куда приятнее слушать похвалы за «мужественный протест» против злодейств официально объявленного врага – дело, конечно, замечательное, но неспособное стать приоритетом для ценностно-ориентированного интеллектуала, всерьез берущего на себя ответственность за такую позицию.

Жертв в зонах нашего влияния, в отличие от таковых во «вражеских» государствах, не просто игнорируют и быстро забывают, но цинично оскорбляют. Поразительную иллюстрацию этого можно было увидеть через несколько недель после убийства латиноамериканских интеллектуалов в Сальвадоре, когда Вацлав Гавел приехал с визитом в Вашингтон и выступил на объединенной сессии Конгресса. Обращаясь к восторженной аудитории, Гавел превознес до небес вашингтонских «защитников свободы», которые «понимают ответственность, возложенную на них… как на самую могущественную нацию на земле» (здесь очень важно отметить, что речь идет об ответственности за бесчеловечное убийство его сальвадорских коллег незадолго до этого). Либеральных

интеллектуалов эти слова буквально очаровали. Гавел напомнил нам, что «мы живем в романтическую эпоху», написал от избытка чувств Энтони Льюис в *New York Times*[31]. Другие выдающиеся комментаторы наслаждались «идеализмом, иронией и гуманизмом» Гавела, когда он «проповедовал непростую доктрину личной ответственности». А Конгресс, «явно жаждая выказать уважение» к гению и прямоте, чешского диссидента, задался вопросом о том, почему в Америке так мало интеллектуалов, для которых, как для Гавела, «мораль превыше собственных интересов»[32]. Нам нет смысла задумываться о том, какой была бы реакция, если б отец Игнацио Эллакурия, самый известный из убитых иезуитов-интеллектуалов, произнес бы подобные слова, после того как элитные спецподразделения, вооруженные и подготовленные Советским Союзом, убили бы Гавела с полудюжиной его коллег – событие, как вы понимаете, совершенно немыслимое.

Если мы с трудом видим то, что происходит у нас прямо перед носом, то нет ничего удивительного, что даже на незначительном расстоянии события проходят мимо нас незамеченными. Вспомним один весьма поучительный пример: отправку в мае 2011 года президентом Обамой семидесяти девяти спецназовцев ради явно запланированного заранее убийства Усамы бен Ладена – первейшего подозреваемого в терактах 11 сентября 2001 года[33]. Хотя Усаму, безоружного и без всякой охраны, можно было без труда задержать, его банально убили, а тело бросили в море, совершив «необходимый и справедливый» поступок, как позже нам сообщила либеральная пресса[34]. Никакого суда, в отличие от суда над нацистскими преступниками, в итоге не было, и этому обстоятельству не придали значения международные авторитеты в области права, которые в целом одобрили операцию, но выступили против некоторых проведенных в ее рамках мер. Как напомнила нам преподаватель Гарварда Элейн Скарри, запрет убийств в мировом законодательстве восходит к тем временам, когда от подобной практики убедительно отказался Авраам Линкольн, в 1863 году категорично осудивший призывы к убийствам, назвав их «пренебрежением к международному праву» и «оскорблением», заслуживающим «самой суровой кары»; на убийства «цивилизованные нации» смотрят «с ужасом»[35]. С той поры мы проделали долгий путь.

Об операции по уничтожению бен Ладена можно говорить еще долго, включая готовность Вашингтона взять на себя риск полномасштабной войны и даже непреднамеренно предоставить джихадистам доступ к ядерным технологиям, что я неоднократно обсуждал в других работах. Но давайте ограничимся рассмотрением ее названия: *операция «Джеронимо»*. Оно вызвало ярость в Мехико, против него выступила мексиканская диаспора в Соединенных Штатах, но, кроме них, похоже, никто не обратил внимания на тот факт, что Обама идентифицировал бен Ладена с вождем индейцев-апачей, возглавившим свой народ в мужественной борьбе против захватчиков. Столь легкомысленный выбор названия воскрешает в памяти ту легкость, с какой мы называем разработанное нами смертоносное оружие именами жертв: вертолеты «Апач», «Блэк-Хоук», «Шайенн». Как бы мы отреагировали, если бы истребители люфтваффе назывались «Еврей» или «Цыган»?

Отрицание этих «гнусных грехов» порой представляется весьма открытым. В качестве одного из последних примеров можно привести Рассела Бейкера, который два года назад со страниц *New York Review of Books*, ведущего издания леволиберальных интеллектуалов, заявил, что почерпнул многое из трудов «героического историка» Эдмунда Моргана – в частности, что Колумб и другие исследователи раннего периода, прибыв в Америку, «обнаружили безбрежный континент, едва заселенный народом охотников и землепашцев… На бескрайних просторах этого нетронутого мира, простиравшегося от тропических джунглей до стылого севера, проживало, самое большее, миллион человек»[36]. В этих подсчетах была допущена ошибка в несколько десятков миллионов, а «бескрайние просторы» включали в себя развитые цивилизации, расселившиеся по всему континенту. Никакой реакции за этим не последовало, хотя четыре месяца спустя редакторы все же привели скорректированные цифры, заметив, что в Северной Америке могли проживать 18 миллионов человек, – опять же позабыв упомянуть те несколько десятков миллионов, что населяли «просторы от тропических джунглей до стылого севера». Все это было известно еще много десятилетий назад – и о развитых цивилизациях, и о преступлениях против них, но оказалось совершенно неважным для небрежно брошенной фразы. Год спустя видный историк Марк Мазовер на страницах *London Review of Books* упомянул о скверном

обращении американцев «с коренными жителями», но никаких комментариев за этим, опять же, не последовало[37]. Может, нам стоит взять термин «дурное обращение» на вооружение и применять его для описания сходных преступлений, совершенных нашими врагами?

Значение террористических актов 11 сентября 2001 года

Если под ответственностью интеллектуалов подразумевается их моральная ответственность как людей, использующих свои привилегии и статус ради свободы, справедливости и милосердия – и обсуждающих не только злодеяния «врага», но и, что значительно важнее, преступления, совершенные при нашем непосредственном участии, которые мы могли бы остановить, сделав соответствующий выбор, – то как нам следует относиться к событиям 11 сентября 2001 года?

Мнение о том, что теракты 11 сентября 2001 года изменили мир, получило широкое распространение, что вполне объяснимо. Вне всякого сомнения, они повлекли за собой важнейшие последствия как в самих США, так и по всему миру. Одно из них заключалось в том, что президент Буш объявил по новой начатую еще Рейганом войну с терроризмом. Та, рейгановская война «свернулась», если позаимствовать фразу любимых нами латиноамериканских наемных убийц и палачей, вероятно, по той причине, что ее результаты не очень-то соответствовали образу, которому мы привыкли отдавать предпочтение. Еще одним следствием стало вторжение сначала в Афганистан, а потом в Ирак, равно как и более поздний ввод войск в ряд других стран региона, а также регулярные угрозы начать войну с Ираном («любые варианты возможны» – это стало стандартной фразой). Цена этих вторжений во всех измерениях непомерна, что предполагает вполне очевидный вопрос, который мы задаем далеко не первыми: а была ли альтернатива?

Многие аналитики отмечают, что бен Ладен добился весьма значительных успехов в войне против Соединенных Штатов. «Он неоднократно заявлял, что единственный способ изгнать США из мусульманского мира заключается в том, чтобы втянуть американцев в череду маленьких, но дорогостоящих войн, которые в итоге обанкротят их», – пишет журналист Эрик Марголис. «Соединенные Штаты, сначала под руководством Джорджа Буша-младшего, а потом и Барака Обамы, попались прямиком в расставленную бен Ладеном

ловушку… Гротескно раздутые военные расходы и долговая игла… по всей видимости, это и есть самое пагубное наследие человека, решившего, что ему дано одолеть Соединенные Штаты»[38]. По оценкам одного из докладов, подготовленного в рамках проекта «Цена войны», реализуемого Институтом международных исследований Уотсона при Университете Брауна, нам эти войны должны были обойтись в кругленькую сумму от 3,2 до 4 триллионов долларов[39] – более чем впечатляющее достижение для бен Ладена.

То, что Вашингтон сунется в расставленную ловушку, было очевидно с самого начала. Майкл Шейер, главный аналитик ЦРУ, в период с 1996 по 1999 год осуществлявший слежку за Усамой, писал: «Он был предельно точен, когда называл Америке причины, побудившие его вести с нами войну… Лидер Аль-Каиды стремился коренным образом изменить американскую и западную политику в отношении исламского мира».

И далее следует вывод: «Американские вооруженные силы и политика США довершают радикализацию исламского мира, что сам Усама бен Ладен небезуспешно пытался сделать в начале 1990-х, но так и не довел начатое до конца. Как результат, будет правильно сказать, что Соединенные Штаты остаются единственным незаменимым союзником бен Ладена»[40]. В том числе, вероятно, и после смерти.

Есть все основания полагать, что после террористических актов 11 сентября 2001 года лагерь джихадистов, многие из которых яростно осудили теракты, можно было расколоть и подорвать. Более того, к этому «преступлению против человечности» – совершенно справедливое название! – можно было подойти именно как к преступлению, организовав международную операцию по поиску и задержанию вероятных подозреваемых. Сразу после атак это признали многие, однако тем, кто в Вашингтоне принимал решения, рассматривать подобную идею даже в голову не пришло. Никто не попытался обдумать осторожное предложение Талибана – насколько оно было серьезным, мы не знаем – передать им лидеров Аль-Каиды для суда над ними.

В те времена я цитировал вывод Роберта Фиска о том, что жуткие преступления 11 сентября были совершены с «порочной, ужасающей жестокостью», – оценка весьма и весьма точная. Эти преступления

могли оказаться еще страшнее: предположим, что рейс 93, благодаря мужественным пассажирам рухнувший в Пенсильвании, ударил бы в Белый дом и убил президента. Предположим, что злоумышленники планировали ввести военную диктатуру, которая убила бы тысячи и подвергла пыткам десятки тысяч человек. Предположим, новая диктатура при поддержке преступников организовала бы международный террористический центр, благодаря которому государства террора и пыток появились бы и в других местах. И, в качестве вишенки на торте, привела бы к власти команду экономистов – назовем их «кандагарскими мальчиками», – которые быстренько ввергли бы экономику в состояние худшей за всю ее историю депрессии. Это наверняка было бы значительно хуже терактов 11 сентября.

Каждому из нас следует понимать, что это не мысленный эксперимент. Подобное было в действительности. Я, разумеется, говорю о событии, которое в Латинской Америке нередко называют «первым 11 сентября»: 11 сентября 1973 года, когда Соединенные Штаты успешно реализовали свои упорные попытки свергнуть в Чили демократическое правительство Сальвадора Альенде, осуществив военный переворот, который привел к установлению бесчеловечного режима генерала Аугусто Пиночета. Так вот тогда диктатура призвала «чикагских мальчиков» – экономистов, получивших образование в Чикагском университете, – чтобы они перевели чилийскую экономику на новые рельсы. Подумайте об экономической разрухе, пытках и похищениях людей, умножьте число убитых на двадцать пять, чтобы получить эквивалентный коэффициент на душу населения, и вы тут же поймете, что последствия 11 сентября могли быть куда разрушительнее.

Цель чилийского переворота, как заявляли в администрации Никсона, сводилась к тому, чтобы убить «вирус», способный подвигнуть «всех этих иностранцев, которые стремятся поставить нас на деньги». Под этим «поставить на деньги» подразумевалась попытка контролировать собственные ресурсы и, в более широком смысле, реализовывать политику независимого развития, двигаясь по пути, который не нравился Вашингтону. А подоплекой событий стал сделанный Советом национальной безопасности при Никсоне вывод о том, что если Соединенные Штаты не смогут контролировать

Латинскую Америку, то нечего даже думать о том, чтобы «успешно добиться порядка в любых других уголках мира». Как выразился Генри Киссинджер, в этом случае будет подорвана «вера в Америку».

В отличие от второго, первое 11 сентября отнюдь не изменило мир. Оно «не имело таких уж важных последствий», как заверил Киссинджер своего босса через несколько дней. И если судить по тому, как это представляет официальная история, его слова вряд ли можно назвать враньем, хотя те, кто остался в живых, вероятно, считают совсем иначе. «Всего лишь» была уничтожена чилийская демократия, «всего лишь» запушена в действие страшная машина истребления. Первое 11 сентября было одним из множества эпизодов драмы, начавшейся еще в 1962 году, когда

Кеннеди поручил латиноамериканским военным миссию обеспечивать «внутреннюю безопасность». Страшное продолжение этой истории тоже не повлекло особо важных последствий – знакомая модель, когда на страже истории стоят ответственные интеллектуалы.

Интеллектуалы и их выбор

Возвращаясь к двум категориям интеллектуалов. С исторической точки зрения представляется чуть ли не универсальным, что интеллектуалов-конформистов, поддерживающих официально заявленные цели, одновременно с этим игнорирующих либо рационально объясняющих преступления властей, чествуют и поощряют в их собственных странах, а ценностно-ориентированных так или иначе наказывают. Эта модель восходит к заре человеческой истории. Человека, обвиненного в развращении афинской молодежи – Сократа, заставили испить чашу с ядом, дрейфусарам инкриминировали «разложение душ и, соответственно, общества в целом», а ценностно-ориентированных интеллектуалов 1960-х годов обвинили во вмешательстве в процесс «воспитания молодежи»[41]. В иудейских священных книгах присутствуют персонажи, которых по нынешним стандартам вполне можно назвать интеллектуалами-диссидентами – в английском переводе их называют «пророками». Они тоже бесили власть своим критическим геополитическим анализом, осуждением преступлений существующего режима, призывами к справедливости, заботой о бедных и страждущих. Царь Ахав, самый злобный из всех, объявил пророка Илию ненавистником Израиля, первым «ненавидящим себя самого иудеем», то бишь древним

аналогом нынешнего «антиамериканца». С этими пророками обошлись сурово, в отличие от придворных льстецов, впоследствии объявленных лжепророками. Подход вполне объяснимый. Будь иначе, нас бы постигло удивление.

Что же касается ответственности интеллектуалов, то мне кажется, здесь нечего особо добавить к элементарной истине: интеллектуалам, как правило, даруют привилегии; привилегии дают возможности, а возможности предполагают ответственность. А раз так, то у человека есть выбор. **2. Террористы хотели конца света**

Тринадцатого февраля 2008 года в Дамаске был убит Имад Мугния, один из высших военачальников «Хезболлы», военизированной организации ливанских шиитов, цель которой – создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Официальный представитель Государственного департамента Шон МакКормак тогда заявил: «Без этого человека мир стал лучше. Так или иначе, суд над ним свершился»[42]. Директор Национальной разведки от себя добавил, что Мугния «нес ответственность за смерть большего количества американцев и израильтян, чем любой другой террорист, за исключением Усамы бен Ладена»[43]. По сообщениям лондонской *Financial Times*, когда над «одним из самых разыскиваемых Соединенными Штатами и Израилем людей» свершилось правосудие, в Израиле воцарилась необузданная радость[44]. Под заголовком «Боевик хотел конца света» следовал рассказ о том, как «Мугния уступил первое место Усаме бин Ладену в списке самых разыскиваемых преступников после 11 сентября 2001 года, став вторым “самым разыскиваемым боевиком в мире”»[45].

Терминология предельно точна и соответствует правилам англо-американского дискурса, определяющего «мир» как политическую группу в Вашингтоне и Лондоне (к которому примыкают все те, кто соглашается с этой группой в тех или иных конкретных вопросах). Например, читать о том, что «мир» всецело поддерживал Джорджа Буша, когда он отдал приказ о бомбардировках Афганистана, самое обычное дело. Это может быть справедливым для «мира», но никак не для мира, что выяснил международный опрос общественного мнения, проведенный Институтом Гэллапа после объявления бомбардировок. Глобальная поддержка была очень и очень слабой. В Латинской Америке, уже имевшей опыт общения с США, она варьировалась от 2

% в Мексике до 16 % в Панаме и обусловливалась поиском виновных (которых, по данным ФБР, не нашли даже по прошествии восьми месяцев), а также тем обстоятельством, что военные щадили гражданские объекты (которые вскоре подверглись нападению[46]). Весь мир отдавал предпочтение мерам дипломатического и правового характера, но «мир» их категорически отверг. **По следу террора**

Если бы «мир» расширился до границ мира, мы могли бы отыскать других почетных кандидатов в преступники. Здесь поучительно задаться вопросом, как это вообще может быть.

По сообщениям *Financial Times*, большинство обвинений против Мугнии оказались несостоятельными, однако «одним из немногочисленных случаев, когда его причастность была с уверенностью доказана, стал угон самолета *TWA* в 1985 году, когда погиб водолаз американского Военно-морского флота»[47]. Это был один из двух террористических актов, сподвигших редакторов газет выбрать терроризм на Ближнем Востоке в качестве главной темы 1985 года; второй случай – угон океанского пассажирского лайнера «Ахилл Лауро», во время которого был жестоко убит американец-инвалид Леон Клингхоффер[48]. Это в полной мере отражает мнение «мира». Но может случиться так, что мир видит эту ситуацию несколько иначе.

Захват круизного лайнера стал расплатой за бомбардировки Туниса, приказ о которых за неделю до этого отдал израильский премьер-министр Шимон Перес. Помимо прочих зверств, его ВВС убили семьдесят пять тунисцев и палестинцев с помощью высокоточных бомб, «разорвавших людей на куски», по ярким свидетельствам с места событий известного израильского журналиста Амнона Капелюка[49]. Вашингтон посодействовал этому, не сообщив своему союзнику Тунису о бомбардировщиках на подходе, хотя разведка Шестого флота США не могла не знать о грядущей атаке. Госсекретарь Джордж Шульц проинформировал министра иностранных дел Ицхака Шамира, что Вашингтон относится «с немалой симпатией к действиям Израиля», ко всеобщему одобрению назвав их «легитимным ответом» на «террористические акты»[50]. Через несколько дней Совет Безопасности ООН единогласно осудил бомбардировки, назвав их «актом вооруженной агрессии» (США во время голосования воздержались[51]). «Агрессия» конечно же куда более серьезное преступление, чем международный терроризм. Но

давайте предоставим Соединенным Штатам и Израилю право на сомнения и не будем усердствовать с обвинениями в адрес их руководства.

Через несколько дней Перес отправился в Вашингтон на консультации с главным международным террористом Рональдом Рейганом, заклеймившим «гибельный бич терроризма», опять же под всеобщие одобрительные возгласы «мира»[52].

«Террористические акты», которыми Шульц и Перес воспользовались в качестве предлога для бомбардировок Туниса, заключались в убийстве трех израильтян на Кипре, в городе Ларнаке. Совершившие это злодеяние преступники, по признанию самого Израиля, не имели никакого отношения к Тунису, но могли быть связаны с Сирией[53]. Однако Тунис – в отличие от Дамаска беззащитный – как цель был предпочтительнее. Да еще и обеспечивал дополнительную выгоду: там можно было убить еще больше палестинских беженцев.

Стоявшие за убийствами в Ларнаке, в свою очередь, считали их карой – реакцией на постоянные захваты судов Израилем в международных водах. В ходе этих захватов было немало погибших, но еще больше жертв захвата: как правило, их долго держали в израильских тюрьмах, не предъявляя никаких обвинений. Самая известная из них – секретная тюрьма и пыточный застенок «Лагерь 1391»; очень многое о ней можно узнать из израильской и зарубежной прессы[54]. О подобных преступлениях Израиля, совершаемых на регулярной основе, наверняка известно редакторам национальных СМИ в США, но упоминают они о них лишь изредка.

Убийство Клингхоффера было по праву воспринято с ужасом и приобрело широчайшую огласку. Сюжет даже был положен в основу оперы и телевизионного фильма, кроме того, многочисленные комментарии, осуждающие дикость палестинцев, которых кем только не называли: и «двуглавым зверьем» (премьер-министр Менахем Бегин), и «злобными тараканами, копошащимися в бутылке» (начальник Генштаба армии Израиля Рафул Эйтан), и «саранчой по сравнению с нами», которую надо «бить головами о камни и стены» (премьер-министр Ицхак Шамир), – или же, в более общем случае, просто «арабушимами», что на сленге является аналогом «жида» или «черномазого»[55].

Таким образом, после особо извращенной демонстрации военного террора, используемого в качестве последнего довода для целенаправленного унижения жителей города Халхул на Западном берегу реки Иордан, – демонстрации, вызвавшей отвращение даже у израильских ястребов, – известный военно-политический аналитик Йорам Пери в волнении писал, что одной из задач «армии на сегодняшний день является лишение невинных людей прав просто потому, что они арабушимы, живущие на территориях, которые Бог предназначил нам». Через пару лет, когда арабушимы стали «поднимать головы», эта задача стала намного неотложнее, а ее реализация куда безжалостнее[56].

Можно без труда дать оценку чувствам, вызванным убийством Клингхоффера. Единственное, в этой ситуации следует посмотреть и на реакцию на сравнимые преступления, совершенные Израилем при поддержке США. Взять, например, убийство в апреле 2002 года двух палестинских инвалидов, Кемаля Зугайера и Джамаля Рашида, во время жестокого нападения израильских военных на лагерь беженцев Дженин на Западном берегу реки Иордан. Искореженное тело Зугайера и остатки его инвалидного кресла обнаружили британские журналисты – вместе с обрывками белого флага, который парень держал, пытаясь спастись бегством от израильских танков, сначала расстрелявших его, а потом проехавших по безжизненному телу, разорвав на две части лицо, размолотив руки и ноги[57]. Джамаля Рашида раздавили в инвалидном кресле, когда огромный бульдозер «Катерпиллер», поставленный Израилю США, сносил его дом в Дженине, где находилась его семья[58]. Такого рода реакция, точнее ее отсутствие, стала столь обычным делом и так легко поддается объяснению, что любые дальнейшие комментарии представляются излишними.

Взрывы автомобилей и «террористы-крестьяне»

Бомбардировки Туниса в 1985 году куда более серьезное преступлением, чем захват лайнера «Ахилл Лауро» или же угон самолета в том же году, к которому «с уверенностью была доказана причастность» Мугнии[59]. Но даже у этих бомбардировок есть конкуренты на звание «самого жестокого террористического зверства» на Ближнем Востоке в рекордном 1985-м.

Одним из претендентов является взрыв автомобиля в Бейруте рядом с мечетью – таймер был установлен так, чтобы бомба взорвалась, когда люди выходили после пятничной молитвы. В результате погибли 80 человек, еще 256 получили ранения[60]. Большинство погибших – девушки и женщины, взрыв был такой силы, что «сжег младенцев в кроватках», «убил невесту, покупавшую приданое», и «уложил на месте трех ребятишек», возвращавшихся из мечети домой; он также «разорил главную, густонаселенную улицу» западного пригорода Бейрута, сообщала три года спустя в *Washington Post* Нора Бустани[61].

Предполагаемой целью этого преступления был шиитский священник Мохаммед Хуссейн Фадлаллах, которому удалось спастись. Взрыв осуществили рейгановское ЦРУ и его союзники из Саудовской Аравии при поддержке Великобритании. По данным журналиста *Washington Post* Боба Вудворда, приведенным в его книге «Завеса: тайные войны ЦРУ, 1981—1987 гг.», теракт лично одобрил директор ЦРУ Уильям Кейси. Кроме голых фактов, об этом деле известно очень мало по причине строгого следования доктрине, в соответствии с которой мы не расследуем собственные преступления (за исключением тех случаев, когда они настолько бросаются в глаза, что их больше нельзя игнорировать, а расследование ограничивается лишь «мерзавцами», которые конечно же «вышли из-под контроля»).

Еще одним кандидатом на звание самого зверского на Ближнем Востоке террористического акта 1985 года стала инициированная премьер-министром Пересом операция «Железный кулак» на территории Южного Ливана, которую Израиль оккупировал в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН. Целью операции, как заявило высшее израильское командование, была борьба с «террористами-крестьянами»[62]. Преступления Переса в этом случае достигли новых глубин «рассчитанной жестокости и непреднамеренных убийств», если воспользоваться фразой одного западного дипломата, ознакомившегося с обстановкой на месте событий, – эту оценку повсеместно подхватили и СМИ[63]. Но вот для «мира» они оказались неинтересны, поэтому расследовать их никто не стал в полном соответствии с традиционными условностями. Мы могли бы еще раз спросить, что представляют собой эти злодейства – международный терроризм или намного более серьезные виды

агрессии, – но давайте предоставим Израилю и его вашингтонским сторонникам право на сомнение и не будем особо усердствовать с обвинениями.

Это только некоторые инциденты, которые могут прийти в голову людям по всему миру, когда они задумаются об «одном из немногочисленных случаев, когда была с уверенностью доказана» причастность Имада Мугнии к террористическому акту.

Соединенные Штаты также возлагают на Мугнию ответственность за взрыв террористами-смертниками двух начиненных взрывчаткой грузовиков у военных казарм, в результате которого погибли 299 человек—241 американский моряк и 58 французских десантников, – равно как и предшествовавшее ему нападение на американское посольство в Бейруте, унесшее жизни 63 человек и ставшее особенно ощутимым ударом, если учесть, что в тот момент там как раз проходило совещание должностных лиц ЦРУ[64]. В то же время, по информации *Financial Times*, взрыв осуществили боевики не «Хезболлы», а «Исламского Джихада»[65]. Во всяком случае, Фаваз Джерджес, один из ведущих специалистов по джихадистским движениям и Ливану, написал, что ответственность на себя взяла «неизвестная группировка, назвавшая себя “Исламский Джихад”»[66]. Голос, говоривший на классическом арабском, призвал всех американцев уехать из Ливана или же встретить смерть. Было заявлено, что «Исламский Джихад» на тот момент возглавлял Мугния, но доказательств этого, насколько мне известно, почти нет.

Мнение мира на этот счет не изучалось, но, вероятно, может наблюдаться некоторая нерешительность в плане того, стоит ли называть «террористическим актом» нападение на военную базу в другой стране, особенно когда американские и французские военные осуществляли массированные обстрелы с моря и воздушные удары по Ливану, а вскоре, в 1982 году, США, в дополнение ко всему, еще и решительно поддержали вторжение Израиля в Ливан, в результате которого погибли около 20 тысяч человек, была разорена вся южная часть страны, а значительная часть Бейрута превратилась в руины. В итоге, когда после бойни в лагерях беженцев Сабра и Шатила международные протесты приобрели слишком острый характер, чтобы их и далее игнорировать, президент Рейган от этой поддержки отказался[67].

В Соединенных Штатах, чтобы объяснить наше решающее участие в этих страшных военных преступлениях, израильское вторжение в Ливан, как правило, представляют в виде реакции на террористические атаки Организации освобождения Палестины (ООП), осуществляемые с ее ливанских баз. В действительности на приграничной ливанской территории целый год царило затишье, нарушаемое лишь многократными израильскими нападениями, унесшими не одну человеческую жизнь, которые ставили своей целью спровоцировать ответ ООП, чтобы воспользоваться им в качестве предлога для запланированного заранее вторжения. Истинную же задачу в те времена не скрывали ни израильские лидеры, ни комментаторы: сохранить израильский контроль над оккупированным Западным берегом реки Иордан. Любопытно, что единственной серьезной ошибкой в книге Джимми Картера «Палестина: мир, а не апартеид» является бесконечное повторение пропагандистской мантры о том, что причиной израильской агрессии были атаки ООП с территории этой страны[68]. Книга вызвала шквал критики, предпринимались яростные попытки найти хоть пару фраз, которые можно было бы неправильно истолковать, но на эту вопиющую ошибку— одну-единственную – никто не обратил внимания. Что вполне понятно, потому как она всецело удовлетворяет критериям приверженности практике фабрикации полезных доктрин.

Непреднамеренные убийства

Еще одно голословное обвинение сводится к тому, что Мугния был «вдохновителем» взрыва посольства Израиля в Буэнос-Айресе 17 марта 1992 года, в результате которого погибли 29 человек. По информации *Financial Times*, взрыв стал ответом на «убийство Израилем бывшего лидера “Хезболлы” Аббаса аль-Мусави во время одного из воздушных налетов на юг Ливана»[69]. Никаких доказательств этого убийства не требуется: Израиль гордо поставил его себе в заслугу.

Мир может проявить некоторый интерес к обстоятельствам этой истории. Аль-Мусави был убит с вертолета, поставленного Соединенным Штатами, далеко к северу от незаконной израильской «зоны безопасности» в Южном Ливане. Он возвращался в Сидон из деревни Джибхит, где произнес речь над могилой другого имама, убитого израильскими военными; во время обстрела из вертолета

также погибли его жена и пятилетний ребенок. (К слову, Израиль использовал поставленные ему США вертолеты и для обстрела автомобиля, перевозившего тех, кто выжил после нападения на больницу[70].)

После убийства семьи аль-Мусави «“Хезболла” изменила правила игры», как проинформировал израильский Кнессет Ицхак Рабин[71]. До этого ракеты по Израилю не выпускались. До этого правила игры сводились к тому, что Израиль мог осуществлять свои смертоносные атаки где угодно в Ливане и когда ему заблагорассудится, а «Хезболла» отвечала единственно в границах оккупированной Израилем ливанской территории.

После убийства лидера (и его семьи) «Хезболла» стала отвечать на израильские преступления ракетными ударами по Северному Израилю. Они, конечно, были нетерпимым террором, поэтому Рабин осуществил вторжение, лишившее крова пятьсот тысяч человек и убившее больше ста тысяч. Безжалостным израильским атакам подвергся даже север Ливана[72].

На юге 80 % жителей Тира бежали, а Набатия превратилась в «город-призрак»[73]. Деревню Джибхит на 70 % разрушили, причем официальный представитель израильских вооруженных сил заявил, что «первоначально ее планировалось уничтожить полностью в силу ее особой значимости для шиитского населения Южного Ливана». Главная цель заключалась в том, чтобы «стереть деревни с лица земли, посеяв вокруг них хаос и разрушение», как описал операцию один из высокопоставленных офицеров Северного командования Израиля[74].

Будучи родиной шейха Абдул-Карима Обейда, за несколько лет до этого похищенного и переправленного в Израиль, Джибхит действительно представляла собой особую цель. По свидетельству британского журналиста Роберта Фиска, по деревне «был нанесен прямой ракетный удар, хотя израильтяне, как предполагается, охотились за женой Обейда и тремя детьми». Те, кто не смог убежать, в ужасе попрятались, писал в *Financial Times* Майкл Николсон, «потому что любое движение в стенах домов и за их пределами привлекало внимание корректировщиков израильской артиллерии, без конца обстреливавшей избранные цели своими снарядами, сравнивая все с землей». По некоторым деревням иногда выпускалось по десять снарядов в минуту[75].

Все эти действия пользовались решительной поддержкой президента Билла Клинтона, осознававшего необходимость преподать арабушимам суровый урок «правил игры». И Рабин предстал в ипостаси еще одного великого героя и миротворца, столь разительно отличающегося от двуглавого зверья, саранчи и злобных тараканов.

Миру подобные факты могли бы показаться интересными, особенно в свете сомнительной ответственности Мугнии за ответный террористический акт в Буэнос-Айресе.

Другие выдвинутые против него обвинения включали в том числе подготовку защиты «Хезболлы» от израильского вторжения в Ливан в 2006 году, что, разумеется, стало недопустимым террористическим преступлением по стандартам «мира». Наиболее заурядные апологеты американских и израильских преступлений торжественно заявляют, что если арабы целенаправленно убивают гражданских лиц, то США и Израиль, будучи демократическими государствами, делают это непреднамеренно. Совершаемые ими убийства носят случайный характер, поэтому их моральный уровень нельзя сравнивать с нравственным разложением противника. В частности, такой позиции придерживался Верховный суд Израиля, одобривший суровое массовое наказание народа Газы, лишив его электроэнергии (следовательно, и воды, канализации и других элементарных благ цивилизации[76]). Примерно такой же линии защиты Вашингтон придерживается и тогда, когда речь заходит о некоторых его былых грешках, таких как ракетный удар в Судане в 1998 году, уничтоживший фармацевтический завод в городе аль-Шифа[77]. Он, вероятно, повлек за собой смерть десятков тысяч человек, но ведь по чистой случайности, потому как преднамеренным убийством это никак не назовешь.

Иными словами, мы можем выделить три типа преступлений: преднамеренное убийство, случайное убийство и убийство непреднамеренное, но изначально предвещающее множество смертей. Американские и израильские злодеяния, как правило, подпадают как раз под третью категорию. Например, когда Израиль уничтожает электростанцию в Газе или возводит преграды для пересечения границы Западного берега реки Иордан, то у него нет отдельного намерения убить людей, которые умрут от загрязненной воды или в машинах «Скорой помощи», не имеющих возможности доехать до

больницы. Когда Билл Клинтон отдал приказ об ударе по заводу в аль-Шифе, было очевидно, что это приведет к гуманитарной катастрофе. Организация *Human Rights Watch* незамедлительно его об этом проинформировала, сообщив все детали; но он и его советники, несмотря ни на что, не намеревались специально убить тех, кто неизбежно умрет, когда снабжение лекарствами сократится вдвое и бедной африканской стране будет нечем их заменить.

Только вот они и их апологеты посчитали африканцев чем-то вроде муравьев, которых мы давим, гуляя по улице. Мы понимаем (если, конечно, задумываемся), что это с большой долей вероятности может случиться, но не намереваемся их убить по той простой причине, что они не заслуживают к себе подобного внимания. Нет нужды говорить, что к аналогичным ударам арабушимов по территориям, населенным людьми, отношение совсем другое.

И если мы на какой-то момент примем точку зрения, мира, то здесь неизменно встает вопрос о том, какие же, собственно, преступники, «хотели конца света».

3. Меморандумы о пытках и историческая амнезия

Меморандумы о пытках, обнародованные Белым домом в 2008-2009 годах, вызвали изумление, возмущение и шок. Возмущение и шок вполне объяснимы, особенно если учесть полученные Сенатским комитетом по вооруженным силам свидетельства того, как отчаянно Дик Чейни и Дональд Рамсфелд искали связь между Ираком и Аль-Каидой, которую потом все же состряпали, чтобы оправдать вторжение в эту страну. Бывший военный психиатр майор Чарльз Берни дал показания о том, что «значительную часть времени мы сосредоточивали наши усилия на поиске связей между Аль-Каидой и Ираком. И чем больше все отчаивались такие связи обнаружить… тем энергичнее оказывалось давление, тем настойчивее становились предложения прибегнуть к мерам, способным обеспечить быстрые результаты». Иными словами, к пыткам. По данным Мак-Клэтчи, один высокопоставленный сотрудник разведки, знакомый с историей допросов, добавил, что «администрация Буша постоянно оказывала на следователей давление, заставляя применять к арестованным жесткие методы допросов, частично ради того, чтобы добыть свидетельства связи Аль-Каиды с режимом иракского диктатора Саддама Хуссейна… [Чейни и Рамсфелд] требовали, чтобы дознаватели нашли

свидетельства сотрудничества с Аль-Каидой… На разведку и следователей постоянно давили, чтобы любой ценой выбить информацию из арестованных, особенно из нескольких особо ценных, что были в нашем распоряжении, а когда это не давало результата, представители Чейни и Рамсфелда приказывали им еще больше усилить нажим»[78].

Это были наиболее значимые выводы сенатского расследования, но о них почти никто ничего не сообщил.

Изумление, постигшее многих, когда им открылась полная картина, было велико. Первым делом потому, что и без всяких расследований было очевидно, что Гуантанамо давно стала пыточным застенком. А зачем еще отправлять узников туда, где они будут недосягаемы для закона, – в место, которое Вашингтон, между прочим, использует в нарушение соглашений, навязанных Кубе под дулом пистолета? Утверждают, что это делается из соображений безопасности, но к таким заявлениям вряд ли можно относиться всерьез. Примерно то же говорилось и о секретных узилищах администрации Буша, равно как и об отправке арестованных в тюрьмы в другие страны, где к содержанию заключенных не предъявляется столь строгих требований.

Еще важнее представляется тот факт, что пытки, ставшие рутиной еще на самом раннем этапе освоения страны и продолжившиеся во времена рискованных начинаний «зарождающейся империи» – как назвал новую республику Джордж Вашингтон, – теперь распространились на Филиппины, Гаити и другие страны. При этом не забывайте, что пытки были самым незначительным из многочисленных преступлений агрессии, террора, экономических удавок и свержения законных властей, запятнавших историю США и других могущественных государств.

Аналогичным образом удивительно наблюдать реакцию на опубликование меморандумов Министерства юстиции со стороны некоторых ярчайших критиков преступлений Буша: например, Пола Крагмена, написавшего, что мы всегда были «нацией нравственных идеалов» и что до Буша «наши лидеры никогда не предавали тех принципов, которые мы отстаиваем»[79]. Эта общая для многих позиция, мягко говоря, отражает весьма тенденциозную версию истории Америки.

Порой к конфликту между тем, «что мы отстаиваем», и тем, «что делаем», обращаются напрямую. Одним из выдающихся специалистов, взваливших на себя эту задачу, был Ганс Моргентау, основатель теории реализма в международных отношениях. В классическом научном исследовании, опубликованном в 1964 году, в идиллической атмосфере президентства Кеннеди, Моргентау высказал стандартное мнение, в соответствии с которым Соединенные Штаты преследуют «возвышенную цель» установления мира и свободы у себя, а в сущности и повсюду, поскольку «ареной, на которой Соединенные Штаты вынуждены защищать и продвигать свои цели, стал весь мир». Вместе с тем, будучи ученым дотошным, он признал, что исторические свидетельства радикально расходятся с заявленной «возвышенной целью»[80].

Эти различия не должны сбивать нас с толку, говорил Моргентау; мы не должны «путать злоупотребление реальностью с реальностью как таковой». Реальность представляет собой невыполненную «национальную цель», обнаруженную историческими свидетельствами в том виде, в каком их отражает наш разум». То, что в действительности произошло, было всего лишь «злоупотреблением реальностью». Путать злоупотребление реальностью с самой реальностью сродни «ошибке атеизма, отрицающего обоснованность религии примерно на тех же основаниях» – данное сравнение в данном случае весьма уместно[81].

Опубликование меморандумов о пытках привело к тому, что проблему признали и другие. Колумнист *New York Times* Роджер Коэн сделал обзор книги «Миф об американской исключительности», автор которой, британский журналист Годфри Ходгсон, пришел к выводу, что Соединенные Штаты – лишь «одна великая, но не идеальная, страна среди других». Коэн согласился, что свидетельства подтверждают справедливость суждений Ходгсона, но назвал фундаментальной ошибкой его неспособность понять, что «Америка родилась как идея, а раз так, то эту идею надо реализовать». Американская идея обнаруживается в рождении страны как «города на холме», в понятии «вдохновения, глубоко укоренившегося в американской душе», а также в «отличительном духе американской предприимчивости и индивидуализма», доказательством чему служит западная экспансия. Ошибка Ходгсона, вероятнее всего, заключается в

том, что он зацикливался на «искажениях американской идеи в последние десятилетия», на «злоупотреблениях реальностью»[82].

Давайте тогда обратимся к «реальности как таковой»: к «идее» Америки с первых дней ее существования.

«Приди и помоги нам»

Воодушевляющую фразу «город на холме» придумал в 1630 году Джон Уинтроп, позаимствовав ее из Евангелия и обрисовав с ее помощью славное будущее новой нации, «осененной Богом». Год спустя его колония в Массачусетском заливе создала свою Большую государственную печать с изображением индейца, изо рта которого торчал манускрипт, гласивший: «Приди и помоги нам». Таким образом, британские колонисты выступили в ипостаси благожелательных гуманистов, откликнувшихся на призывы несчастных аборигенов спасти их от уготованной им горькой языческой судьбы.

По сути, эта Большая государственная печать являет собой графическое представление «американской идеи» с самого момента ее рождения. Ее следует извлечь из глубин американской души и повесить на стене в каждом классе. А заодно и включить в обязательную программу выдержанного в духе Ким Ир Сена поклонения беспощадному убийце и извергу Рональду Рейгану, который блаженно называл себя лидером «сияющего города на холме», но при этом руководил самыми страшными преступлениями, в основном в Центральной Америке, хотя и не только в ней, за все время своего пребывания у власти.

Если воспользоваться расхожим выражением, то Большая государственная печать стала первоначальным провозглашением «гуманитарного вмешательства». И как постоянно случалось впоследствии, это «гуманитарное вмешательство» приводило предполагаемых выгодоприобретателей к катастрофе. Первый военный министр США генерал Генри Нокс описывал «полное уничтожение всех индейцев на самых густонаселенных территориях Союза» с использованием средств «для индейских аборигенов более разрушительных, чем поведение конкистадоров в Мексике и Перу»[83].

Много лет спустя, когда его собственный, заметим, весьма значительный вклад в этот процесс забылся, Джон Куинси Адамс оплакивал судьбу «злополучной нации аборигенов Америки, которых

мы истребляем с такой жестокостью, коварством и безжалостностью; это один из самых гнусных грехов нашей нации, за который Бог, я считаю, когда-нибудь ее накажет»[84]. «Жестокость, коварство и безжалостность» длились до тех пор, пока «Запад не победил». Вместо Божьей кары эти гнусные грехи сегодня превозносятся до небес за реализацию «американской идеи»[85].

У этого нарратива конечно же была более удобная, общепринятая версия. Ее выразителем, например, стал работавший в Верховном суде Джозеф Стори, задумчиво говоривший, что благодаря «мудрости Провидения» аборигены исчезли как «скукожившиеся осенние листья», хотя колонисты их «непременно уважали»[86].

Завоевание и заселение Запада действительно продемонстрировало «предприимчивость и индивидуализм»; инициативы поселенцев-колонистов в общем случае представляли собой самую жестокую форму империализма. Результаты этой политики в 1898 году приветствовал уважаемый и влиятельный сенатор Генри Кэбот Лодж. Призывая вторгнуться на Кубу, Лодж превозносил до небес наш опыт «завоеваний, колонизации и территориальной экспансии, которым в XIX веке не может похвастаться ни одна другая страна», и призывал «не склониться и сейчас», когда кубинцы тоже умоляли нас, следуя формуле Большой государственной печати, «прийти и помочь им»[87].

Мольба не осталась без ответа. Соединенные Штаты отправили войска, не позволив Кубе освободиться от испанского гнета и превратив ее практически в американскую колонию, которой она оставалась вплоть до 1959 года.

Следующей иллюстрацией «американской идеи» является весьма примечательная кампания, почти сразу же инициированная администрацией Эйзенхауэра и направленная на то, чтобы поставить Кубу на место: экономическая война (с четко определенной целью наказать кубинский народ, чтобы он сверг непокорное правительство Кастро); вторжение; решимость братьев Кеннеди навлечь на Кубу «все беды Земли» (фраза историка Артура Шлезингера-младшего из его биографии Роберта Кеннеди, который считал эту задачу одним из высших приоритетов); и другие преступления, идущие вразрез с практически единодушным мировым мнением[88].

Многие считают, что американский империализм восходит к интервенции на Кубу, в Пуэрто-Рико и на Гавайи в 1898 году. Но это противоречит явлению, которое историк империализма Бернард Портер назвал «софизмом соленой воды», то есть идее о том, что завоевание становится империализмом, только когда преодолевает соленую воду. Таким образом, если бы река Миссисипи походила на Ирландское море, то экспансия на Запад представляла бы собой империализм. Все причастные к этому процессу, от Джорджа Вашингтона до Генри Кэбота Лоджа, лучше понимали правду.

После успешного гуманитарного вмешательства на Кубу в 1898 году следующий шаг предначертанной Провидением миссии заключался в том, чтобы даровать «блага свободы и цивилизации спасенным народам» Филиппин (если выразиться фразой из платформы Республиканской партии Лоджа), по крайней мере тем их представителям, которым удалось пережить убийства, широкое распространение пыток и другие зверства, сопровождавшие этот шаг[89]. Счастливчиков отдали во власть полицейскому режиму, установленному на Филиппинах при поддержке США в полном соответствии с новой, усовершенствованной моделью колониального доминирования, которая полагалась на силы безопасности, натасканные и экипированные для тщательной слежки, запугивания и насилия[90]. Впоследствии сходные модели были использованы и в других регионах, народам которых Соединенные Штаты навязали жестокую национальную гвардию и другие субсидируемые ими подразделения, что повлекло за собой всем известные последствия.

Парадигма пыток

В последние шестьдесят лет жители всех уголков планеты стали жертвами разработанной ЦРУ «парадигмы пыток», следование которой, если верить книге историка Альфреда Маккоя «Вопрос пыток», обходится в круглую сумму – один миллиард долларов в год. Маккой демонстрирует, что способы пыток, разработанные ЦРУ в 1950-х годах, практически не изменились, об этом говорят печально известные фотографии из иракской тюрьмы Абу-Грейб. И в названии яркой книги Дженнифер Харбери «Истина, пытки и американский путь», посвященной изучению пыток, никакого преувеличения тоже нет[91]. Стенания специалистов по поводу того, что Америка, объявив

войну с терроризмом, «сбилась с пути»[92], мягко говоря, вводит нас в заблуждение.

Мы не говорим, что Буш, Чейни и Рамсфелд не ввели никаких новшеств. В традиционной американской практике пытки обычно передоверялись сателлитам, но не применялись напрямую американцами в учрежденных правительством пыточных камерах. Аллан Нерн, которому хватило мужества провести изобличающее власти изучение пыток, указывает: «То, чего якобы добился своим запретом пыток Обама, охватывает лишь малую толику пыток, применяемых американцами, в то время как основная масса системных пыток, практикуемых иностранцами под патронажем США, никуда не делась. Обама мог прекратить поддержку иностранных сил, применяющих пытки, но решил этого не делать».

Как отмечает Нерн, Обама не прекратил практику пыток, а «лишь провел в ней перестановки», восстановив в качестве американской нормы совершенное безразличие к жертвам. После Вьетнама «Соединенные Штаты в основном прибегали к пыткам опосредованно – платили, вооружали, готовили и двигали в нужном направлении, формально стараясь оставаться хотя бы на шаг в стороне». Введенный Обамой запрет не положил конец даже американским пыткам вне зоны «вооруженных конфликтов», где эта практика широко распространена, «поскольку многие репрессивные режимы в подобные конфликты не втянуты… это лишь возврат к статус-кво, к режиму пыток, существовавшему от Форда до Клинтона, при котором спонсируемых США мучений нередко было больше, чем во времена Буша и Чейни»[93].

Порой причастность американцев к пыткам носит еще более косвенный характер. В результате проведенного в 1980 году исследования специалист по Латинской Америке Ларе Шульц установил, что американская помощь «непропорционально распределялась в пользу государств, применяющих пытки в отношении своих граждан… в пользу тех режимов полушария, которые самым вопиющим образом нарушали элементарные права человека»[94]. Данная тенденция включала в себя военную помощь, не зависела от потребностей и продолжилась в эпоху правления Картера.

Более детальное исследование Эдварда Хермана выявило туже зависимость и тоже предлагало объяснение. Ничего удивительного в

этом нет, ведь американская помощь непосредственно связана с климатом, благоприятным для бизнеса, а тот, в свою очередь, улучшается с помощью убийств рабочих и крестьян с активной общественной позицией, равно как и борцов за права человека, что и обеспечивает косвенную зависимость между помощью и нарушением прав человека[95].

Эти исследования проводились до прихода к власти Рейгана, когда вопрос о них отпал как таковой, потому как подобная корреляция стала слишком уж очевидной.

То, что президент Обама призывает нас смотреть не назад, а вперед, можно назвать маленьким чудом, ведь эта доктрина очень удобна для тех, у кого в руках дубинки. Те же, кого этими дубинками бьют, склонны воспринимать мир иначе, в немалой степени вызывая наше раздражение. **Соглашаясь с позицией Буша**

Можно возразить, что внедрение разработанной ЦРУ «парадигмы пыток» никогда не нарушало Конвенции против пыток, одобренной ООН в 1984 году, по крайней мере в том виде, в каком ее трактовал Вашингтон. Маккой указывает, что чрезвычайно сложная парадигма ЦРУ, разработанная в 1950—1960-х годах на базе «самых жестоких пыточных методов КГБ» и стоившая колоссальных денег, в первую очередь подразумевала моральные пытки, а не грубые физические, которые считались не такими эффективными в деле превращения людей в покорные овощи.

Маккой пишет, что администрация Рейгана аккуратно подправила международную конвенцию против пыток, дополнив ее «четырьмя подробными дипломатичными “оговорками”, касающимися одного-единственного слова из 26 страниц текста – слова “моральные”». После чего он продолжает: «Эти хитроумно задуманные дипломатичные оговорки дают пыткам новое определение – в том виде, в каком его воспринимают Соединенные Штаты, чтобы исключить из их сферы депривацию чувств и причинение человеком вреда самому себе, то есть те самые методики, которые ЦРУ оттачивало столь огромной ценой».

Посылая Конвенцию ООН на ратификацию в Конгресс в 1994 году, Клинтон внес в нее поправки Рейгана. Таким образом, президент и Конгресс вывели суть «парадигмы пыток» ЦРУ из-под действия Конвенции против пыток в том виде, в каком ее трактовали США,

причем эти поправки, как отмечает Маккой, «были в точности воспроизведены в собственной юрисдикции, специально чтобы придать законную силу Конвенции ООН»[96]. Этот «политический фугас» сдетонировал с феноменальной силой во время скандала вокруг тюрьмы Абу-Грейб и принятия в 2006 году позорного Закона о военных комиссиях, одобренного обеими партиями.

Буш, разумеется, переплюнул своих предшественников, санкционируя явные нарушения международного законодательства, при этом целый ряд его экстремистских новшеств был опротестован судом. Обама, с одной стороны, красноречиво настаивал на нашей приверженности международному праву, но с другой – настойчиво стремился прибегать к экстремистским мерам Буша.

Разбирая важное дело «Бумедьен против Буша», Верховный суд в июне 2008 года отверг как неконституционные утверждения администрации президента о том, что узники Гуантанамо лишены права *хабеас корпус*, гарантирующего личную свободу[97].

О последствиях этого разбирательства Гленн Гринвальд писал в *Salon*: стремясь «сохранить за собой право похищать людей по всему миру» и заключать их под стражу без надлежащей процедуры, администрация Буша решила отправлять их в американскую тюрьму на авиабазе Баграм в Афганистане, относясь «к судебному решению по делу Бумедьена, основанному на наших основополагающих конституционных гарантиях, словно оно было глупой игрой: отправь похищенных узников в Гуантанамо, и у них будут конституционные права, но стоит отправить их вместо этого в Баграм, и они исчезнут без суда и следствия».

Обама принял позицию Буша, «направив в федеральный суд краткое, всего на два предложения, заявление о том, что в этом вопросе он согласен с крайней позицией Буша», настаивающей на том, что узники, которых привозят в Баграм со всего мира (в данном конкретном случае йеменцы и тунисцы, схваченные в Таиланде и Объединенных Арабских Эмиратах), «могут содержаться неограниченно, не обладая вообще никакими правами, пока их держат в Багграме, а не в Гуантанамо»[98]. Вскоре после этого назначенный Бушем федеральный судья «опроверг позицию Буша/Обамы, заявив что логика дела Бумедьена в полной мере применима как к Гуантанамо, так и к Баграму». Администрация Обамы заявила, что

оспорит это решение, таким образом, считает Гринвальд, «напрямую подчинив Министерство юстиции в высшей степени консервативным, выступающим на стороне администрации судьям, вопреки предвыборным обещаниям, которых Обама придерживался ранее[99].

Дело «Расул против Рамсфелда», похоже, развивалось по схожему сценарию. Истцы возложили на Рамсфелда и других высокопоставленных чиновников ответственность за то, что их пытали в Гуантанамо, поместив туда после того, как они были схвачены узбекским генералом Абдул-Рашидом Дустумом. Они утверждали, что прибыли в Афганистан для решения проблем гуманитарного характера. Дустум, хорошо известный головорез, в те времена возглавлял Северный Альянс, афганскую группировку, поддерживаемую Россией, Ираном, Индией, Турцией, государствами Центральной Азии, а также Соединенными Штатами, после того как они в октябре 2001 года вторглись в Афганистан.

По некоторым данным, Дустум передал этих людей в американскую тюрьму за щедрое вознаграждение. Администрация Буша предприняла шаги с тем, чтобы дело прекратили. Министерство юстиции Обамы направило в суд краткое заявление о поддержке позиции Буша, в соответствии с которой правительственные чиновники не могут нести ответственность за пытки и другие нарушения в Гуантанамо на том основании, что суд пока еще не установил со всей ясностью, какими правами обладают узники[100].

Кроме того, сообщалось, что администрация Обамы рассматривала возможность возрождения военных комиссий, ставших одним из самых серьезных нарушений закона во времена правления Буша. По информации Уильяма Глеберсона из *New York Times*, тому была причина: «По заявлениям официальных лиц, работающих по делу Гуантанамо, адвокаты президентской администрации забеспокоились, что у них возникнут трудности с рассмотрением дел с участием подозреваемых в терроризме в федеральных судах. Судьям может оказаться трудно предъявлять обвинение задержанным, подвергавшимся в заключении жестокому обращению, а обвинителям – использовать основанные на слухах доказательства, собранные разведслужбами»[101]. Это, похоже, серьезный изъян в преступной правовой системе.

Сотворение террористов

Вопрос о том, эффективны ли пытки для получения информации – предполагается, что эффективны, чем их, собственно, и оправдывают, – вызывает много споров. Если прибегнуть к этому аргументу, то власти Никарагуа, в 1986 году захватившие американского пилота Юджина Хазенфуса, сбив его самолет (Юджин оказался в Никарагуа, потому что США оказывали поддержку контрас), не должны были устраивать над ним суд, а затем, признав виновным, высылать обратно в США. Вместо этого им надо было прибегнуть к «парадигме пыток» и попытаться вытянуть из него информацию о других террористических злодействах, запланированных и инициированных США, – не самое последнее дело для крошечной, бедной страны, подвергающейся террористическим атакам со стороны глобальной супердержавы. То же самое, по этим стандартам, никарагуанцам следовало сделать, если бы они могли пленить главного координатора террористов – тогдашнего посла США в Гондурасе, впоследствии назначенного первым директором национальной разведки, по существу царем борьбы с терроризмом. Аналогичным образом можно было бы оправдать и Кубу, будь у нее возможность дотянуться до братьев Кеннеди. Вряд ли стоит говорить, что сделали бы со своими мучителями жертвы таких террористических главарей, как Генри Киссинджер и Рональд Рейган, затмившие своими подвигами Аль-Каиду и наверняка обладавшие информацией, способной предотвратить дальнейшие теракты с использованием «бомб с часовым механизмом».

Подобные соображения, похоже, никогда не становились предметом публичных дискуссий. Соответственно, мы заранее знаем, как оценивать предлоги для получения ценной информации.

На все это конечно же есть ответ: наш терроризм восходит к идее «города на холме» и в силу этого благотворен, что совершенно не мешает ему оставаться терроризмом. Наиболее красноречивое изложение этого тезиса, по-видимому, представил редактор *New Republic* Майкл Кинсли, всеми уважаемый выразитель мнения «левых». Когда Государственный департамент подтвердил, что вашингтонским террористическим силам действительно отдавался официальный приказ атаковать «мягкие цели» – то есть незащищенные гражданские объекты – и избегать при этом столкновений с армией Никарагуа (что вполне можно было сделать

благодаря контролю ЦРУ над воздушным пространством страны и продвинутой системе связи, переданной контрас), правозащитная организация *Americas Watch* (входит в *Human Rights Watch*) выразила протест. В ответ Кинсли объяснил, что американские террористические удары по гражданским целям можно оправдать в том случае, если они удовлетворяют прагматичному критерию: «здравая политика должна проходить проверку на соответствие затрат прибылям», то есть осуществлять анализ соотношения между «количеством мучением и пролитой крови, с одной стороны, и вероятностью воцарения демократии – с другой»[102]. Демократии в том виде, в каком ее определяют американские элиты.

Заявления Кинсли не вызвали никакой публичной полемики; насколько мне известно, их явно посчитали приемлемыми. Из чего следует, что лидеры США и их приспешники не виноваты в том, что с чистой совестью проводят такую здравую политику, даже если порой руководствуются ошибочными суждениями.

Если бы обнаружилось, что одобренные администрацией Буша пытки привели к гибели американцев, то вина, в соответствии с преобладающими моральными стандартами, по всей вероятности, была бы больше. По информации журналиста Патрика Кокберна, к такому выводу пришел майор Мэттью Александер (псевдоним), один из самых опытных дознавателей в Ираке, выбивший «информацию, позволившую американским военным установить местонахождение Абу Мусаба аль-Заркави, главы Аль-Каиды в этой стране».

К методам допросов с пристрастием, санкционированным администрацией Буша, Александер не выражает ничего, кроме презрения: по его мнению, «использование Соединенными Штатами пыток» не только не позволяет получить сколь-нибудь ценную информацию, но и «контрпродуктивно, потому что может повлечь за собой смерть американских солдат в количестве, сравнимом с числом гражданских лиц, погибших в результате терактов 11 сентября 2001 года». Проведя сотни допросов, Александер понял, что боевики из других государств приезжали в Ирак в ответ на преступления в Гуантанамо и Абу-Грейбе. По тем же причинам их ручные союзники стали прибегать к взрывам с использованием смертников и другим террористическим актам[103].

Кроме того, существует множество свидетельств того, что пытки, поощряемые Диком Чейни и Дональдом Рамсфелдом, порождали террористов. Одним из примеров, подвергшихся тщательному изучению, стал Абдалла аль-Аджми, которого посадили в Гуантанамо по обвинению в «причастности к нескольким стычкам с Северным альянсом». В Афганистане он оказался после того, как не смог перебраться в Чечню, чтобы воевать с русскими. После четырех лет жестокого обращения в тюрьме его вернули в Кувейт. Впоследствии он уехал в Ирак и в марте 2008 года направил начиненный взрывчаткой грузовик на казарму иракских военных, в результате чего погибли тринадцать солдат и он сам. Это стало «единственным гнусным актом насилия, совершенным бывшим узником Гуантанамо», по утверждению *Washington Post*, а по заявлению адвоката аль-Аджми – прямым следствием жестокого обращения с ним в тюрьме[104].

В точности как предположил бы здравомыслящий человек.

Исключительные американцы

Другим стандартным предлогом для пыток можно считать контекст «войны с террором», объявленной Бушем после терактов 11 сентября 2001 года. На фоне этого преступления традиционное международное право «устарело» и «вышло из употребления» – такой совет Джорджу Бушу-младшему дал его советник по юридическим вопросам Альберто Гонсалес, впоследствии назначенный генеральным прокурором. Эта доктрина широко цитировалась в той или иной форме в комментариях и аналитических записках[105].

Теракты 11 сентября, несомненно, во многих отношениях были уникальными. В том числе в плане того, куда было нацелено оружие: обычно его направляют в противоположную сторону. По сути, после того как британцы в 1814 году сожгли Вашингтон, округ Колумбия, это стал первый значимый теракт на территории Соединенных Штатов.

Правящую доктрину в нашей стране порой называют «американской исключительностью». Ничего подобного, она скорее ближе к стандартам имперских государств. Франция приветствовала свою «цивилизаторскую миссию» в колониях, в то время как министр обороны страны призывал к уничтожению «коренного населения Алжира». Британское благородство «для мира было новшеством», заявлял Джон Стюарт Милль, что совершенно не мешало ему призывать «ангельское государство» побыстрее заканчивать с

освобождением Индии. Свое классическое эссе, посвященное гуманитарному вмешательству, Милль написал вскоре после того, как общественность узнала об ужасающих зверствах британцев во время подавления восстания в Индии в 1857 году. Завоевание остальной части Индии в значительной мере представляло собой усилия по установлению монополии в торговле опиумом в рамках глобальной инициативы британских дельцов наркотрафика, которая в первую очередь была призвана заставить Китай покупать товары британского производства[106].

Аналогичным образом нет никаких оснований сомневаться в искренности японских милитаристов образца 1930-х, усиленно создававших в Китае «рай земной» под добрым патронажем Японии; оставим за скобками нанкинскую резню и череду кампаний в сельских районах Северного Китая, проведенных под лозунгом «Жги всё, грабь всё, убивай всех». В истории подобных славных эпизодов хоть отбавляй[107].

Но если такого рода положения об «исключительности» успешно приживаются, то случающиеся время от времени откровения о «надругательстве над историей», единственная цель которых – сокрытие страшных преступлений, неожиданно могут привести к обратным результатам. Например, массовое убийство жителей Сонгми в Южном Вьетнаме можно считать ерундой по сравнению с куда более масштабными зверствами, совершенными в рамках «программы умиротворения» после Тетского наступления 1968 года (оно было предпринято коммунистическими силами Северного Вьетнама и оказалось провальным для них); об этих зверствах все напрочь забыли.

Уотергейт, несомненно, был преступлением, однако вызванный им гнев вытеснил несравненно более жестокие злодейства как в Америке, так и за ее пределами, включая организованное ФБР убийство чернокожего активиста Фреда Хэмптона и бомбардировки Камбоджи, и это только два из большого количества вопиющих примеров. Пытки отвратительны, но вторжение в Ирак стало преступлением намного хуже. В большинстве случаев эту функцию выполняют отдельные злодеяния.

Историческая амнезия – феномен опасный. Хотя бы потому, что она не только подрывает моральную и интеллектуальную целостность,

но и закладывает фундамент для преступлений, предстоящих в будущем.

4. Невидимая рука власти

Демократическое протестное движение в Арабском мире стало волнующей демонстрацией мужества, преданности и ответственности народных сил, случайно совпавшей с замечательными выступлениями в поддержку рабочих и демократии в Мэдисоне, штат Висконсин, и других американских городах. Траектории протестов в Каире и Мэдисоне хоть и пересекались, но двигались все же в противоположных направлениях: если в Каире их целью было отстаивание элементарных прав, которых народ лишила египетская диктатура, то те, кто вышел на улицы Мэдисона, защищали права, завоеванные в долгой и трудной борьбе, а ныне подвергшиеся жестоким нападкам.

В каждом из двух упомянутых случаев протесты представляют собой микрокосм тенденций в глобальном обществе, следующем своим курсом. И то, что происходит в загнивающем промышленном центре самой богатой и могущественной за всю историю человечества страны, и то, что мы видим в регионе, который президент Дуайт Эйзенхауэр назвал «самым стратегически важным в мире», «колоссальным источником стратегического могущества» или, если воспользоваться выражением Госдепартамента Соединенных Штатов, которые решили приберечь этот регион для себя и своих союзников, устанавливая в 1940-х годах новый мировой порядок, «самой желанной сферой вложения иностранных инвестиций»[108], несомненно влечет за собой далекоидущие последствия.

Несмотря на все перемены, имевшие место в последующие годы, есть все основания полагать, что нынешние политики в основном придерживаются позиции Адольфа Берла, влиятельного советника президента Франклина Делано Рузвельта, в соответствии с которой контроль над колоссальными запасами энергоносителей на Ближнем Востоке обеспечивает одновременно «существенный контроль над всем миром»[109]. Соответственно, принято считать, что утрата этого контроля может воспрепятствовать реализации американского проекта глобального доминирования, ясно изложенного во время Второй мировой войны и с тех пор упорно претворяемого в жизнь перед лицом изменений в мировом порядке.

Еще в 1939 году, когда только началась война, Вашингтон по ее окончании намеревался занять положение ведущей мировой державы. В военные годы высокопоставленные чиновники Госдепартамента и специалисты по международным отношениям неоднократно встречались, вырабатывая планы для послевоенного мира. Они очертили «великую зону» американского доминирования, в которую вошло Западное полушарие, Дальний Восток, а также бывшая Британская империя с ее ресурсами энергоносителей на Ближнем Востоке. Когда Россия после Сталинграда стала перемалывать нацистские армии, «великая зона» распространилась и на Евразию, по крайней мере на ее экономическое сердце – Западную Европу. В обозначенной зоне Соединенные Штаты намеревались обладать «неоспоримым могуществом», основанным на «военном и экономическом превосходстве», но одновременно с этим «ограничивать любые суверенные действия» государств, способных помешать реализации их глобальных планов[110].

Вскоре планы военного времени были реализованы. Считалось общепризнанным, что Восточная Европа может выбрать для себя курс на независимость, и Североатлантический альянс (НАТО) отчасти был создан как раз для борьбы с этой угрозой. Как только официального предлога существования блока в 1989 году не стало, он начал расширяться на восток вопреки устным обещаниям, данным советскому лидеру Михаилу Горбачеву. Впоследствии альянс превратился в возглавляемую США «армию вторжения широкого спектра действия», как назвал ее генерал Яапп де Хооп Схеффер, заявивший на конференции НАТО, что «наши войска должны охранять трубопроводы, по которым на Запад идет нефть и газ», а также, в более широком смысле, морские пути, используемые танкерами, равно как и другие «жизненно важные инфраструктуры» энергетической системы[111].

Доктрина «великой зоны» санкционирует военное вторжение по собственному усмотрению. Подобный вывод однозначно сформулировала администрация Клинтона, заявив, что Соединенные Штаты обладают правом использовать военную силу для обеспечения «беспрепятственного доступа к ключевым рынкам, поставкам энергоносителей и стратегическим ресурсам» и поэтому должны содержать в Европе и Азии многочисленную армию «передового

базирования», чтобы «формировать общественное мнение о нас» и «определять события, способные оказать влияние на нашу безопасность и благосостояние»[112].

Те же самые принципы определили и вторжение в Ирак. Когда неспособность Соединенных Штатов навязать этой стране свою волю стала очевидной, скрывать истинные цели агрессии за сладостной риторикой было больше нельзя. В ноябре 2007 года Белый дом обнародовал «декларацию о принципах», настаивавшую на неограниченном пребывании в Ираке вооруженных сил США и обязывавшую власти страны отдавать предпочтение американским инвесторам[113]. Два месяца спустя президент Буш проинформировал Конгресс о своем намерении отклонить правовые акты, способные ограничить постоянное базирование вооруженных сил США в Ираке или же «американский контроль над нефтяными ресурсами Ирака», вскоре, однако, Соединенным Штатам, столкнувшимся с сопротивлением со стороны иракцев, от этих требований пришлось отказаться[114].

Протестные движения в Тунисе и Египте в 2011 году одержали внушительную победу, но, как заявил Фонд Карнеги, имена изменились, а режимы остались: «Перемены в правящих элитах и самой системе управления по-прежнему являются далекой целью»[115]. В этом докладе обсуждаются внутренние барьеры на пути к демократии, но напрочь игнорируются внешние, как всегда значимые.

Соединенные Штаты и их западные союзники наверняка делают все возможное, чтобы воспрепятствовать установлению в Арабском мире подлинной демократии. Чтобы понять их мотивы, достаточно просмотреть социологические опросы арабов, которые провели американские агентства по изучению общественного мнения. О них никто не говорит, но тем, кто отвечает за планирование, о результатах этих опросов прекрасно известно. Из них следует, что подавляющее большинство арабов считают Соединенные Штаты и Израиль крупнейшей угрозой, с которой им когда-либо приходилось сталкиваться: подобным образом к США относятся 90 % египтян и 75 % жителей региона в целом. А в Иране угрозу видят лишь 10 % арабов. Неприятие политики Соединенных Штатов выражено столь ярко, что, по мнению большинства, безопасность значительно повысится, если у Ирана появится ядерное оружие, – в Египте так

считают 80 % опрошенных[116]. Схожи и другие показатели. Если бы общественное мнение влияло на политику, Соединенные Штаты не только не смогли бы контролировать регион, но попросту были бы из него изгнаны вместе с союзниками, что подорвало бы фундаментальные принципы глобального доминирования.

Доктрина Муашера

Поддержка демократии – удел идеологов и пропагандистов. В реальном мире нелюбовь к демократии является нормой. Налицо множество свидетельств того, что демократию поддерживают лишь в той степени, в какой она способствует реализации социальных и экономических целей, причем с этим выводом неохотно соглашается большинство серьезных ученых.

Презрение элит к демократии красноречиво заявило о себе, когда поступила их реакция на разоблачения *WikiLeaks.* Больше всего внимания к себе привлекши сообщения о поддержке арабами позиции Соединенных Штатов по Ирану, вызвав волну восторженных комментариев. Причем упоминались правящие диктаторы арабских государств, а воззрения простых людей остались за скобками.

Этот действенный принцип описал Марван Муашер, бывший министр иностранных дел Иордании, а позже директор Департамента ближневосточных исследований Фонда Карнеги: «Традиционный аргумент, выдвигаемый в Арабском мире и за его пределами, сводится к тому, что ничего плохого не происходит, что все под контролем. В рамках этой стратегии мышления закрепившиеся у власти силы утверждают, что их оппоненты и внешние игроки, призывающие к реформам, преувеличивают условия на местах»[117].

Руководствуясь тем же принципом, если диктаторы поддерживают нас, то какое нам дело до всего остального?

Доктрину Муашера все почитают, считая разумной и логичной. В качестве одного из примеров, весьма показательного в наши дни, можно вспомнить дискуссии, проходившие в США в 1958 году. Президент Эйзенхауэр выразил озабоченность «кампаниями ненависти» против нас, но со стороны народа, а не правительств. Ненависть произрастает из сложившегося в Арабском мире мнения о том, что Соединенные Штаты поддерживают диктатуры и блокируют демократию, желая обеспечить себе контроль над ресурсами региона, объяснил ему Совет национальной безопасности. Однако это мнение

соответствует действительности, сделал вывод Совет. И даже более того – именно это мы и должны делать, опираясь на доктрину Муашера. Исследования, проведенные Пентагоном после терактов 11 сентября 2001 года, показали, что такое же мнение превалирует и сейчас.

Для победителей так же нормально выбрасывать историю в мусорную корзину, как для жертв относиться к ней всерьез. В этом важном деле могут оказаться полезными несколько коротких замечаний. Сегодня, и уже далеко не впервые, Египет и Соединенные Штаты сталкиваются с аналогичными проблемами и движутся в противоположных направлениях. Похожая ситуация наблюдалась и в начале XIX века. Историки экономики утверждают, что в те времена Египет занимал такое же хорошее положение для успешного экономического развития, как и Соединенные Штаты[118]. И там и там было развито сельское хозяйство, включая хлопок, катализатор промышленной революции на ее раннем этапе, хотя Соединенным Штатам, в отличие от Египта, приходилось наращивать производство хлопка путем завоеваний, истребления и рабства людей, что повлекло за собой последствия, сегодня красноречиво заявляющие о себе в резервациях и тюрьмах для выживших, которые быстро разрослись со времен Рейгана, чтобы вместить в себя тех, кто стал не нужен после деиндустриализации.

Одно из фундаментальных различий между двумя странами сводится к тому, что Соединенные Штаты обрели независимость и, как следствие, были вольны игнорировать экономическую теорию, провозглашенную в те времена Адамом Смитом, который облек ее примерно в те же термины, что проповедуют сегодня в развивающихся странах. Смит настаивал на том, что колонии, получившие свободу, должны производить первичный продукт (пусть это будет хлопок) на экспорт и одновременно импортировать лучшие товары британского производства. При этом конечно же не может быть и речи о том, чтобы монополизировать торговлю сырьем (хлопком). В любом другом случае, предупреждал Смит, «дальнейший рост стоимости годового продукта в бывших колониях замедлится, вместо того чтобы ускоряться, и это станет препятствием на пути к истинному величию и процветанию»[119].

Обретя независимость, колонии проигнорировали совет Смита и пошли по пути независимого развития под патронажем государства. Были введены высокие тарифы для защиты промышленности от британского экспорта (сначала это касалось текстиля, потом стали и прочих товаров), позаботились и о других мерах для ускорения экономического развития. Независимые американские штаты стремились установить монополию на торговлю хлопком, «чтобы бросить другие народы к нашим ногам», и в первую очередь «британского врага», как заявил президент Джексон, завоевав Техас и половину Мексики[120].

Что касается Египта, то ему не дала пойти по такому же пути британская власть. Лорд Пальмерстон заявил, что «никакие идеи о честном отношении [к Египту] не должны стоять на пути великих, первостепенных интересов» Британии, обеспечивающих ее экономическую и политическую гегемонию, и выразил свою «ненависть» к «невежественному варвару» Мухаммеду Али, который осмелился направить страну по пути независимого развития, попутно задействовав британский флот и финансовое могущество, чтобы положить конец египетскому стремлению к независимости и экономическому развитию[121].

После Второй мировой войны, когда Соединенные Штаты заменили собой Великобританию в роли глобального гегемона, Вашингтон принял ту же самую позицию, недвусмысленно дав понять, что Соединенные Штаты окажут Египту помощь только в том случае, если он будет придерживаться стандартных для слабого правил, которые США продолжат нарушать, вводя высокие запретительные тарифы в отношении египетского хлопка и тем самым вызывая подрывающую экономику нехватку долларов, согласно привычной для них трактовке рыночных принципов.

То, что «кампания ненависти» против Соединенных Штатов, так заботившая Эйзенхауэра, основывалась на осознании того, что США и их союзники поддерживают диктаторов, блокируя экономику и развитие, можно считать маленьким чудом.

В защиту Адама Смита следует добавить, что он осознавал, как будет развиваться ситуация, если Великобритания будет и дальше следовать правилам здоровой экономики, ныне называемым неолиберализмом. Он предупреждал, что, если британские

производители, торговцы и инвесторы обратят свои взоры на другие страны, они могут выиграть, но Англия при этом пострадает. В то же время он чувствовал, что ими будет двигать «тяга ко всему местному», в итоге потрясения, вызванные экономической рациональностью, благодаря «невидимой руке» обойдут Англию стороной.

Эту фразу трудно пропустить. Знаменитое выражение «невидимая рука рынка» в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» упоминается лишь однажды. Давид Рикардо, еще один отец-основатель классической экономики, приходил к аналогичным выводам, надеясь, что так называемая «тяга ко всему местному» побудит состоятельных членов общества «довольствоваться невысоким уровнем прибылей в их собственной стране, а не искать более выгодного вложения своих средств за границей», при этом добавляя, что ему «будет жаль, если такого рода чувства ослабеют»[122].

Если оставить в стороне их предсказания, инстинкты у классических экономистов были вполне здоровые.

Иранская и китайская «угрозы»

Демократические протестные движения в Арабском мире порой сравнивают с массовыми выступлениями в Восточной Европе в 1989 году, хотя и на сомнительных основаниях. В 1989 году русские проявили терпимость к гражданским протестам, а западные страны оказали им поддержку в полном соответствии со стандартной доктриной: они-де соответствовали экономическим и стратегическим целям и поэтому считались достижением, заслуживающим всяческих похвал, в отличие от ведущейся в тот же период в Центральной Америке борьбы в «защиту фундаментальных прав человека», если воспользоваться выражением убитого архиепископа Сальвадора, ставшего одной из сотен тысяч жертв военщины, вооруженной и натасканной Вашингтоном[123]. В те страшные годы на Западе не было своего Михаила Горбачева, как нет и сейчас. И страны Запада сохраняют враждебное отношение к демократии в Арабском мире, на что у них есть веские причины.

Доктрина «великой зоны» продолжает применяться к современным кризисам и противостояниям. В западных политических кругах, равно как и среди комментаторов, считается, что иранская угроза несет наибольшую опасность мировому порядку и, как

следствие, должна быть первейшим приоритетом американской внешней политики, к которой следует вежливо присоединиться Европе.

В свое время израильский военный историк Мартин ван Кревельд написал: «Мир стал свидетелем того, как Соединенные Штаты напали на Ирак – как оказалось, без всякой видимой причины. Если бы иранцы не пытались создать ядерное оружие, с их стороны это было бы сумасшествием», особенно когда им постоянно угрожают нападением в нарушение Хартии ООН[124].

Соединенные Штаты и Европа объединили усилия, чтобы наказать Иран за то, что он угрожает «стабильности». В техническом смысле этот термин означает беспрекословное следование требованиям США, но здесь полезно напомнить, в какой они оказались изоляции; неприсоединившиеся страны активно поддержали право Ирана обогащать уран. Турция, главная политическая сила в регионе, в Совете Безопасности проголосовала против выдвинутого США предложения о введении санкций, к ней присоединилась и Бразилия, самая уважаемая страна на глобальном Юге. Их непокорность привела к жесткой критике, и уже не в первый раз: в 2003 году, когда правительство Турции, следуя воле 95 % своего населения, отказалась участвовать во вторжении в Ирак, ее подвергли резкому осуждению за якобы слабую, по западным меркам, хватку демократии.

Но если непокорность Турции Соединенные Штаты еще могут стерпеть – хотя и не без тревоги, – то игнорировать Китай им гораздо труднее. Средства массовой информации предупреждают, что «китайские инвесторы и представители торговых кругов заполняют образовавшийся в Иране вакуум, по мере того как оттуда уходит бизнес из других стран, в первую очередь из Европы», и особенно что Китай расширяет свое доминирование в энергетической промышленности Ирана[125]. Вашингтон на это реагирует не без доли отчаяния. Государственный департамент предупредил Китай, что если он желает, чтобы его принимало «международное сообщество» – под этим техническим термином подразумеваются сами Соединенные Штаты и все те, кто с ними согласен, – то ему нельзя уклоняться от международной ответственности, которая представляется очевидной, то есть он должен следовать приказам США[126]. Китай это, похоже, не впечатлило.

Кроме того, немалую тревогу вызывает растущая китайская военная угроза. Исследования, проведенные недавно Пентагоном, предупреждают, что военный бюджет этой страны приближается к «одной пятой того, что Пентагон потратил на войны в Ираке и Афганистане», хотя это конечно же лишь малая толика военного бюджета самих США. Наращивание китайской военной мощи может «подорвать способность американских военных кораблей осуществлять операции в международных водах у его берегов», добавила *New York Times*[127]. Иными словами – у берегов Китая. Теперь остается лишь предложить Соединенным Штатам уничтожить военно-морские подразделения, закрывающие китайским военным кораблям вход в Карибское море.

Непонимание Китаем правил международной вежливости демонстрируют и его возражения против планов участия передового авианосца «Джордж Вашингтон» с ядерной силовой установкой участвовать в морских учениях в нескольких милях от китайского побережья, что предоставило бы потенциальную возможность нанести по Пекину удар.

В отличие от Китая, Запад понимает, что подобные американские операции направлены на защиту «стабильности» и его собственной безопасности. Либеральное издание *New Republic* выразило озабоченность тем, что «Китай направил десять военных кораблей в международные воды неподалеку от японского острова Окинава»[128], назвав это провокацией, в отличие от того факта, никем не упоминаемого, что Вашингтон превратил остров в крупнейшую военную базу, проигнорировав массовые протесты жителей Окинавы, что с точки зрения стандартного принципа, гласящего, что мир принадлежит нам, уже не провокация.

Если отложить в сторону глубоко укоренившуюся имперскую доктрину, то у соседей Китая есть все основания опасаться его растущей военной и экономической мощи.

Если доктрина «великой зоны» все еще преобладает, то возможностей ее реализации стало значительно меньше. Пик могущества Соединенных Штатов пришелся на годы после Второй мировой войны, когда на их долю приходилась буквально половина мировых богатств. Но оно, вполне естественно, постоянно шло на спад по мере того, как промышленные экономики других государств

возрождались после посеянной войной разрухи, и по мере того, как своим мучительным путем шла деколонизация. К началу 1970-х годов доля США в совокупных мировых ценностях снизилась до 25 %, а индустриальный мир стал трехполярным: Северная Америка, Европа и Восточная Азия (на тот момент опиравшаяся на Японию). Кроме того, в 1970-х годах в экономике США произошли резкие перемены в сторону ее финансиализации и экспортной направленности. Сразу несколько факторов сошлись воедино, породив порочный круг радикальной концентрации богатств в руках крохотной доли в один процент населения – в основном руководителей компаний, менеджеров хедж-фондов и им подобных. Это повлекло за собой концентрацию политической власти, а затем и изменения в государственной политике, направленные на повышение концентрации экономики: фискальных мер, правил корпоративного управления, дерегулирования и многого другого. Стоимость избирательных кампаний тем временем взлетела до небес, что заставило партии залезть в карман представителям крупного капитала: республиканцы делали это рефлекторно, да и демократы – сегодня больше напоминающие умеренных республиканцев – от них тоже далеко не отставали.

Выборы превратились в фарс, ими стала править индустрия политической рекламы. После победы Обамы в 2008 году экономисты присудили ему премию за лучшую маркетинговую кампанию года. Исполнительная власть впала в эйфорию. В освещающей вопросы бизнеса прессе появились разъяснения, что маркетинговые кандидаты, подобно другим товарам, существовали и раньше, еще со времен Рональда Рейгана, но выборы 2008 года стали величайшим достижением и полностью изменили стиль корпоративных советов директоров. Выборы 2012 года обошлись в два миллиарда долларов, которые главным образом заплатил корпоративный сектор[129]. И то, что Обама раздал ключевые должности в своей администрации воротилам бизнеса, еще одно маленькое чудо, не так ли? Народ проявляет недовольство и злится, но до тех пор, пока доминирует доктрина Муашера, это не играет ровным счетом никакой роли.

Если богатство и власть сосредоточены в руках небольшой прослойки населения, то доходы большинства простых граждан даже не думают расти, люди соглашаются работать больше времени, влезают в долги, их активы поражает инфляция и периодически

съедают финансовые кризисы, ставшие привычными с 1980-х годов, когда были упразднены механизмы регулирования.

Для очень богатых, извлекающих выгоду из государственного страхования, «слишком значимого, чтобы рухнуть», ни одна из этих проблем не стоит. Это государственное страхование – дело далеко не последнее. Рассматривая одну лишь способность банков занимать деньги по более низким ставкам благодаря неявным субсидиям со стороны налогоплательщиков, *Bloomberg News*, ссылаясь на рабочий доклад Международного валютного фонда, полагает, что «налогоплательщики отдают крупным банкам 83 миллиарда долларов в год», что практически равно их совокупной прибыли; этот вопрос «жизненно важен в плане понимания того, почему крупные банки представляют такую угрозу для глобальной экономики»[130]. Более того, банки и инвестиционные кампании могут совершать рискованные сделки, надеясь сорвать крупный куш, а когда система неизбежно рушится, бегут за финансовой помощью – то есть за деньгами налогоплательщиков – к государству, выступающему в роли няньки, сжимая в руках труды Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана.

Со времен правления Рейгана этот процесс принял регулярный характер, причем каждый следующий кризис всегда страшнее предыдущего – имеется в виду, для простых граждан. Для значительной части населения реальная безработица пребывает на критическом уровне, но вот инвестиционный банк *Goldman Sachs*, один из творцов нынешнего кризиса, стал богаче, чем когда-либо. Он спокойно объявил о 17,5 миллиарда компенсации за 2010 год, а его главный исполнительный директор Ллойд Бланкфейн получил бонус в размере 12,6 миллиона долларов, в то время как его основная зарплата выросла больше чем в три раза[131].

Привлекать внимание к подобным фактам не принято. Следовательно, пропаганда должна стремиться обвинять других, в частности всех занятых в общественном секторе, получающих заоблачные зарплаты и пенсии. Допустимы и другие фантазии по образу и подобию измышлений Рейгана о чернокожих матерях, раскатывающих в роскошных лимузинах на пособие по безработице, и им подобные, не заслуживающие даже того, чтобы упоминать их. Мы все должны затягивать пояса – точнее, почти все.

Особенно удобной целью являются учителя, как часть целенаправленных усилий по уничтожению системы общего образования через приватизацию образовательных учреждений от детских садов до университетов. Подобная политика, опять же, хороша для богатых, но оборачивается катастрофой для населения, а в долгосрочной перспективе и для здоровья экономики, хотя это один из побочных эффектов, которые не учитываются до тех пор, пока господствуют рыночные принципы.

В роли еще одной замечательной цели, как обычно, выступают иммигранты. В истории США так было всегда, но особенно в периоды экономических кризисов. Сегодня проблема усугубляется ощущением того, что у нас отнимают страну: белое население вскоре окажется в меньшинстве. Злость оскорбленных в своих чувствах людей конечно же понять можно, но жестокость политики просто шокирует.

Кто они, иммигранты, ставшие целью? На востоке штата Массачусетс, где живу я, это индейцы-майя, бежавшие из нагорий Гватемалы в результате геноцида, проводимого любимыми убийцами Рейгана. Добавьте сюда и мексиканских жертв инициированного Клинтоном Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA). Когда в 1994 году это соглашение силой протащили через Конгресс, несмотря на протесты населения, Клинтон приступил к милитаризации американско-мексиканской границы, до этого относительно открытой. В верхах, вероятно, царило понимание того, что мексиканские кампесино не могут тягаться с американскими сельхозпроизводителями, получающими от государства огромные субсидии, и что мексиканский бизнес не выдержит конкуренции с транснациональными корпорациями США, которым в рамках документа, ошибочно названного соглашением о «свободной торговле», следует предоставлять «национальный режим» – привилегию, доступную исключительно юридическим лицам, а не тем, что из плоти и крови. И неудивительно, что эти меры повлекли за собой поток отчаявшихся беженцев и нарастание антииммигрантской истерии со стороны жертв государственной корпоративной политики собственных властей.

В значительной степени то же самое происходит и в Европе, где расизм, по-видимому, свирепствует еще больше, чем в Соединенных Штатах. Можно с изумлением смотреть, как Италия жалуется на

наплыв беженцев из Ливии, в Первую мировую войну пострадавшей от рук фашистского итальянского правительства. Французский президент Николя Саркози мрачно предупреждает о «лавине иммигрантов», а Марин Ле Пен, лидер партии «Национальный фронт», обвиняет его в том, что он не делает ровным счетом ничего, чтобы эту волну предотвратить. Но, на минуточку, Франция, и по сей день остающаяся главной защитницей диктаторских режимов в своих бывших колониях, умудряется не обращать внимания на вопиющие жестокости в Африке. А что касается Бельгии, то она вполне могла бы выиграть приз как страна с самым высоким уровнем «беспощадной несправедливости европейцев», по выражению Адама Смита.

Рост влияния в значительной части Европы неофашистских партий представляет собой пугающий феномен, даже если не упоминать о событиях, имевших место на континенте еще совсем недавно. Давайте представим, как отреагировали бы евреи, если бы их изгнали из Франции, обрекая на гонения и нищету, а потом посмотрим на явное отсутствие реакции на точно такие же беды цыган – тоже жертв холокоста и этническую группу, подвергающуюся в Европе самым жестоким преследованиям.

В ходе национальных выборов в Венгрии неофашистская партия «Йоббик» получила 21 % голосов. С учетом этого неудивительно, что три четверти населения страны считают, что им стало хуже, чем во времена правления коммунистов[132]. Мы, вероятно, могли бы испытать облегчение от того, что ультраправую партию Йорга Хайдера в Австрии поддержал только каждый десятый избиратель, если бы не тот факт, что Партия свободы, примыкающая к ней с правого фланга, получила более 17 %[133]. (Если вспомнить, что в Германии в 1928 году нацисты набрали менее 3 % голосов, становится просто жутко[134].) В Англии Британская национальная партия и праворадикальная ультрарасистская Лига английской обороны также представляют собой весьма влиятельные политические силы.

В Германии стенания Тило Саррацина по поводу того, что иммигранты разрушают страну, потянули на целую книгу, которая тут же стала бестселлером. Ангела Меркель, хоть и осудила этот труд, все же признала, что политика мультикультурализма «окончательно провалилась»: турки, приезжающие в страну заниматься грязной

работой, отказываются превращаться в белокурых и голубоглазых истинных арийцев[135].

Те, кто обладает чувством иронии, могут вспомнить, что Бенджамин Франклин, один из ключевых деятелей Просвещения, советовал недавно освободившимся колониям не пускать к себе иммигрантов из Германии, потому что они слишком смуглы, как и шведы. В XX веке смехотворные мифы о чистоте англосаксонской расы стали обычным явлением в Соединенных Штатах, в том числе среди президентов и других высокопоставленных государственных деятелей. Расизм в нашей литературе возвысился в ранг непристойности. Куда проще было справиться с полиомиелитом, чем с этой ужасной чумой, которая регулярно становится более заразной во времена экономических потрясений.

Мне не хотелось бы заканчивать, не упомянув еще одно явление, которое игнорируют рыночные системы: судьбу нашего вида. Финансовые системные риски можно излечить с помощью налогоплательщиков, но никто не придет нам на помощь, если мы уничтожим окружающую среду. А то, что ее обязательно надо уничтожить, стало чем-то вроде основополагающего императива. Влиятельные бизнесмены, проводящие целые пропагандистские кампании с целью убедить население в том, что антропогенное глобальное потепление представляет собой либеральную ложь, прекрасно понимают весь масштаб угрозы, но при этом вынуждены работать ради извлечения максимальной прибыли и доли на рынке. Если это не сделают они, сделает кто-то другой.

Этот порочный круг вполне может оказаться гибельным. Чтобы осознать, насколько серьезна стоящая перед нами угроза, достаточно взглянуть на Конгресс Соединенных Штатов, оказавшийся у власти благодаря финансированию со стороны бизнеса и пропаганде. Практически все республиканцы вообще отрицают климатические изменения. Они уже стали урезать финансирование мер, способных оттянуть экологическую катастрофу. Но еще хуже, что некоторые действительно в это верят; возьмите, к примеру, нового главу Подкомитета по окружающей среде, который заявил, что глобального потепления не может быть в принципе, потому как Бог пообещал Ною больше не устраивать потопов[136].

Если бы подобное происходило в какой-нибудь маленькой далекой стране, можно было бы посмеяться, но если подобное изрекают высокопоставленные чиновники самого могущественного государства в мире, уже не до смеха. И перед тем как смеяться, неплохо вспомнить, что нынешний экономический кризис в немалой степени обусловлен фанатичной верой в такие догмы, как эффективные рыночные прогнозы, и, в более широком смысле, в «религию», по выражению Джозефа Стиглица, которую лучше всего знают рынки, – религию, не позволившую Центральному банку и профессиональным экономистам (за рядом исключений, заслуживающих всяческого уважения) заметить ипотечный пузырь в размере восьми триллионов долларов, не имеющий основы ни в каких экономических предпосылках. Тот самый пузырь, который впоследствии лопнул и обрушил всю экономику[137].

Все это, как и многое другое, может продолжаться и дальше, до тех пор пока господствует доктрина Муашера. Пока население апатично и пассивно, пока увлекается потреблением и ненавистью к слабому, власть имущие могут делать все, что хотят, а те, кто выживет, будут созерцать результаты их деятельности.

5. Упадок Америки: причины и последствия

То, что «страна, которую еще совсем недавно все приветствовали, которая шагала по миру, как колосс, обладающий несравненным могуществом и притягательностью… ныне приходит в упадок, зловеще угрожающий полным разложением»[138], в Соединенных Штатах «стало обыденной темой». Эта тема, сформулированная в 2011 году в летнем номере журнала Академии политических наук, действительно вызывает доверие, и не без причины, хотя здесь требуется целый ряд оговорок. В действительности упадок начался вскоре после Второй мировой войны, когда США были еще на пике своего могущества, а замечательная риторика триумфального десятилетия после крушения Советского Союза, по большому счету, была самообманом. К тому же общепризнанный вывод о том, что могущество переходит к Китаю и Индии, вызывает большие сомнения. Это бедные государства с огромными внутренними проблемами. Мир конечно же становится разнообразнее, но невзирая на весь упадок Америки никаких конкурентов на роль могущественного глобального гегемона в ближайшем обозримом будущем ей опасаться нечего.

Давайте вкратце вспомним, в качестве важного элемента истории, что во время Второй войны специалисты по планированию признавали – по окончании войны страна будет обладать непревзойденным могуществом. Из документов того периода следует, что «президент Рузвельт был нацелен на гегемонию США в послевоенном мире», если прибегнуть к оценке историка дипломатии Джеффри Уорнера, одного из ведущих специалистов по этой теме[139]. Доктрины подобного рода превалируют и сегодня, однако былым размахом похвастаться уже не могут.

Планы военных лет, которые вскоре следовало скрупулезно воплотить в жизнь, были вполне реалистичными. Соединенные Штаты на тот момент давно стали богатейшей страной мира, намного опередив всех остальных. Война положила конец Великой депрессии, и американская промышленная мощь выросла практически в четыре раза, в то время как ее конкуренты были разорены. К концу войны Соединенные Штаты обладали половиной мировых богатств и не знали себе равных в плане безопасности[140]. Каждому региону «великой зоны» отводилась определенная «функция» в рамках глобальной системы. Наступившая впоследствии «холодная война» в значительной мере сводилась к усилиям двух супердержав установить собственный порядок в зонах их влияния: Советского Союза – в Восточной Европе, США – во всем остальном мире.

К 1949 году «великая зона», которую планировали контролировать Соединенные Штаты, серьезно сократилась по причине «потери Китая», как это обычно принято называть[141]. Фраза довольно любопытная: потерять можно только то, чем ты владеешь, но при этом считается само собой разумеющимся, что Соединенным Штатам по праву принадлежит весь мир. Вскоре из-под контроля Вашингтона стала ускользать Юго-Восточная Азия, что привело к кошмарным войнам в Индокитае и повальным убийствам в Индонезии в 1965 году, когда США восстановили в этой стране свое господство. Одновременно по всему миру свергались правительства и применялось массовое насилие с целью поддержания так называемой стабильности.

Но упадок был неизбежен – по мере того как восстанавливалась промышленность других государств и по мере того как своим мучительным чередом шла деколонизация. К 1970 году

принадлежащая США доля мировых богатств сократилась до 25 %[142]. Промышленный мир стал триполярным, в роли крупнейших его центров теперь выступали Соединенные Штаты, Европа и Азия, главным экономическим оплотом которой на тот момент была Япония, превращавшаяся в самый динамичный регион планеты.

Двадцать лет спустя рухнул СССР. Реакция Вашингтона на это событие очень многому учит нас в плане реальности «холодной войны». Администрация президента Джорджа Буша-старшего, который тогда был у власти, тут же заявила, что политика никоим образом не изменится, хотя объяснять ее теперь будут уже другими причинами: содержать огромные армии нужно не для защиты от русских, а для противостояния «технологическим ухищрениям» стран третьего мира. Аналогичным образом, пришлось поддерживать и «промышленное производство оборонительных систем», хотя под этим эвфемизмом подразумеваются высокотехнологичные отрасли, в огромной степени зависящие от правительственных субсидий и инициатив. Целью сил вторжения оставался Ближний Восток, в серьезных проблемах которого, после полувека обмана и лжи, больше «нельзя было обвинять Кремль». Все молчаливо признали, что главным камнем преткновения всегда был «радикальный национализм», иными словами, попытки государств идти по пути независимости в нарушение принципов «великой зоны»[143]. Эти принципы никто и не думал коренным образом менять, что вскоре недвусмысленно показала доктрина Клинтона (согласно которой Соединенные Штаты могли в одностороннем порядке прибегать к военной мощи для продвижения своих экономических интересов) и глобальное расширение НАТО. После краха вражеской сверхдержавы наступил период эйфории, насыщенный волнительными сказками о «конце истории» и трепетными аплодисментами в адрес внешней политики президента Билла Клинтона, которая вошла в «фазу благородства», окруженная «ореолом святости», и впервые в истории повела нацию по пути «альтруизма», по пути приверженности «ценностям и принципам». «Новому миру идеалистов» больше ничто не мешало «положить конец бесчеловечности», теперь наконец он мог беспрепятственно продвигать недавно родившиеся международные нормы гуманитарного вмешательства.

И это только несколько страстных похвал видных интеллектуалов того времени[144].

Но так восторгались не все. Традиционные жертвы, такие как глобальный Юг, яростно осуждали так называемое право на гуманитарную интервенцию, считая его не чем иным, как старым «правом» на имперское доминирование, но выряженным в новые одежды[145]. Более трезвые головы среди политической элиты внутри страны видели, что для значительной части мира США «превращались в необузданную сверхдержаву», «в величайшую внешнюю угрозу народам». «Первейшим необузданным государством сегодня являются Соединенные Штаты», как сказали Сэмюэл П. Хантингтон, профессор политологии из Гарварда, и Роберт Льюис, президент Американской ассоциации политологии[146]. Когда к власти пришел Джордж Буш-младший, нараставшую в мире волну враждебности к Соединенным Штатам уже нельзя было игнорировать; особенно рейтинги Буша упали в арабских странах. Обама и вовсе совершил впечатляющий подвиг: его поддержка в Египте скатилась до 5 %, да и в других государствах региона тоже была ненамного большей[147].

Упадок тем временем продолжался. В следующее десятилетие США «потеряли» и Южную Америку. Это уже было серьезно; подобно тому, как администрация Никсона спланировала уничтожение чилийской демократии – поддержанный США военный переворот «первого 11 сентября», после которого установилась диктатура генерала Августо Пиночета, – Совет национальной безопасности зловеще заявил, что если Соединенные Штаты не смогут контролировать Латинскую Америку, то им нечего даже думать «добиться порядка в любых других уголках мира»[148]. Но куда серьезнее были поползновения на демократию на Ближнем Востоке – по причинам, недвусмысленно названным в планах, разрабатываемых сразу после Второй мировой войны.

Еще одна опасность: значимые шаги в сторону демократии. Ответственный редактор *New York Times* Билл Келлер с умилением написал о стремлении Вашингтона «обнять всех тех, кто жаждет демократии в Северной Африке и на Ближнем Востоке»[149]. Однако опросы общественного мнения арабов ясно показали, что шаги по созданию функциональной демократии, при которой на политику будет влиять мнение народа, для Вашингтона обернется катастрофой:

как мы уже видели, Арабский мир усматривает в Соединенных Штатах свою главную угрозу и поэтому вышвырнет их вместе с союзниками из региона при первой же возможности.

В течение долгого времени американская политика, по большому счету, оставалась стабильной, но при Обаме претерпела значительные изменения. Военный аналитик Йочи Дризен с соавторами на страницах издания *Atlantic* заметил, что если политика Буша заключалась в том, чтобы хватать подозреваемых и затем их пытать, то Обама попросту убивает их, резко активизируя использование террористического оружия (беспилотники) и персонала спецподразделений (команды ликвидаторов)[150]. Подразделения специального назначения сегодня развернуты в 147 странах[151]. Отряд, посланный Обамой для уничтожения Усамы бен Ладена, скорее всего, на тот момент уже выполнил с дюжину аналогичных миссий в Пакистане. Как демонстрируют эти и многие другие процессы, хотя гегемония США и пошла на спад, их амбиции остаются старыми.

Еще одной традиционной темой, по крайней мере среди тех, кто не желает добровольно закрывать глаза, является тот факт, что Америка в немалой степени сама несет ответственность за свой упадок. Разыгравшаяся в Вашингтоне комедийная опера на тему того, стоит или нет «закрывать» правительство, вызвавшая отвращение у всей страны (большинство жителей которой полагают, что нужно всего лишь распустить Конгресс) и смутившая весь мир, имеет совсем немного аналогов в анналах парламентской демократии. Это зрелище напугало даже спонсоров фарса. Могущественный корпоративный сектор озаботился тем, что экстремисты, которым они помогли прийти к власти, могут упразднить ту самую систему, на которой зиждятся их собственное благосостояние и привилегии, – могущественное «государство-няньку», обслуживающее их интересы.

Прославленный американский социолог и философ Джон Дьюи как-то назвал политику «тенью, которую отбрасывает на общество крупный бизнес», предупредив, что «смягчение этой тени сути никак не изменит»[152]. С 1970-х годов эта тень превратилась в мрачное облако, окутавшее общество и политическую систему. Корпоративная власть, к этому моменту в существенной мере связанная с финансовым капиталом, достигла той точки, когда обе политические организации, сегодня едва напоминающие традиционные партии, стали иметь очень

отдаленное отношение к праву народа высказывать свое мнение по обсуждающимся ключевым вопросам.

Для простых граждан первейшей внутренней проблемой является тяжелый кризис, вызванный безработицей. В сложившихся обстоятельствах решить этот жизненно важный вопрос можно лишь путем реализации правительством стимулирующих мер, выходящих далеко за рамки инициатив Обамы в 2009 году, которые лишь соответствовали сокращениям в государственном и муниципальном секторах, хотя, вероятно, и сохранили миллионы рабочих мест. Что касается финансовых институтов, то их первейшей заботой является дефицит бюджета. А раз так, то и обсуждается только он. Значительное большинство населения (72 %) предпочли бы сократить его за счет налогообложения самых богатых[153]. Против сокращения программ в сфере здравоохранения выступает значительное большинство (69 % в случае с программой *Medicaid* и 78 % в отношении программы *Medicare[154])*. А раз так, то результат, надо полагать, будет противоположным.

Сообщая о результатах исследования того, как простые граждане решили бы проблему дефицита бюджета, Стивен Кулл, директор Программы общественных опросов, пишет, что «администрация президента и депутатский корпус, в большинстве своем представленный республиканцами, явно идут не в ногу с ценностями и приоритетами простых граждан во всем, что касается бюджета… Ключевая разница в его расходной части заключается в том, что народ предпочитает сокращать расходы на оборону, в то время как администрация и парламент предлагают их даже немного увеличить… Народ также за увеличение расходов на профессиональную подготовку, образование и контроль за загрязнением окружающей среды, на что не согласны ни администрация, ни депутаты»[155].

Затраты Буша и Обамы на войны в Ираке и Афганистане на сегодняшний день оцениваются в 4,4 триллиона долларов – огромная победа Усамы бен Ладена, провозгласившего цель обанкротить Америку, заманив ее в ловушку[156].

Военный бюджет США на 2011 год – почти равный совокупным затратам на оборону всех остальных государств мира – в реальных цифрах (с поправкой на инфляцию) был больше, чем когда-либо после Второй мировой войны, а в будущем планируется его увеличение.

Сегодня ходит много непонятных разговоров о том, чтобы сократить военный бюджет, но в такого рода сообщениях нет ничего о том, что это коснется только запланированных показателей роста финансирования Пентагона.

Долговой кризис в немалой степени был задуман в качестве оружия уничтожения ненавистных социальных программ, на которые полагается основная часть населения. Весьма уважаемый экономический обозреватель *Financial Times* Мартин Вулф пишет, что «срочно менять позицию по налогам государству не надо… США могут занимать на хороших условиях под доходность 10-летних бондов на уровне 3 %, как и предсказывали некоторые экономисты, не склонные к истерии. Налоговый вызов носит не срочный, но долгосрочный характер». А потом, что весьма важно, добавляет: «Удивительным свойством федерального бюджета является то, что налоговые доходы в 2011 году прогнозируются на уровне 14,4 % ВВП, что намного ниже средних показателей послевоенных лет на уровне 18 %. Доходы от налогообложения физических лиц в 2011 году ожидаются в пределах 6,3 % ВВП»[157]. Этот европеец, далекий от американских дел, никак не может понять, из-за чего весь переполох: в 1998 году, под конец правления Рональда Рейгана, налоговые сборы составляли 18,2 % ВВП. Если мы хотим сократить бюджет, то налоговые доходы должны быть существенно выше. Все вышеизложенное действительно удивительно, но на сокращении дефицита бюджета настаивают финансовые институты и самые богатые слои общества, а в условиях демократии, которая быстро катится вниз, только это и идет в расчет.

Хотя кризис бюджетного дефицита был задуман по причинам жестокой классовой войны, долгосрочный долговой кризис – вещь серьезная. Таковым он остается с тех пор, как Рональд Рейган проявил безответственный подход к налоговой системе и превратил Соединенные Штаты из крупнейшего в мире кредитора в крупнейшего мирового заемщика, утроив государственный долг, на фоне чего выросли угрозы экономике. При Джордже Буше-младшем этот процесс еще больше набрал обороты. Впрочем, на сегодняшний день главной проблемой является не он, а кризис безработицы.

Конечный «комромисс» по этому кризису – точнее, капитуляция крайне правых – стал полной противоположностью надеждам и

чаяниям простых граждан. Некоторые серьезные экономисты, пожалуй, не согласились бы с экономистом Гарварда Лоуренсом Саммерсом, что «текущей проблемой Америки является не чрезмерный дефицит бюджета, а безработица и растущий долг» и что соглашение об установлении верхней планки долга, к которому пришли в Вашингтоне, хоть и предпочтительнее (очень маловероятного) дефолта, но все же наносит еще больший ущерб экономике, которая и без того идет на спад[158].

Предложенный экономистом Дином Бейкером вариант преодолеть бюджетный кризис путем замены недееспособной приватизированной системы здравоохранения другой, сходной с теми, что созданы в других развитых странах, и в расчете на душу населения обходятся вдвое дешевле, при этом обеспечивая как минимум сравнимые результаты, даже не обсуждается[159]. Финансовые институты и фармацевтическая индустрия слишком могущественны, чтобы подобные возможности в принципе рассматривались, хотя эту идею саму по себе вряд ли можно назвать утопичной. По тем же причинам на повестке дня не стоит обсуждение и других критически важных с точки зрения экономики возможностей, таких как низкое налогообложение финансовых сделок.

Тем временем Уолл-стриту преподносят все новые подарки. Парламентский Комитет по ассигнованиям сократил бюджетную заявку Комиссии по ценным бумагам и биржам, которая является самым первым барьером против финансовых махинаций, при этом Конгресс оттачивает все новые виды оружия против грядущих поколений. Например, на фоне сопротивления республиканцев делу защиты окружающей среды «одно из крупнейших коммунальных предприятий Америки подрывает поистине выдающиеся усилия нации установить улавливающие углекислый газ фильтры на угольной электростанции, нанося серьезный ущерб попыткам сократить выбросы, ответственные за глобальное потепление», – сообщает *New York Times*[160].

Подобные удары, наносимые самим себе, хоть и набирают силу, но не являются изобретением последних лет. Своими корнями они восходят к 1970-м годам, когда национальная политэкономия подверглась радикальным трансформациям, положив конец так называемому золотому веку [государственного] капитализма. Двумя

важнейшими элементами этих перемен стали финансиализация и перенос промышленных мощностей в другие государства: и то, и другое стало следствием снижения прибылей в промышленности, а также демонтажа послевоенной Бреттон-Вудской системы финансового регулирования и контроля над капиталом. Идеологический триумф «доктрин свободного рынка», как всегда в высшей степени избирательных, впоследствии нанес еще серию ударов, по мере того как эти доктрины оборачивались отказом от регулирования и правил корпоративного управления, связывающих немаленькое вознаграждение топ-менеджерам компаний с краткосрочными прибылями, а также выливались в другие аналогичные решения, обусловленные такой политикой.

Концентрация капитала в результате этих действий обеспечивала рост политической власти, разгоняя порочный круг, приведший к тому, что в руках крохотного меньшинства сосредоточились огромные богатства, в то время как доходы подавляющего большинства практически перестали расти.

Одновременно с этим стоимость выборов взлетела до космических высот, заставляя обе партии еще глубже забираться в карманы корпоративному сектору. Жалкие остатки политической демократии еще больше были подорваны, после того как обе партии стали выставлять на аукцион лидирующие должности в Конгрессе. Политический экономист Томас Фергюсон отмечает, что «по сравнению с законодательными системами государств мира, уникальной особенностью Соединенных Штатов является то, что входящие в Конгресс США политические партии сегодня назначают цену за ключевые места в законотворческом процессе». Депутаты, финансировавшие партию, получают должности, фактически прислуживая частному капиталу, выходя за любые рамки. В итоге, добавляет Фергюсон, дебаты «в огромной степени основываются на бесконечных повторениях набора слоганов, испытанных в боях за симпатии крупных национальных инвесторов и групп интересов, на ресурсы которых и полагается верхушка»[161].

Экономика, пришедшая на смену «золотому веку», инсценирует кошмар, который предвидели классики экономической науки Адам Смит и Давид Рикардо. За последние тридцать лет «владыки человечества», как называл их Смит, отказались от любых

сентиментальных забот о благосостоянии своих собственных народов. Вместо этого они сосредоточились на краткосрочных целях и огромных бонусах, попутно прокляв страну.

Наглядной иллюстрацией этого является первая полоса *New York Times*, лежащая прямо передо мной. На ней бок о бок два ключевых материала номера. Один рассказывает о том, как яростно республиканцы сопротивляются любым соглашениям, «включающим выросшие доходы» – эвфемизм для налогообложения богатых[162]. Другой озаглавлен так: «Предметы роскоши сметаются с полок даже по завышенным ценам»[163].

Эту картину, все более и более очевидную, очень кстати описывает брошюра для инвесторов, выпущенная *Citigroup*, огромным банком, который давно превратился в синекуру и регулярно, раз в тридцать лет, проходит цикл рискованных займов, непомерных прибылей, краха и последующей государственной помощи, спасающей его от банкротства. Аналитики банка описывают мир разделенным на два блока – плутономика и все остальное, – создавая глобальное общество, в котором движителем роста является немногочисленная прослойка богатых, на которых этот самый рост, собственно, и уходит. «Небогатые», то есть подавляющее большинство, которых сегодня порой называют «глобально неустойчивым», – рабочая сила, ведущая нестабильный и все более скромный образ жизни, – остается в стороне от доходов плутономики. В Соединенных Штатах плутономика стала причиной «ухудшающегося положения рабочих», хотя положение рабочих является залогом здоровой экономики, как объяснил Конгрессу глава Федеральной резервной системы Алан Гринспен, попутно вознеся до небес свои таланты в экономическом менеджменте[164]. Это настоящее изменение власти в глобальном обществе.

Аналитики *Citigroup* советуют инвесторам сосредоточиться на самых богатых, чья активность не ставится под сомнение. «Плутономическая корзина активов», как они ее называют, с 1985 года, когда Рейган и Тэтчер приступили к реализации своих программ дальнейшего обогащения тех, кто и без того был богат, значительно превзошла мировой индекс развивающихся рынков[165].

До кризиса 2008 года, за который они же и несут немалую долю ответственности, финансовые институты «постзолотого» периода

вышли на пугающий уровень экономического могущества, а их доля в корпоративных прибылях корпоративного сектора выросла более чем втрое. После краха ряд экономистов стали проявлять к их функции чисто экономический интерес. Лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Солоу пришел к заключению, что влияние этих институтов в целом носит скорее негативный характер, потому что «их успех очень мало способствует эффективности реальной экономики, если способствует вообще, в то время как экономические потрясения перекачивают средства деньги налогоплательщиков в карманы финансистов»[166]. Кромсая остатки политической демократии, эти финансовые институты прокладывают путь для дальнейшего продвижения данного убийственного процесса – до тех пор, пока их жертвы будут согласны молча страдать.

Но давайте вернемся к «обыденной теме» о том, что Соединенные Штаты «приходят в упадок, зловеще угрожающий полным разложением». Хотя стенания на сей счет и существенно преувеличены, элементы правды в них все же есть. Глобальное американское могущество и в самом деле пошло на спад сразу после пика, пришедшегося на первые годы по окончании Второй мировой войны. Да, Соединенные Штаты по-прежнему остаются самой сильной державой мира, но им поневоле приходится делиться глобальной властью с прочими странами, что все чаще не позволяет США навязывать другим свою волю. Но этот упадок имеет множество измерений и аспектов, не очень легко поддающихся пониманию. Общество внутри страны тоже приходит в упадок во многих значимых отношениях, но то, что одни воспринимают упадком, для других оборачивается невероятными богатствами и привилегиями. Для плутономики – точнее, для ее крохотной прослойки на самом верху – этих привилегий и богатств хоть отбавляй, в то время как для подавляющего большинства перспективы зачастую весьма мрачны, а многим даже приходится сталкиваться с проблемой выживания в стране, обладающей несравненными преимуществами.

6. С Америкой покончено?

Некоторые важные годовщины – например, нападения Японии на военно-морскую базу США в Пёрл-Харборе – отмечаются у нас с большой помпой. Другие замалчиваются, из чего мы нередко можем извлечь бесценные уроки и понять, что нас ждет впереди.

Никто не стал устраивать церемоний в честь пятидесятилетней годовщины принятого президентом Джоном Кеннеди решения осуществить самый разрушительный и убийственный акт агрессии за весь период после Второй мировой войны – вторжение в Южный Вьетнам, а позже и в Индокитай в целом, повлекшее за собой гибель миллионов людей и опустошившее четыре страны, причем число жертв этих войн продолжает расти – дает о себе знать отложенный эффект «обработки» Южного Вьетнама самыми смертоносными из всех известных канцерогенами с целью уничтожения посевов и урожая.

Поначалу целью был Южный Вьетнам. Затем агрессия распространилась и на Северный Вьетнам, перекинулась на крестьянскую глушь севера Лаоса, а потом и на сельские районы Камбоджи, которая подверглась чудовищным бомбардировкам, по своему масштабу равным всем операциям США и их союзников в Тихоокеанском регионе во время

Второй мировой войны, включая две атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки. В этом случае приказы советника по национальной безопасности Генри Киссинджера натравить «все, что летает, на все, что движется» – не что иное, как открытый призыв к геноциду, который редко встретишь в анналах истории, – были выполнены[167]. Об этом почти не помнят. А большинство почти даже не знают, за исключением узкого круга активистов.

Когда пятьдесят лет назад началось вторжение, это до такой степени не вызвало озабоченности в обществе, что попытки найти оправдания почти не предпринимались, а президент ограничился бесстрастной жалобой на то, что «нам по всему миру противостоит беспощадный монолитный заговор» и если с этим заговором не покончить, то «врата широко распахнутся»[168].

В другой раз он предупредил, что «самодовольные, потакающие своим прихотям слабые народы вскоре будут погребены под руинами истории, и выжить, вероятно, удастся только сильным», – в этом случае он отразил провал американской агрессии против Кубы при попытке раздавить независимость этой страны[169].

К моменту начала масштабных протестов полдесятилетия спустя всеми уважаемый специалист по Вьетнаму и военный историк Бернард Фолл, далеко не голубь мира, предсказал, что «Вьетнаму как

культурной и исторической общности… грозит истребление, потому что страна буквально погибает под ударами крупнейшей военной машины, когда-либо перемалывавшей регион подобных размеров»[170]. Он, опять же, ссылался на Южный Вьетнам.

По окончании войны, восемь лет спустя, преобладающие в обществе настроения разделились между теми, кто представлял ее «благородным делом», которое можно было решительно довести до победного конца и более решительно, и их ярыми противниками и критиками, для которых война была «ошибкой», давшейся слишком высокой ценой. В 1977 году президент Картер не стал уделять этой проблеме сколь-нибудь существенного внимания, объяснив, что мы «ничего не должны» Вьетнаму, потому что «разрушения были взаимными»[171].

Сегодня мы можем извлечь из всего этого очень важные уроки, даже если отложить в сторону упоминание о том, что в совершенных преступлениях должны отчитываться лишь слабые и поверженные. Один из них заключается в том, чтобы понять, что происходит, – мы должны уделять внимание не только ключевым событиям, имеющим место в реальном мире, но зачастую исключаемым из истории, но также и воззрениям лидеров и элит, пусть эти воззрения и не лишены доли фантазии. Еще один урок сводится к тому, что наряду с полетом фантазии, задуманной с целью напугать и мобилизовать население (фантазии, в которую, вероятно, верят некоторые из тех, кто оказался в ловушке собственной риторики), существует и такое понятие, как геостратегическое планирование, с давних пор базирующееся на рациональных, неизменных принципах, уходящих своими корнями в стабильные институты и решаемые ими проблемы. К этой теме я еще вернусь, здесь же лишь подчеркну, что стойкие факторы в деятельности государства в общем случае тщательно скрываются.

Поучительным примером является война в Ираке. Запуганному обывателю ее преподнесли под традиционным предлогом защиты от страшной угрозы выживанию: «единственный вопрос», как заявили Джордж Буш-младший и Тони Блэр, заключался в том, доведет ли Саддам Хуссейн до конца свои программы по созданию оружия массового поражения. А когда на этот единственный вопрос был получен совсем не тот ответ, что ожидалось, руководство страны без видимых усилий сместило риторику в сторону «стремления к

демократии». Этим же курсом, как и положено, последовало и мнение просвещенных мужей.

Позже, когда масштаб поражения США в Ираке стало трудно скрывать дальше, правительство молчаливо признало то, что было ясно с самого начала. В 2007 году администрация официально объявила, что соглашение об окончательном урегулировании должно предоставить Соединенным Штатам право создавать военные базы, проводить боевые действия и отдавать предпочтение американским инвесторам, желающим вложить средства в богатую энергетическую систему страны, впоследствии от этих требований с большой неохотой пришлось отказаться, и то лишь потому, что иракцы оказали этим планам стойкое сопротивление, а простым гражданам об этом практически ничего не сообщалось.

Масштаб американского упадка

С учетом этих уроков небесполезно присмотреться к акцентам ведущих общественно-политических изданий. Давайте возьмем самый престижный журнал истеблишмента *Foreign Affairs*. Заголовок на обложке номера за ноябрь – декабрь 2011 года сразу же бросается в глаза: «С Америкой покончено?»

Статья, обусловившая этот заголовок, призывает к «урезанию гуманитарных миссий» за рубежом, расходующих национальные богатства, чтобы остановить упадок Америки, который стал главной темой международного дискурса в сфере международной политики, обычно сопровождаемой выводом о том, что власть переходит к странам Востока – Китаю и (возможно) Индии[172].

Два первых предваряющих комментария касаются Израиля и Палестины. Первый, авторами которого выступили два высокопоставленных израильских чиновника, называется «Проблема в палестинском неприятии». Они утверждают, что конфликт нельзя разрешить, потому что палестинцы отказываются признавать Израиль в качестве еврейского государства, следуя стандартной дипломатической практике: признать государство, но не признать его привилегированные сектора[173]. Выдвинутое палестинцам требование признать Израиль представляет собой единственно новый механизм устранения угрозы политического урегулирования, которое помешало бы Израилю в реализации его экспансионистских целей.

Противоположное мнение, отстаиваемое одним американским профессором, вкратце изложено в заголовке другой статьи: «Израильский бункерный менталитет»[174]. Подзаголовок к ней звучит так: «Как оккупация разрушает нацию». Какую нацию? Израиль конечно же. Эти две статьи соседствуют на обложке под общим заголовком «Израиль в осаде».

Номер за январь – февраль 2012 года содержит в себе еще один призыв к бомбардировке Ирана, «пока не стало слишком поздно». Предупреждая о «рисках сдерживания», автор предполагает, что «скептики военного вмешательства никак не могут осознать истинную опасность, которую обладающий ядерным оружием Иран представлял бы для интересов Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и за его пределами. А их мрачные прогнозы предвещают, что лечение будет хуже самой болезни, то есть что последствия нападения США на эту страну будут столь же плачевными, если не хуже, чем в случае реализации Ираном его ядерных амбиций. Но эта предпосылка ложна. Истина заключается в том, что военный удар с целью уничтожить иранскую ядерную программу, если его тщательно спланировать и осуществить, может избавить регион и весь мир от более чем реальной угрозы и радикальным образом укрепить в долгосрочной перспективе национальную безопасность Соединенных Штатов»[175]. Другие отмечают, что такое нападение будет стоить слишком дорого, а те, кто выступает с крайних позиций, даже указывают, что это будет нарушением международного законодательства. Этим же грешит и позиция умеренных, которые периодически угрожают прибегнуть к насилию в нарушение Хартии ООН. Давайте рассмотрим эти животрепещущие вопросы по порядку.

Упадок Америки – реальность, хотя его апокалиптическая версия отражает всем знакомое убеждение правящего класса в том, что любое отсутствие полного контроля неминуемо ведет к полному краху. Невзирая на жалобные стенания Соединенные Штаты остаются доминирующей силой в мире, значительно опережая в этом отношении всех остальных; серьезных конкурентов на горизонте не наблюдается, и не только в военной сфере, где балом правят конечно же США.

Китай и Индия продемонстрировали быстрый (хотя и в высшей степени неоднородный) рост, что совершенно не мешает им оставаться

бедными странами, столкнувшимися с огромными внутренними проблемами, которых никогда не знал Запад. Китай превратился в промышленный центр, но в основном как сборочный цех для развитых индустриальных держав-соседей или западных транснациональных компаний. Со временем это, вероятно, изменится. Производство, как правило, предоставляет основу для инноваций и даже технологических прорывов, и именно это сейчас происходит с Китаем. Одним из примеров, впечатлившим западных специалистов, стал захват Китаем рынка солнечных батарей – благодаря не дешевой рабочей силе, а координации, планированию и, все чаще, инновациям.

Но проблемы, которые приходится решать Китаю, тоже очень серьезны. Одной из них, как указывает ведущий американский научный еженедельник *Science*, является демография. В приведенной в журнале статье говорится, что во времена Мао Цзэдуна смертность резко пошла на спад, «главным образом в результате экономического развития и улучшений в сфере образования и здравоохранения, особенно движения за общественную гигиену, благодаря чему радикально снизилась смертность от инфекционных заболеваний». Но после внедрения капиталистических реформ тридцать лет назад этот прогресс сошел на нет и уровень смертности вновь повысился.

Кроме того, китайский экономический рост последних лет в немалой степени объясняется «демографическим бонусом» – огромным количеством граждан трудоспособного возраста. «Однако окошко, позволяющее собрать с этого бонуса урожай, может вскоре захлопнуться, оказав глубинное влияние на развитие страны… И предложения сверхдешевой рабочей силы, которое стало одним из факторов, обеспечивших китайское экономическое чудо, больше не будет»[176].

Демография – лишь одна из грядущих серьезных проблем. Что касается Индии, то здесь вызовы стоят еще острее.

Не все ведущие средства массовой информации предрекают Америке закат. На международном уровне нет более серьезного издания, чем *Financial Times.* В 2012 году оно посвятило целую полосу оптимистичным прогнозам, в соответствии с которыми новые североамериканские технологии добычи сланцевых углеводородов позволят стране добиться энергетической независимости и, как следствие, обеспечить глобальную гегемонию еще лет на сто[177]. О

том, каким будет мир, которым станут править Соединенные Штаты, если это радостное событие действительно произойдет, не говорится ничего, но не по причине недостатка свидетельств.

Примерно в это же время Международное энергетическое агентство (МЭА) обнародовало доклад, согласно которому выбросы углекислого газа от сжигания добываемых углеводородов в 2017 пересекут опасную черту, если мир и далее будет следовать тем же курсом. «Дверь закрывается, – заявил главный экономист МЭА, – и вскоре закроется навсегда»[178].

Незадолго до этого Министерство энергетики США опубликовало данные о ежегодных выбросах углекислого газа, которые «с огромным отрывом побили все рекорды» и вышли на уровень, значительно превышающий худший сценарий Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК[179]). Для многих ученых это отнюдь не стало сюрпризом, в том числе и для участников Программы по климатическим изменениям Массачусетского технологического института, которые уже не первый год предупреждают, что прогнозы МГЭИК слишком консервативны.

Подобная критика предсказаний МГЭИК практически не привлекает к себе внимания общественности, чего нельзя сказать об экстремистах, яростно отрицающих само существование проблемы климатических изменений, чью позицию поддерживают корпоративный сектор и массовые пропагандистские кампании. Поддержка бизнеса напрямую трансформируется в политическую власть. Отрицание данной проблемы стало частью катехизиса, который республиканские кандидаты должны озвучивать в ходе нескончаемых избирательных кампаний, больше похожих на фарс, а в Конгрессе скептики на этот счет достаточно сильны для того, чтобы блокировать даже усилия, направленные на изучение влияния глобального потепления, не говоря уже о том, чтобы предпринимать в этом направлении сколь-нибудь серьезные шаги.

Одним словом, американский упадок, вероятно, можно остановить, если отказаться от надежды на достойное выживание. И такой прогноз, с учетом расстановки сил в мире, представляется вполне реальным.

«Потеря» Китая и Вьетнама

Позабыв на время о подобных неприятных мыслях и присмотревшись поближе к американскому упадку, мы можем констатировать, что Китай действительно играет в нем значительную роль, причем это продолжается последние шестьдесят лет. Закат страны, вызывающий сегодня такую озабоченность, не является феноменом последних лет и восходит своими корнями к окончанию Второй мировой войны, когда на долю Соединенных Штатов приходилась половина мировых богатств, зоной влияния Штатов была вся планета и ни одна страна не могла сравниться с ними в плане безопасности. Все те, кто занимался планированием в Вашингтоне, прекрасно осознавали сложившийся диспаритет власти и прилагали усилия с тем, чтобы его сохранить.

Господствующая точка зрения была с восхитительной прямотой сформулирована в одном из официальных документов 1948 года. Его автор – один из архитекторов нового мирового порядка того времени, глава Аппарата политического планирования Госдепартамента, уважаемый государственный деятель и ученый Джордж Кеннан, на фоне других специалистов по планированию умеренный сторонник мира. Он отметил, что главной целью политики Соединенных Штатов должно оставаться «сохранение диспаритета», отделяющего наши богатства от бедности других. Для реализации этой задачи, по его советам, «мы должны прекратить обсуждать туманные и… недостижимые цели, такие как права человека, повышение жизненных стандартов и демократизация». Вместо этого нам следует руководствоваться «концепциями прямой силы», не «обременяя себя идеалистичными слоганами» об «альтруизме и мировой благотворительности»[180].

Кеннан в тот момент говорил конкретно о ситуации в Азии, но его замечания можно обобщить, сделав исключения для участников управляемой Америкой глобальной системы. В то же время все прекрасно понимали, что «идеалистичные слоганы» следует выдвигать на первый план, обращаясь к другим, в том числе к интеллектуалам, на которых и возлагались надежды по их пропаганде.

В планах, которые помогал формулировать и воплощать в жизнь Кеннан, считалось само собой разумеющимся, что Соединенные Штаты будут контролировать все Западное полушарие, Дальний Восток, бывшую Британскую империю (включая Ближний Восток с

его колоссальными запасами энергоресурсов), а также максимально возможную территорию Евразии, особенно регионы, играющие важную роль в промышленности и торговле. С учетом распределения власти на тот момент подобные цели были вполне достижимы. Однако тут же начался упадок.

В 1949 году Китай объявил о своей независимости, вызвав в Соединенных Штатах волну взаимных обвинений и спровоцировав конфликт, разгоревшийся вокруг поиска виновных в этой «потере». Негласная предпосылка сводилась к тому, что Китай, как и большая часть остального мира, «принадлежал» Соединенным Штатам по праву, в точности как предполагали послевоенные специалисты по планированию.

«Потеря Китая» стала первым существенным шагом к «упадку Америки». Она повлекла за собой очень важные политические последствия. Одно из них – скоропалительно принятое решение о поддержке усилий Франции, направленных на восстановление власти этой страны в бывших колониях в Индокитае, чтобы заодно «не потерять» и их. Сам Индокитай почти никого не заботил, несмотря на заявления президента Эйзенхауэра и других высокопоставленных политиков о богатых ресурсах региона. Опасения скорее вызывал «эффект домино». Его нередко высмеивают, когда «костяшки» не падают, однако это не мешает ему оставаться одним из основополагающих принципов в политике по причине полной рациональности. Если взять на вооружение версию Генри Киссинджера, то регион, вышедший из-под контроля США, может стать «вирусом», который «понесет заразу дальше», побуждая других идти по тому же пути.

В случае с Вьетнамом власти боялись, что вирус независимого развития перекинется на Индонезию, которая действительно обладает богатыми ресурсами. А это, в свою очередь, могло подтолкнуть Японию – «супердомино», по выражению выдающегося историка Азии Джона Дауэра, – «примазаться» к независимой Азии, а потом стать ее технологическим и промышленным центром в рамках системы, неподвластной доминированию США[181]. По сути, это означало бы, что Соединенные Штаты проиграли Тихоокеанский этап Второй мировой войны, направленный как раз на то, чтобы не дать Японии установить новый порядок в Азии.

Способ решения этой проблемы очевиден: уничтожить вирус и «сделать прививки» тем, кто мог им заразиться. В случае с Вьетнамом логичный выбор сводился к тому, чтобы уничтожить любые надежды на успешное независимое развитие и навязать соседним регионам зверские диктаторские режимы. Эти задачи успешно выполнялись, хотя история вещь коварная и нечто подобное тому, чего так боялся Вашингтон, все же происходит сейчас в Восточной Азии, к его огромной досаде.

Самая большая победа в Индокитае была одержана в 1965 году, когда поддержанный Соединенными Штатами военный переворот привел к власти генерала Сухарто и тот стал совершать массовые преступления, которые ЦРУ сравнило со злодеяниями Гитлера, Сталина и Мао Цзэдуна. Об этой «ошеломительной массовой резне», как назвала ее газета *New York Times*, сообщалось с необузданной эйфорией – вразрез с господствующими в обществе настроениями[182]. Это было «лучом света в Азии», как написал в *Times* известный либеральный журналист Джеймс Рестон[183]. Военный переворот устранил угрозу демократии, уничтожив массовую политическую партию бедных и установив диктаторский режим, который потянул за собой самый страшный в мире шлейф нарушений прав человека и открыл богатства страны для западных инвесторов. И то, что после этих и других ужасов, включая вторжение в Восточный Тимор, граничившее с геноцидом, администрация Клинтона в 1995 году принимала Сухарто, называя его «нашим парнем»[184], можно считать маленьким чудом.

Много лет спустя после судьбоносных событий 1965 года, МакДжордж Банди рассуждал, что на тот момент, когда «вирус» был почти уничтожен, а «костяшки» крепко удерживались на месте другими диктаторскими режимами в регионе, пользовавшимися поддержкой США, войну во Вьетнаме было бы благоразумно прекратить. Подобные процедуры традиционно имели место и в других уголках земного шара; Киссинджер говорил об угрозе социалистической демократии в Чили – этой угрозе положило конец «первое 11 сентября», установившее в стране порочную диктатуру генерала Пиночета. «Вирусы» вызывали глубокую озабоченность и в других регионах, включая Ближний Восток, где угроза мирского национализма то и дело тревожила британских и американских

специалистов по планированию, побуждая их поддерживать радикальный исламский фундаментализм, чтобы потом на него положиться.

Концентрация богатств и американский упадок

Несмотря на победы такого рода, упадок Америки продолжается. Примерно в 1970-х годах, когда специалисты по планированию как частного, так и государственного секторов стали подталкивать экономику США к финансиализации и выводу производственных мощностей за границу, что в известной степени было вызвано снижением прибылей при производстве внутри страны, упадок как следствие действий самих властей вошел в новую фазу. Создался порочный круг, в котором богатства сосредоточились в руках верхушки, составлявшей всего 0,1 % населения, что обусловило концентрацию политической власти. Бег по этому кругу продолжили законодатели, пересматривая налогообложение и фискальную политику, отменяя регулирование, перекраивая правила корпоративного управления, разрешающие теперь огромные бонусы топ-менеджерам, и т. д.

Рост реальных зарплат большинства населения остановился, и люди смогли сводить концы с концами только благодаря резкому увеличению объема выполняемой работы (намного превышающему средний по Европе), а также кредитов, которые конечно же нельзя брать без конца. Со времен правления Рейгана на рынке стали регулярно раздуваться финансовые пузыри, а как только очередной пузырь лопался, тех, кто за ним стоял, спасали от банкротства деньги налогоплательщиков. Параллельно с этим политическая система разваливалась на куски по мере того, как обе партии забирались все глубже в карманы корпоративного сектора. Стоимость выборов резко взмыла ввысь – республиканцы при этом дошли практически до фарса, да и демократы от них далеко не отстали.

Недавнее исследование Института экономической политики, результаты которого потянули на целую книгу и стали главным источником надежных сведений о развитии в тот период, носит название «Запланированный провал». Слово «запланированный» предельно точно описывает все, что происходило. Как указывают авторы, в основе «провала» лежал классовый фактор. Для тех, кто его запланировал, никакого провала не было и в помине. Эти

политические решения стали провалом для подавляющего большинства населения (по оценкам участников движения «Захвати Уолл-стрит», для 99 %), и страна в этих условиях стала приходить в упадок.

Одним из факторов этого процесса стал вывод за границу производственных мощностей. Как иллюстрирует приведенный выше пример китайских солнечных батарей, производственные мощности создают основу для инноваций, что позволяет выходить на новые, более высокие уровни в плане внедрения научных открытий, дизайна и собственно производства. Да, источник этих прибылей теперь находится за границей, хотя для «финансовых воротил», которые все больше выступают в ипостаси специалистов по политическому планированию, это не проблема. В то же время это стало серьезной проблемой для рабочих и среднего класса, а также обернулось катастрофой для самых обездоленных: афроамериканцев, так до конца и не избавившихся от своего рабского наследия и его уродливых последствий. Эти люди потеряли практически все свои скудные накопления после краха ипотечного пузыря в 2008 году, вызвавшего самый глубокий в истории финансовый кризис. **Курс на заграницу**

Пока в самих Соединенных Штатах продолжался упадок, вызванный действиями властей, за их пределами множились «потери». Впервые за пятьсот лет Южная Америка предприняла ряд успешных шагов с тем, чтобы избавиться от доминирования Запада. Регион двинулся в сторону интеграции и стал уделять некоторое внимание внутренним проблемам народов, возглавляемых европеизированными элитами, – крохотными островками несметных богатств в море нищеты. Кроме того, эти государства избавились от американских военных баз и вышли из-под контроля Международного валютного фонда. Созданное в 2010 году Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) включает все страны полушария за исключением США и Канады. Если данный проект окажется жизнеспособным, его успех еще больше усугубит американский упадок, а между тем этот регион Соединенные Штаты всегда считали чем-то вроде своих «задворков».

Еще более серьезный ущерб нанесла бы потеря стран *MENA (Middle East and North Africa*) – региона, объединяющего государства Ближнего Востока и Магриба, который специалисты по планированию

с 1940-х годов считали «огромным источником стратегической власти и величайшим материальным трофеем в мировой истории»[185].

Если столетний прогноз в отношении энергетической независимости США, базирующийся на данных об энергетических ресурсах Северной Америки, окажется верен, то контроль над странами *MENA* утратит свое значение, хотя, вероятно, ненамного. Главная задача всегда сводилась не столько к доступу к ресурсам, сколько к контролю как к таковому. В то же время последствия в плане планетарного равновесия могут оказаться столь зловещими, что дискуссия здесь скорее должна носить академический характер.

Еще одним событием исторической значимости, способным привести хотя бы к частичной «потере» стран *MENA*, является Арабская весна. Соединенные Штаты и их союзники предпринимали огромные усилия с тем, чтобы подобное предотвратить, до последнего времени весьма успешно. Их политика в отношении народных выступлений всегда осуществляется со стандартным принципом: поддерживать силы, легче всего поддающиеся влиянию и контролю США.

Любимых диктаторов нужно поддерживать до тех пор, пока они контролируют ситуацию (как в ключевых нефтяных странах). А когда это становится невозможным, гнать их и максимально пытаться восстановить старый режим (как в Тунисе и Египте). Эта общая модель знакома всему миру: Сомоса, Маркос, Дювалье, Мобуту, Сухарто и многие другие.

В случае с Ливией три традиционные имперские державы в нарушение постановлений Совета Безопасности ООН, который они сами же и спонсируют, выступили в роли «авиации мятежников», что привело к резкому росту жертв среди гражданского населения, породило гуманитарную катастрофу и посеяло политический хаос, когда в стране началась гражданская война, а от джихадистов в Западной Африке и других регионов хлынуло оружие[186].

Израиль и республиканская партия

Сходные соображения справедливы и для второй серьезной проблемы, обсуждаемой в номере *Foreign Affairs* за ноябрь – декабрь 2011 года, о которой уже говорилось выше: конфликт Израиля и Палестины. На этой арене страх Соединенных Штатов перед демократией более чем показателен. В 2006 году в Палестине прошли

выборы, объявленные международными наблюдателями честными и свободными. Соединенные Штаты (и, разумеется, Израиль), к которым вежливо присоединилась Европа, отреагировали мгновенно, решив строго наказать палестинцев за то, что те проголосовали не так, как надо.

Это отнюдь не ново и в полной мере соответствует основополагающему принципу, признанному всеми ведущими специалистами: Соединенные Штаты поддерживают демократию, только если конечный результат соответствует их стратегическим и экономическим целям, – к этому печальному выводу пришел Томас Каротерс, поборник «новорейгановской» политики, самый уважаемый и дотошный аналитик в области инициатив по «продвижению демократии».

В более широком смысле Соединенные Штаты возглавляли лагерь непримиримых в конфликте между Израилем и Палестиной, блокируя международный консенсус, который призывал к политическому урегулированию на условиях, слишком хорошо известных для того, чтобы их здесь повторять. Мантра Запада сводится к тому, что Израиль стремится к переговорам без каких-либо предварительных условий, в то время как палестинцы на это не идут. На самом деле справедливо обратное: именно Соединенные Штаты и Израиль настаивают на жестких предварительных условиях, задуманных так, чтобы переговоры либо привели к капитуляции Палестины по жизненно важным вопросам, либо зашли в тупик.

Первое такое условие сводится к тому, чтобы Вашингтон в этих переговорах выступал в качестве наблюдателя, что так же бессмысленно, как просить Иран выступить наблюдателем в переговорах по конфликту между суннитами и шиитами в Ираке. Серьезные переговоры могли бы пройти при содействии какой-нибудь третьей стороны, желательно такой, которая на международном уровне внушает уважение, например Бразилии. Целью переговоров должно быть разрешение конфликта между двумя антагонистами: Соединенным Штатами и Израилем, с одной стороны, и практически всем остальным миром – с другой.

Второе условие заключается в том, что Израилю должна быть предоставлена свобода в расширении его незаконных поселений на Западном берегу реки Иордан. В теории Соединенные Штаты

выступают против этого, но на деле только для виду слегка бьют Израиль по ладошке, одновременно продолжая оказывать ему экономическую, дипломатическую и военную поддержку. Когда же Соединенные Штаты действительно выдвигают те или иные возражения, им ничего не стоит перекрыть Израилю кислород, как в случае с реализацией проекта создания зоны E1, соединяющей Большой Иерусалим с городом Маале-Адумим и практически разделяющей Западный берег реки Иордан на две равные части. Для стратегов из Тель-Авива, представляющих весь политический спектр, этот проект пользовался высшим приоритетом, но натолкнулся на возражения со стороны Вашингтона, после чего Израилю пришлось прибегнуть к окольным путям, чтобы от него отказаться[187].

В феврале 2011 года, когда Обама наложил вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, призывавшую к имплементации официальной политики США (и содержавшую не вызвавшее ни у кого замечание о том, что незаконными являются даже сами поселения, не говоря уже об их экспансии), это притворное противодействие вышло на уровень фарса. С тех пор практически никто больше не говорит о том, чтобы положить конец расширению поселений, которое продолжается с использованием тщательно продуманных провокаций.

К примеру, когда представители Израиля и Палестины в январе 2011 года готовились встретиться в Иордании, Израиль объявил о новом строительстве в Писгат-Зееве и Хар-Хоме, районах Западного берега реки Иордан, включенных в Большой Иерусалим, давно аннексированный, заселенный и застроенный в качестве израильской столицы в нарушение прямых директив Совета Безопасности ООН.

Предпринимаются и другие шаги для реализации масштабных планов по отделению оставшихся под контролем Палестинской администрации анклавов на Западном берегу от культурного, торгового и политического центра палестинской жизни в бывшем Иерусалиме.

В американской политике и дискурсе права палестинцев, понятное дело, следует вынести за скобки. У палестинцев нет ни богатств, ни могущества. Они не могут предложить практически ничего в пользу политических интересов США и, по сути, обладают отрицательной ценностью, как досадная помеха, которая только вносит разлад в Арабский мир.

Израиль в отличие от них богатая страна с высокотехнологичной промышленностью, в значительной мере ориентированной на военно-промышленный комплекс. Он не один десяток лет был бесценным американским военным союзником, особенно после 1967 года, когда оказал Соединенным Штатам и Саудовской Аравии огромную услугу, уничтожив «вирус» Насера, что позволило Израилю установить с Вашингтоном «особые отношения» в том виде, в котором они сохраняются и по сей день[188]. Кроме того, Израиль быстро набирает обороты в качестве центра для американских инвестиций в сферу высоких технологий. Высокотехнологичные секторы обеих стран – особенно военно-промышленные комплексы – тесно связаны друг с другом.

Помимо этих элементарных политических соображений ведущих держав существуют и культурные факторы, которые нельзя игнорировать. Христианский сионизм в Великобритании и Соединенных Штатах появился задолго до сионизма еврейского и стал значимым феноменом элит, повлекших за собой совершенно ясные политические последствия (включая и Декларацию Бальфура, в основу которой он был положен). Когда генерал Эдмунд Алленби во время Первой мировой войны завоевал Иерусалим, в американской прессе его чествовали как Ричарда Львиное Сердце, наконец победившего в Крестовом походе и выгнавшего язычников со Святой земли.

Следующим шагом было возвращение Избранного народа на Землю обетованную, уготованную ему Богом. Выражая общее мнение элит, Харольд Икее, министр внутренних дел в кабинете президента Франклина Рузвельта, описывал еврейскую колонизацию Палестины как достижение, «которому нет равных в истории человеческого рода»[189]. Подобные позиции без труда вписываются в судьбоносные доктрины, всегда игравшие важную роль в культуре как народа, так и элит с момента образования страны, в соответствии с этими доктринами Бог сотворил план мира, а воплощать его, как не раз заявляли высокопоставленные государственные деятели, надлежало США.

Евангелистское христианство в Соединенных Штатах представляет собой влиятельную силу. И например, число адвентистов седьмого дня значительно возросло после образования в 1948 году Израиля, вторая волна «обращенных» была отмечена в 1967-м, после

завоевания того, что осталось от Палестины, – действительно, в определенном смысле, эти события можно считать признаками приближения Второго пришествия и Конца света.

Во времена правления Рейгана республиканцы отказались от претензий быть политической партией в традиционном смысле этого слова и стройными рядами, шагая в ногу, двинулись служить мизерной прослойке сверхбогатых и корпоративному сектору. Но по причине того, что эта мизерная прослойка не в состоянии обеспечить голоса избирателей, приходится обращать взоры и в другие стороны. И в какие же? Один из вариантов сводился к тому, чтобы обратиться к нативистам, дрожащим от ненависти и страха, и религиозным движениям, являющимся экстремистскими по любым международным стандартам, но только не в США. Побочным результатом заигрывания стала поддержка Израиля, его завоеваний и экспансии, едва ли не страстная любовь к нему – еще одна важнейшая часть катехизиса, которую обязаны озвучивать республиканские кандидаты (демократы в этом от них не очень отстают) .

Отложив в сторону данные факторы, не надо забывать, что «англосфера» – Великобритания и ее ростки – представляет собой народы колонизаторов-поселенцев, построивших государства на костях местного населения, угнетенного, а то и практически уничтоженного. Использованные в прошлом методы в основном были правильными, а в случае с Соединенными Штатами даже предопределенными Божественным провидением. Соответственно, нередко присутствует симпатия к сыновьям и дочерям Израиля, когда они следуют сходным курсом. Но преобладают, как правило, геостратегические и экономические интересы, да и политика не высекается в камне.

Иранская «угроза» и ядерный вопрос

Теперь наконец давайте обратимся к третьей основополагающей угрозе, которой уделяют внимание издания элит, – «иранской угрозе». Элиты и политический класс, как правило, считают ее первейшей угрозой мировому порядку – но не население. Опросы в Европе показывают, что главной угрозой миру считается Израиль[190]. В странах *MENA* Израиль делит этот статус с Соединенными Штатами, причем до такой степени, что в Египте, накануне волнений на площади Тахрир, 80 % населения считали: регион стал бы безопаснее, если б у

Ирана появилось ядерное оружие[191]. Тот же опрос продемонстрировал, что только 10 % египтян считают угрозой Иран, в отличие от правящих диктаторов, у которых свои заботы[192].

В США, до массированных пропагандистских кампаний последних нескольких лет, большинство населения соглашалось с остальным миром, полагая, что Иран как государство, подписавшее Договор о нераспространении ядерного оружия, имеет право проводить обогащение урана. И даже наблюдается мощное движение сопротивления планам военного вмешательства в том случае, если Иран и Израиль вступят в войну. Только четверть американцев считают Иран важной проблемой для Соединенных Штатов[193]. Но трещина – а то и пропасть, – разделяющая общественное мнение и политику, представляется самым обычным делом.

Почему же Иран считают такой уж колоссальной угрозой? Этот вопрос обсуждается редко, но найти на него серьезный ответ не составляет никакого труда – хотя, конечно, не в лихорадочных заявлениях политической элиты. Самый авторитетный ответ дают Пентагон и разведслужбы в своих регулярных докладах Конгрессу по глобальной безопасности, где отмечается, что «ядерная программа Ирана и его стремление и далее сохранять возможность развивать ядерное оружие является центральным элементом стратегии сдерживания»[194].

Вряд ли стоит говорить, что эта оценка бесконечно далека от исчерпывающей.

В числе других важных тем, о которых никто не говорит, можно назвать смещение акцентов в американской военной политике на Азиатско-Тихоокеанский регион, включая строительство новых объектов на огромных военных базах на южнокорейском острове Чжечжудо и на северо-востоке Австралии, которые принято представлять важными элементами политики «сдерживания Китая». С ней же тесно связан и вопрос о военных базах США на Окинаве, против которых в течение многих лет яростно выступает местное население, обусловливая непрекращающийся конфликт в отношениях между США, Токио и Окинавой[195].

Демонстрируя, как мало изменились фундаментальные предпосылки США, американские стратегические аналитики, например Пол Годвин из Института внешнеполитических

исследований, описывают результат военных программ Китая в виде «классической дилеммы в сфере безопасности, в соответствии с которой военные программы и национальные стратегии, заявленные как оборонительные, противоположная сторона воспринимает как угрозу»[196]. Свою политику по охране собственных территориальных вод Соединенные Штаты считают стратегией «обороны», в то время как Китай усматривает в ней угрозу; соответственно, Китай считает любые свои действия у собственных берегов «оборонительными», а Америка видит в них угрозу. В отношении американских территориальных вод подобные дебаты даже вообразить нельзя. Опять же, эта «классическая дилемма в сфере безопасности» обретает смысл только если допустить, что Соединенные Штаты обладают правом контролировать большую часть мира, а их требования в сфере безопасности граничат с абсолютным, глобальным контролем.

Если принципы имперского доминирования изменились мало, то наши возможности претворять их в жизнь значительно сократились после того, как могущество в меняющемся мире значительно перераспределилось. Последствий этого довольно много. Важно иметь в виду, что они не избавляют нас от двух грозовых туч, довлеющих над любыми рассуждениями о глобальном порядке: ядерной войны и разрушения окружающей среды.

Как раз наоборот: обе эти зловещие угрозы только нарастают.

7. Великие Хартии вольностей, их судьба и судьба наша

Сменится всего несколько поколений, и мир встретит тысячелетие Великой хартии вольностей, одного из знаковых событий в становлении гражданских прав и прав человека. Но что при этом будет делать – праздновать, горевать или относиться с полным безразличием, – до конца не ясно.

На самом деле это должен быть предмет серьезной, безотлагательной озабоченности. То, что мы делаем или отказываемся делать сейчас, определит, каким мир встретит это событие. Если нынешние тенденции будут сохраняться, прогнозы явно непривлекательны – не в последнюю очередь потому, что Великую хартию вольностей рвут на кусочки прямо на наших глазах.

Первое академическое издание Великой хартии вольностей, подписанной Иоанном Безземельным в 1215 году, опубликовал прославленный юрист Уильям Блэкстоун. Полного текста, увы, не

сохранилось. Блэкстоун писал, что едва ли не главную часть Хартии, к сожалению, «погрызли крысы» – сегодня, когда мы взяли на себя труд довершить то, чего не доделали крысы, эти слова несут в себе мрачный символизм[197].

Издание Блэкстоуна, озаглавленное «Великая хартия и Лесная хартия», в действительности включает в себя две хартии. Первая, Хартия вольностей, повсеместно считается основой фундаментальных прав англоязычных народов – или, как более экспансивно выразился Уинстон Черчилль, «Хартией каждого уважающего себя человека любых стран и времен»[198]. Черчилль говорил о повторном утверждении Хартии парламентом в Петиции о праве, в которой Карла I просили признать верховенство не короля, а закона. Карл сначала согласился, но вскоре нарушил свое обещание, проложив путь к кровавой гражданской войне в Англии.

После ожесточенного конфликта между королем и парламентом монаршая власть в лице Карла II была восстановлена. Парламент хоть и потерпел поражение, но Великую хартию вольностей не забыл. Один из его лидеров, Генри Вейн-младший, был даже обезглавлен; на эшафоте он попытался произнести речь и назвать вынесенный ему приговор нарушением Великой хартии вольностей, но его заглушили фанфары, чтобы столь скандальные слова не услышал ликующая толпа. Главное преступление Вейна сводилось к тому, что он называл народ «источником любой власти» в гражданском обществе – именно народ, а не короля и даже не Бога[199]. Эту позицию стойко защищал

Роджер Уильямс, основатель одной из первых свободных общин на территории, ныне известной как Род-Айленд. Его еретические взгляды оказали огромное влияние на Мильтона и Локка, хотя Уильямс пошел намного дальше, создав современную доктрину отделения Церкви от государства, столь активно оспариваемую даже в странах с либеральной демократией.

Как часто бывает, то, что казалось поражением, способствовало делу борьбы за свободу и права. Вскоре после казни Вейна Карл II даровал королевскую грамоту плантациям на Род-Айленде, провозгласив «демократическую» форму правления и добавив, что правительство может одобрить свободу совести для папистов, атеистов, иудеев, турок и даже для квакеров, одной из самых гонимых

и внушающих страх сект, появившихся в те бурные времена[200]. Для обстановки тех лет все это было просто поразительно.

Несколько лет спустя, в 1679 году, Хартия вольностей была дополнена законодательным актом *Хабеас корпус*, который официально носил название «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями». Конституция США, немало позаимствовавшая из английского общего законодательства, утверждает, что «предписания акта *Хабеус корпус* не будут упразднены», разве что в случае бунта или вторжения. По единодушному решению, Верховный суд США постановил, что гарантированные этим актом права «основатели Американской республики считали высшим залогом свободы». Все эти слова должны находить отголоски и в наши дни.

Вторая хартия и общественные лесные угодья

Значение второго документа, Лесной хартии (1217 год), на сегодняшний день представляется не менее глубоким, а может, и больше соответствующим текущему моменту, о чем Питер Лайнбо сообщил в своей вдохновенной, подкрепленной множеством документов истории Хартии вольностей и ее дальнейшей судьбы[201]. Лесная хартия настаивала на защите общественных лесных угодий от посягательств извне. Эти угодья давали простолюдинам средства к существованию: еду, дрова, материалы для строительства и все необходимое для жизни. С принятием Хартии лес больше не был непроходимыми дебрями. За ним сообща ухаживали, его богатства были доступны всем, их хранили для потомков – сегодня этим в основном занимаются лишь народы, которым грозит вымирание.

Лесная хартия ограничивала приватизацию: нельзя присвоить то, что не принадлежит тебе по закону. Суть этих проблем изложена в легендах о Робин Гуде (неудивительно, что популярный в 1950-х годах телесериал писали голливудские сценаристы, внесенные в черные списки за левые убеждения[202]). Однако к XVII веку Хартия стала жертвой становления товарной экономики, капиталистических методов и морали. Угодья, предназначенные для совместного использования и пропитания, перестали пользоваться защитой, и права простых людей сократились. Понятно, что бедным людям это не могло понравиться. В Боливии, например, попытка приватизировать воду привела к восстанию, в результате которого к власти впервые за всю историю

пришло большинство, представленное коренными жителями страны[203]. Но есть и обратные примеры. Всемирный банк вынес решение о том, что транснациональная корпорация *Pacific Rim* может подать в суд на правительство Сальвадора за попытки защитить свои недра и народ от добычи золота, наносящей огромный ущерб окружающей среде. Экологические ограничения грозят компании потерей прибылей, а это преступление, за которое при режиме инвестиционных прав, ошибочно названном «свободной торговлей», следует наказание[204]. В ряде случаев борьба бывает чрезвычайно жестокой, как на востоке Конго, где в последние годы было убито несколько миллионов человек, и все ради ископаемых, используемых для производства мобильных телефонов и других товаров, ну и, разумеется, ради огромных барышей[205].

Капиталистические методы и мораль принесли с собой радикальный пересмотр отношения к общему достоянию и самой его концепции. Господствующую ныне точку зрения на сей счет выражает влиятельный аргумент Гаррета Хардина о том, что «свобода в отношении общего достояния несет нам всем разорение». Эта известная «трагедия общего достояния» звучит так: что не принадлежит никому, разрушается личной жадностью»[206].

Международным аналогом Земельной хартии стала «концепция ничейной земли», повсеместно используемая для оправдания изгнания, а то и вовсе и уничтожения коренного населения колонизаторами-поселенцами. Свои действия отцы-основатели Американской республики описывают порой с раскаянием, но только после свершившегося факта. В соответствии с этой полезной доктриной, индейцы не обладали правами на собственность, потому что были всего лишь кочевниками среди дикой природы. Следовательно, колонисты своим упорным трудом могли создать ценности там, где не было ничего, за счет коммерческой эксплуатации этой самой «дикости».

Колонисты прекрасно знали о том, что Корона и парламент одобрили тщательно проработанные процедуры торговых сделок, но потом, когда эти «злобные создания» – индейцы – воспротивились собственному уничтожению, эти процедуры в принудительном порядке были отменены.

Доктрину «ничейной земли» нередко связывают с именем Джона Локка, хотя на этот счет есть немало сомнений. Как колониальный администратор, он понимал, что происходит, поэтому приписывать ему авторство этой концепции оснований нет, что убедительно доказали современные научные исследования, особенно работа австралийского ученого Пола Конкорана. (К слову, наиболее жестоко эта доктрина использовалась в Австралии[207].)

Мрачные прогнозы трагедии общего достояния содержат в себе некий вызов. В 2009 году Элинор Остром получила Нобелевскую премию по экономике за работу о преимуществах общественного управления рыбными запасами, пастбищами, лесами, озерами и грунтовыми водами. Однако официальная доктрина обладает силой, особенно если согласиться с ее невысказанной предпосылкой о том, что люди слепо следуют жестокому принципу, который американские рабочие на заре промышленной революции сформулировали так: «Новый дух века – приобретай ценности, забывай обо всем, кроме себя»[208].

Подобно английским рабочим и крестьянам до них, американские рабочие осуждали этот новый дух, навязываемый им, считая его недостойным и деструктивным покушением на саму природу свободных мужчин и женщин. Причем я отдельно выделю «женщин»: среди тех, кто активнее всего порицал уничтожение прав и достоинства свободных людей, были «фабричные девушки», молодые женщины с крестьянских ферм. Их тоже загнали в режим контролируемого и поднадзорного труда за мизерную зарплату, и этот труд отличался от рабства лишь временным характером. Позиция неприятия считалась настолько естественной, что даже стала слоганом Республиканской партии, стягом, под которым рабочие с севера несли в руках оружие во время Американской гражданской войны[209].

Контролируя стремление к демократии

Это было 150 лет назад, а в Англии даже больше. С тех пор, чтобы внедрить Новый дух века, предпринимались огромные усилия. Для решения этой задачи были задействованы важнейшие отрасли экономики, а также пропаганда, маркетинг и реклама, которые вносят ощутимый вклад в ВВП. Их цель, по выражению великого специалиста в области политической экономики Торстейна Веблена, сводится к тому, чтобы «порождать желания»[210]. По словам самых

успешных бизнесменов, в первую очередь они руководствуются задачей двигать людей в сторону «поверхностных аспектов жизни», таких как «модное потребление». Заодно людей можно отделить друг от друга, заставить стремиться единственно к личной выгоде, отвлекать и отбивать опасное желание мыслить критически, чтобы бросать вызов власти.

Процесс формирования мнений, позиций и воззрений один из основателей современной рекламной индустрии Эдвард Бернейс назвал «инжинирингом согласия». Он был прогрессивным деятелем эпохи Вильсона – Рузвельта— Кеннеди, как и его современник, журналист Уолтер Липпманн, самый яркий интеллектуал Америки XXI века, восхвалявший «выковывание согласия» в качестве «нового искусства» в практике демократии. И тот и другой признавали, что общественность, контролируемая и маргинальная, должна «знать свое место» – в ее собственных конечно же интересах. Люди ведь слишком «несведущи и глупы», чтобы позволять им самостоятельно вести дела. Эту задачу должно решать «разумное меньшинство», которое необходимо защищать от «топота и рева мечущегося стада», от «безграмотных, назойливых непрофессионалов», от «толпы мошенников», как говорили жившие в XVII веке предшественники современных интеллектуалов.

Роль основной массы населения в обществе, которое принято считать демократическим, сводилась (и сводится) к тому, чтобы выступать в качестве «зрителей», а не «участников действий»[211]. Причем «зрители» не должны видеть слишком много. Президент Обама ввел новые стандарты следования этому далеко не новому принципу. По сути, он наказал гораздо больше «информаторов», из-за которых периодически происходили утечки сведений, чем все остальные президенты вместе взятые, – настоящее достижение для администрации, пришедшей к власти под лозунгами прозрачности.

К темам, которые никак не должны касаться «мечущегося стада», относится внешняя политика. Каждый, кто изучал рассекреченные документы, знает, что их секретность в огромной степени преследовала цель защитить должностных лиц от внимания общественности. «Чернь» не должна слышать советов, которые суды дают крупным корпорациям. Корпорации и отдельные лица должны демонстрировать усилия, направленные на благие дела, чтобы

«взбудораженные массы» и далее ничего не знали об огромных прибылях, которые обеспечивает корпорациям и отдельным лицам государство-нянька[212].

В более общем смысле, американский народ не должен знать, что «чрезвычайно регрессивная государственная политика увеличивает и усиливает общественное неравенство», хотя выстраивается все так, чтобы «люди думали, будто правительство помогает тем, кто незаслуженно обеднел», позволяя политикам эксплуатировать антиправительственную риторику; «государство при этом продолжает оказывать поддержку самым богатым», – эту цитату я взял не из какого-нибудь радикального листка, а из *Foreign Affairs*, главного издания нашего истеблишмента[213].

Со временем, по мере того как общество становится свободнее, а государство все меньше прибегает к насилию, запрос на хитроумные методы контроля мнений и позиций только растет. И то, что огромная индустрия политической рекламы была создана в таких сверхсвободных странах, как Великобритания и США, вполне естественно. Первым современным пропагандистским агентством было Министерство информации Великобритании в годы Первой мировой войны. Его американский аналог, Комитет по общественной информации, Вудро Вильсон образовал для того, чтобы население, выступающее с пацифистских позиций, прониклось ярой ненавистью ко всему немецкому, добившись в этом деле огромных успехов. Американская коммерческая реклама производила на всех глубочайшее впечатление; ею восхищался Йозеф Геббельс, приспосабливая к целям нацистской пропаганды, и тоже не без успеха[214]. То же самое пытались сделать и большевистские лидеры, но их неуклюжие усилия особого эффекта не возымели.

Первейшая внутренняя задача всегда сводилась к тому, чтобы «держать публику подальше от наших глоток», – этими словами эссеист Ральф Уолдо Эмерсон описал озабоченность политических лидеров в середине XIX века, когда подавлять угрозу демократии было все труднее и труднее[215]. Чуть позже, в 1960-х годах, гражданская активность породила озабоченность элит «чрезмерной демократией» и стала причиной призывов к мерам по обеспечению «большей сдержанности» демократического процесса.

Отдельную проблему представляло улучшение контроля над институциями, «ответственными за воспитание молодежи»: школами, университетами и церквями, которые, как считалось, не выполняли эту основополагающую задачу. Я привожу мнение леволиберального крыла господствующего идеологического спектра – либеральных интернационалистов, которыми впоследствии укомплектовали штат администрации Картера, и их коллег в других промышленных странах[216]. Правые в этом вопросе придерживались куда более суровых позиций. Одним из проявлений этой озабоченности стало резкое повышение платы за обучение в колледже, причем отнюдь не по экономическим соображениям, в чем можно убедиться без особого труда. Заманивая молодежь в эту ловушку, ее можно было контролировать через кредиты и долги, которые нередко приходится выплачивать всю жизнь, что конечно же способствует более эффективному воспитанию.

Люди на три пятых

Следуя и далее этой значимой логике, мы можем увидеть, что упразднение Лесной хартии (и вычеркивание ее из памяти) тесно связано с продолжающимися усилиями на ограничение обещаний, записанных в «большой» Хартии вольностей. Новый дух века не в состоянии терпеть докапиталистическую концепцию лесных угодий как совместного имущества общины, которая заботится о лесе в целях собственного использования и сохранения для грядущих поколений, заодно ограждая от приватизации и препятствуя передаче угодий в частные руки. Новый дух в этом месте делает поправку: «…чтобы они, угодья, служили не нуждающимся, а богатым». Насаждение Нового духа является главнейшей предпосылкой для недопущения *неверной* трактовки Хартии вольностей, которая могла бы позволить свободным гражданам самостоятельно определять свою судьбу.

Борьба народа за более свободное и справедливое общество всегда подавлялась с помощью репрессий, насилия и активных мер по контролю мнений и позиций. Но со временем она все же принесла значительный успех, хотя путь предстоит еще долгий и на этом пути не раз придется отступать.

Самым известным фрагментом Хартии вольностей является ее 39-я статья, провозглашающая, что «ни один свободный человек» никоим образом не будет наказываться: «Мы никогда против него не будем

выступать или преследовать его, кроме как по законному определению равных ему или по закону страны».

После многолетней борьбы этот принцип трактуется шире. В Конституции США говорится, что «ни один человек не будет лишен жизни, свободы и собственности без надлежащего судебного процесса, без быстрого и публичного разбирательства» со стороны равных ему. Основополагающим принципом является презумпция невиновности, который историки права описывают в качестве «семени современной англо-американской свободы», ссылаясь на статью 39 и учитывая Нюрнбергский процесс: «наказание только для тех, чья вина может быть доказана в честном суде, сопровождаемом множеством защитных процессуальных мер», – даже если вина за самые страшные в истории преступления не вызывает никаких сомнений[217].

Авторы Конституции не намеревались применять термин «человек» ко всем: американские индейцы людьми не были и никакими правами не обладали. То же самое и женщины; жены отождествлялись с гражданским статусом мужей, дети, соответственно, родителей. Принципы, провозглашенные Уильямом Блэкстоуном, подразумевают, что «само юридическое существование женщины в браке приостанавливается… или, как минимум, становится частью юридического существования ее мужа, под крылом, защитой и покровительством которого она живет»[218]. Таким образом, женщины были собственностью их отцов и мужей. Подобный принцип сохранялся до самого последнего времени, а до решения Верховного суда в 1975 году женщины даже не могли выступать в качестве присяжных. Потому что не были равными.

Рабы, естественно, тоже не были людьми. С точки зрения Конституции они были людьми только на три пятых, что расширяло возможности их хозяев во время голосования. Защита рабства для авторов основного документа страны была не самой последней заботой, ведь рабство стало одним из факторов, обусловивших Американскую революцию. Рассматривая дело Сомерсета в 1772 году, лорд Мэнсфилд определил: рабство настолько «ненавистно», что в Англии его терпеть нельзя, – хотя в Британских владениях по всему миру оно сохранялось еще много лет[219]. Если колонии оставались под управлением Британии, американским рабовладельцам грозила катастрофа. Нелишне напомнить, что у рабовладельческих штатов, в

том числе у Вирджинии, в колониях было больше власти и влияния. Можно по достоинству оценить известную остроту доктора Джонсона о том, «что *самые громкие призывы* к свободе звучат из уст надсмотрщиков за неграми-рабами»[220].

Поправки, внесенные после Гражданской войны, сделали афроамериканцев людьми, распространили на них концепцию личности и положили конец рабству – по крайней мере, в теории. После десятилетия относительной свободы в Соглашение между Севером и Югом было внесено условие, граничившее с рабством, что фактически проложило путь к криминализации жизни чернокожих. Мужчину африканского происхождения, стоящего на углу улицы, могли арестовать за бродяжничество, а то и за попытку изнасилования, если бы он как-то не так посмотрел на белую женщину. А в тюрьме у него было очень мало шансов вырваться из лап системы «рабства под другим именем» – этим термином главный редактор *Wall Street Journal* Дуглас Блэкмон воспользовался в статье, посвященной практике арестов[221].

Новая версия «особого института» в значительной степени проложила путь к Американской промышленной революции, создав идеальную рабочую силу для горнорудной и металлургической индустрии, равно как и для сельского хозяйства, в котором чернокожие зачастую работали скованными по несколько человек одной цепью. Покорная, несклонная к бунту, не обращающаяся к работодателям с просьбой обеспечить выживание рабочая сила по сравнению с рабством явное улучшение.

Новая система просуществовала до Второй мировой войны, когда в военной промышленности потребовался свободный труд.

Послевоенный бум создал множество рабочих мест; чернокожий мужчина мог найти работу на автомобильном заводе, входящем в профсоюз, получать достойную зарплату, купить дом, а может, даже послать детей учиться в колледж. Так продолжалось около двадцати лет, до 1970-х годов, когда экономика подверглась радикальной перепланировке в соответствии с новыми доминирующими неолиберальными принципами, подразумевающими быстрый рост финансиализации и вывод за границу производственных мощностей. Чернокожее население, в значительной степени оказавшееся ненужным, вновь стало криминализоваться. До эпохи правления

Рейгана по показателям заключения под стражу США не особо отличались от других промышленно развитых стран, теперь же значительно опережают их. Целью, в первую очередь, являются чернокожие мужчины, хотя в последнее время все больше чернокожие женщины и латиноамериканцы, против которых нередко выдвигаются обвинения в причастности к «нарковойнам». В то же время финансовый кризис отнял у афроамериканских семей практически все накопления, и не в последнюю очередь из-за преступного поведения финансовых институтов, безнаказанно действующих в пользу злоумышленников, которые сегодня разбогатели, как никогда.

Оглядываясь на историю чернокожих американцев с момента первого прибытия в Америку первых рабов и до наших дней, представляется очевидным, что статус полноценных людей они получили лишь несколько десятилетий назад. И нужно пройти еще большой путь, чтобы реализовать обещания Великой хартии вольностей.

Сакральные персоны и незавершенный процесс

Четырнадцатая поправка, введенная после Гражданской войны, наделяла бывших рабов правами человека, но больше в теории. В то же время она создала новую категорию субъектов, обладающих правами, – корпорации. По сути, почти все судебные разбирательства о нарушении Четырнадцатой поправки касались именно корпоративных прав, а сто лет назад суды постановили, что коллективные правовые фикции, созданные и поддерживаемые государственной властью, обладают полноценными правами физических лиц из плоти и крови, а на деле правами даже большими, благодаря масштабам, (относительному) бессмертию и защите ограниченной ответственности.

Права корпораций сегодня намного превышают права простых смертных. К примеру, в рамках «соглашений о свободной торговле» горнодобывающая компания *Pacific Rim* может подать иск на Сальвадор за то, что тот пытается защищать на своей территории окружающую среду, хотя физическое лицо этого сделать не может. *General Motors* претендует на права национальных производителей в Мексике. Нет нужды размышлять о том, что было бы, если бы какой-нибудь мексиканец приехал в США и потребовал предоставить ему права американца.

В самих Соединенных Штатах постановления Верховного суда в последнее время значительно расширили и без того огромную политическую власть корпораций и крохотной прослойки сверхбогатых, нанеся еще несколько ударов по зыбким остаткам функциональной политической демократии.

Вместе с тем на Великую хартию вольностей совершаются и более прямые нападки. Вспомните акт *Хабеас корпус* 1679 года, запрещавший «заточение за морями» и значительно более порочную процедуру поимки за границей с целью дальнейших пыток. Сегодня подобная практика стыдливо называется «выдачей», именно это сделал Тони Блэр, когда отдал ливийского диссидента Абдель-Хакима Белхаджа во власть Муаммара Каддафи, а Соединенные Штаты – когда депортировали канадского гражданина Махера Арара властям его родной Сирии, лишь впоследствии признав, что против него никогда не возбуждались судебные дела[222]. То же самое произошло и с многими другими, которых зачастую высылали через аэропорт «Шаннон», что не раз вызывало в Ирландии мужественные протесты.

Вы, разумеется, слышали о таком понятии, как надлежащая правовая процедура. Это свод правил, или правовых гарантий, в соответствии с которым государство должно уважать все законные права, принадлежащие человеку.

Концепция надлежащей процедуры была расширена администрацией Обамы, инициировавшей кампанию убийств за рубежом с помощью беспилотников. Благодаря его инициативе основополагающий элемент Хартии вольностей (а заодно и Конституции) обесценивается и выхолащивается. Министерство юстиции объяснило, что конституционные гарантии надлежащей процедуры сегодня обеспечиваются после внутреннего рассмотрения исполнительной ветвью власти[223]. Специалист по конституционному праву из Белого дома с этим согласился. Король Джон мог бы удовлетворенно кивнуть.

Данная тема возникла после того, как президент отдал приказ уничтожить с беспилотника Анвара аль-Авлаки, которого обвиняли в разжигании джихада в устных и письменных высказываниях, а также путем других действий, характер которых не уточнялся. Общую реакцию элит на его убийство с помощью беспилотника, равно как и на традиционные в таких случаях «побочные потери», выразил

заголовок в *New York Times.* Сосредоточимся на главном: «Запад празднует смерть духовного лица»[224]. Некоторые все же удивленно подняли бровь, потому что Авлаки был американским гражданином, что вызвало вопросы в части надлежащей процедуры, которые считались неуместными, когда по прихоти верхушки исполнительной власти убивали граждан других государств. Благодаря правовым новшествам Обамы теперь они неуместны и в отношении граждан США.

Презумпция невиновности тоже получила новое, полезное толкование. Как впоследствии сообщала *New York Times*, «господин Обама одобрил спорный метод подсчета жертв среди мирного населения, за который на него вряд ли подашь в суд. По сути, по информации некоторых официальных лиц, в эти показатели включаются все мужчины призывного возраста в зонах боевых действий, в том числе и боевики, если посмертно не будет доказана их невиновность»[225]. Получается, что посмертное определение невиновности и включает в себя священный принцип презумпции невиновности.

Здесь было бы безнравственно упоминать Женевские конвенции (чего не делает в своем обзоре и *Times*) как основу нынешнего гуманитарного права: они запрещают «осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями»[226].

Самым известным случаем убийства по решению исполнительной власти стала ликвидация Усамы бен Ладена, который, беззащитный, в обществе одной лишь жены, сначала был схвачен отрядом из семидесяти девяти «морских котиков», а затем уничтожен. Кто бы что о нем ни думал, он был подозреваемым, и не более того. С этим согласилось даже ФБР.

Восторги в США выплескивались через край, но возникло несколько вопросов о слепом отрицании принципа презумпции невиновности, особенно когда суд вряд ли возможен. Такой подход подвергся резкой критике. Самыми интересными в этом отношении стали слова уважаемого леволиберального политического комментатора Мэттью Иглесиаса, объяснившего, что «одна из функций

международного институционального порядка как раз и сводится к тому, чтобы *легитимизировать* использование летальной военной силы западными странами», поэтому «поразительно наивно» предполагать, что Соединенные Штаты подчинятся международному законодательству или выполнят какие-либо иные условия, на которых мы так неукоснительно настаиваем, когда имеем дело со слабыми»[227].

Против убийств, агрессии, кибервойны и других действий, которые Священное государство предпринимает на службе человечеству, выдвигаются, по всей видимости, только тактические возражения. И то, что традиционные жертвы относятся к этим вопросам иначе, свидетельствует лишь об их нравственной и интеллектуальной отсталости. А на редкого критика Запада, который никак не может понять этих фундаментальных истин, можно не обращать внимания и даже называть «дураком», объясняет Иглесиас, и здесь он имеет в виду не кого-то, а меня, и я с радостью признаю свою вину.

Список террористов, подготовленный исполнительной властью

Скорее всего, самым поразительным покушением на основы традиционных свобод является малоизвестное разбирательство по иску, поданному администрацией Обамы в Верховный суд, – «Холдер против Гуманитарного законопроекта». Этот проект был отвергнут по той причине, что он якобы оказывал «существенную поддержку» боевикам из Рабочей партии Курдистана (РПК). Эта партия уже много лет сражается за права курдов в Турции и внесена в подготовленный исполнительной властью список террористов. Под «существенной поддержкой» имеются в виду юридические рекомендации. Формулировку вынесенного решения можно применять достаточно широко, например в отношении дискуссий и научного поиска, и даже в отношении совета партии придерживаться политики ненасилия. Критики, опять же, почти не было, но даже те, кто с ней все-таки выступил, признавали законность государственного списка террористов, то есть произвольного решения исполнительной власти, решившей не прибегать ни к каким юридическим процедурам[228].

Одним из самых кошмарных примеров использования этого списка являются пытки людей в Сомали. Сразу после терактов 11 сентября 2001 года Соединенные Штаты закрыли в этой стране

благотворительную организацию «Аль-Бакараат» под тем предлогом, что она финансировала терроризм[229]. Это «достижение» приветствовалось как огромный успех в «войне с террором». Зато снятие Вашингтоном всех обвинений как несущественных год спустя прошло практически незамеченным.

По данным ООН, «Аль-Бакараат» отвечала за половину из 500 миллионов долларов, пересылаемых ежегодно в Сомали, что «больше, чем страна получает от любого другого сектора экономики, и в десять раз превышает объем получаемой ею иностранной помощи»[230]. Кроме того, эта благотворительная организация управляла несколькими компаниями в стране, и все они потерпели крах. Ибрагим Уард, один из ведущих академических ученых и специалистов по проводимой Бушем «финансовой войне с террором», заключает, что помимо разрушения экономики этот легкомысленный удар по и без того слабой стране «мог сыграть роль в становлении исламского фундаментализма» – еще одного хорошо знакомого последствия «войны с террором»[231].

Сама идея того, что государство имеет право выносить категоричные суждения без всяких проверок, является серьезным наступлением на Хартию вольностей, как и убежденность в том, что она не вызовет особых дискуссий в обществе. Если общество, несколько лет назад ступившее на путь нарушения Хартии, будет идти по нему и дальше, то о том, какое будущее ждет права и свободы, можно будет только гадать. **Кто посмеется последним?**

И еще пара заключительных фраз о Лесной хартии. Ее цель заключалась в защите общего достояния как источника существования людей от внешних посягательств – сначала от короля, потом от приватизации хищническими корпорациями и сотрудничающей с ними государственной властью, причем это сотрудничество постоянно набирало обороты и щедро вознаграждалось.

Прислушавшись сегодня к голосам с глобального Юга, мы можем узнать, что «превращение общего достояния в частную собственность путем приватизации окружающей среды, о которой раньше заботились все сообща, является одним из механизмов, с помощью которых неолиберальные институты выдергивают хрупкие нити, соединяющие воедино африканские народы. Политика превратилась в прибыльное предприятие, в котором каждый думает главным образом об отдаче

вложений, а не о том, какой можно внести вклад в восстановление разрушенной окружающей среды, общества и страны. Одно из “преимуществ”, которые дали континенту программы структурного регулирования, заключается в широком распространении коррупции». Это слова нигерийского поэта и общественного деятеля Нним-мо Бассея, председателя влиятельной международной группы «Друзья Земли», он высказал их в своей книге «Сварить континент», являющейся разительным разоблачением разграбления Западом богатств Африки[232].

В конце Второй мировой войны Соединенные Штаты занимали положение беспрецедентно могущественной мировой державы. Поэтому не удивительно, что в США разрабатывались тщательные, изощренные планы организации мира. Каждому региону специалисты по планированию во главе с известным дипломатом Джорджем Кеннаном из Государственного департамента отвели определенную «функцию». Кеннан установил, что у Соединенных Штатов особых интересов в Африке нет, поэтому ее «для возрождения» следовало отдать «в эксплуатацию» Европе, по его же собственному выражению[233]. В исторической перспективе можно было бы представить и другие отношения между Европой и Африкой, но данных о том, чтобы они когда-либо рассматривались, попросту нет.

Позже Соединенные Штаты признали, что им тоже следует включиться в игру – наряду с такими новичками, как Китай, который усиленно трудится в этом направлении, являя один из худших примеров разрушения окружающей среды.

Нам вряд ли стоит останавливаться на исключительной опасности, которую представляет мания, множащая бедствия по всему миру: страсть к ископаемым углеводородам. Эта страсть кличет на наши головы огромные беды, возможно, уже в недалеком будущем.

О деталях можно спорить, но нет никаких сомнений в том, что проблема серьезна, если не критична, и чем больше мы будем откладывать ее решение, тем более страшное наследие оставим потомкам. Некоторые усилия, чтобы противостоять реалиям, принимаются, но их слишком мало.

Концентрация власти во главе с самой богатой и могущественной в истории страной двигает мир в противоположном направлении. Республиканцы в Конгрессе упраздняют немногие меры по защите

окружающей среды, введенные Ричардом Никсоном, который на нынешней политической арене выглядел бы опасным радикалом[234]. Лоббисты крупного бизнеса открыто объявляют пропагандистские кампании с целью убедить простых граждан, что причин для тревоги нет, и, как показывают опросы общественного мнения, небезрезультатно[235].

Средства массовой информации тоже вносят в это свой вклад, почти ничего не сообщая о все более зловещих прогнозах климатических изменений, озвучиваемых международными агентствами и даже Министерством энергетики США. Как правило, их представляют в виде дебатов между паникерами и скептиками: с одной стороны, квалифицированные ученые, с другой – те, кто все отрицает. В этих дебатах не принимают участия огромное количество экспертов, в том числе занимающихся программой исследования изменений климата в Массачусетском технологическом институте: они критикуют научный консенсус как слишком осторожный и консервативный, утверждая, что правда об этой проблеме намного страшнее. Простые граждане в замешательстве, что совсем не удивительно.

В 2012 году в своем Послании к Конгрессу президент Обама поприветствовал радужные прогнозы энергетической независимости США на сто лет вперед, которые стали возможны благодаря новым технологиям, позволяющим вести добычу углеводородов из битуминозных песков Канады, глинистых сланцев и других ранее недоступных месторождений[236]. С ним соглашаются и другие; *Financial Times* тоже предрекает США столетнюю энергетическую независимость[237]. И на фоне этих оптимистичных прогнозов никто не задает вопрос о том, каким будет мир, когда переживет это грабительское нападение.

Борьбу с этим кризисом во всем мире возглавляют коренные народы, неизменно придерживающиеся Лесной хартии. Самую непоколебимую позицию занимает Боливия, беднейшее государство в Южной Америке, столетиями страдавшее от разграбления и уничтожения Западом богатых ресурсов, но до Колумба – одна из самых развитых цивилизаций во всем полушарии.

В 2009 году Боливия организовала Всемирную конференцию по изменениям климата, в которой приняли участие 35 тысяч специалистов из 140 стран, не только правительственные чиновники,

но также общественные деятели и активисты. По ее результатам было принято Народное соглашение, призывающее резко снизить выбросы углекислого газа, и Всеобщая декларация прав Матери-Земли[238].

Установление прав планеты – ключевое требование коренных народов всего мира. Искушенные представители Запада поднимают его на смех, но, если мы не займем у аборигенов хоть немного их ума, они, вероятно, посмеются последними, хотя это будет смех мрачного отчаяния.

8. Неделя, когда мир остановился

Мир остановился в последнюю неделю октября 1962 года, в тот момент, когда стало известно, что Советский Союз разместил на Кубе ракеты с ядерными боеголовками.

Образ замершего мира – не что иное, как фигура речи Шелдона Стерна, бывшего историка из Президентской библиотеки Джона Кеннеди, который опубликовал официальную версию записей встреч Исполнительного комитета Национального совета обороны (ExComm), во время которых Кеннеди и его ближайшие советники обсуждали, как реагировать на кризис. Записи тайком вел сам президент; вероятно, это связано с тем, что он тогда выступал с позиций, более умеренных по сравнению с мнением других участников, которые даже не знали, что говорят для истории.

Ныне Стерн опубликовал подробный и понятный обзор этих жизненно важных документов, рассекреченных наконец в конце 1990-х годов. Здесь я буду придерживаться именно его версии.

«Ни до этого, ни после, – заключает он, – выживание человеческой цивилизации не находилось под такой утрозой, как в эти несколько коротких недель опасных дискуссий», кульминацией которых стала «неделя, когда мир остановился»[239].

Для озабоченности всего мира была веская причина. Мы слишком близко подошли к ядерной войне, способной, как предупреждал президент Дуайт Эйзенхауэр, «разрушить все Северное полушарие»[240]. Сам Кеннеди оценивал вероятность полномасштабного конфликта как пятьдесят на пятьдесят[241]. Но возможно, он был не столь оптимистичен, поскольку в Вашингтоне, когда конфронтация достигла апогея, был задействован «секретный План Судного дня, обеспечивающий выживание правительства», о чем журналист Майкл Доббс написал в своей подробной работе,

посвященной кризису и ставшей бестселлером (хотя он и не объяснил, был ли смысл в принятии плана, учитывая вероятный характер ядерной войны[242]).

Доббс цитирует Дино Бруджиони, «одного из ведущих специалистов команды ЦРУ, отслеживавшей реализацию советской программы создания ракет». Бруджиони не видел другого выхода, кроме «войны и тотального разрушения», когда часы подошли к «одной минуте до полуночи», той самой минуты, которая стала названием книги Доббса[243]. Близкий соратник Кеннеди, историк Артур Шлезингер-младший описывал эти события как «самый опасный момент в истории человечества»[244]. Министр обороны Роберт Макнамара размышлял вслух по поводу того, «доведется ли ему дожить до следующего субботнего вечера», а потом признал, что «нам очень повезло» – не более того[245]. **«САМЫЙ ОПАСНЫЙ МОМЕНТ»**

Более подробный взгляд на события тех дней добавляет к этим высказываниям еще больше мрачных тонов.

Кандидатов на «самый опасный момент» было несколько. Один их них – 27 октября 1962 года, когда эсминцы США, осуществлявшие блокаду Кубы, сбросили на советские подлодки глубинные бомбы. По данным советской стороны, которые можно найти в Архиве национальной безопасности, капитаны субмарин «разозлились достаточно для того, чтобы говорить о пуске торпед с ядерными боеголовками мощностью 15 килотонн, сравнимой с мощностью бомбы, уничтожившей в августе 1945 года Хиросиму»[246].

Решение подготовить торпеду к боевому пуску, о котором надлежащим образом было доложено командованию, в самый последний момент отменил помощник капитана Василий Архипов и тем самым, вероятно, спас мир от ядерной катастрофы[247]. Не трудно представить, как бы отреагировали США, если б торпеда действительно была пущена, или как бы ответили русские, если б над их страной вырос атомный гриб.

По данным Грэхема Эллисона, хорошо информированного стратегического аналитика из Гарвардского университета, который написал об этом в издании *Foreign Affairs*, Кеннеди уже объявил высший уровень боеготовности ядерного оружия, *DEFCON 2*,

позволявший «пилотам военно-воздушных сил НАТО взлететь, взять курс на Москву и сбросить бомбу»[248].

Еще одним претендентом на «самый опасный момент» можно считать 26 октября. Этот день выбрал майор Дон Клоусон, пилот бомбардировщика «B-52». Впоследствии он сообщил поистине жуткие подробности операции «Хромированный купол», развернутой во время кризиса, когда «в воздух по тревоге поднимались бомбардировщики с ядерным оружием на борту в состоянии полной боеготовности». «Двадцать шестого октября стало тем днем, когда нация ближе всего подошла к ядерной войне», – пишет он в своих «Непочтительных историях пилота военно-воздушных сил». В тот день и сам Клоусон мог ввергнуть мир в губительный катаклизм. По его мнению, «нам чертовски повезло, что мы не взорвали этот мир, и благодарить за это надо отнюдь не политическое или военное руководство страны».

Ошибки, смятение, инциденты, которых едва удалось избежать, непонимание со стороны руководства, о которых говорит Клоусон, сами по себе пугают, но еще больше пугают оперативные командно-административные правила либо их отсутствие. В своих воспоминаниях о пятнадцати суточных воздушных дежурствах в рамках операции «Хромированный купол», максимально возможных, он сообщает, что официальное командование «не обладало возможностью помешать какому-нибудь неконтролируемому экипажу или же одному из его членов привести в боевую готовность термоядерное оружие и использовать его» или даже передать по радио приказ о боевом вылете «всех военно-воздушных сил передового базирования», который потом больше нельзя было бы отменить. Поднимаясь в воздух, экипаж, пишет майор, «мог приводить в состояние боеготовности бомбы и сбрасывать их без дополнительных команд с земли. Никаких сдерживающих факторов в системе попросту не существовало»[249].

По информации генерала Дэвида Берчинела, начальника отдела планирования штаба военно-воздушных сил, в воздух подняли примерно треть всех имевшихся в наличии самолетов. Стратегическое командование ВВС, технически несущее за это ответственность, почти не контролировало ситуацию. А по информации Клоусона, с гражданским Национальным командованием военные сведениями не

делились, это означает, что члены *ExComm*, решавшие судьбу мира, знали даже меньше, чем предполагается.

От устного рассказа генерала Берчинела, свидетельствующего о еще большем презрении к гражданскому командованию, волосы тоже встают дыбом. По его словам, капитуляция русских никогда не подвергалась сомнению. Маневры в рамках операции «Хромированный купол» планировались так, чтобы ясно дать русским понять, что в военном противостоянии они США не конкуренты и их страна может быть быстро уничтожена[250].

На основании документов *ExComm*, Шелдон Стерн приходит к выводу, что 26 октября президент Кеннеди «склонялся к военному варианту для ликвидации ракет на Кубе», за которым, по планам Вашингтона, должно было последовать военное вторжение[251]. Было совершенно очевидно, что такого рода действия могли привести к гибельной войне, причем это заключение намного позже подкрепили данные о развертывании тактического ядерного оружия и сведения о том, что силы русских намного превосходили оценки американской разведки.

Под занавес встречи членов *ExComm*, ближе к 18:00 26 октября, пришло письмо советского руководителя Никиты Хрущева, адресованное непосредственно президенту Кеннеди. «Его посыл представлялся совершенно ясным, – пишет Стерн. – Если США пообещают не вторгаться на Кубу, Советский Союз оттуда свои ракеты уберет»[252].

На следующий день, в 10 часов утра, президент опять тайком включил магнитофон и прочел вслух только что переданное ему сообщение телеграфного агентства: «Премьер Хрущев в сегодняшнем письме президенту Кеннеди пообещал убрать наступательные вооружения с Кубы, если США уберут свои ракеты из Турции», то есть ракеты «Юпитер» с ядерными боеголовками[253]. Вскоре эта информация получила официальное подтверждение.

Хотя на членов Комитета информация подействовала как гром среди ясного неба, на самом деле такой ход был предсказуем. «Мы знали, что на неделе может случиться что-то подобное», – проинформировал Кеннеди. Он понимал, что открыто отказаться будет трудно: ракеты «Юпитер» устарели, их и без того планировалось вскоре убрать, заменив усовершенствованными ракетами «Поларис»,

базировавшимися на подводных лодках. Кеннеди понимал, что, если «от Хрущева поступит это предложение, он окажется в *невыносимом* положении», потому что, с одной стороны, турецкие ракеты были бесполезными и их все равно планировалось убрать, а с другой – любой член ООН, да и вообще *здравомыслящий* человек, назвал бы такую сделку «разумной»[254].

Поддержание неограниченной власти США

В итоге специалисты по планированию столкнулись с серьезной дилеммой. У них на руках было два предложения Хрущева, позволявшие устранить угрозу страшной войны, и каждое из них показалось бы любому «здравомыслящему человеку» честной сделкой. И как на это было реагировать?

Один из вариантов действий заключался в том, чтобы облегченно вздохнуть оттого, что цивилизации даровано выживание, и с радостью ухватиться за оба предложения: объявить, что Соединенные Штаты, придерживаясь международного законодательства, не будут угрожать Кубе вторжением. И убрать из Турции устаревшие ракеты, попутно, в соответствии с планами, выведя ядерную угрозу Советскому Союзу на новый уровень – конечно же как часть глобального окружения России. Но подобное было немыслимо.

Главную причину того, что подобная идея даже не рассматривалась, озвучил советник по национальной безопасности МакДжордж Банди, бывший декан Гарвардского университета и, по общему мнению, самая яркая звезда на небосводе ближайшего окружения Кеннеди. Мир, настаивал он, должен понять, «что текущая угроза исходит *не* от Турции, а от *Кубы»*, где стоят ракеты, нацеленные на США[255]. Значительно превосходящий ракетный потенциал США, направленный на куда более слабого и уязвимого советского врага, не может, по всей видимости, считаться угрозой миру, потому как мы — *хорошие*, что могут подтвердить огромное количество людей в Западном полушарии и за его пределами, включая жертв нынешней террористической войны, которую в то время США вели против Кубы, или же те, кого смела «кампания ненависти» в Арабском мире, так озадачившая Эйзенхауэра, но только не Совет национальной безопасности, так четко ее объяснивший.

В ходе последующего диалога президент подчеркнул, что «окажется в плохом положении», если воспламенит мировой пожар,

отказавшись от предложений, которые выжившие (если им еще будет до этого дело) посчитают разумными[256].

Хорхе Домингес, специалист по Латинской Америке из Гарвардского университета, в своем обзоре обнародованных недавно свидетельств о терроре времен правления Кеннеди отмечает, что «в этих документах, занимающих без малого тысячу страниц, упоминается один-единственный случай, когда высокопоставленный американский чиновник выдвинул робкое возражение против спонсируемого правительством США терроризма, заявив, что «атаки будут носить бессистемный характер и в результате погибнут ни в чем не повинные люди… что может спровоцировать отрицательную редакцию прессы в некоторых дружественных странах»[257].

Схожие позиции преобладали и в международных дискуссиях во время Кубинского ракетного кризиса [в советской и российской литературе он обычно называется Карибским. – *Пер.]*, а также когда Роберт Кеннеди предупредил, что в результате полномасштабного вторжения на Кубу «погибнет ужасно много людей, что вызовет жуткую волну ярости»[258]. Превалируют они и сейчас, за очень редкими исключениями, о чем наглядно свидетельствуют документы.

Мы могли бы оказаться «в положении и похуже», если бы мир больше знал о том, что в тот период предпринимали Соединенные Штаты. Лишь недавно стало известно, что полгода спустя США тайно развернули на Окинаве ракеты, почти идентичные тем, что Советский Союз разместил на Кубе[259]. Они конечно же были нацелены на Китай – на тот момент в этом регионе повысился градус напряженности. Сегодня Окинава остается главной наступательной военной базой США, несмотря на резкие протесты жителей острова. **Одно случайное пренебрежение мнением человечества**

Последующие дебаты были откровенны и красноречивы, но я о них говорить не буду. Решение приняли следующее: Соединенные Штаты пообещают вывести из Турции устаревшие ракеты, но сделают это без лишнего шума и никаких письменных обязательств давать не будут: ситуацию было важно представить как капитуляцию Хрущева. Было предложено любопытное оправдание, которое ученые и комментаторы посчитали разумным. Как пишет Майкл Доббс, «если США под давлением Советского Союза в одностороннем порядке демонтируют стартовые ракетные площадки, то блок НАТО может

дать трещину» – или, если перефразировать эту фразу чуть точнее, если Соединенные Штаты заменят бесполезные ракеты усовершенствованным оружием, как и планировалось, предложив России сделку, которую любой «здравомыслящий человек» посчитает честной, то блок НАТО может дать трещину[260].

Безусловно, если бы Россия убрала с Кубы единственное средство сдерживания американской агрессии – при том, что в воздухе витала угроза прямого вторжения в эту страну, – кубинцы пришли бы в ярость (что, собственно, и произошло по вполне объяснимым причинам). Но для стандартных мотивов такое сравнение представляется нечестным: мы люди, мы важны, в то время как они всего лишь «нечеловеки», если воспользоваться замечательным выражением Джорджа Оруэлла.

Кроме того, Кеннеди неофициально пообещал не вторгаться на Кубу, но выдвинул условие: не просто вывести ракеты, но и прекратить или, как минимум, значительно сократить советское военное присутствие. (Что не касалось Турции, расположенной вблизи границ СССР.) По словам президента, если Куба перестанет быть «вооруженным лагерем», мы, вероятно, «не станем на нее вторгаться». При этом он добавил, что если Куба желает избавиться от угрозы вторжения, ей следует прекратить «подрывать политическую власть» (выражение Шелдона Стерна) в Латинской Америке[261]. «Подрыв политической власти» в те годы в США был постоянной темой; как тут не вспомнить, к примеру, свержение Эйзенхауэром парламентского правительства Гватемалы, столкнувшее эту измученную страну в пропасть, из которой ей еще выбираться и выбраться. Эта же тема присутствовала и в 1980-е, когда Рональд Рейган вел в Центральной Америке свои порочные террористические войны. «Подрыв власти» Кубой заключался в поддержке тех, кто сопротивлялся нападкам со стороны США и их ручных режимов, а порой – кошмар из кошмаров! – в поставках им оружия.

Хотя эти допущения так глубоко укоренились в господствующую доктрину, что стали общим местом, о них внутри страны все же говорят. Например, Аппарат политического планирования Государственного департамента разъяснил, что «первейшая угроза со стороны Кастро, заключается… во влиянии, которое само существование его режима оказывает на многие страны Латинской Америки… сам факт, что Кастро успешно бросает вызов США,

отрицает всю политику, которую мы проводим в полушарии в последние сто пятьдесят лет»[262], то есть с того самого момента, когда доктрина Монро провозгласила намерение доминировать в Западном полушарии, оказавшееся несбыточным.

Право на господство является основополагающим принципом внешней политики США, обычно облекаемым в оборонную терминологию: во времена «холодной войны» чаще всего фигурировала «русская угроза», даже если русских вокруг и в помине не было. Об одном из примеров современного применения этого принципа иранский ученый Эрванд Абрахамиан рассказал в своей книге, посвященной перевороту 1953 года, осуществленному Великобританией и США и свергнувшему в Иране парламентский режим. Тщательно изучив американские документы, он убедительно показывает, что стандартные аргументы не выдерживают никакой критики. Главной причиной были не проблемы, связанные с «холодной войной», не иранская непоследовательность, подрывавшая «благие намерения» Вашингтона, и даже не доступ к нефти и прибылям, а тот простой факт, что независимый национализм угрожал притязаниям Соединенных Штатов на «тотальный контроль» – и, как следствие, на глобальное доминирование[263].

Именно это мы обнаруживаем снова и снова, изучая отдельные ситуации, включая Кубу (что совсем не удивительно), хотя фанатизм в данном конкретном случае заслуживает более подробного рассмотрения. Политика США в отношении Кубы резко осуждается во всей Латинской Америке, а в действительности и в большинстве стран мира. Все опросы общественного мнения показывают, что значительное большинство американских граждан выступают за нормализацию отношений с Кубой, но это тоже не имеет никакого значения[264].

Пренебрежение к общественному мнению – это уже почти норма. На мой взгляд, здесь куда интереснее пренебрежение мнением важных отраслей экономики (энергетика, сельское хозяйство, фармацевтическая промышленность и ряд других), которые тоже ратуют за нормализацию. Это предполагает, что в дополнение к культурным факторам, обнаруживающимся в истерике интеллектуалов из президентского окружения, наказание Кубы продиктовано некими «важными государственными интересами».

Спасти мир от ядерной катастрофы

Официально ракетный кризис закончился 28 октября. Его итог выглядел предельно ясно. В тот вечер в специальном выпуске новостей *CBS News* Чарльз Коллингвуд сообщил, что мир «справился с угрозой ядерного холокоста, страшнейшей за весь период после Второй мировой войны… а советская политика одержала унизительное поражение»[265]. Доббс пишет, что русские, в свою очередь, попытались представить результат в качестве «еще одной победы миролюбивой внешней политики Москвы над империалистическими разжигателями войны»: «Исключительно мудрое, всегда разумное советское руководство устранило нависшую над миром угрозу ядерного разрушения»[266].

Если отделить основополагающие факты от модных насмешек, то получится, что согласие Хрущева на капитуляцию действительно «устранило нависшую над миром угрозу ядерного разрушения».

Однако на этом кризис не закончился. Восьмого ноября Пентагон объявил, что Советский Союз демонтировал все известные пусковые площадки[267]. В тот же день, пишет Стерн, «диверсионная группа совершила нападение на кубинскую фабрику», хотя проводимую Кеннеди террористическую кампанию (операция «Мангуст») на пике кризиса официально свернули[268]. Террористический акт 8 ноября свидетельствует в пользу мнения Банди о том, что угрозу миру несла Куба, а не Турция, где русские отказались от убийственного штурма, хотя это конечно же было совсем не то, что Банди имел в виду или же мог понять.

Дополнительные подробности сообщает уважаемый ученый Рэймонд Гартхофф, тоже обладающий богатым опытом общения с правительством, в своем подробном отчете о Кубинском ракетном кризисе, опубликованном в 1987 году. Он пишет, что 8 ноября «тайная кубинская диверсионная группа, присланная из Соединенных Штатов, нанесла успешный удар по промышленному объекту страны», в результате которого погибли четыреста рабочих, о чем сообщалось в официальном письме кубинского правительства Генеральному секретарю ООН.

«Советский Союз, – комментирует Гартхофф, – мог усмотреть в этом нападении единственно акт, направленный на то, чтобы дать задний ход в ключевом для них вопросе: гарантий, что Америка не

нападет на Кубу», особенно с учетом того, что вдохновителями теракта стали Соединенные Штаты. Эти и другие «действия третьих сторон, – заключает он, – говорят, опять же, о том, что риск может быть колоссальным для всех и катастрофа отнюдь не исключена». Гартхофф также делает обзор кровавых, разрушительных операций в рамках террористической кампании Кеннеди, которые были бы более чем достаточным предлогом для начала войны, если б Соединенные Штаты, их союзники или ручные режимы выступали в роли не злодеев, но жертв[269].

Из того же источника нам становится известно, что 23 августа 1962 года президент издал «Меморандум о действиях в сфере национальной безопасности № 181» – «директиву подготовить национальное восстание, за которым последовало бы военное вторжение США», подразумевающее «значительные военные планы Соединенных Штатов, маневры, передвижения военной силы и техники»[270]. В том же августе значительно повысилась террористическая активность, в том числе произошел обстрел с быстроходных катеров кубинского прибрежного отеля, в «котором, как известно, любили собираться советские военно-технические специалисты, в результате чего погибли два десятка кубинцев и русских»; нападения на британское и кубинское торговое суда; порча поставляемого на экспорт сахара, равно как и другие диверсии и преступления, осуществляемые, как правило, кубинскими эмигрантскими организациями, обосновавшимися во Флориде и обладавшими полной свободой действий. Вскоре наступил тот «самый опасный момент в человеческой истории» – мягко говоря, совсем не на пустом месте.

Когда кризис пошел на убыль, Кеннеди официально возобновил свою террористическую деятельность. За десять дней до убийства он одобрил подготовленный ЦРУ план «операций по уничтожению крупного нефтеперерабатывающего завода, крупной электростанции, сахарных заводов, железнодорожных мостов, портовых сооружений, а также уничтожение подводными средствами доков и судов», ответственность за проведение которых возлагалась на поддерживаемые США силы. По некоторым данным, в день убийства Кеннеди началась реализация заговора с целью устранения Кастро. Эта террористическая кампания прекратилась в 1965 году, однако, как

утверждает Гартхофф, «одним из первых шагов Никсона после прихода к власти в 1969 году был приказ ЦРУ увеличить количество тайных операций против Кубы»[271].

Наконец, мы можем услышать голоса жертв в работе канадского историка Кейта Болендера «Голоса с другой стороны», в которой впервые приводятся устные свидетельства о террористической кампании, – это одна из немногих книг, на которые вряд ли кто обратит особое внимание на Западе, если, конечно, обратит вообще, по той простой причине, что ее содержание слишком уж обличительно[272].

В *Political Science Quarterly,* профессиональном журнале Американской ассоциации политологии, Монтегю Керн отмечает, что Кубинский ракетный кризис представляет собой один из «полномасштабных кризисов… когда обычно считается, что идеологический враг (Советский Союз) идет в наступление, что способствует сплочению, обеспечивает президенту более значительную поддержку и расширяет спектр его политических возможностей»[273].

Керн прав в том, что так считается «обычно» – исключение составляют те, кто освободился от идеологических оков настолько, чтобы обратить внимание на факты. По сути, к ним относится и сам Керн. Еще один – Шелдон Стерн, который признает то, что было давно известно таким «ненормальным». В частности, он пишет, что первоначальное объяснение Хрущевым причины размещения на Кубе ракет в основе своей было верным: лидер СССР никогда не намеревался использовать их в качестве угрозы безопасности Соединенных Штатов, считая развертывание оборонительной мерой, направленной на защиту Кубы, своего союзника, от американских атак; к тому же он отчаянно пытался придать Советскому Союзу видимость баланса ядерного могущества»[274]. Доббс тоже признает, что «Кастро и его советские покровители имели вполне реальные основания опасаться американских попыток сменить режим, в том числе и путем – в виде крайнего средства – вторжения США на Кубу… Хрущев был искренен в своем желании защитить Кубинскую революцию от могущественного северного соседа»[275].

«Террор на земле»

Атаки США американские комментаторы зачастую называют глупыми шалостями, интригами вышедших из-под контроля

сотрудников ЦРУ. Это очень далеко от истины. Самые лучшие и яркие политики отреагировали на провал операции в Заливе свиней чуть ли не истерией, включая президента, который, выступая перед нацией, торжественно заявил: «Самодовольные, потакающие своим прихотям, слабые народы вскоре будут погребены под руинами истории, и выжить, вероятно, удастся только сильным». Причем он явно полагал, что выжить они смогут единственно благодаря массовому террору, хотя это дополнение держалось в секрете, да и сегодня о нем ничего не знают лоялисты, считающие, что идеологический враг «идет в наступление» (считающие, опять же, «обычно», как отмечает Керн). После поражения в Заливе свиней, пишет историк Пьеро Глейхесес, Джон Кеннеди, чтобы наказать Кубу за успешное отражение американского вторжения, ввел жесточайшее эмбарго и попросил своего брата, генерального прокурора Роберта Кеннеди, возглавить Межведомственную группу по разработке операции «Мангуст» – развернутой программы экономической войны и диверсий, начатой в 1961 году, чтобы устроить Фиделю Кастро «террор на земле», или, выражаясь более прозаическим языком, «свалить его»[276].

Выражение «террор на земле» использовал в своей почти что официальной биографии Роберта Кеннеди Артур Шлезингер, возложив на него ответственность за террористическую войну; по его словам, тот проинформировал ЦРУ, что проблема Кубы для правительства Соединенных Штатов является высшим приоритетом – все остальное вторично – и что для свержения режима Кастро нельзя жалеть ни времени, ни усилий, ни людей[277]. Операцией «Мангуст» руководил Эдвард Лендсдейл, обладавший огромным опытом борьбы с повстанческими движениями – стандартный термин, которым мы называем одобряемый нами терроризм. Он составил график, согласно которому «открытое восстание и свержение коммунистического режима» намечалось на октябрь 1962 года. В «окончательной формулировке» этой программы говорилось, что «для достижения конечного успеха потребуется решительное военное вторжение США», когда для него создадут предпосылки терроризм и крушение государственного строя. Как следствие, США планировали свое военное вторжение на октябрь 1962 года, когда и разразился ракетный кризис. События, о которых мы только что говорили, помогают понять,

почему у Кубы и России были веские основания воспринимать такие угрозы всерьез.

Много лет спустя Роберт Макнамара признал, что Куба не зря опасалась нападения. «На месте Кубы или СССР я бы думал точно так же», – заявил он на крупной конференции, посвященной сорокалетию ракетного кризиса[278].

Что же касается «отчаянных попыток придать Советскому Союзу видимость баланса ядерного могущества», то давайте вспомним, что своей победой на выборах 1960 года, одержанной с очень незначительным перевесом, Кеннеди в немалой степени был обязан сфабрикованной истории о «ракетном отставании», призванной напугать страну и осудить администрацию Эйзенхауэра за мягкотелость в сфере национальной безопасности[279]. «Ракетное отставание» действительно имело место, только вот отставал в этом отношении Советский Союз.

Как утверждает в своей авторитетной работе о ракетной программе Джона Кеннеди стратегический аналитик Десмонд Болл, первое «публичное, недвусмысленное заявление администрации» об истинных обстоятельствах грядущего ракетного кризиса сделал в октябре 1961 года заместитель министра обороны Розуэлл Гилпатрик. Он проинформировал Совет по бизнесу, что «после неожиданного нападения у США останется больше средств доставки ядерных боезарядов, чем Советский Союз сможет развернуть при первом ударе»[280]. Русские конечно же знали о своей относительной уязвимости и слабости. Знали они и о том, как отреагирует Кеннеди, когда Хрущев предложил резко сократить наступательные вооружения и в одностороннем порядке к этому приступил: президент ничего не смог ответить и вместо этого развернул масштабную программу вооружений. **Владеть миром – тогда и сейчас**

Два самых важных вопроса в отношении этого ракетного кризиса звучат так. Первый: как он начался? Второй: как закончился?

Начался кризис с террористических атак Кеннеди на Кубу и угрозой вторжения в октябре 1962 года. А закончился отказом принимать предложения русских, которые показались бы честными для любого «здравомыслящего» человека, но были немыслимы для администрации только потому, что подрывали фундаментальный принцип, провозглашающий право Соединенных Штатов в

одностороннем порядке размещать ракеты с ядерными боеголовками где вздумается, нацеливать их на Китай, Россию или на любую другую страну, в том числе и вблизи ее границ, равно как и сопутствующий принцип, лишающий Кубу права иметь ракеты для защиты от неминуемого, как тогда казалось, вторжения США. Чтобы решительно утвердить эти принципы, вполне можно было пойти на огромный риск невообразимой, разрушительнои воины, отвергнув простые и честные, по всеобщему признанию, механизмы устранения угрозы.

Гартхофф отмечает, что «в Соединенных Штатах всегда царило всеобщее одобрение того, как президент Кеннеди справился с этим кризисом»[281]. «Безудержно оптимистичный тон, – утверждает Доббс, – задал придворный историк Артур Шлезингер-младший, написавший, что “Кеннеди ослепил мир своим сочетанием сдержанности и твердости, воли, выдержки и мудрости – так блестяще контролируя эти качества, так бесподобно выверяя”»[282]. Стерн, выступая с более трезвых позиций, частично с этим соглашается, обращая внимание на тот факт, что Кеннеди неоднократно отвергал агрессивные рекомендации своих помощников и советников, призывавших к использованию военной силы и отказу от мирных вариантов разрешения конфликта. События октября 1962 года повсеместно превозносятся как пик славы президента Кеннеди. Присоединяясь ко многим другим, Грэхем Эллисон представляет эти события в качестве «наглядного пособия по разрешению конфликтов, урегулированию отношений между великими державами и принятию мудрых решений во внешней политике в целом»[283].

В очень узком смысле это суждение кажется вполне здравым. Записи заседаний Исполнительного комитета говорят о том, что у президента была своя собственная позиция, отличная от позиций других, порой даже всех остальных, и заключавшаяся в том, что он отказывался раньше времени прибегать к насилию. Вместе с тем здесь возникает следующий вопрос: как эту относительную сдержанность президента Кеннеди во время разрешения кризиса следует оценивать в более широком смысле с учетом соображений, о которых мы только что говорили? Но этот вопрос никому даже в голову не приходит в обществе дисциплинированной интеллектуальной и нравственной культуры. Это общество безоговорочно соглашается с базовым принципом, в соответствии с которым Соединенные Штаты, в

сущности, по праву владеют миром, изначально представляя собой силы добра, а случайные ошибки и недоразумения – с кем ни бывает. Согласно этому базовому принципу США могут в массовом порядке развертывать во всем мире системы наступательных вооружений, при этом считая страшным оскорблением, когда другие (за исключением союзников и ручных режимов) демонстрируют хотя бы малейшие намерения или даже просто думают о сдерживании «доброго глобального гегемона», угрожающего им применением насилия. Сегодня эту доктрину используют в качестве первейшего официального обвинения против Ирана; такого рода соображения высказывались и во время ракетного кризиса. В ходе дискуссий с ближайшим окружением братья Кеннеди выражали опасения, что кубинские ракеты могут помешать вторжению США в Венесуэлу, которое в тот период как раз рассматривалось. Так что «с Заливом свиней все было правильно», – пришел к выводу Джон Кеннеди[284].

Из-за этого принципа риск ядерной войны сохраняется и по сей день. В чрезвычайно опасных ситуациях недостатка не было и после 1962 года. Например, во время арабо-израильской войны 1973 года советник по национальной безопасности Генри Киссинджер объявил высший уровень боеготовности ядерных сил *(DEFCON 3*), желая предупредить русских, чтобы они не вмешивались, когда Израиль получил от США тайную санкцию на нарушение режима прекращения огня, соглашение о котором было достигнуто под давлением Соединенных Штатов и России[285]. Когда к власти через несколько лет пришел Рональд Рейган, Америка провела ряд операций, чтобы прощупать оборону русских, имитируя атаки с моря и с воздуха, и попутно разместила в Германии ракеты «Першинг», подлетное время которых к целям на территории России составляло двадцать пять минут, что предоставляло Соединенным Штатам возможность «сверхнеожиданного первого удара», если воспользоваться формулировкой ЦРУ[286]. Разумеется, это вызвало огромную тревогу в России, которая за свою историю, в отличие от Соединенных Штатов, неоднократно подвергалась нападениям и несла огромные потери.. Кроме того, существуют еще сотни примеров того, как возможный удар, вызванный сбоями автоматики, удавалось остановить буквально за несколько минут до старта благодаря вмешательству человека.

Индия и Пакистан тоже несколько раз подходили вплотную к ядерной войне, причем источники конфликта между ними и сегодня никуда не делись. Обе страны отказываются подписывать Договор о нераспространении ядерного оружия. И той и другой США оказывают поддержку в реализации ядерных военных программ.

В 1962 году войны удалось избежать, благодаря готовности Хрущева согласиться с глобальными запросами Кеннеди. Но на подобное здравомыслие нельзя полагаться всегда. То, что человечеству до сих пор удается избежать атомной войны, можно считать почти что чудом. У нас есть более чем достаточно оснований прислушаться к предупреждению Бертрана Рассела и Альберта Эйнштейна, которые без малого шестьдесят лет назад сказали, что нам предстоит столкнуться с «суровым, ужасным и неизбежным выбором: человечеству придется либо погибнуть, либо отказаться от войн»[287].

9. Соглашения в Осло: их контекст и последствия

В сентябре 1993 года президент Клинтон на лужайке Белого дома покровительственно наблюдал за рукопожатием израильского премьер-министра Ицхака Рабина и председателя Организации освобождения Палестины (ООП) Ясира Арафата – это был «трепетный день», как почтительно окрестила событие пресса[288]. Поводом стало провозглашение Декларации о принципах политического урегулирования израильско-палестинского конфликта, документа, ставшего результатом тайных переговоров в Осло под эгидой правительства Норвегии.

Независимые переговоры между Израилем и палестинцами велись с 1991 года. Их инициировали Соединенные Штаты, в тот момент почивавшие на лаврах после первой войны в Ираке, провозгласившей принцип «Будет так, как скажем мы!», если воспользоваться победоносным выражением президента Джорджа Буша-старшего[289]. Начались они короткой конференцией в Мадриде и продолжились, направляемые руководящей дланью Соединенных Штатов (а формально и при участии слабевшего Советского Союза, чтобы придать видимость международного содействия). Палестинской делегацией, состоявшей из жителей оккупированных территорий (впредь мы будем называть их «внутренними палестинцами»), руководил преданный и неподкупный левый националист Хайдар Абдул Шафи, которого можно считать самым уважаемым

палестинским деятелем. «Внешних палестинцев» – ООП, возглавляемую Ясиром Арафатом, которая обосновалась в Тунисе, – к переговорам не допустили, хотя от них в качестве неофициального наблюдателя присутствовал Фейсал аль-Хусейни. Представителей огромного количества палестинских беженцев тоже не было – до их прав, даже тех, что гарантировала Генеральная Ассамблея ООН, никому не было дела.

Чтобы по достоинству оценить характер и значение подписанных в Осло соглашений, равно как и их последствия, очень важно понимать, на каком фоне и в каком контексте проходили переговоры в Мадриде и столице Норвегии. Для начала я сделаю краткий обзор фона, обусловившего контекст переговоров, затем перейду к Декларации о принципах (ДОП) и последствиям подписанных в Осло договоренностей, которые ощущаются до настоящего времени, а потом, наконец, добавлю несколько слов об уроках, которые следует извлечь.

Предварительно ООП, Израиль и Соединенные Штаты обнародовали свои официальные позиции по базовым вопросам, которые, собственно, и стали темой переговоров в Мадриде и Осло. Позицию ООП в ноябре 1988 года озвучил Палестинский национальный совет (ПНС), предпринявший целую череду дипломатических инициатив, впоследствии отвергнутых. ПНС призывал создать Палестинское государство на территориях, с 1967 года оккупированных Израилем, и обратился с Совету Безопасности ООН с требованием «сформулировать и гарантировать соглашения по безопасности и миру всех стран региона, включая Палестинское государство»[290]. Заявление ПНС, в целом признававшее широкий международный консенсус по дипломатическому урегулированию, почти ничем не отличалось от резолюции, которую в январе 1976 года в Совет Безопасности внесли «противоборствующие» арабские страны (Египет, Сирия и Иордания). Тогда на нее наложили вето Соединенные Штаты, а потом проделали то же самое и еще раз, в 1980 году. США привычно блокируют общий взгляд по данному вопросу – дипломатические любезности здесь можно не учитывать.

К 1988 году Вашингтону стало трудно объяснять свою политику непризнания. В декабре действующая администрация Рейгана стала посмешищем всего международного сообщества, прилагая отчаянные

усилия сделать вид, что она одна во всем мире не может услышать уступчивые предложения ООП и арабских государств. И США с большой неохотой решили «объявить победу», утверждая, что Организацию освобождения Палестины наконец-то заставили произнести «магические слова» и выразить готовность к дипломатическому урегулированию[291]. В своих мемуарах Джордж Шульц, бывший госсекретарь, ясно дает понять, что конечная цель заключалась в том, чтобы максимально унизить ООП, хотя одновременно с этим признавалось, что откладывать мирные инициативы больше нельзя. Он проинформировал президента Рейгана, что в одном месте Арафат сказал «дя, дя, дя», в другом опять произнес «дя, дя, дя», но так и не произнес «дядя», смиренно принимая капитуляцию, как и полагается низшему сословию. В итоге появилась возможность переговоров с мелкими чиновниками ООП, хотя все понимали, что особого смысла в них нет: в частности, по одному из условий ООП должна была отказаться от требования созвать международную конференцию, чтобы США и дальше могли контролировать процесс[292].

В мае 1989 года коалиционное правительство израильских партий «Ликуд» и «Авода» официально ответило на согласие Палестины подписать договор о «двух государствах», заявив, что «еще одного Палестинского государства» между Иорданией и Израилем (Иордания по категоричному решению Израиля уже была «палестинским государством», что бы по этому поводу ни думали сами палестинцы и иорданцы) быть не может, и что «статус Иудеи, Самарии и Газы [имеется в виду Газа и Западный берег реки Иордан] останется неизменным, в полном соответствии с базовым курсом израильского руководства»[293]. Более того, Израиль заявил, что вообще не будет вести переговоры с ООП, хотя это позволило бы провести «свободные выборы», контролируемые израильской военной администрацией, притом что очень многие палестинские лидеры сидели в тюрьмах без предъявления обвинения или же были высланы из Палестины.

В соответствии с планом, предложенным госсекретарем Джемсом Бейкером, в декабре 1989 года новая администрация Буша одобрила эту инициативу без всяких оговорок. Таким образом, накануне переговоров в Мадриде существовало три официальных позиции, а Вашингтон выступал в них в качестве «честного посредника».

Когда в сентябре 1993 года Ярафат приехал в Вашингтон, чтобы принять участие в «трепетном дне», передовая статья в *New York Times* назвала вышеупомянутое рукопожатие «волнительной картиной, превращающей господина Арафата в государственного деятеля и миротворца», который под эгидой Соединенных Штатов откажется наконец от насилия[294]. Колумнист *New York Times* Энтони Льюис, выступающий с крайних критических позиций господствующего общественного мнения, написал, что раньше палестинцы неизменно «отвергали компромисс», но теперь наконец готовы «проложить путь к миру»[295].

Дипломатические шаги Соединенные Штаты и Израиль конечно же блокировали, в то время как ООП в течение многих лет предлагала компромисс, но тот факт, что Льюис все поставил с ног на голову, для политического мейнстрима является вполне нормальным.

В годы, непосредственно предшествовавшие переговорам в Мадриде и Осло, произошли и другие важные события. В декабре 1987 года в Газе вспыхнула Интифада и тут же распространилась на другие оккупированные территории[296]. Это массовое, показательно подавленное восстание стало сюрпризом не только для израильских оккупационных сил с их развитой системой воинских и военизированных формирований, наблюдателей и коллаборационистов, но и для обосновавшейся в Тунисе ООП. Интифада не ограничилась одним лишь противодействием оккупации – она также стала социальной революцией внутри палестинского общества, разрушив модели слепой покорности женщин, авторитета знати, равно как и других форм иерархии и доминирования.

Хотя момент, когда разразилась Интифада, и стал сюрпризом, в самом восстании ничего удивительного не было, по крайней мере для тех, кто обращал хоть какое-то внимание на операции, осуществляемые Израилем на этих территориях при поддержке США. Что-то обязательно должно было случиться, больше люди терпеть не могли. В предшествующие двадцать лет палестинцы, жившие при режиме военной оккупации, подвергались скотскому обращению, жестоким репрессиям и безжалостному унижению. Жалкие остатки их страны исчезали у них на глазах по мере того, как Израиль воплощал в жизнь свои программы строительства поселений, возводил колоссальную инфраструктуру, призванную интегрировать самые

значимые территории в Израиль, воровал ресурсы и применял другие меры, препятствовавшие независимому развитию, – неизменно при решающей военной, экономической и дипломатической поддержке со стороны Соединенных Штатов, равно как и идеологического содействия в деле формулирования новых вопросов и тем.

Давайте возьмем только один из множества случаев, не привлекших к себе внимания и не вызвавших озабоченности на Западе: незадолго до Интифады палестинскую девочку Интиссар аль-Атар застрелил прямо на школьном дворе житель соседнего еврейского поселения[297]. Он был одним из нескольких тысяч поселившихся в Газе израильтян, которые пользовались значительными государственными субсидиями, пребывали под защитой многочисленного военного присутствия, отняли обширные земли и скудные в Секторе Газа запасы воды, которые «вели роскошную жизнь в двадцати двух поселениях среди 1,4 миллиона обездоленных палестинцев», как описал это преступление израильский ученый Ави Рац[298].

Убийцу школьницы, Шимона Ифраха, арестовали, но вскоре суд выпустил его под залог, определив, что «преступление недостаточно серьезно», чтобы содержать мужчину под стражей. Судья объяснил, что Ифрах хотел не убить, а только напугать девочку, выстрелив в нее на школьном дворе из пистолета, и его никак нельзя считать «уголовником, которому надо преподать урок, заточив в тюрьму». Ифраху дали семь месяцев условно. Услышав это решение, находившиеся в зале поселенцы бросились петь и танцевать. А мир, как водится, промолчал. В конце концов, самое обычное дело.

Уже после того, как Ифраха освободили, израильские СМИ сообщили, что вооруженный армейский патруль открыл стрельбу на школьном дворе в лагере беженцев на Западном берегу реки Иордан и ранил пятерых мальчишек, тоже, по-видимому, желая их «напугать». Никаких обвинений не последовало, и случай, опять же, прошел незамеченным. Он стал всего лишь очередным эпизодом программы «безграмотности в качестве наказания», как окрестила ее израильская пресса. В эту же программу входит закрытие школ, использование гранат со слезоточивым газом, избиение прикладами учащихся и лишение тех, кто стал жертвами, медицинской помощи.

После двух лет бесчеловечных, садистских репрессий Рабин проинформировал руководство неправительственной организации «Шалом ахшав», что «жители территорий подвергаются жесткому военному и экономическому давлению». В конечном счете «они будут сломлены» и «согласятся на условия Израиля», что, собственно, и случилось, когда Арафат в результате достигнутых в Осло договоренностей вернул контроль.

Мадридские переговоры между Израилем и «внутренними палестинцами» безрезультатно тянулись с 1991 года, камнем преткновения на них было требование Абдула Шафи прекратить практику расширения израильских поселений. Все эти поселения были незаконны, что неоднократно признавали международные власти, в том числе и Совет Безопасности ООН (среди прочих его решений можно назвать Резолюцию № 446, принятую двенадцатью голосами при трех воздержавшихся – Соединенных Штатов, Великобритании и Норвегии[299]). Позже незаконность поселений подтвердил и Международный суд ООН. В конце 1967 года, когда программа строительства только начиналась, что дело нечисто, признавали также чиновники правительства и представители высшего руководства Израиля. Преступное предприятие включало в себя масштабную экспансию и аннексию Большого Иерусалима – явно в пику неоднократным директивам Совета Безопасности[300].

Израильскую позицию на момент начала Мадридской конференции безошибочно обобщил израильский журналист Дэнни Рубинштейн, один из самых информированных аналитиков по проблеме оккупированных территорий[301]. Он написал, что в Мадриде Израиль и Соединенные Штаты могли согласиться на какую-нибудь форму автономии Палестины, на чем настаивали Кемп-Дэвидские соглашения 1978 года, но это была бы «автономия лагеря военнопленных, которым разрешается “автономно” и без стороннего вмешательства готовить еду либо проводить культурные мероприятия»[302]. Палестинцы получили бы чуточку больше, чем у них было: контроль над местными учреждениями, – а израильская программа строительства поселений продолжалась бы дальше. Во время Мадридской конференции и тайных переговоров в Осло эта программа быстро расширялась, сначала при Ицхаке Шамире, а потом при Ицхаке Рабине, который, придя к власти в 1992 году, хвастался,

что его стараниями «на территориях возводится больше поселений, чем когда-либо после 1967 года». Свой ключевой принцип Рабин объяснял лаконично: «Важно то, что находится в границах, а вот где эти границы располагаются, не так существенно до тех пор, пока государство [Израиль] занимает большую часть территории Земли Израильской [Эрец Исраэль, бывшая Палестина] со столицей в Иерусалиме».

Израильские ученые сообщали, что правительство Рабина преследовало цель радикально расширить «зону влияния Большого Иерусалима», протянув ее от Рамаллы до Хеврона и далее – к границе Маале-Адумима рядом с Иерихоном, таким образом «замкнув кольцо непрерывных израильских поселений в зоне влияния Большого Иерусалима, чтобы полностью окружить палестинские общины, ограничить их развитие и исключить любую возможность того, чтобы Восточный Иерусалим мог стать палестинской столицей». Кроме того, велось активное строительство обширной сети дорог – фундамента, на который опиралась вся модель поселений»[303].

Эти программы активно набирали обороты и по окончании переговорного процесса в Осло, включая строительство новых поселений и расширение старых, создание стимулов для привлечения поселенцев, а также строительство дорог, чтобы разбить территорию на районы. По данным организации «Шалом Ашхав», число проектов строительства новых домов, за исключением Восточного Иерусалима, в период с 1993 по 1995 год выросло на 40 %[304]. Правительственные расходы на поселения на этих территориях в 1994 году, спустя всего год после Осло, выросли на 70 %[305]. *Davar*, издание правящей партии «Авода», сообщало, что администрация Рабина придерживается тех же приоритетов, что ультраправое правительство Шамира, которое она сменила. Утверждая, что строительство поселений заморожено, «Авода» в действительности «оказывала им большую финансовую помощь, чем когда-либо правительство Шамира», расширяя поселения «повсюду на Западном Берегу реки Иордан, даже на самых спорных участках»[306]. Подобная политика проводилась и в последующие годы, в том числе легла в основу программ правительства Нетаньяху. Ее цель – обеспечить контроль Израиля над сорока, а то и пятьюдесятью процентами Западного берега реки Иордан, а остальное поделить на районы, подчинить Израилю, захватившему Иорданскую

долину, и, в нарушение достигнутых в Осло договоренностей, отделить от Газы, чтобы ни одно потенциальное палестинское образование никогда не получило доступа к внешнему миру.

Интифаду начали и провели внутренние палестинцы. ООП, обосновавшаяся в Тунисе, пыталась как-то контролировать события, но безуспешно. Программы, реализованные в начале 1990-х годов, когда велись переговоры, углубили раскол между «внутренними палестинцами» и «заграничным» руководством ООП.

Неудивительно, что в сложившихся обстоятельствах Арафат попытался восстановить власть ООП. Такую возможность ему предоставляли тайные переговоры с Израилем при посредничестве Норвегии, подрывавшие позиции местных лидеров. По их окончании в августе 1993 на растущую отчужденность ООП обратила внимание Ламис Андони, одна из очень немногих журналисток, пристально следивших за тем, что происходило в среде палестинцев на оккупированных территориях и в лагерях беженцев в соседних странах. Она сообщала, что ООП столкнулась «с самым серьезным кризисом с момента своего основания в качестве объединения палестинских групп, за исключением ФАТХ; независимые дистанцируются от ООП, окружение Ясира Арафата редеет». Далее она писала, что «два высокопоставленных члена Исполнительного комитета ООП, палестинский поэт Махмуд Дарвиш и Шафик аль-Хаут, вышли из его состава». В отставку подали палестинские переговорщики и даже те, кто остался, дистанцировались от Арафата. Лидер ФАТХ (Движение за национальное освобождение Палестины), чья штаб-квартира была в Ливане, призвал Арафата уйти, на территориях крепла оппозиция как лично ему, так и коррупции и автократии в ООП. Наряду со «стремительным распадом группы ключевых сторонников и утраты Арафатом поддержки внутри собственного движения… быстрый упадок институтов ООП и устойчивое снижение числа сторонников организации делают любой прорыв в мирных переговорах бессмысленным».

«За всю историю ООП оппозиция ее лидерам, в том числе самому Арафату, никогда еще не была так сильна, – отмечает Андони, – при этом впервые нарастает ощущение, что сохранение национальных прав палестинцев больше не зависит от роли ООП в их отстаивании. Многие считают, что именно политика руководства ООП разрушает

институты Палестины и подрывает палестинские национальные права».

В силу этих причин, отмечает она, Арафат воспользовался вариантом Иерихон – Газа, предложенным в Осло, надеясь, что это «укрепит власть ООП, особенно на фоне признаков того, что Израиль может пройти еще десять миль, договариваясь непосредственно с ООП, таким образом придав ООП ту самую легитимность, которую она теряет внутри».

Власти Израиля, конечно же осведомленные обо всех этих внутрипалестинских процессах, вероятно, пришли к выводу, что им есть смысл иметь дело с теми, кто «разрушает институты Палестины и подрывает палестинские национальные права», не дожидаясь, когда население реализует свои национальные цели и права каким-то иным способом.

Реакция на подписанные в Осло соглашения среди палестинцев на оккупированных территориях была неоднозначной. Некоторые лелеяли самые радужные надежды, в то время как другие не видели особых поводов для радости. «Положения договоренностей встревожили даже самых умеренных палестинцев, которые испугались, что это еще больше укрепит контроль Израиля над оккупированными территориями», – пишет Ламис Андони. Саиб Эрекат, высокопоставленный палестинский переговорщик, в своих комментариях отмечал, что «договоренности явно ставят своей целью реорганизацию израильской оккупации, но не ее постепенное прекращение»[307]. Даже близкий Арафату Фейсал аль-Хусейни и тот сказал, что договоренности – это «точно не тот старт, которого ждал наш народ». Хайдар Абдул Шафи раскритиковал руководство ООП за то, что оно подписало документ, позволяющий Израилю продолжать политику строительства поселений и захвата земли, «аннексию и иудизацию» территории Большого Иерусалима, «экономическое господство» над палестинцами, и отказался приехать, чтобы отметить это событие на лужайке Белого дома[308]. Больше всего многих разозлило «недостойное поведение лидеров ООП, в том числе тот факт, что палестинцев, 27 лет страдавших от израильской оккупации, проигнорировали, отдав предпочтение тем, кто эмигрировал в Тунис, а затем вернулся, чтобы взять власть в свои руки», – написал в *New York Times* Юссеф Ибрагим. Добавив, что представителей ООП, «когда они

ехали в Иерихон на израильских армейских джипах, молодые палестинцы забросали камнями»[309]. Предварительный список администрации Арафата показал, «что он полон решимости включить в администрацию своих лояльных сторонников и членов палестинской диаспоры», – сообщал из Иерусалима корреспондент *Financial Times*. Приглашены были только два «внутренних палестинца», Фейсал аль-Хусейни и Закария аль-Ага, верные Арафату[310]. Остальные представляли «лояльные Арафату политические фракции» за пределами оккупированных территорий.

Взгляд на нынешнее содержание подписанных в Осло договоренностей говорит о том, что подобные ожидания были слишком уж оптимистичны.

Декларация о принципах совершенно явно удовлетворяла требованиям Израиля, но не говорила ничего о национальных правах палестинцев. Она соответствовала концепции, сформулированной Деннисом Россом, главным советником президента Клинтона по Ближнему Востоку, который принимал участие в переговорах в Кемп-Дэвиде в 2000 году, а впоследствии был одним из советников Обамы. Как объяснял Росс, у Израиля есть *запросы*, в то время как у палестинцев всего лишь *пожелания*, явно куда менее значимые[311].

Статья 1 Декларации о принципах гласит, что конечной целью переговорного процесса является «окончательное соглашение на основе Резолюций Совета Безопасности ООН №№ 242 и 338». Те, кто знаком с дипломатическими шагами вокруг конфликта Израиля и Палестины, без труда поймут, что это означает. Резолюции №№ 242 и 338 ровным счетом ничего не говорят о правах палестинцев, если не считать смутного упоминания о «справедливом урегулировании проблемы беженцев»[312]. О более поздних резолюциях, где все-таки упоминается о правах палестинцев, в Декларации о принципах нет ни слова. Если к кульминации «мирного процесса» идти по этому пути, палестинцы могут распрощаться со своими надеждами на любую, пусть даже ограниченную степень национальных прав в бывшей Палестине.

Последующие статьи ДОП говорят об этом более отчетливо. Они устанавливают, что палестинская власть простирается на «Западный берег реки Иордан и территорию Сектора Газа, за исключением вопросов, которые должны обсуждаться в ходе переговоров на

постоянной основе: Иерусалима, поселений, размещения воинских частей и израильтян» – то есть всех сколь-нибудь важных проблем[313]. Кроме того, после своего ухода «Израиль и далее будет отвечать за внешнюю и внутреннюю безопасность, за общественный порядок, за поселения и израильтян». Израильские армейские подразделения и гражданские лица могут и далее беспрепятственно пользоваться дорогами в Секторе Газа и районе Иерихона – двух территорий, которые Израиль наконец согласился освободить[314]. Одним словом, никаких значимых перемен не предвещалось. Кроме того, в Декларации о принципах не было ни слова о программе строительства поселений, лежавшей в основе конфликта, которая даже до масштабного расширения во время переговорного процесса в Осло уже подрывала любые реальные перспективы достижения палестинцами хоть сколь-нибудь значимого самоопределения.

Если вкратце, то поверить, что затеянный в Осло переговорный процесс проложил путь к миру, можно лишь, как иногда говорят, «преднамеренно прикинувшись невежей». Тем не менее подобная уверенность для западных комментаторов и интеллектуалов стала чуть ли не догмой.

За подписанными в Осло документами последовали дополнительные соглашения между Израилем, с одной стороны, и Арафатом и ООП – с другой. Первым и самым важным из них стал договор «Осло-II», заключенный в 1995 году незадолго до убийства премьер-министра Рабина – события трагического, несмотря на то что иллюзорные представления об этом человеке как о «миротворце» не выдерживают никакой критики.

Договор «Осло-II» стал документом, которого можно было бы ожидать от смышленых студентов юридического факультета, если бы им поручили состряпать бумагу, позволяющую властям Израиля и США делать все что заблагорассудится, при этом оставляя место для разговоров о более подходящих вариантах. А вину, когда эти варианты не реализовывались, возлагать на «экстремистов», своими действиями якобы ставивших крест на всех обещаниях.

В качестве иллюстрации: договор «Осло-II» оговаривал, что (незаконные) поселенцы на оккупированных территориях останутся под юрисдикцией Израиля и будут следовать законодательству этой страны. В официальной формулировке это звучит так: «Военная

администрация Израиля [на этих территориях] оставит за собой необходимый объем законодательной, судебной и исполнительной власти и возьмет на себя ответственность в соответствии с международными законами», которые (законы) Соединенные Штаты и Израиль, с молчаливого согласия Европы, всегда трактуют как им захочется. Помимо прочего, такого рода свобода наделяла израильскую администрацию на местах правом накладывать вето на любые законодательные инициативы Палестины. Соглашение определяло, что любые подобные «законопроекты, каким-либо образом изменяющие или отменяющие существующие [навязанные Израилем] законы либо военные приказы… будут изначально объявляться недействительными и не оказывать никакого действия, если они выходят за рамки юрисдикции [Палестинского] Совета», который не обладает никакой властью на большинстве территорий, а на оставшихся эта власть зависит от одобрения Израиля. Кроме того, «палестинская сторона обязана уважать законные права израильтян (в том числе и корпораций, находящихся в их собственности) на территориях, расположенных в границах юрисдикции Совета», то есть на тех ограниченных участках, где палестинские власти должны согласовывать правовые вопросы с Израилем. В частности, их право осуществлять управление и право на так называемые «ничейные земли» – данный термин представляет собой замысловатую юридическую конструкцию, в действительности устанавливающую юрисдикцию Израиля над палестинскими землями, не оккупированными этой страной[315]. По сути, участки, где палестинские власти должны согласовывать правовые вопросы с Израилем, и «ничейные земли» представляют собой большую часть региона, хотя правительство страны, в одностороннем порядке определившее ее границы, официальных данных не приводит. По сообщениям израильских СМИ, «незаселенные государственные земли» составляют порядка половины Западного берега реки Иордан, а в целом государственные земли занимают 70 % региона[316].

Таким образом, договор «Осло-II» фактически аннулировал решение всего мира и имеющих отношение к этому вопросу юридических властей, в соответствии с которым Израиль не может претендовать на территории, оккупированные им в 1967 году, и в соответствии с которым все его поселения незаконны. Палестинская

сторона признала их законность, равно как и другие, до конца не определенные юридические права израильтян, включая зоны A и B (условно контролируемые Палестиной). Договор «Осло-II» более решительно претворял в жизнь главное достижение договора «Осло-I»: все резолюции ООН, имевшие хоть какое-то отношение к правам палестинцев, объявлялись недействительными, в том числе и затрагивавшие вопросы законности поселений, статуса Иерусалима и права на возвращение. Это одним ударом уничтожало практически все усилия ближневосточной дипломатии, исключение составляла лишь версия, ставшая результатом «мирного процесса» под эгидой США. Основополагающие факты исключили не только из истории, по крайней мере в комментариях в США, но и из официальных хроник.

Эта ситуация сохраняется и по сей день.

Как уже говорилось, можно понять, почему Арафат ухватился за возможность подставить ножку лидерам внутренних палестинцев и попытаться восстановить свою слабеющую власть на оккупированных территориях. Но чего норвежские переговорщики, по их мнению, собственно, достигли? Насколько мне известно, единственным серьезным научным исследованием по данному вопросу является работа Хильды Ханриксен Вааге, которой Министерство иностранных дел Норвегии поручило изучить эту тему, предоставив доступ к внутренним документам. Но лишь для того, чтобы она сделала поистине замечательное открытие – никаких документальных свидетельств того жизненного периода попросту нет[317].

Вааге отмечает, что достигнутые в Осло соглашения бесспорно стали поворотным пунктом в истории конфликта между Израилем и Палестиной, одновременно с этим позиционировав Осло в качестве мировой «столицы мира». По ее словам, предполагалось, что «этот процесс принесет на Ближний Восток мир», однако «палестинцам он принес лишь разделение Западного берега реки Иордан, удвоение количества израильских поселенцев, строительство уродливой защитной стены, драконовский режим блокады, а также беспрецедентное отделение Сектора Газа от Западного берега реки Иордан»[318].

Вааге вполне резонно приходит к выводу, что «мирный процесс в Осло может служить прекрасным примером изучения изъянов» в модели «посредничества небольшой третьей страны в крайне

асимметричном конфликте», категорично настаивая на том, что «переговоры в Осло велись на предварительных условиях Израиля, а Норвегия вела себя по отношению к нему как услужливый мальчик на побегушках».

«Норвежцы, – пишет она, – полагали, что через диалог и постепенное укрепление доверия можно добиться необратимой мирной динамики, которая подтолкнет конфликт к разрешению. Проблема всего этого подхода заключается в том, что здесь речь идет не о доверии, а о могуществе и власти».

Процесс содействия переговорам эту реальность скрывает. В конце концов, результаты, которых может добиться слабый посредник, никогда не выходит за рамки тех, которые одобрит сильная сторона… Вопрос лишь в том, сможет ли подобная модель быть хоть когда-то уместной»[319].

Хороший вопрос, заслуживающий всяческого рассмотрения, особенно если учесть, что просвещенное мнение Запада сегодня согласно с нелепым предположением о том, что значимые переговоры между Израилем и Палестиной можно всерьез провести под эгидой Соединенных Штатов как «честного посредника», хотя в действительности США вот уже сорок лет выступают в роли партнера Израиля и блокируют дипломатическое урегулирование конфликта, пользующееся практически повсеместной поддержкой.

10. Накануне катастрофы

Чтобы задаться вопросом о том, что, скорее всего, уготовило нам будущее, было бы вполне разумно взглянуть на человеческий род со стороны. Поэтому представьте себя в роли инопланетного наблюдателя, старающегося с нейтральных позиций понять, что же здесь происходит, либо историка, который будет жить лет через сто после нас – если через сто лет вообще будут хоть какие-то историки, что вовсе не очевидно, – и оглянитесь назад на нынешние события. Вы увидите кое-что весьма примечательное.

Впервые за всю историю человеческого рода мы дошли до того, что можем уничтожить самих себя. Это стало истиной после 1945 года. Сегодня наконец многие признали наличие и других, более протяженных во времени процессов, таких как разрушение окружающей среды или пандемии. Все это двигает нас примерно в том

же направлении – может, и не к полному уничтожению, но, как минимум, к невозможности достойного существования.

То есть у нас есть и тревожные текущие процессы и надлежащие средства, способные нанести серьезный удар по цивилизованному существованию человека, а то и вовсе поставить на нем крест. **Как уничтожить планету, не предпринимая для этого попыток**

Вопрос звучит так: что с этим делать людям? Никакого секрета здесь нет, все предельно понятно: вы должны прилагать усилия, чтобы избежать кошмарного финала. Реакция на происходящее может быть разной. Одни упорно стараются сделать что-нибудь для устранения угроз, другие своими поступками усугубляют их.

Присмотревшись к составу этих двух групп, вы, как историк будущего или как инопланетный наблюдатель, обнаружили бы нечто очень любопытное: снизить или устранить угрозы пытаются наименее развитые нации – коренное население или та часть, что осталась от него; племенные общины; аборигены Канады. Они говорят не о ядерной войне, а о катастрофе окружающей среды, и не только говорят, но и пытаются с этим что-то делать.

В действительности баталии, а порой и войны идут по всему миру – в Австралии, Индии, Южной Америке. В Индии это большая война с прямым уничтожением окружающей среды, в ходе которой племенные общины пытаются противостоять добыче полезных ископаемых, наносящей огромный ущерб не только на месте, но и в глобальном масштабе. В государствах, где коренное население обладает определенным влиянием, многие занимают жесткую позицию. Самой решительной здесь является Боливия – в этой стране коренное население представляет собой большинство, а в Конституции закреплено требование «защищать права природы». Эквадор, где доля коренного населения тоже высока, является единственным, насколько я знаю, экспортером нефти, правительство которого обращается за помощью, чтобы нефть и дальше оставалась в земле, а не добывалась и не поставлялась на экспорт, потому как в земле ей быть и положено.

Бывший президент Венесуэлы Уго Чавес – напомню, что он был для всего Запада предметом глумления и ненависти, – навлек на себя шквал насмешек, назвав на Генеральной Ассамблее ООН «дьяволом» Джорджа Буша-младшего. Он там произнес весьма интересную речь. Венесуэла – крупный производитель нефти, которая обеспечивает

практически весь внутренний валовый продукт страны. И Чавес, предупредив об угрозах чрезмерного использования ископаемых углеводородов, призвал производителей и потребителей нефти собраться вместе, чтобы выработать меры по снижению эксплуатации месторождений[320]. Для производителя нефти это было поразительно. В жилах Чавеса текла немалая часть индейской крови, он вышел из среды аборигенов. Этот человек действительно совершал смешные поступки, которые живо обсуждались, но о том, что он думал о будущем, никто ничего не говорил.

Стало быть, на одном полюсе у нас коренное население и племенные общины, пытающиеся остановить скатывание к катастрофе. На другом – богатейшие страны, такие как Соединенные Штаты и Канада, безудержные в стремлении как можно быстрее уничтожить окружающую среду. В отличие от Эквадора и Венесуэлы, они хотят извлечь из земли все углеводороды, вплоть до последней капли, причем с максимальной скоростью. В США обе политические партии, как и средства массовой информации, с огромным энтузиазмом предвкушают «сто лет энергетической независимости» Штатов. Сама по себе концепция «энергетической независимости» лишена смысла, но мы об этом говорить не будем. Имеется в виду следующее: у нас будет сто лет, чтобы по максимуму извлекать ископаемые углеводороды и вносить вклад и уничтожение мира.

И так происходит практически везде. Надо признать, что, когда речь заходит о развитии альтернативных источников энергии, Европа в этом направлении что-то да делает. А Соединенные Штаты, самое богатое и самое могущественное государство за всю мировую историю, не имеет государственной политики, направленной на ограничение добычи ископаемых углеводородов, и даже не ставит перед собой цели развивать возобновляемые источники энергии. И не потому, что этого не хочет население; в своей озабоченности проблемой глобального потепления простые американцы очень близки к международным нормам. Любые изменения блокируют институциональные структуры. Изменений не желает бизнес, выступающий с очень сильных позиций в определении политики, и в итоге мы получаем колоссальный разрыв между общественным мнением и тем, что получаем.

Вот что увидел бы историк будущего, если таковые еще останутся.

Еще он мог бы почитать нынешние научные журналы. Почти любой, который вы откроете, будет содержать более мрачное по сравнению с предыдущим пророчество.

Серьезнейшая проблема – ядерная война. Давно известно, что первый удар со стороны крупной державы, даже если предположить, что он останется безнаказанным, наверняка уничтожит цивилизацию. Хотя бы потому, что за ударом последует ядерная зима. Об этом можно прочесть в «Бюллетене ученых-атомщиков»; на сей счет наблюдается полное понимание. Так что опасность всегда была больше, чем мы полагали.

Относительно недавно мы отметили пятидесятилетнюю годовщину Кубинского ракетного кризиса. Мир был на волосок от гибели, хотя тот случай далеко не единственный. Но наихудший аспект событий 1962 года в некотором смысле заключается в том, что никто так и не извлек уроков. В 1973 году государственный секретарь Генри Киссинджер объявил высший уровень боеготовности ядерных сил. Для чего? Так он хотел предупредить русских, чтобы они не вмешивались в арабо-израильскую войну, в частности после того, как разрешил Израилю нарушить режим прекращения огня, достигнутый при участии Соединенных Штатов и России. К счастью, ничего не случилось.

Еще через десять лет страной руководил Рональд Рейган. Обосновавшись в Овальном кабинете, он, при поддержке своих советников, приказал самолетам ВВС периодически нарушать воздушное пространство СССР, чтобы таким образом извлечь сведения о системах оповещения русских; операция получила название «Опытный лучник»[321]. По сути своей это была имитация атак. Русские до конца не понимали, как на них отвечать, и некоторые высокопоставленные чиновники даже считали их шагом к реальному удару. К счастью, реакции не последовало, хотя к последней черте мир подошел очень и очень близко. Ничего не изменилось и сейчас.

Что делать с иранским и северокорейским ядерными кризисами

Ядерная тема постоянно фигурирует в качестве передовиц новостных изданий, когда речь заходит об Иране и Северной Корее.

Возможности преодолеть эти кризисы есть, во всяком случае, стоит попробовать.

Возьмем, к примеру, Иран, который на Западе – но не в Азии и не в Арабском мире – считается главной угрозой миру во всем мире. Для Запада это стало навязчивой идеей, и тому есть свои причины, которые было бы любопытно рассмотреть, но здесь я не буду этого делать. Так есть ли способ справиться с величайшей угрозой миру во всем мире? По сути, даже несколько. Один из них, очень даже здравый, был предложен на встрече неприсоединившихся стран, состоявшейся в 2013 году в Тегеране. Если копнуть, он воспроизводит предложение, одобренное Генеральной Ассамблеей ООН и выдвигавшееся уже несколько десятилетий, в первую очередь Египтом.

Это предложение сводится к созданию в регионе зоны, свободной от ядерного оружия. Ответа на все вопросы такое решение не даст, но все же будет очень и очень значимым шагом вперед. И что же? В декабре 2012 года в Финляндии под эгидой ООН должна была состояться международная конференция с целью попытаться претворить такой план в жизнь. В начале ноября Иран согласился приехать на эту встречу. И через пару дней Обама ее отменил, назвав неподходящим время для проведения[322]. Европейский парламент обнародовал заявление, призвав продолжать начатый процесс, его примеру последовали и Арабские государства, но из этого так ничего и не вышло.

Та же самая ситуация и в Северо-Восточной Азии. Северная Корея, вполне вероятно, самая безумная в мире страна. Но есть смысл попытаться понять, что же происходит в головах у людей, когда они совершают безумные поступки. Почему они ведут себя именно так, а не иначе? Давайте поставим себя на их место. Представьте, что вашу страну, как Корею во время войны начала 1950-х годов, разрушила почти до основания огромная сверхдержава, которая при этом еще и злорадствовала по поводу результата своих действий. Северокорейские лидеры, скорее всего, читали выходившие в этой сверхдержаве военные издания, где говорилось, что, поскольку в Северной Корее разрушено уже все, теперь самолеты будут бомбить плотины, обеспечивающие снабжение водой целого народа, а это, между прочим, военное преступление из числа тех, за которые в Нюрнберге вешали. Читали они и восторженные описания того, как это щекочет

нервы: глядеть воду, затопляющую долину, и на «азиатов», бегущих стремглав, чтобы выжить[323]. Газеты и журналы восторгались бедствиями, которыми война обернулась для корейцев, – ужасами, превосходящими любое воображение. Это означало гибель урожая риса, то есть голод и смерть. Ах, как прекрасно! В нашей памяти это не сохранилось, зато сохранилось в памяти у них.

Теперь давайте обратимся к настоящему. Не так давно произошла одна весьма любопытная история: в 1993 году Израиль и Северная Корея двигались к соглашению, по которому Северная Корея брала на себя обязательство прекратить поставки на Ближний Восток ядерных и ракетных технологий, а Израиль в обмен намеревался официально признать эту страну. В этот процесс вмешался президент Клинтон, тут же его заблокировав[324]. Вскоре после этого

Северная Корея в отместку провела мелкие испытания своих ракет. В 1994 году Соединенные Штаты и Северная Корея подписали рамочное соглашение, по которому северокорейская ядерная программа была остановлена, и это соглашение более-менее соблюдалось обеими сторонами. Когда к власти пришел Джордж Буш-младший, Северная Корея, вероятно, обладала только одним ядерным боезарядом и других точно не производила.

Буш тут же взялся за свой агрессивный милитаризм, угрожая Северной Корее («Ось зла» и все такое прочее), в итоге страна возобновила свою ядерную программу. К окончанию его президентского срока в ее распоряжении были восемь – десять ядерных зарядов и ракетная система – еще одно достижение неоконсерваторов[325].

Между тем произошли и другие события. В 2005 году Соединенные Штаты и Северная Корея заключили соглашение, в соответствии с которым последняя брала на себя обязательство прекратить все разработки ядерного оружия и ракетных систем. Взамен Запад – но в основном Соединенные Штаты – намеревался поставить реактор на легкой воде для медицинских нужд страны и положить конец агрессивной риторике. После чего можно было подписать договор о ненападении и двигаться к окончательному урегулированию.

Договор был очень многообещающим, но Буш тут же принялся его торпедировать. Он отозвал предложение о реакторе на легкой воде

и задействовал программу, в рамках которой банкам запрещалось проводить любые северокорейские сделки, в том числе и совершенно законные[326].

В ответ Северная Корея возобновила свою ядерную программу. Так продолжается и по сей день.

Модель прекрасно известна. О ней открыто говорят американские ученые-конформисты. По их мнению, северокорейский режим конечно же безумен, но при этом реализует свою политику по принципу «око за око, зуб за зуб». Если сделать какой-нибудь услужливый жест, примерно то же можно будет получить взамен.

Например, не так давно на Корейском полуострове прошли американо-южнокорейские военные учения, в которых Северная Корея усмотрела для себя угрозу. Если бы наши недруги устроили их где-нибудь в Канаде, нацелив на нас свое оружие, мы бы посчитали их опасными. В ходе маневров самые передовые, невидимые для радаров бомбардировщики B-2s и B-52s осуществили учебное бомбометание ядерных зарядов прямо на границе с Северной Кореей[327]. Разумеется, это включило тревожный сигнал из прошлого. Северные корейцы из этого прошлого кое-что запомнили, поэтому реагируют они всегда крайне агрессивно. Но на Западе, как правило, в таких случаях замечают только одно – как ужасны и безумны северокорейские лидеры. Никто не спорит, это действительно так, но на этом данная история еще не заканчивается, да и потом, так уж устроен мир.

Нельзя сказать, что этому нет никаких альтернатив. Их просто никто не рассматривает. Это опасно. Поэтому, если вы спросите, каким станет в будущем мир, картина вырисовывается неприглядная. Если, разумеется, люди с этим что-нибудь не сделают. Возможности для этого у нас есть.

11. Израиль – Палестина: реальные варианты

Тринадцатого июля 2013 года бывший руководитель Службы общей безопасности Израиля «Шабак» обнародовал жуткое предупреждение в адрес правительства страны: либо оно достигнет соглашения о двух государствах в том или ином виде, либо неминуем дрейф к практически неизбежному, единственному остающемуся варианту – одному государству «от моря до реки». При реализации этого «практически неизбежного» варианта, сводящегося к формуле «одна страна для двух народов», над страной тут же нависнет

«экзистенциальная угроза уничтожения идентичности Израиля как демократического еврейского государства», потому что большинство жителей в нем скоро будут представлять палестинцы и арабы[328]. Примерно по тем же причинам два выдающихся специалиста по Ближнему Востоку, Клайв Джонс и Беверли Милтон-Эдвардс, написали в ведущем британском журнале по вопросам международной политики, что, если «Израиль хочет остаться еврейским и демократическим», он должен пойти на реализацию модели «две страны для двух народов»[329].

Можно без труда привести множество других примеров, но в этом нет необходимости, ведь практически единогласно признано, что у Палестины есть два варианта: либо два государства – палестинское и еврейско-демократическое, – либо одно, «от моря до реки». Комментаторы с израильской стороны выражают озабоченность «демографической проблемой»: в еврейском государстве может оказаться слишком много палестинцев. Многие палестинцы и их сторонники, поддерживают модель «одно государство для двух народов», надеясь бороться с апартеидом и отвоевывать себе гражданские права, что в конечном счете приведет к светской демократии. Другие аналитики тоже постоянно предлагают варианты на сходных условиях.

Эти выводы носят повсеместный характер, но по сути своей в корне неверны. Существует и третий вариант, когда Израиль при поддержке США будет продолжать свою экспансионистскую политику, и этот третий вариант является единственной альтернативой модели «две страны для двух народов». На мой взгляд, есть прямой смысл поразмышлять о том, чтобы в будущем создать на территории бывшей Палестины светское демократическое государство «от моря до реки», в котором будут жить два народа. Как бы то ни было, я отстаиваю эту позицию не один десяток лет. Но, подчеркну, отстаиваю. Отстаивание, в отличие от обыкновенного предложения, требует разработки плана – от и до. По мере изменения обстоятельств менялись и формы отстаивания моей позиции. С середины 1970-х, когда национальные права палестинцев вышли на передний план, единственной действенной формой отстаивания стал постепенный процесс реализации модели «две страны для двух народов». Никакого другого пути, обладающего хоть какими-то шансами на успех, тогда просто не

было. Предложение создать «одну страну для двух народов» в действительности работает на третий вариант, тот самый, который обретает плоть на наших глазах. Израиль постоянно расширяет свои планы, разработка и внедрение которых началась после войны 1967 года, а потом они еще больше набрали обороты, когда десять лет спустя к власти пришла партия Менахема Бегина.

Первым шагом стало создание нового образования, прозванного Йонатаном Менделем «беспокойным городом», – этот город по-прежнему назывался Иерусалимом, но выходил далеко за границы исторического Иерусалима, включая в себя дюжину палестинских деревень с окрестными территориями, и позиционировался в качестве еврейского города и израильской столицы[330]. Все это – прямое нарушение решений Совета Безопасности ООН. Коридор, ведущий к востоку от этого нового, Большого Иерусалима, включает в себя город Маале-Адумим (основанный еще в 1970-х годах, но застроенный главным образом после подписания соглашений в Осло в 1993 году) и территории, тянущиеся почти до самого Иерихона, что в действительности позволяет разделить Западный берег реки Иордан на две части. Северные коридоры, включающие такие города поселенцев, как Ариэль и Кедумим, еще больше делят то, что в той или иной степени осталось под палестинским контролем[331].

Израиль тем временем включает в свой состав незаконную «разделительную стену» (хотя в действительности ее правильнее было бы назвать «стеной аннексии»), забирая себе пахотные земли, запасы питьевой воды, многие деревни, накидывая удавку на город Кал кил ья и отделяя палестинские сельские поселения от их полей. На участки между стеной и границей, занимающие примерно 10 % Западного берега реки Иордан и называемые израильтянами «швом», допускаются все, кроме палестинцев. Те, кто живет в этом регионе, для получения временного пропуска должны проходить мудреную бюрократическую процедуру. Через то же самое препятствие нужно пройти и тем, кто хочет покинуть эту территорию, например, чтобы обратиться за медицинской помощью. По данным ООН, результатом – вполне предсказуемо – стало резкое ухудшение жизни палестинцев, спад более чем на 80 % количества крестьянских хозяйств, обрабатывающих свои земли, а также снижение на 60 % урожая оливковых садов, не говоря уже о других пагубных последствиях[332].

Предлогом для строительства стены стала безопасность, но безопасность незаконных еврейских поселенцев; примерно на 85 % она проходит по территории Западного берега реки Иордан[333].

Израиль также прибирает к рукам Иорданскую долину, таким образом полностью превращая в тюрьму остающиеся палестинские кантоны. Масштабные инфраструктурные проекты связывают поселения с крупными израильскими городами, гарантируя, что палестинцев они не увидят. В соответствии с традиционной неоколониальной моделью нынешним центром для палестинских элит является Рамалла, в то время как остальное население еле сводит концы с концами.

Чтобы завершить отделение Большого Иерусалима от оставшихся палестинских кантонов, Израилю придется полностью захватить Зону E1 на Западном берегу реки Иордан, между Иерусалимом и еврейским поселением Маале-Адумим. Вашингтон пока что препятствует этому, поэтому еврейскому государству не остается ничего другого, кроме как прибегать к уловкам, типа строительства в Зоне полицейского участка. Но Обама стал первым президентом Соединенных Штатов, никак не сдерживающим деятельность Израиля.

Палестинцев регулярно изгоняют с их земель. В одной лишь Иорданской долине численность населения сократилась с трехсот тысяч человек в 1967 году до шестидесяти тысяч на настоящий момент, и подобные процессы наблюдаются повсюду[334]. Придерживаясь политических принципов столетней давности, каждое действие ограничивается по масштабам, чтобы не слишком привлекать внимание международного сообщества, но они обладают кумулятивным эффектом, а их цели предельно ясны.

К тому же, когда подписанные в Осло соглашения объявили Газу и Западный берег реки Иордан неделимой территориальной единицей, тандем Израиль – США решил окончательно разделить эти два региона. Одна из значимых целей этого заключалась в том, чтобы отрезать любое ограниченное палестинское образование от внешнего мира.

В районах, которые Израиль забирает себе, палестинское население немногочисленно и разрозненно, а практика постоянного изгнания сокращает его еще больше. Планируется, что в результате в Большом Израиле большинство будут составлять евреи. При

реализации третьего варианта не будет ни «демографической проблемы», ни борьбы с апартеидом, и никто не будет воевать за гражданские права – все будет так, как в нынешних признанных границах Израиля, где регулярно повторяется мантра о «еврейском демократическом» государстве, предназначенная для ушей тех, кто желает в это верить, не замечая присущих этой модели противоречий, которые носят далеко не символический характер.

Если модель «одна страна для двух народов» постепенно не реализовывать, она окажется иллюзией. Она не пользуется международной поддержкой, и нет никаких причин для того, чтобы Израиль и его спонсор в лице Америки брали ее на вооружение.

Часто поднимаемый вопрос о том, согласится ли известный своей ястребиной позицией премьер-министр Бенджамин Нетаньяху на «Палестинское государство», сам по себе вводит в заблуждение. В действительности его администрация, придя к власти в 1996 году, сразу признала такую возможность, в то время как предшественники Нетаньяху, Ицхак Рабин и Шимон Перес, ее категорично отвергали. Давид Бар-Иллан, директор Департамента политического планирования и связей с общественностью в правительстве Нетаньяху, объяснял, что часть территорий останется палестинцам, и если они захотят называть их «государством», да хоть даже «жареной курицей», Израиль возражать не будет[335]. Этот его ответ отражает реальное отношение коалиции Израиля и США к правам палестинцев.

Соединенные Штаты и Израиль могут призывать к переговорам без всяких предварительных условий. Комментаторы в обеих странах, как и на Западе в целом, обычно утверждают, что палестинцы выдвигают подобные условия, тем самым блокируя «мирный процесс». На жизненно важных предпосылках переговоров настаивают Израиль и США. Первейшая из них заключается в том, что посредником на переговорах должны выступать Соединенные Штаты, хотя в действительности в подобном мирном процессе посредничать должно нейтральное государство, пользующееся уважением во всем мире. Вторая настаивает на сохранении практики расширения поселений, которая непрерывно продолжалась в течение двадцати лет после подписания соглашений в Осло.

На первом этапе израильской оккупации Соединенные Штаты, как и весь остальной мир, посчитали эти поселения незаконными, о

чем свидетельствуют документы Совета Безопасности ООН и Международного суда ООН. Со времен Рейгана их статус смягчился до «препятствия миру». Обама пошел еще дальше, заявив, что «поселения не способствуют миру»[336]. Его позиция, отвергающая любые палестинские права, привлекла к себе внимание в феврале 2011 года, когда он наложил вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, которая поддерживала политику США, призывавшую положить конец расширению поселений[337].

Пока эти предварительные условия остаются в силе, любые дипломатические попытки обречены топтаться на месте. Если не считать нескольких коротких и редких пауз, подобное положение дел сохраняется с 1976 года, когда Соединенные Штаты наложили вето на предложенную Египтом, Иорданией и Сирией резолюцию Совета Безопасности

ООН, призывавшую подписать соглашение о создании «двух государств для двух народов в международно признанных границах» и провести линию разграничения, гарантирующую безопасность всех стран в рамках стабильных, признанных международным сообществом границ[338]. Данная формулировка в основном легла в основу международного консенсуса, на сегодняшний день принявшего всеобщий характер, за двумя традиционными исключениями. Этот консенсус получил некоторое дальнейшее развитие, с целью внести в него «незначительные взаимные поправки» относительно линии разграничений, если воспользоваться официальной формулировкой США, которую они предложили, перед тем как пойти наперекор всему миру[339].

Это справедливо для любых переговоров, которые могут проходить в Вашингтоне или любом другом месте под его присмотром. С учетом вышеупомянутых предварительных условий, результат у них будет один – Израиль получит возможность и далее реализовывать свой проект отнимать любые сколь-нибудь ценные территории на Западном берегу реки Иордан и на сирийских Голанских высотах, аннексированных в нарушение директив Совета Безопасности ООН, одновременно с этим продолжая осаду Газы. Надежда конечно же есть, но сохранять оптимизм в подобной ситуации очень и очень трудно.

Реализовывать мирные чаяния мира к дипломатическому урегулированию этого конфликта могла бы Европа, если бы решила

пойти по независимому пути. Одним из первых шагов в этом направлении могло бы стать решение Европейского союза исключить поселения на Западном берегу реки Иордан из любых будущих переговоров с Израилем. Американская политика тоже высечена не из камня, хотя у нее есть глубокие стратегические, экономические и культурные корни. В отсутствие такого рода перемен есть все основания полагать, что картина на территории «от моря до реки» приобретет очертания третьего варианта. Если даже палестинцам не откажут в их устремлениях и правах, то по меньшей мере отложат все их надежды в долгий ящик.

Если не разрешить палестино-израильский конфликт, мирное урегулирование в регионе вряд ли будет возможно. Подобный провал влечет за собой куда более масштабные последствия – в частности, в плане иранской ядерной программы, которую средства массовой информации США окрестили «величайшей угрозой миру». Эти последствия станут яснее, стоит нам внимательнее посмотреть на самые очевидные пути устранения предполагаемой угрозы и на то, к чему эти пути могут привести. Для начала полезно попытаться найти ответ на несколько предварительных вопросов: кто считает, что эта угроза носит чуть ли не космический масштаб? и что она, собственно, собой представляет?

В основном иранская «угроза» – это навязчивая идея Запада. Неприсоединившиеся страны – то есть большая часть мира – активно поддерживают право Ирана, подписавшего Договор о нераспространении ядерного оружия, обогащать уран[340]. В рамках американского дискурса принято утверждать, что Арабские государства поддерживают позицию США по Ирану, но это касается не простых граждан, а арабских диктаторов. Еще одним стандартом являются утверждения о «противостоянии Ирана международному сообществу», если воспользоваться цитатой, нередко встречающейся в современной научной литературе. В данном случае под «международным сообществом» понимаются Соединенные Штаты и их союзники, вместе составляющие лишь незначительную часть международного сообщества, но очень большую, если бы политические позиции измерялись могуществом.

Что представляет собой эта угроза? Авторитетный ответ дают разведслужбы США и Пентагон в своих обзорах глобальной

безопасности. Они приходят к выводу, что в военном отношении Иран не представляет собой угрозы. У него низкие военные расходы, даже по стандартам региона, он обладает незначительной способностью разворачивать свои войска. Стратегическая доктрина страны носит оборонительный характер и нацелена на отражение нападения извне. Разведывательное сообщество докладывает об отсутствии свидетельств разработки Ираном ядерного оружия, но даже если он и ведет в этом направлении работы, то это является частью его стратегии сдерживания.

В мире трудно найти другое государство, которое нуждалось бы в стратегии сдерживания так, как Иран. Запад безостановочно терзал его с момента свержения парламентского режима в результате подготовленного Великобританией и США военного переворота в 1953 году, сначала через бесчеловечный режим шаха, а потом посредством кровопролитных атак Саддама Хуссейна при поддержке все того же Запада[341]. В значительной степени это было вторжение США, призванное побудить Иран капитулировать в войне с Ираком. Вскоре президент Джордж Буш-старший пригласил иракских инженеров-атомщиков в Соединенные Штаты, чтобы они прошли подготовку в сфере разработки передовых систем вооружений, которые для Ирана стали бы чудовищной угрозой[342].

Вскоре Ирак и сам стал врагом Соединенных Штатов; против Ирана тем временем ввели жесткие санкции, постоянно усиливавшиеся по инициативе США. Кроме того, страна постоянно находилась под угрозой военного удара со стороны Соединенных Штатов и США – в нарушение Хартии ООН, если кому-то вдруг интересно.

Понять, почему Соединенные Штаты и Израиль считают иранский сдерживающий фактор страшной угрозой, можно без особого труда. Он ограничил бы их способность контролировать регион, в том числе и путем насилия, к которому они то и дело прибегают. Вот в чем суть иранской угрозы в том виде, в каком ее воспринимают на Западе.

То, что этот исламский режим представляет угрозу для собственного населения, не вызывает ни малейших сомнений, хотя, к большому сожалению, он в своем роде вряд ли единственный. Однако

было бы наивным полагать, что ведущим мировым державам есть какое-то дело до внутренних иранских репрессий.

Но есть ли пути эту угрозу устранить, кто бы что о ней ни думал? В действительности их даже несколько. Одним из самых разумных, как я уже говорил, стало бы создание в регионе зоны, свободной от ядерного оружия. Арабские государства, как и многие другие, призывают предпринять незамедлительные действия по уничтожению оружия массового поражения в качестве шага к региональной безопасности. Израиль и Соединенные Штаты, в отличие от них, меняют порядок на обратный, требуя сначала обеспечить в регионе безопасность – имеется в виду безопасность для Израиля – и только потом уничтожать подобные системы вооружений. Фоном для этого является четкое понимание того, что во всем регионе передовые системы ядерных вооружений есть только у Израиля, который так и не присоединился к Договору о нераспространении, наряду с Индией и Пакистаном – они тоже воспользовались существенной поддержкой США при создании своих ядерных арсеналов.

Таким образом, связь израильско-палестинского конфликта с иранской угрозой представляется совершенно ясной. И пока Соединенные Штаты с Израилем будут настаивать на своей позиции отрицания палестинских прав, блокируя международный консенсус о создании двух государств для двух народов, ни региональной безопасности, ни шагов по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, ни снижения и, тем более, полного устранения «главной угрозы миру», по выражению Израиля и США, не будет – по крайней мере, сделать это напрямую и с далекоидущими последствиями точно не удастся.

Надо заметить, что Соединенные Штаты, наряду с Великобританией, несут особую ответственность за усилия для создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Стараясь обеспечить хлипкое юридическое прикрытие своего вторжения в Ирак в 2003 году, эти два агрессора ссылались на Резолюцию Совета Безопасности ООН № 687 от 1991 года, в которой утверждалось, что Саддам Хуссейн не подчинился требованию положить конец своей ядерной программе. В этой резолюции был и другой параграф, призывавший к «шагам к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового поражения»,

обязывавший Великобританию и США, больше чем кого-либо другого, отнестись к этой инициативе всерьез[343].

На фоне такого рода рассуждений конечно же остается много открытых вопросов, например скатывание Сирии в самоубийство и зловещие события в Египте, что, несомненно, оказывает влияние на весь регион. Но ведь жизненно важные вопросы так и возникают, по крайней мере для меня.

12. «И ничего для других»: классовая борьба в Соединенных Штатах

Классическая работа Нормана Бэра, посвященная промышленному рабочему и ставшая первой в своем роде, появилась девяносто лет назад, но не потеряла своей актуальности и сегодня[344]. Выводы, которые автор извлекает из детального изучения влияния промышленной революции на жизнь рабочего класса и общества в целом, в наши дни справедливы в той же степени, что и в его времена, если, конечно, не больше, в свете поразительных параллелей между 1920-ми годами и современностью.

Здесь важно помнить, в каких условиях жил рабочий класс в эпоху Бэра. Влиятельное американское рабочее движение, возникшее в XIX веке, подвергалось жестоким нападкам, кульминацией которых стала «красная угроза» Вудро Вильсона после Первой мировой войны. К 1920-м годам ряды участников движения значительно поредели; классическая работа прославленного историка Дэвида Монтгомери так и называется – «Падение Палаты труда». Падение это произошло в 1920-х. Автор пишет, что к концу десятилетия «власти и влиянию корпораций на американскую жизнь ничего не угрожало… рационализация бизнеса теперь могла проводиться при необходимой поддержке правительства», которое в немалой степени находилось в руках корпоративного сектора[345]. Этот процесс был далеко не мирный; американская история рабочих движений на редкость жестока. Авторы одной из научных статей приходят к выводу, что в конце XIX века от насильственных действий при подавлении выступлений рабочих погибло больше людей – как в абсолютных цифрах, так и в пересчете на душу населения, – чем в любой другой стране мира, за исключением царской России[346]. Под термином «насильственные действия при подавлении рабочих» здесь в первую очередь подразумевается насилие со стороны государства. Так

продолжалось до конца 1930-х годов, я и сам наблюдал эти сцены в детстве. В итоге, пишет Монтгомери, «современная Америка была создана вопреки протестам рабочих, хотя каждый шаг на пути ее образования испытывал влияние со стороны организаций и активистов, выдвигавших предложения из рабочей среды», не говоря уже о руках и головах тех, кто делал всю эту работу[347].

Рабочее движение возродилось во время Великой депрессии, оказывая существенное влияние на законотворческий процесс и вселяя в души промышленников страх перед забастовками. В своих публикациях те предупреждали об «угрозе», которую несут в себе акции рабочих, поддерживаемые «политической властью масс, которая опять стала реальностью».

Жестокие репрессии не прекратились, но стали несоизмеримы стоявшим перед ними задачам. Чтобы обеспечить дальнейшее корпоративное правление, требовались более утонченные средства, в первую очередь вал искушенной пропаганды и «научные методы борьбы с забастовками», разработанные с чрезвычайным мастерством специализировавшимися на этой сфере компаниями[348].

Давайте не забывать и проницательное наблюдение Адама Смита о том, что «владыки человечества» – в его эпоху ими были британские промышленники и торговцы – никогда не отказываются от своего порочного принципа: «Все для себя и ничего для других»[349].

Во время Второй мировой войны контратаки бизнеса на время прекратились, но сразу по ее окончании возобновились вновь. Власти значительно ужесточили законодательство, ограничивавшее права рабочих, и запустило пропагандистскую волну, направленную на фабрики, школы, церкви и любые другие коллективные образования. С этой целью задействовали все мыслимые средства коммуникации. К 1980-х годах, после прихода к власти администрации Рейгана, яро выступавшей против рабочих, широкомасштабное наступление на них развернулось с новой силой. Президент Рейган ясно дал понять бизнес-сообществу, что защищающие права рабочих законы, очень и очень умеренные, ужесточаться не будут. Число увольнений профсоюзных активистов в стране выросло по экспоненте, и страна вернулась к практике использования штрейкбрехеров, запрещенной во всех развитых странах, кроме Южной Африки.

Либеральная администрация Клинтона тоже разными способами подрывала рабочее движение. Одним из самых эффективных средств стало Североамериканское соглашение о свободной торговле *(NAFTA)*, подписанное Канадой, Мексикой и Соединенными Штатами.

«Соглашением о свободной торговле» его назвали только для пропаганды. Ничего такого в нем нет и в помине. Подобно другим схожим документам, в нем присутствуют явно выраженные протекционистские элементы, к тому же оно не имеет никакого отношения к торговле; на самом деле это соглашение о правах инвесторов. И как другие «соглашения о свободной торговле», оно наносит вред рабочему классу стран-участниц. Одним из его следствий стало ухудшение организации труда: исследование, проведенное под эгидой *NAFTA*, показало, что успешная организация труда резко пошла на спад из-за таких методов, как, например, предупреждение со стороны руководства, что если на предприятии возникнет профсоюз, то производство перенесут в Мексику. Такого рода методы конечно же незаконны, но это в счет не идет, по крайней мере пока бизнес может рассчитывать на «необходимую поддержку правительства», о которой говорил Монтгомери.

Из-за использования таких средств численность профсоюзов в частном секторе резко сократилась до 7 % от общего числа рабочего класса, хотя большинство рабочих предпочитают в них состоять[350]. После этого нападкам подверглись профсоюзы общественного сектора, раньше кое-как защищенные законодательством. Сегодня их положение резко ухудшилось, и уже не в первый раз. Давайте не забывать, что Мартин Лютер Кинг в 1968 году был убит, выступая в поддержку забастовки рабочих общественного сектора в Мемфисе, штат Теннесси.

Во многих отношениях положение рабочего класса во времена Вэра очень напоминало сегодняшнее, хотя бы потому, что неравенство в наши дни вновь достигло заоблачных высот, характерных для 1920-х годов. Крохотное меньшинство накопило богатства, о которых любая жадность может только мечтать. В последние десять лет 95 % экономического роста оседали в карманах одного процента населения, а по большей части в карманах какой-то его доли[351]. Средний реальный доход сегодня даже ниже, чем двадцать пять лет назад, например, для мужчин он опустился ниже уровня 1968 года[352]. Доля

заработной платы в национальном доходе сегодня самая низкая за весь период после Второй мировой войны[353]. Это результат не мистического действия рыночных или экономических законов, а «необходимой» поддержки и инициатив правительства, которое в значительной степени находится в руках корпоративного сектора.

Как отмечает Вэр, американская промышленная революция породила в 1840-1850-х годах один из «отличительных признаков американской жизни». Хотя ее конечный результат в нынешнем понимании может казаться довольно привлекательным, поразительно большая доля американского общества раннего периода считала его «невыносимым». Вэр рассматривает ужасные условия труда, навязанные бывшим независимым ремесленникам и фермерам, не забывая упомянуть и о «фабричных девушках» – молодых вчерашних крестьянках, трудившихся на текстильных комбинатах в окрестностях Бостона. Однако основное внимание он уделяет более фундаментальным свойствам промышленной революции, которые сохранились и после улучшения условий в результате многолетней борьбы.

Вэр подчеркивает «деградацию промышленного рабочего», утрату им «статуса и независимости», которые были его самыми ценными приобретениями в качестве свободных граждан республики, – эту потерю не смогло восполнить даже улучшение материального положения. Он рассматривает влияние радикальной капиталистической «социальной революции, при которой суверенитет в экономических вопросах переходит от общества в целом к особому классу» хозяев, далеких от производителей и в общем случае не имеющих к процессу производства никакого отношения. Автор демонстрирует, что «на каждый протест против использования в промышленности машин можно найти сотню протестов против новой власти капиталистического производства и его дисциплины».

Рабочие устраивали забастовки не за хлеб, а за розы, если воспользоваться традиционным слоганом профсоюзов. Они воевали за достоинство и независимость, за признание их прав как свободных мужчин и женщин. Они создали яркую, независимую прессу, для которой писали и которую выпускали те, кто трудился у станка. В своих газетах они осуждали «пагубное влияние монархических принципов на демократическую почву». Они признавали, что

покушение на элементарные права человека можно будет одолеть, только когда «тем, кто работает у станка, будут принадлежать средства производства», когда производитель вернет себе суверенитет в экономических вопросах. Тогда рабочие больше не будут «лакеями или смиренными жертвами пришлого деспотизма, собственниками, у которых ничего нет, и рабами в прямом смысле этого слова, которые… пашут на своих хозяев». Вместо этого они вернут себе статус «свободных граждан Америки»[354].

Капиталистическая революция обусловила основополагающий переход от цены к зарплате. Когда производитель продает за некую цену свой продукт, «его личность сохраняется». Но когда он приходит продавать свой труд, «он продает себя», теряет человеческое достоинство и становится рабом – «рабом зарплаты», как принято говорить. Труд за зарплату считался сродни крепостному рабству, с той лишь разницей, что это рабство носит временный характер, пусть и только в теории. Это понимание получило столь широкое распространение, что даже стало слоганом Республиканской партии, отстаиваемым его лидером Авраамом Линкольном[355].

Концепция, в соответствии с которой средства производства должны принадлежать рабочим, в середине XIX века считалась общепризнанной, ее отстаивали не только Маркс и другие сторонники левых убеждений, но и самый выдающийся классический либерал того времени Джон Стюарт Милль. Он утверждал, что «преобладающей формой объединения, в том случае если человечество будет работать над ее улучшением… должно стать объединение рабочих на принципах равенства и коллективного владения капиталом, с помощью которого они будут осуществлять свою деятельность, работая под руководством управленцев, ими выбираемых и ими снимаемых»[356].

Эта концепция прочно укоренилась в суждениях, питавших либеральную мысль. Отсюда рукой подать до контроля над другими институциями и сообществами в рамках свободных ассоциаций и федерального устройства, в соответствии с общей направленностью широкого диапазона общественной мысли, включающего в себя спектр от анархистских традиций и левого антибольшевистского марксизма до гильдейского социализма Джорджа Дугласа Ховарда Коула и теорий значительно более позднего периода[357]. Что еще важнее, такой подход подразумевает активные действия, по мере того как рабочие в

различных сферах жизни стремились бы взять в собственные руки свою жизнь и судьбу.

Чтобы подорвать эти разрушительные доктрины, «хозяевам человечества» следовало попытаться изменить представления и позиции, лежащие в их основе. Как пишет Вэр, «активисты рабочего движения предупреждали о Новом Духе времени: приобретай ценности, забывай обо всем, кроме себя» – порочный принцип хозяев, который они, естественно, попытались навязать и своим подданным, понимая, что из доступных богатств те смогут приобрести очень и очень немногое. В виде острой реакции на этот оскорбительный дух по всей стране стали набирать силу движения рабочих и радикально настроенных фермеров – самые масштабные демократические народные выступления за всю историю США, цель которых – солидарность и взаимопомощь[358]. Их подавили главным образом силой. Но несмотря на неудачи, нередко оборачивавшиеся жестокими репрессиями, несмотря на непрекращающиеся усилия внедрить этот порочный принцип в умы общества с помощью образовательных систем, колоссальной рекламной индустрии и других пропагандистских институтов, призванных решать данную задачу, борьба еще не окончена.

В борьбе за справедливость, свободу и человеческое достоинство нам предстоит преодолеть множество серьезных барьеров, выходящих даже за пределы острой классовой борьбы, которую ведет обладающее прекрасным классовым сознанием бизнес-сообщество, ведет при «необходимой поддержке» правительства, которое оно же во многом и контролирует.

Некоторые такие коварные угрозы Вэр обсуждает в том виде, в каком их понимал рабочий класс. Он рассказывает о позиции искушенных рабочих в Нью-Йорке 170 лет назад, придерживавшихся общепринятого мнения о том, что ежедневная зарплата представляет собой форму рабства, и предупреждавших, что в один прекрасный день рабы зарплаты «забудут, что такое мужество и слава в рамках системы, навязанной им в силу необходимости в пику таким их чувствам, как независимость и самоуважение»[359]. Они надеялись, что до этого дня «еще далеко». Сегодня все его признаки налицо, однако стремление к независимости, самоуважению, чувству собственного достоинства и возможности самостоятельно определять свою судьбу

тоже бродит неглубоко под поверхностью, готовое вновь заявить о себе, когда его разбудят обстоятельства и активная борьба.

13. Безопасность? Для кого? Как Вашингтон защищает себя и свой корпоративный сектор

Вопрос о том, каким образом определяется внешняя политика, в международных отношениях является основополагающим. Здесь я лишь в общих чертах обрисую, как, на мой взгляд, можно эффективно исследовать этот вопрос, выбрав в качестве примера Соединенные Штаты по целому ряду причин. Во-первых, с США никто не может тягаться в плане глобального значения и влияния. Во-вторых, американское общество очень открыто и, может быть, в этом отношении даже уникально, так как мы можем узнать о нем больше, чем о каком-либо другом обществе. Наконец, этот пример чрезвычайно важен для самих американцев, которые способны влиять на политический выбор у себя в стране, а в действительности и в других странах.

Существует «общепринятая стандартная версия», традиционная для академической науки, заявлений правительства и общественного дискурса. Она подразумевает, что главной обязанностью правительства является обеспечение безопасности, учитывая, что с 1945 года первейшей проблемой для США и их союзников была угроза со стороны СССР.

Оценить эту верность этой доктрины можно несколькими способами. Один из очевидных вопросов лежит на поверхности: что произошло после того, как угроза со стороны СССР исчезла? Ответ: все продолжилось в точности, как было до этого, просто теперь существует российская угроза.

В 1989 году Соединенные Штаты вторглись в Панаму, убив, по всей видимости, тысячи человек и установив послушный режим. Для регионов, где США выступают в роли доминирующей силы, это обычное дело, но данный случай стал не совсем обычным, поскольку впервые за всю историю крупный акт внешней политики не объяснялся предполагаемой «российской угрозой».

Вместо этого для вторжения придумали целый набор ложных предлогов, не выдерживающих никакой критики. Средства массовой информации взялись восторженно подпевать, восхваляя великолепное достижение, каким стала победа над Панамой, но не обращая

внимания на то, что предлоги были названы смехотворные, а само нападение было грубейшим нарушением международного законодательства и подверглось резкой критике во всем мире, особенно в Латинской Америке. Резолюцию Совета Безопасности ООН, в которой содержалось осуждение преступлений американских военных во время вторжения, одобрили единогласно. Впрочем, нет, одна страна воздержалась – Великобритания. А США наложили на эту резолюцию вето[360].

Обычно дело. Все забыто (что тоже обычное дело). **От Сальвадора до российских границ**

В ответ на крах главного врага – СССР – администрация Джорджа Буша-старшего обнародовала новый бюджет расходов на национальную безопасность и оборону. Он был в точности такой же, как раньше, хотя и объяснялся другими причинами. Оказывается, что Соединенным Штатам надо было поддерживать огромную военную мощь, почти равную совокупной военной мощи других государств, вместе взятых, но не для защиты от Советского Союза, которого больше не было. На этот раз в качестве предлога назвали «развитие высоких технологий» в странах третьего мира[361]. Дисциплинированные интеллектуалы поняли, что высмеивать его будет не очень уместно, и поэтому, как полагается, промолчали.

Новая политическая доктрина настаивала на сохранение «базы военно-промышленного комплекса». Данная фраза представляет собой эвфемизм и подразумевает высокотехнологичные отрасли промышленности, полагающиеся на активное вмешательство в процесс исследования и разработок под патронажем Пентагона (что многие экономисты продолжают называть американской «свободной, рыночной экономикой»).

Один из самых интересных пунктов нового плана касался Ближнего Востока. Было заявлено, что здесь Вашингтон должен развернуть наступательные войска, нацелив их на жизненно важный регион, проблемы которого «нельзя свалить на Кремль». После пятидесяти лет обмана все наконец молчаливо признали, что источником озабоченности на Ближнем Востоке являются не русские, а так называемый «радикальный национализм», то есть национализм независимый, неподконтрольный США[362].

Все это, конечно, имело самое непосредственное отношение к общепринятой стандартной версии, но прошло незамеченным – возможно, по этой самой причине.

Сразу после крушения Берлинской стены и окончания «холодной войны» произошли и другие значимые события, в том числе и в Сальвадоре, главном получателе американской военной помощи – помимо Израиля и Египта, но о них отдельный разговор, – которые повлекли за собой самые массовые в мире нарушения прав человека. К нашему вопросу это имеет самое непосредственное отношение.

Высшее командование Сальвадора приказало батальону «Атлакатль» ворваться в Иезуитский университет, убить шестерых ведущих латиноамериканских интеллектуалов, иезуитских священников во главе с ректором, отцом Игнацием Эллакурией, а заодно и всех свидетелей, то есть домработницу Эллакурии и ее дочь. На тот момент за батальоном уже тянулся кровавый след тысяч «обычных» жертв террористической кампании, проводимой в Сальвадоре при поддержке США в рамках более масштабной кампании террора и пыток во всем регионе[363]. Обычное дело, которое проигнорировали и практически забыли в Соединенных Штатах и странах, выступающих их союзниками, что, в свою очередь, тоже обычное дело. Но это, если мы озаботимся взглядом на реальный мир, говорит нам очень многое о факторах, движущих политикой.

Еще одно важное событие произошло в Европе. Советский президент Михаил Горбачев согласился на объединение Германии и ее вступление во враждебный ему альянс НАТО. В свете новейшей истории уступка более чем удивительная. Соглашения достигли на условиях «баш на баш»: президент Буш и госсекретарь Джеймс Бейкер согласились, что НАТО «ни на дюйм не расширится на Восток», имея в виду Восточную Германию. И тут же расширили НАТО, продвинув альянс на территорию Восточной Германии.

Горбачев, естественно, был в ярости, но, когда обратился с жалобой в Вашингтон, там ему назидательно сообщили, что это было лишь устное, джентльменское соглашение, а раз так, то никакой юридической силы оно не имеет[364]. Полагаться на слово американских лидеров было весьма наивно, но это уже его проблема.

Все это тоже было обычным делом, как и молчаливое одобрение дальнейшего расширения НАТО в Соединенных Штатах и на Западе в

целом. После этого президент Билл Клинтон придвинул инфраструктуру НАТО прямо к российским границам. Сегодня мир столкнулся с серьезным кризисом, который в немалой мере является результатом этой политики.

Призыв грабить бедных

Еще одним источником свидетельств являются рассекреченные исторические документы. Они содержат разоблачительные сведения об истинных мотивах государственной политики. История эта богата и сложна, но доминирующую роль в ней играет всего несколько тем. Одна из них была отчетливо сформулирована на конференции стран Западного полушария в Мексике, созванной Соединенными Штатами в феврале 1945 года, на которой

Вашингтон навязал «Экономическую хартию двух Америк», призванную уничтожить экономический национализм «в любых его формах и проявлениях»[365]. При этом никто не упомянул об одном исключении: экономический национализм великолепно подходит Соединенным Штатам, экономика которых в огромной степени полагается на активное вмешательство государства.

Уничтожение экономического национализма входило в острое противоречие с позицией, занимаемой на тот момент странами Латинской Америки, которую чиновники из Государственного департамента называли «философией нового национализма, основанного на политике, направленной на более широкое распределение богатств и повышение жизненных стандартов простых граждан»[366]. И, как добавляли политические аналитики, «латиноамериканцы убеждены, что первейшим бенефициаром экономического развития ресурсов страны должен быть его народ»[367].

Этого конечно же не будет. В понимании Вашингтона, «первейшими бенефициарами» должны быть американские инвесторы, в то время как Латинской Америке отводилась роль прислуги. Как ясно давали понять администрации президентов Трумена и Эйзенхауэра, страны региона не должны становиться на путь «чрезмерного промышленного развития», которое может посягать на экономические интересы США. Так, например, Бразилия могла производить низкокачественную сталь, и корпорациям Соединенных Штатов до этого не было никакого дела, но если бы она стала

конкурировать с компаниями США, то это уже было бы развитие «чрезмерное».

Проблемы такого рода наблюдаются в течение всего периода после окончания Второй мировой войны. Глобальной системе, доминирующая роль в которой по замыслу ее создателей отводилась Соединенным Штатам, угрожали режимы, в официальных американских документах называемые «радикальными и националистическими», хотя на самом деле они всего лишь отвечали на призывы своих народов к независимому развитию[368]. Именно эта причина легла в основу свержения парламентских правительств в Иране и Гватемале в 1953 и 1954 годах, как и целого ряда других. В случае с Ираном наибольшую озабоченность вызывало потенциальное влияние независимости этой страны на Египет, в котором на тот момент зрело недовольство британскими колониальными порядками. Если говорить о Гватемале, то помимо совершенного новыми демократами преступления по включению во власть крестьянского большинства страны и покушения на права владения Объединенной фруктовой компанией – что уже само по себе оскорбительно – Вашингтон беспокоили волнения рабочих и мобилизация народных масс в соседних странах, которыми правили поддерживаемые США диктаторы.

В обоих случаях последствия ощущаются и по сей день. С 1953 года не прошло буквально ни одного дня, когда Соединенные Штаты не мучили бы народ Ирана. Гватемала остается одной из самых ужасных пыточных камер в мире; представители коренного народа майя и сегодня бегут от последствий военных кампаний, граничивших с геноцидом и проведенных при поддержке президента Рональда Рейгана и его высокопоставленных чиновников. Один гватемальский врач, руководитель представительства благотворительной организации «Оксфам» в этой стране, в 2014 году сообщал: «Наблюдается катастрофическое ухудшение общественных, политических и экономических условий. Количество нападений на борцов за права человека в последние годы выросло на 300 %. Существует масса недвусмысленных свидетельств детальной стратегии, разработанной частным сектором и армией, захватившими правительство с целью сохранения существующего положения дел и курса на экономическую модель, основанную на добыче полезных ископаемых и

предусматривающую изгнание коренных жителей с их исконных земель ради горнорудных предприятий, плантаций масличных пальм и сахарного тростника. Кроме того, общественное движение в защиту земель и прав народа криминализовано, многие его лидеры сидят в тюрьме или убиты»[369].

В Соединенных Штатах об этом не известно ничего, и об очевидной причине сложившейся ситуации, разумеется, ничего не говорится.

В 1950-х годах президент Эйзенхауэр и государственный секретарь Джон Фостер Даллес совершенно отчетливо объяснили дилемму, перед которой стояли Соединенные Штаты. Они пожаловались, что коммунисты обладают нечестным преимуществом: у них есть возможность «взывать непосредственно к массам» и «контролировать массовые движения, чего мы делать не можем. Они всегда взывают к бедным и всегда стремятся разорить богатых»[370].

Это создает проблемы. Соединенным Штатам, так или иначе, трудно взывать к бедным, придерживаясь доктрины, в соответствии с которой этих бедных должны грабить богатые. **Кубинский пример**

Ярким примером этой общей модели стала Куба, когда в 1959 году приобрела наконец независимость. Уже через несколько месяцев остров стал подвергаться военной агрессии. Вскоре администрация Эйзенхауэра приняла тайное решение свергнуть правительство. Потом президентом стал Джон Кеннеди. Он намеревался уделять больше внимания Латинской Америке и поэтому, придя к власти, создал исследовательскую группу для разработки соответствующей политики во главе с историком Артуром Шлезингером-младшим, который обобщил сделанные ею выводы и доложил о них вступившему в должность президенту.

Как объяснял Шлезингер, угрозу в независимой Кубе представляла «идея Кастро взять все в свои руки». К сожалению для Соединенных Штатов, такой подход обладал огромной привлекательностью в глазах народов Латинской Америки, где «земли и другие национальные богатства в существенной мере распределились в пользу имущих классов, а бедные и обездоленные, вдохновляясь примером Кубинской революции, теперь требуют дать им возможность достойно жить»[371]. Опять та же, привычная для Вашингтона дилемма.

Объяснение привело и ЦРУ: «Масштабное влияние “идей Кастро” нельзя считать функцией кубинской власти… Тень Кастро приобретает угрожающие размеры в силу того, что общественно-экономические условия по всей Латинской Америке создают предпосылки для противодействия правящим режимам и подталкивают к массовым выступлениям за радикальные перемены», моделью которых служит Куба[372]. Кеннеди боялся, что при поддержке русских Куба станет «образцом» развития, что позволит Советскому Союзу взять верх во всей Латинской Америке[373].

Аппарат политического планирования Государственного департамента предупредил, что «первейшая угроза, которую несет в себе Кастро, заключается… во влиянии, которое само существование его режима оказывает на крайне левых во многих странах Латинской Америки… Тот простой факт, что Кастро успешно бросает вызов США, отрицает всю политику, проводимую нами в полушарии в последние сто пятьдесят лет» – то есть со времен появления в 1823 году доктрины Монро, когда Соединенные Штаты заявили о своем намерении доминировать в полушарии[374].

Ближайшей целью на момент принятия этой доктрины было покорение Кубы, но реализовать ее не представлялось возможным из-за могущества вражеской Британии. Несмотря на это, великий стратег Джон Куинси Адамс, интеллектуальный отец доктрины Монро и так называемого Манифеста судьбы, оправдывающего экспансионизм Америки высшим предопределением, проинформировал коллег, что со временем Куба все равно окажется в руках США по «закону политической гравитации», как яблоко падает с дерева[375]. Иными словами, если могущество Британии будет идти на спад, то могущество Америки будет только расти.

В 1898 году прогнозы Адамса сбылись: Соединенные Штаты вторглись на Кубу под предлогом ее освобождения. По сути, это помешало острову избавиться от гнета Испании и «фактически превратило его в колонию», если воспользоваться выражением историков Эрнеста Мея и Филиппа Зеликова[376].

Негласной колонией США Куба оставалась до января 1959 года, когда ей удалось обрести независимость. С тех пор она является объектом масштабных террористических войн, которые против нее

ведут США, и подвергается с их стороны экономическому удушению, причем совсем не из-за русских.

Повод всегда был один – «защита Соединенных Штатов от русской угрозы». Это объяснение, в общем случае, принималось без возражений. Простейшей проверкой стала позиция, которую США заняли по отношению к острову после того, как любая мыслимая угроза со стороны России исчезла: американская политика на Кубе, проводимая либеральными демократами во главе с Биллом Клинтоном, обошедшим Буша с правого фланга на выборах 1992 года, стала даже жестче. Эти события, казалось бы, должны были существенно повлиять на аргументацию в рамках определяемых доктриной дискуссий о внешней политике и факторах, которые ею движут. Но это влияние оказалось очень незначительным.

Вирус национализма

Действительную суть внешней политики Соединенных Штатов Генри Киссинджер выразил, когда назвал независимый национализм «вирусом», способным «понести заразу дальше»[377]. В тот момент Киссинджер говорил о Чили Сальвадора Альенде, а «вирусом» считал идею о возможности существования парламентского пути, ведущего к той или иной форме социалистической демократии. Чтобы избавиться от этой угрозы, «вирус» следовало уничтожить, а тем, кто мог им заразиться, сделать прививку, как правило путем создания режимов, в которых главную роль играют силы национальной безопасности. Это было реализовано в случае с Чили, но здесь важно признать, что от данной теоретической модели во всем мире никто не отказался и по сей день.

К примеру, эта же модель легла в основу принятого в начале 1950-х годов решения подавить вьетнамский национализм и поддержать Францию в ее усилиях по возвращению бывшей колонии – из страха, что вьетнамский национализм может стать «вирусом», который распространит заразу по окружающему региону, включая богатую ресурсами Индонезию. В итоге Япония могла бы даже стать промышленно-торговым центром нового, независимого мирового порядка и создать ту самую империю, ради которой еще совсем недавно приложила столько усилий. Средство представлялось предельно ясным и в немалой степени успешным. Вьетнам был практически уничтожен, а по периметру его окружило кольцо военных

диктатур, препятствующих дальнейшему распространению опасного «вируса».

В тот период это было справедливо и для Латинской Америки: там «вирусы» один за другим подвергались нападениям, которые либо разрушали заразу, либо ослабляли до такой степени, что «вакцинированным» странам не оставалось ничего другого, кроме как тихо прозябать. С начала 1960-х годов по континенту прокатилась беспрецедентная за всю историю полушария волна репрессий и насилия, в 1980-х достигшая Центральной Америки, но эту тему здесь мы рассматривать не будем.

То же самое справедливо и для Ближнего Востока. Исключительные отношения Соединенных Штатов с Израилем в их нынешнем виде установились в 1967 году, когда еврейское государство нанесло сокрушительный удар по Египту, на тот момент слывшему центром светского арабского национализма. Поступив таким образом, оно защитило союзника США Саудовскую Аравию, вовлеченную в военный конфликт в Египте в Йемене. Саудовская Аравия, бесспорно, представляет собой самое экстремистское государство, в основе которого лежит исламский фундаментализм, но также и государство миссионерское, тратящее огромные суммы на распространение своих ваххабистско-салафистских доктрин далеко за пределами страны. Здесь стоит вспомнить, что Соединенные Штаты, как Великобритания до них, тяготели к поддержке радикального исламского фундаментализма, противопоставляя его светскому национализму, который, как считалось до недавнего времени, несет в себе более значимую угрозу независимого развития и дальнейшего распространения этого «вируса». **Важность секретности**

Сказать можно еще очень многое, но исторические хроники недвусмысленно показывают, что стандартная доктрина лишена особых достоинств. Безопасность в обычном смысле этого слова отнюдь не является первостепенным фактором в формировании политики.

Повторим сразу: в обычном смысле этого слова. Но, оценивая стандартную доктрину, мы должны задаться вопросом о том, что понимается под термином «безопасность»: о какой именно безопасности идет речь?

Один из возможных ответов звучит так: о безопасности государственной власти. Свидетельств тому множество. Например, в мае 2014 года Соединенные Штаты согласились поддержать резолюцию Совета Безопасности ООН, призывавшую Международный уголовный суд расследовать военные преступления в Сирии, но с одним условием: не распространять следствие на возможные злодеяния Израиля[378]. Или самого Вашингтона, хотя эту оговорку можно и не делать, поскольку Соединенные Штаты, единственные в своем роде, в одностороннем порядке пользуются иммунитетом от международной правовой системы. Конгресс даже одобрил закон, разрешающий президенту применять военную силу для «спасения» любых американцев, которых доставят для суда в Гаагу. В Европе этот закон порой называют «Законом о вторжении в Нидерланды»[379]. Кажется, это демонстрирует, насколько важна безопасность государственной власти.

Но от кого же все-таки ее защищать? По сути, есть самые веские основания полагать, что первейшая задача правительства сводится к защите государственной власти от народа. Каждый, кто провел немало времени, копаясь в архивах, знает, что правительственный гриф секретности очень редко обусловлен соображениями безопасности, однако эффективно держит в неведении простых граждан. Для этого есть веские причины, которые вразумительно объяснил известный либеральный ученый и правительственный советник Сэмюэл Хантингтон.

Он сказал так: «Архитекторы власти в Соединенных Штатах должны создать силу, которую можно чувствовать, но нельзя видеть. Власть сильна, только когда остается в тени; на солнце она начинает испаряться»[380].

В 1981 году, когда «холодная война» вновь стала набирать обороты, он добавил: «Вы можете представить вторжение или любой другой акт военной агрессии так, чтобы составить ложное впечатление борьбы с Советским Союзом. Именно это Соединенные Штаты и делают со времен одобрения доктрины Трумэна»[381].

Столь простые истины мало кто признает, хотя они помогают понять принципы государственной власти и политики, актуальные и сегодня.

Государственную власть надо защищать от внутреннего врага; при этом сами простые граждане не могут обезопасить себя от государственной власти. Поразительным примером является радикальная атака на Конституцию со стороны администрации президента Обамы, которая рьяно взялась за реализацию программы массового наблюдения и слежки. В качестве оправдания конечно же выступили соображения «национальной безопасности». Впрочем, в политике это самое обычное дело, поэтому ничего нового мы не узнали.

Когда о программе слежки в своих откровениях поведал Эдвард Сноуден, высокопоставленные чиновники тут же сообщили, что благодаря ей удалось предотвратить пятьдесят четыре террористических акта. Но как только был направлен соответствующий запрос, количество терактов снизилось до дюжины. Затем экспертная группа высокопоставленных правительственных чиновников выяснила, что на самом деле такой случай был всего один: кто-то послал в Сомали 8500 долларов[382].

Любопытна позиция Великобритании: по сообщениям газеты *Guardian*, в 2007 году британское правительство призвало вашингтонское шпионское агентство «перехватывать и анализировать своей сетью любые мобильные номера, факсы, сообщения электронной почты и IP-адреса британских граждан»[383]. Это весьма полезное свидетельство того, что неприкосновенность личной жизни в глазах правительства обладает очень и очень ограниченной значимостью.

Еще одна проблема заключается в безопасности частного сектора. В качестве иллюстрации можно привести глобальные соглашения – трансатлантические и транстихоокеанские, – по которым в настоящее время ведутся переговоры. Ведутся «тайно», но все же не до конца. Для сотен корпоративных юристов, разрабатывающих подробные условия, никакого секрета они не представляют. Что получится в результате, догадаться нетрудно, а некоторые утечки позволяют предположить, что такого рода ожидания верны. Подобно NAFTA и другим подобным договорам, они не имеют отношения к свободной торговле. По сути, это даже не торговые соглашения, а главным образом договора о правах инвесторов.

Секретность здесь, опять же, критически важна для того, чтобы защитить главный внутренний электорат стран-участников: корпоративный сектор.

Последний век человеческой цивилизации?

Существуют и другие примеры – слишком многочисленные, чтобы их перечислять, – о которых в свободном обществе надо рассказывать еще в начальной школе.

Иными словами, существует масса свидетельств того, что защита государственной власти от собственного населения, равно как и защита власти частного сектора, являются главными движущими силами при формировании политики. Конечно же все не так просто. Существуют довольно любопытные примеры, в том числе из современной жизни, когда эти магистральные линии конфликтуют между собой, но данный принцип можно с полным основанием считать неплохим первым приближением, радикально отличающимся от общепринятой стандартной доктрины.

Давайте обратимся к другому вопросу: а как насчет безопасности населения? Можно без особого труда продемонстрировать, что при формировании властями политики эта проблема отодвигается на последний план. Взять два самых ярких современных примера – глобальное потепление и ядерное оружие. Любой грамотный человек наверняка знает, что они представляют собой две действительно страшные угрозы для населения. Но, обратившись к государственной политике, мы обнаружим, что правительство прилагает массу усилий, чтобы каждую из них еще больше усугубить в угоду решения своих первостепенных задач по защите государственной власти и власти частного сектора, в значительной степени определяющего государственную политику.

Возьмем глобальное потепление. Сегодня в Соединенных Штатах поднялась волна ликования о «ста годах энергетической независимости» на фоне того, что мы становимся «Саудовской Аравией следующего века». Проблема лишь в том, что этот век для человеческой цивилизации может стать последним.

Это очень наглядно иллюстрирует природу заботы о безопасности – о безопасности населения речь конечно же не идет. Кроме того, здесь явственно проглядывается моральный облик современного государственного капитализма, при котором судьба наших внуков

считается сущей ерундой по сравнению с императивом нынешних высоких прибылей.

Присмотревшись внимательнее к пропагандистской системе, мы еще больше укрепимся в этих выводах. В Соединенных Штатах проводится масштабнейшая пропагандистская кампания, открыто организованная крупными энергетическими корпорациями и бизнес-сообществом в целом, с целью убедить обывателя в том, что глобального потепления вообще нет или что оно, как минимум, не является результатом деятельности человека. И эта кампания действительно оказывает определенное влияние. По показателям озабоченности общества проблемой глобального потепления США значительно отстают от других стран, причем результаты опросов существенно отличаются в зависимости от политических взглядов: в рядах Республиканской партии, больше всего озабоченной интересами богатых и корпоративного сектора, они значительно ниже среднемировых[384].

Columbia Journalism Review, ведущее издание, посвященное вопросам критики средств массовой информации, опубликовало интересную статью, автор которой связал этот результат с медийной доктриной «честности и сбалансированности»[385]. Если в двух словах, то она сводится к следующему: когда журнал, к примеру, публикует мнение, отражающее позицию 97 % ученых, то ему в обязательном порядке следует рассказать и о противоположной точке зрения, на которой настаивают энергетические корпорации.

Это и в самом деле происходит, хотя ни о какой доктрине «честности и сбалансированности» говорить не приходится. Например, если какое-нибудь издание публикует мнение, осуждающее русского президента Владимира Путина за преступный захват Крыма, ему почему-то и в голову не приходит заодно написать о том, что, хотя это действительно преступление, Россия в данном случае руководствовалась куда более вескими соображениями, чем Соединенные Штаты больше ста лет назад, когда вторглись на юго-восток Кубы, прибрав к рукам в том числе Гуантанамо, главный порт страны, а когда остров обрел независимость, отказались его вернуть. То же самое справедливо и для других примеров. Медийная доктрина «честности и сбалансированности» действует только в том случае,

когда речь идет о власти частного сектора, и ни при каких других обстоятельствах.

Что касается вопроса ядерного оружия, то в этом отношении свидетельства столь же интересны и столь же пугающи. Они однозначно говорят о том, что с первых дней ядерной эры до безопасности населения никому не было дела, как нет и сейчас. Здесь нет нужды обращаться к шокирующим документам, но можно не сомневаться, что вершители политики постоянно играют в рулетку с судьбой человечества как вида.

Как все мы наверняка знаем, сегодня человечество столкнулось с необходимостью принимать самые трудные и судьбоносные решения за всю свою историю. Перед нами стоит очень много проблем, но важнейшими из них являются разрушение окружающей среды и ядерная война. Впервые за все время мы можем разрушить все надежды на достойное существование, причем уже в не столь отдаленном будущем. По одной этой причине надо разогнать все идеологические тучи, чтобы честно, реалистично подойти к вопросу принятия политических решений и посмотреть, что можно сделать, пока еще не слишком поздно. **14. Оскорбление**

Каждый день приносит все новые и новые преступления, однако некоторые из них столь отвратительны, ужасны и злонамеренны, что остальные на их фоне кажутся сущей ерундой. Одно из подобных, весьма редких событий произошло с самолетом «Малазийских авиалиний», который был сбит в небе над Восточной Украиной, в результате чего погибли 298 человек.

Страж Добродетели в Белом доме осудил это злодеяние, назвав «оскорблением невыразимых пропорций», и свалил все на «российскую поддержку»[386]. Его представитель в ООН громогласно заявила, что, «когда 298 человек погибают» в ходе «ужасного крушения» гражданского лайнера, «мы не должны останавливаться ни перед чем, чтобы найти тех, кто несет за это ответственность, и предать их суду». Она также призвала Владимира Путина положить конец позорным усилиям избежать ответственности, которая, как всем известно, лежит на нем»[387].

Правда, Путин, этот «действующий на нервы маленький человечек» с «крысиным лицом», как описал его Тимоти Гартон Эш, призвал провести независимое расследование, но к этому его конечно

же подтолкнули санкции одной-единственной страны, достаточно смелой для того, чтобы ввести их (имеются в виду Соединенные Штаты), в то время как европейцы попросту съежились от страха[388].

В интервью *CNN* бывший посол США в Украине Уильям Тэйлор заверил мировую общественность, что «действующий на нервы маленький человечек» «совершенно определенно несет ответственность за сбитый авиалайнер»[389].

Не одну неделю первые полосы газет и журналов пестрели репортажами о жизни погибших, о страданиях их семей, о международных усилиях, направленных на то, чтобы получить тела, о ярости, вызванной этим ужасным преступлением, «ошеломившим мир», а теле- и радиоведущие каждый день приводили все новые и новые страшные подробности.

Каждому обученному грамоте человеку, и уж конечно всем редакторам и комментаторам, полагалось бы тут же вспомнить об аналогичном инциденте со сбитым лайнером, повлекшем за собой примерно такие же человеческие потери, – крушении рейса № 655 компании «Иран Эйр». Самолет был сбит в иранском воздушном пространстве, в коридоре, определенном как коммерческий. Тогда погибли 290 человек, в том числе 66 детей. Главный персонаж этого события прекрасно известен: им стал крейсер USS *Vincennes* с управляемыми ракетами на борту, находившийся в иранских водах в Персидском заливе.

Дэвид Карлсон, капитан курсировавшего неподалеку другого американского судна, написал в журнале *Proceedings* (издание Военно-морского института США), что «во весь голос выразил свое изумление», когда *Vincennes* вознамерился атаковать явно гражданское судно. Он предположил, что «крейсер-робот», как прозвали *Vincennes* за агрессивное поведение, «испытал потребность доказать в Персидском заливе жизнеспособность передовой системы противовоздушной обороны, установленной на нем *(Aegis)*, и что командование крейсера страстно стремилось получить возможность продемонстрировать этот комплекс в деле»[390].

Два года спустя капитана *Vincennes* и офицера, отвечающего за систему ПВО, наградили американским орденом «Легион почета» за «исключительное поведение, достойное всяческих похвал в ходе безупречного несения службы», а также за «спокойную,

профессиональную атмосферу» в период после крушения иранского аэробуса. Об уничтожении людей в наградном листке не было ни слова[391].

Более того, президент Рональд Рейган обвинил в катастрофе иранцев и выступил в защиту действий командования корабля, заявив, что капитан и старшие офицеры «следовали действующим приказам и выполняли всем известные процедуры, выпустив ракету, чтобы защитить крейсер от возможного нападения»[392]. Позже его преемник Джордж Буш-старший скажет: «Я никогда не буду извиняться за Соединенные Штаты – до фактов мне нет никакого дела… Я не тот парень, который извиняется за Америку»[393].

В отличие от варваров на Востоке, здесь никто и не пытался уйти от ответственности. И реакция была совсем вялая: ни разговоров об оскорблении, ни отчаянного поиска жертв, ни страстного осуждения виновных, ни красноречивых показных стенаний Постоянного представителя США в ООН по поводу «огромной, мучительной потери», когда был сбит самолет. В случае с рейсом № 655 осуждение с иранской стороны тут же отмели, назвав «стереотипными нападками на Соединенные Штаты», как написал в *New York Times* Филип Шенон[394].

С одной стороны, незначительное, успевшее подзабыться событие, заслужившее в американских СМИ лишь несколько скупых строк, с другой – массовая ярость, вызванная преступлением, к которому косвенно причастен всем известный демонический враг. Исключением стала лишь лондонская *Daily Май*, на страницах которой Доминик Лоусон написал, что, хотя «апологеты Путина» действительно могут напомнить о ракете, выпущенной по лайнеру «Иран Эйр», сравнение этих двух инцидентов демонстрирует «наши высокие моральные ценности», резко контрастирующие с теми, что исповедуют презренные русские, пытаясь уйти от ответственности за сбитый MH17 с помощью лжи, в то время как Вашингтон в свое время сразу признал, что американский военный корабль сбил иранский самолет – и сбил совершенно справедливо[395]. Разве можно привести более наглядное свидетельство нашего благородства и их безнравственности?

Мы знаем, почему русские находятся в России, а украинцы – в Украине, но сам по себе напрашивается вопрос о том, а что же,

собственно, делал *Vincennes* в иранских территориальных водах. Ответ прост: он защищал Саддама Хуссейна, великого друга Вашингтона, развязавшего кровавую агрессию против Ирана. То, что самолет был сбит, отнюдь не пустяк. Если верить историку Дилипу Хайроу, это стало ключевым фактором признания Ираном невозможности дальнейшей борьбы[396].

Здесь уместно вспомнить масштаб преданности Вашингтона своему другу Саддаму. Рейган убрал его из составляемого Госдепартаментом списка террористов, чтобы обеспечить возможность посылать помощь и тем самым ускорить нападение на Иран. Позже и тот и другой опровергали страшные преступления Хуссейна против курдов, в том числе и применение химического оружия. Планировавшееся Конгрессом осуждение этих преступлений было заблокировано. Саддаму также была предоставлена привилегия, которой, кроме него, пользовался только Израиль: когда Ирак выпустил по американскому фрегату *Stark* ракеты «Экзосет», в результате чего погибли тридцать семь членов экипажа корабля, никакой серьезной реакции не последовало, как и после инцидента с кораблем *Liberty*, который в 1967 году подвергся атаке израильских самолетов и торпедных катеров, в результате которой погибли тридцать четыре человека[397].

Преемник Рейгана, Джордж Буш-старший продолжил предоставлять помощь Саддаму, остро нуждавшемуся в ней после войны с Ираном, которую сам же и развязал. Буш также пригласил в Соединенные Штаты иракских инженеров-атомщиков, чтобы те прошли углубленную подготовку в деле производства ядерного оружия. В апреле 1990 года он отправил высокопоставленную делегацию членов Сената во главе с будущим кандидатом в президенты от Республиканской партии Бобом Доулом передать другу Саддаму теплый привет и заверить, что он не будет обращать внимания на безответственную критику со стороны «заносчивой, избалованной прессы» и что ее негодные представители с «Голоса Америки» уволены[398]. Заискивание перед Саддамом продолжалось до тех пор, пока тот несколько месяцев спустя не превратился в нового Гитлера, перестал выполнять приказы – точнее, неправильно их трактовал – и вторгся в Кувейт с весьма показательными последствиями, которые я здесь рассматривать не буду.

До MH17 были и другие инциденты, давно преданные забвению как незначимые. Взять, к примеру, ливийский гражданский лайнер, который в 1973 году сбился с курса во время песчаной бури и потерпел крушение после атаки израильских самолетов (эти самолеты Израилю поставили США) в двух минутах лета от Каира, куда он направлялся[399]. В тот раз погибли «всего» 110 человек. Израиль обвинил французского пилота ливийского самолета, и *New York Times* поддержала эту версию, правда добавив, что действия Израиля были «в худшем случае… бессердечным поступком, оправданием которому не могут служить даже дикость предшествовавшего ему поведения арабов»[400]. В Соединенных Штатах инцидент быстро замяли, критики за собой он практически не повлек. Когда через четыре дня израильский премьер-министр прибыла в Вашингтон, ей почти не задавали неудобных вопросов, а домой она вернулась с новыми подарками в виде военных самолетов. Почти точно такая же реакция последовала и когда Вашингтон взял под свое покровительство ангольскую террористическую организацию УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы), которая заявила, что сбила два гражданских воздушных судна.

Возвращаясь к поистине ужасному преступлению с MH17, *New York Times* сообщила, что Постоянный представитель США в ООН Саманта Пауэр «от волнения едва могла говорить о младенцах, погибших в результате крушения лайнера “Малазийских авиалиний” в Украине, [а] министр иностранных дел Нидерландов Франс Тиммермане с трудом сдерживал гнев, вспоминая виденные им фотографии „головорезов“, срывающих с пальцев жертв обручальные кольца»[401].

В ходе той же сессии, продолжает автор репортажа, «долго перечисляли имена и возраст детей, убитых во время последнего израильского наступления в Газе». Как сообщается, единственная реакция поступила от палестинского представителя Рияда Мансура, который «затих, пока их перечисляли»[402].

В то же время июльская израильская атака в Газе все же вызвала в Вашингтоне негодование. Президент Барак Обама без конца говорил о своем «строгом осуждении» атак с помощью ракетных ударов по Израилю со стороны вооруженной группировки ХАМАС (“Исламское движение сопротивления”)», сообщает *The Hill*. Он «также выразил

“растущую озабоченность” ростом смертей гражданских лиц из числа палестинцев в Секторе Газа», но на этот раз уже без осуждения[403]. Этот пробел заполнил Сенат, единогласно проголосовавший за поддержку действий Израиля в Газе. Осудив «ничем не спровоцированный ракетный удар ХАМАС по Израилю», сенаторы заодно призвали палестинского лидера Махмуда Аббаса разорвать заключенное с ХАМАС соглашение о формировании правительства национального единства и также «осудить атаки на Израиль»[404].

Что же касается Конгресса, то достаточно добавить, что его деятельность не одобряют 80 % жителей страны, хотя слово «не одобряют» в данном случае представляется слишком уж умеренным[405]. Впрочем, в защиту Обамы можно сказать, что он понятия не имел, что делает Израиль в Газе, применяя оружие, которое он же сам по доброте своей ему поставлял. Обама полагался на американскую разведку, которая, по-видимому, была слишком занята перехватом телефонных звонков и электронных писем граждан, чтобы обращать внимание на такую ерунду. Тогда представляется полезным сделать краткий обзор того, что мы все должны знать.

Цель Израиля в течение долгого времени была в целом ясна – «покой за покой, возвращение к норме» (хотя сегодня он может требовать даже больше). Но что тогда такое «норма»?

Норма заключается в том, чтобы Израиль продолжал незаконное строительство поселений и инфраструктуры, чтобы всё, обладающее хоть какой-то ценностью, было включено в Израиль, а палестинцам достались непригодные для жизни районы, где они стали бы объектом жестоких репрессий и насилия. Норма – убийство израильтянами больше двух палестинских детей в неделю. Например, в Раммале, расположенной на Западном берегу реки Иордан, застрелили двух мальчиков-палестинцев. Сей факт не привлек к себе внимания, что вполне объяснимо: дело-то самое что ни на есть обычное. «Пренебрежение проблемами жизни палестинцев, давно ставшее нормой, объясняет не только почему они прибегают к насилию, – говорит авторитетный ближневосточный аналитик Муин Раббани, – но и нападения Израиля в Секторе Газа»[406].

Кроме того, политика «покой за покой» позволила Израилю реализовать программу отделения Газы от Западного берега реки Иордан. Этот проект, опять же при поддержке Соединенных Штатов,

стал активно воплощаться в жизнь с тех самых пор, как США и Израиль признали заключенные в Осло соглашения, провозглашающие регион единой и неделимой территориальной единицей. Чтобы понять логику этих соглашений, достаточно взглянуть на карту. Палестине Газа обеспечивает единственный выход во внешний мир, и если их отделить друг от друга, то, какую бы автономию на Западном берегу реки Иордан Израиль ни предоставил палестинцам, они окажутся зажатыми между двух враждебных государств – Израилем и Иорданией. Со временем это стесненное положение будет только усугубляться, ведь Израиль методично продолжает программу изгнания палестинцев из Иорданской долины и строительства там своих поселений.

То, что в Газе считается нормой, подробно описал отважный норвежский хирург-травматолог Мэдс Гилберт, работавший в центральной больнице Газы во время самых ужасных израильских преступлений. В июне 2014 года он представил отчет о состоянии здравоохранения в Газе в Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), которое отчаянно, в условиях нехватки средств, пытается заниматься решением проблем.

«Как минимум 57 % семей в Газе испытывают нехватку продовольствия, а свыше 80 % получают помощь, – сообщал он. – Отсутствие продовольственной безопасности и растущая нищета, помимо прочего, означают, что большинство местных жителей ежедневно недополучают требуемый по калорийности рацион, а вода в Газе (свыше 90 %) признана непригодной для питья». Ситуация еще больше усугубилась после того, как Израиль в очередной раз подверг обстрелу системы водоснабжения и канализации, в результате свыше миллиона человек столкнулись с еще более серьезными перебоями в удовлетворении самых элементарных жизненных нужд[407].

Далее Гилберт сообщает, что «палестинские дети в Газе очень страдают». На них «оказывает влияние режим недоедания, вызванный искусственно введенной Израилем блокадой». Распространение анемии в Газе среди детей в возрасте меньше двух лет составляет 72,8 %, в то время как истощение, недостаточный рост и недостаточный вес наблюдаются, соответственно, в 34,3, 31,4 и 31,45 случаях из ста[408].

Выдающийся правовед и защитник прав человека Раджи Суарани, находившийся в Газе несколько лет и своими глазами видевший израильские зверства и террор, сообщает, что, «когда речь заходила о прекращении огня, я чаще всего слышал одно и то же предложение: каждый говорил, что им всем лучше умереть, чем возвращаться к положению дел, существовавшему до этой войны. Они этого больше не хотели. По их словам, у них больше не было ни гордости, ни достоинства, они превратились в легкие мишени и ценили себя очень и очень дешево. Я говорю об интеллектуалах, академиках, самых обычных людях – так говорили все»[409].

Что касается Газы, то планы касательно того, что считать нормой, вполне откровенно объяснил Дов Вайсгласс, доверенное лицо Ариэля Шарона и человек, возглавлявший переговоры о выводе из Сектора Газа израильских поселенцев в 2005 году.

Провозглашенный в Израиле и в лагере его сторонников как великий жест, этот вывод в действительности стал тщательно срежиссированной «национальной драмой», как в шутку окрестили его информированные израильские комментаторы, в том числе и бывший ведущий социолог страны, ныне покойный, Барух Киммерлинг. В действительности же произошло следующее: израильские ястребы во главе с Шароном поняли, что незаконных поселенцев субсидируемых населенных пунктов в разоренной Газе, где их содержание требовало немыслимых затрат, лучше переселить в субсидируемые поселения на других оккупированных территориях, которые Израиль намерен сохранить за собой. И вместо того, чтобы их просто переселить, что было бы совсем нетрудно, оказалось более полезным явить миру съемки маленьких детей, умоляющих солдат не разрушать их дома, и покричать «Больше никогда!», чтобы добиться вполне очевидного результата. Еще более явным весь этот фарс сделал тот факт, что он был скопирован с другой срежиссированной национальной драмы, когда Израилю пришлось освободить египетскую часть Синайского полуострова в 1982 году. Но сыграно было очень хорошо для целевой аудитории как у себя дома, так и за рубежом. Вайсгласс привел собственное описание перевода переселенцев из Газы на другие оккупированные территории: «В чем я фактически согласился с американцами, так это в том, что с основными поселениями на Западном берегу реки Иордан никто не будет ничего делать вообще, а с

остальными не будут ничего делать до тех пор, пока палестинцы не превратятся в финнов» – причем финнов специфических, спокойно соглашающихся, чтобы ими правило другое государство. «Весь смысл был в том, чтобы заморозить политический процесс, – продолжает Вайсгласс. – А заморозив его, вы воспрепятствуете созданию Палестинского государства и попутно пресечете разговоры о беженцах и границах Иерусалима. По сути, весь этот пакет под названием “Палестинское государство”, со всеми вытекающими последствиями, был негласно исключен из нашей повестки дня. И все это при поддержке администрации президента Буша, с ее разрешения, с одобрения обеих палат Конгресса»[410].

Вайсгласс объяснял, что жителей Газы будут «держать на диете, но умереть с голоду не дадут», потому что это не способствовало бы укреплению меркнущей репутации Израиля[411]. Со своей хваленой технической эффективностью израильские эксперты точно определили, сколько калорий в день потребуется жителям Сектора для банального выживания. И при этом не забыли лишить их медицинского обслуживания и других благ, необходимых для достойной жизни. Израильские вооруженные силы согнали их на ограниченную территорию, которую британский премьер-министр как нельзя точно назвал «лагерем для военнопленных». Страна-оккупант выполнила все требования международного законодательства. А чтобы стены тюрьмы сомкнулись еще теснее, Израиль изгнал палестинцев с обширной территории вдоль границы, включающей треть, если не больше, скудных пахотных земель Газы. В качестве оправдания были названы соображения безопасности для израильтян, которой точно так же можно было добиться, обустроив зону отчуждения на израильской стороне границы, отказавшись от бесчеловечной блокады и других репрессивных мер. Официальная версия событий гласит, что после того, как Израиль милостиво передал Газу палестинцам в надежде, что они построят там процветающее государство, те, проявив свою истинную натуру, подвергли Израиль нескончаемым ракетным ударам и превратили порабощенное население в жертв, чтобы выставить соседнее государство в дурном свете. Действительность же выглядит несколько иначе.

Через несколько недель после ухода израильской армии, которая все в Газе оставила в целости и сохранности, палестинцы совершили

самое страшное преступление. В январе 2006 года, в ходе свободных выборов, осуществлявшихся под самым пристальным наблюдением, они отдали контроль над своим парламентом в руки ХАМАС. Израильские СМИ без конца трубили, что движение ХАМАС посвятило себя делу разрушения страны. На самом деле руководители ХАМАС не раз давали понять, что примут концепцию создания «двух государств для двух народов» в соответствии с достигнутым на международном уровне консенсусом, который США и Израиль блокируют вот уже сорок лет. Напротив, это Израиль посвятил себя делу разрушения Палестины – если не считать случайных, ничего не значащих слов – и сейчас воплощает свою стратегию в жизнь.

Правда, Израиль согласился с «дорожной картой» создания «двух государств для двух народов», инициированной президентом Бушем и одобренной «четверкой», которая, как предполагалось, будет следить за ходом претворения идеи в жизнь: Соединенными Штатами, Европейским союзом, ООН и Россией. Однако, согласившись с этой «дорожной картой», премьер-министр Шарон тут же добавил к ней четырнадцать замечаний, практически сводивших ее на нет. Участникам процесса эти факты были известны, но вот широкая общественность впервые узнала о них только после публикации книги Джимми Картера «Палестина: мир, а не апартеид». Авторы репортажей и комментариев в СМИ до сих пор обходят ее стороной.

Одобренная в 1999 году и до сих пор не подвергшаяся пересмотру позиция правящей партии Израиля «Ликуд» Биньямина Нетаньяху «категорично отвергает идею создания Палестинского арабского государства к западу от реки Иордан»[412]. А для тех, кому нравится заморачиваться ничего не значащими документами, заметим, что движение «Херут» Менахема Бегина, составляющее ядро «Ликуда», до сих пор не отказалось от принятой еще в момент его основания доктрины, в соответствии с которой земли по обе стороны от реки Иордан являются территорией государства Израиль.

За преступлением палестинцев в январе 2006 года тут же последовало наказание. Соединенные Штаты, Израиль и стыдливо следовавшая за ними в фарватере Европа ввели по отношению к заблудшему народу суровые санкции, и Израиль пошел на эскалацию насилия. К июню, когда количество обстрелов резко возросло, он уже выпустил по северной части Газы 7700 артиллерийских снарядов[413].

Соединенные Штаты с Израилем быстренько стали строить планы военного наступления, чтобы свергнуть избранное правительство. А когда ХАМАС в своей наглости дошел до того, что эти планы расстроил, израильские налеты и блокада, оправдываемые утверждениями о том, что ХАМАС-де захватил власть в Секторе Газа силой, приобрели еще более ожесточенный характер.

С этого момента нам больше нет нужды возвращаться к хронике тех страшных событий. Нескончаемая блокада и жестокие удары порой перемежаются с практикой «выкашивания газона» или, проще говоря, «зачисткой», если воспользоваться веселым израильским выражением, под которым подразумеваются периодические упражнения по «отстрелу рыбы в пруду», которые Израиль называет «оборонительной войной».

Как только газон выкошен и отчаявшееся население пытается хоть как-то восстановиться после опустошений и убийств, подписывается очередное соглашение о прекращении огня. ХАМАС эти соглашения, как и положено, соблюдает, что признает и сам Израиль, но только до тех пор, пока их не нарушают сами израильтяне, возобновляя свою агрессию.

Пример такого перемирия – после израильских ударов в октябре 2012 года. Хотя Израиль и не снял свою разрушительную блокаду, ХАМАС вел себя в рамках, что признают и израильские официальные лица[414]. Ситуация изменилась в июне, когда ФАТХ и ХАМАС достигли соглашение о единстве, на фоне которого было сформировано новое правительство технократов без участия ХАМАС, согласившееся на все требования четверки международных посредников. Израиль, как водится, пришел в ярость, несмотря даже на администрацию Обамы, которая явно подала ему сигнал, выразив свое одобрение. Соглашение о единстве не только свело на нет заявления Израиля о том, что он не может вести разговоры с разделенной надвое Палестиной, но и встало на пути реализации долгосрочных целей, заключавшихся в отделении Газы от Западного берега реки Иордан и продолжении в обоих этих регионах деструктивной политики.

С этим надо было что-то делать, и вскоре такой случай представился – на Западном берегу были убиты три израильских мальчика. Правительство Нетаньяху сразу получило подтверждение

того, что дети мертвы, но виду не подало и вместо этого воспользовалось представившейся возможностью поднять на Западном берегу реки Иордан новую волну агрессии, избрав своей мишенью ХАМАС, чтобы подорвать соглашение о единстве, внушавшее ему такой страх, и резко повысить градус израильских репрессий.

Нетаньяху заявил о наличии у него убедительных доказательств того, что ответственность за это преступление лежит на ХАМАС. Это тоже было ложью, как быстро стало очевидно. Предъявлять доказательства никто не торопился. Шломи Элдар, один из признанных израильских авторитетов по движению ХАМАС, практически одновременно с этим сообщил, что убийцы принадлежали несогласному клану из палестинского Хеврона, который для ХАМАС давно являлся занозой в боку. «Я совершенно уверен, что лидеры ХАМАС исполнителям этого преступления зеленый свет не давали – тем просто показалось, что самое время действовать»[415].

В результате напряженных боевых действий Израилю и в самом деле удалось подорвать соглашение о единстве, внушавшее ему страх, и резко повысить градус израильских репрессий. По данным военных источников Израиля, его солдаты арестовали 419 палестинцев, в том числе 335 так или иначе связанных с движением ХАМАС, убили шесть человек и провели обыски в тысячах жилищ, попутно конфисковав 350 тысяч долларов[416]. Кроме того, Израиль осуществил дюжину ударов по Газе, что позволило ему 7 июля убить пятерых членов ХАМАС[417]. Наконец, впервые за девятнадцать месяцев, ХАМАС, по информации израильских официальных лиц, в ответ тоже выпустил ракеты, что послужило предлогом 8 июля развернуть операцию «Нерушимая скала»[418].

Отовсюду поступали сообщения о подвигах армии, провозгласившей себя самой нравственной в мире, которой, по словам израильского посла в Соединенных Штатах, следовало бы вручить Нобелевскую премию мира. К концу июля было убито порядка полутора тысяч палестинцев, что превзошло печальный итог преступлений, совершенных в 2008-2009 годах в рамках операции «Литой свинец». Семьдесят процентов убитых были гражданские лица, включая сотни женщин и детей[419]. Со стороны Израиля убиты были трое гражданских[420]. Обширные территории Газы превратились

в руины. Во время коротких пауз между обстрелами родственники отчаянно искали разбросанные повсюду тела или пытались вытащить из развалин жилищ домашнюю утварь. Обстрелу подверглась и главная электростанция Газы – причем не в первый раз, для Израиля это «конек», – что резко снизило и без того урезанную подачу энергии и, что еще хуже, дополнительно усугубило проблемы с питьевой водой, а это еще одно военное преступление. Тем временем стали подвергаться нападению бригады спасателей и машины «Скорой помощи». Когда зверства распространились по всей Газе, Израиль заявил, что преследует цель разрушить тоннели на границе.

Нападению подверглись четыре больницы – еще одно военное преступление. Первым стал Реабилитационный центр Аль-Вафа в городе Газа, нападение на который было осуществлено в тот самый день, когда израильские сухопутные войска захватили тюрьму. *New York Times* посвятила этому событию несколько строк в рамках репортажа о сухопутном наступлении. По ее информации, «большинство из 17 пациентов и 25 членов персонала, хотя и не все, были эвакуированы до того, как отключилось электричество и интенсивный обстрел практически полностью разрушил здание».

«Нам пришлось выносить пациентов под огнем, – заявил доктор Али Абу Риала, официальный представитель этого медицинского учреждения. – Медсестры и врачи были вынуждены тащить их на себе, некоторые из них на лестнице падали. В больнице воцарилась небывалая паника»[421].

После этого была совершена атака еще на три больницы, пациенты и персонал которых выживали, кто как мог.

Только одно израильское преступление общественность встретила волной осуждения: нападение на школу ООН, давшую приют 3300 беженцам, по приказу израильской армии покинувшим руины своих домов. Пьер Крахенбуль, генеральный комиссар БАПОР – Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ, учрежденного в 1949 году, – в бешенстве заявил: «Я самым категоричным образом осуждаю это серьезнейшее нарушение международного законодательства, которое совершили израильские военные… Сегодня весь мир столкнулся с позором»[422]. Израиль провел как минимум три удара по этому лагерю, прекрасно известному израильской армии. «О точных

координатах начальной школы для девочек в районе Джабалии, как и о том, что там нашли приют тысячи перемещенных лиц, Израилю сообщалось семнадцать раз, чтобы гарантировать ее защиту, – сказал Крахенбуль, – причем в последний раз накануне, без десяти девять вечера, буквально за несколько часов до рокового обстрела»[423].

Это нападение так же «категорически осудил» обычно сдержанный Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. «Нет ничего более позорного, чем нападать на спящих детей», – заявил он[424].

Данных о том, что постоянный представитель США в ООН «от волнения едва могла говорить» о детях, погибших во время израильского удара, как и во время нападения на Газу в целом, у нас нет. Зато на случившееся отреагировала официальный представитель Белого дома Бернадет Меган. «Мы в высшей степени обеспокоены тем, что тысячи внутренне перемещенных лиц из числа палестинцев, которым израильская армия предписала покинуть родные дома, в настоящее время не находятся в безопасности в убежищах, отведенным для этого в Газе ООН, – заявила она. – Мы также осуждаем тех, кто несет ответственность за оружие, укрываемое в учреждениях ООН в Газе». Позабыв при этом упомянуть, что в учреждениях этих никого не было и что оружие обнаружило БАПОР, и без нее осудившее тех, кто его спрятал[425].

Позже администрации Белого дома еще раз осудила это отдельное преступление, одновременно увеличив поставки оружия Израилю. При этом официальный представитель Пентагона Стив Уоррен заявил журналистам: «Совершенно очевидно, что израильтяне должны прилагать больше усилий, чтобы соответствовать своим высочайшим стандартам… в деле защиты жизни гражданских лиц» – тех самых высочайших стандартов, которые израильтяне с помощью американского оружия демонстрируют вот уже много лет[426]. Удары по учреждениям ООН, где находят приют беженцы, являются еще одним израильским «коньком». В качестве примера можно привести печально известный инцидент с израильской бомбардировкой объекта, однозначно определенного как лагерь беженцев ООН в Кане, во время проведения Шимоном Пересом в 1996 году кровавой кампании под названием «Гроздья гнева». В результате трагедии погибли 106 гражданских лиц (ливанцев), в том числе 52 ребенка[427].

Израиль конечно же в применении подобной практики не одинок. За двадцать лет до описываемых событий самолеты Южной Африки проникли в глубь воздушного пространства Анголы и совершили налет на лагерь беженцев в Кассинге, контролируемый силами намибийского сопротивления СВАПО (Организация народов Юго-Западной Африки)[428].

Израильские официальные лица превозносят до небес перед человечеством свою армию, которая доходит даже до того, что любезно сообщает жителям о бомбардировке их домов. Подобная практика представляет собой «садизм, лицемерно маскируемый под милосердие», как сказал израильский журналист Амира Хасс, говоря о «транслируемом сообщении, предписывающем сотням тысяч покинуть свои дома, уже ставшие мишенью, и перебраться в другое, не менее опасное место в “в каких-то” десяти километрах в стороне»[429]. По сути, в этой тюрьме нельзя найти места, чтобы укрыться от израильского садизма.

Некоторым трудно извлечь пользу от такой заботливости Израиля. Однажды Католическая церковь Газы в своем обращении привела слова священника, рассказавшего о бедах обитателей Дома Христа, приюта для детей-инвалидов. Когда Израиль обозначил окрестную территорию своей целью, их перевели в Церковь Святой семьи, однако вскоре после этого он написал, что церковь Газы получила приказ об эвакуации. «Они будут бомбить район Зейтун, и люди уже бегут. Проблема в том, что на попечении священника, брата Георга, и трех монахинь из конгрегации Матери Терезы находятся 29 детей-инвалидов и 9 пожилых женщин, которые не могут самостоятельно двигаться. Как они смогут уйти? Если кто-нибудь может вступиться за нас перед властью или помолиться, вступайтесь и молитесь»[430].

В действительности это было бы нетрудно. Израиль уже получил наставления после инцидента с Реабилитационным центром Аль-Вафа. И несколько государств, к счастью, действительно попытались вступиться в меру своих сил. Бразилия, Чили, Сальвадор и Перу отозвали из Израиля своих послов, последовав курсом, проложенным Боливией и Венесуэлой, разорвавшими с этим государством дипломатические отношения за совершенные ранее преступления[431]. Эти принципиальные действия стали еще одним свидетельством примечательных перемен в мировых отношениях, как и того, что

Латинская Америка начинается освобождаться от доминирования Запада, порой демонстрируя модель цивилизованного поведения тем, кто в течение пяти веков ее контролировал.

У Самого Нравственного Президента в мире эти ужасные откровения вызвали совсем другую реакцию, для него весьма типичную: огромную симпатию к израильтянам, резкое осуждение ХАМАС и призывы к сдержанности с обеих сторон. В ходе своей августовской пресс-конференции президент Обама высказал озабоченность тем, что «палестинцы попали под перекрестный огонь» (где?), но при этом решительно выступил в поддержку права Израиля защищать себя, «которое есть у всех». Хотя нет, его конечно же нет у палестинцев. Они не имеют права себя защищать, и уж тем более, когда Израиль ведет себя так хорошо, придерживаясь норм политики «покой за покой»: воруя их земли, вышвыривая из домов, подвергая бесчеловечной блокаде и регулярно нанося удары с помощью оружия, поставляемого ему главным покровителем.

Палестинцы, как и чернокожие африканцы – например, намибийские беженцы из лагеря Кассинги, – сплошь террористы, и для них такого понятия, как «право на защиту», попросту не существует.

Гуманитарное прекращение огня продолжительностью в 72 часа должно было вступить в силу 1 августа ровно в 8 часов утра. И почти тут же было нарушено. Согласно пресс-релизу расположенного в Газе Центра по правам человека Аль-Мизан, пользующегося надежной репутацией за достоверность поставляемой информации, один из его полевых наблюдателей на юге, в приграничном египетском городе Рафах, слышал, что в 8:05 израильская артиллерия открыла огонь. К 9:30, после сообщений о захвате израильского солдата, Рафах подвергся массированному артобстрелу и атакам с воздуха, в результате чего были убиты несколько десятков и ранены сотни человек, возвращавшихся домой после того, как прекращение огня вступило в силу, – уточнить эти цифры оказалось невозможным.

За день до этого, 31 июля, предприятие коммунального водоснабжения прибрежных муниципалитетов, единственный поставщик питьевой воды в Секторе Газа, объявило о невозможности дальнейшего предоставления услуг по водоснабжению и канализации из-за отсутствия топлива и постоянных нападений на персонал. Сразу

после этого Центр по правам человека Аль-Мизан сообщил, что «почти все первичные медицинские учреждения в Секторе Газа прекратили свою работу по причине отсутствия водоснабжения, накопления большого количества мусора и невозможности соблюдения правил безопасности. БАПОР тоже сразу предупредило о риске распространения заболеваний на фоне отсутствия воды и канализации»[432]. Накануне перемирия выпущенные с израильских самолетов ракеты продолжали убивать и ранить свои жертвы по всему региону.

Каждый раз, когда очередной эпизод садизма наконец прекращается, Израиль пестует надежду, что его не станут преследовать за преступную политику на оккупированных территориях, осуществляемую им без всяких помех. Жители Газы теперь могут вернуться к «нормальной» жизни в управляемой Израилем тюрьме, мирно наблюдая за тем, как на Западном берегу тот демонтирует остатки объектов, когда-то принадлежавших им.

Вот каким, вероятно, будет оставаться результат, если Соединенные Штаты, практически в одностороннем порядке, будут и далее поддерживать Израиль в его преступлениях, отказываясь от достижения международного консенсуса дипломатическим путем, необходимость в котором назрела уже давно. Однако откажись США от такой поддержки, мир в будущем стал бы совсем другой. В этом случае было бы возможным движение к «прочному решению» по Газе, к которому призывал госсекретарь Джон Керри. В Израиле его слова вызывали волну истеричного порицания, ведь эту фразу можно трактовать как призыв к окончанию израильской блокады и постоянных ударов или даже – кошмар, который и во сне не приснится, – как призыв к применению международного права на остальной части оккупированных территорий.

Нет, соблюдение Израилем международных законов не ослабит его безопасность, скорее всего, даже укрепит ее. Но как объяснял сорок лет назад израильский генерал (а потом и президент) Эзер Вейцман, Израиль в этом случае «не смог бы поддерживать уровень развития, качество жизни и стандарты, которые сегодня собой воплощает»[433].

В современной истории известны и другие аналогичные случаи. Индонезийские генералы клялись никогда не бросить территорию,

которую министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс назвал «индонезийской провинцией Восточный Тимор», заключая сделку, позволяющую воровать в этом самом Восточном Тиморе нефть. И пока правящие генералы пользовались поддержкой США, десятилетиями практикуя геноцид и убийства, их цели были вполне реалистичны. Наконец, в сентябре 1999 года, уступая значительному давлению как внутри страны, так и за рубежом, президент Клинтон спокойно проинформировал их, что игра закончена, и они тут же ушли из Восточного Тимора, а Эванс переквалифицировался в хваленого поборника «ответственности защитить», причем ответственности, позволяющей Западу, конечно же по своему усмотрению, прибегать к насилию[434].

Еще одним значимым примером является Южная Африка. В 1958 году ее министр иностранных дел проинформировал американского посла о том, что, хотя его страна в мировом сообществе становится изгоем, это не будет иметь никакого значения до тех пор, пока ей оказывает поддержку Вашингтон. Его мнение оказалось абсолютно верным – Рональд Рейган стал последним важным игроком на международной арене, отказавшимся поддерживать режим апартеида, и как только Вашингтон присоединился к остальному миру, режим рухнул, хотя конечно же для этого были и другие причины – например, одним из ключевых факторов стала значительная роль Кубы в освобождении Африки, роль, которую игнорируют на Западе, но никак не на самом Черном континенте[435].

Сорок лет назад Израиль принял роковое решение и выбрал экспансию в ущерб безопасности, отвергнув мирный договор, предложенный Египтом в обмен на уход с оккупированной египетской части Синайского полуострова, где израильтяне приступили к реализации масштабных проектов по строительству поселений. И с тех пор придерживается этой политики, рассуждая в основном примерно так же, как в 1958 году рассуждала Южная Африка.

В случае с Израилем, если бы Соединенные Штаты решили присоединиться к остальному миру, результат был бы намного значимее. Соотношение могущества двух стран не допускает ничего другого, как не раз демонстрировал Вашингтон, когда всерьез требовал от Израиля отказаться от очередной, милой его сердцу цели. На сегодняшний день у Израиля особо нет выхода, ведь он и далее

следует политике, превратившей его из страны, вызывавшей восторг у всего мира, в презираемое государство, которого все боятся, – этого курса он придерживается в слепой решимости, твердой поступью шагая по пути морального разложения и возможного краха в конце.

Могут США изменить свою политику? Ничего невозможного в этом нет. В последние годы общественное мнение, особенно в среде молодежи, претерпело значительные изменения, и полностью игнорировать его больше нельзя. В течение ряда лет наблюдается прочная основа для того, чтобы общество потребовало от Вашингтона соблюдения его же собственных законов. Американский закон провозглашает недопустимость «помощи, оказываемой из соображений безопасности, любой стране, правительство которой вовлечено в стойкую череду серьезного нарушения прав человека, признаваемых всем миром». Израиль как раз и повинен в такого рода «стойкой череде». Именно поэтому гуманитарная организация *Amnesty International* в ходе проведения операции «Литой свинец» призывала ввести эмбарго на поставки оружия не только ХАМАС, но и Израилю[436].

Сенатор Патрик Лихи, автор этой поправки к закону, поднял вопрос о потенциальном применении данной нормы в отдельных случаях к Израилю, поэтому, если направить усилия организаций и активистов в нужное русло, подобные инициативы могли бы получить успешное развитие[437]. Само по себе это могло бы оказать очень существенное влияние и одновременно обеспечить трамплин для дальнейших действий с тем, чтобы не только наказать Израиль за преступное поведение, но также принудить Вашингтон стать частью «международного сообщества», соблюдать международные законы, исповедовать достойные моральные принципы.

Для несчастных палестинских жертв, годами терпящих насилие и репрессии, ничего более значимого быть просто не может.

15. Сколько минут до полуночи?

Какие-нибудь инопланетяне, возьмись они составлять историю *Homo Sapiens*, по всей видимости, разбили бы ее на две эпохи: ЭДЯР (эпоху до ядерного оружия) и ЭЯР (эпоху ядерного оружия). Вторая, понятно, началась 6 августа 1945 года. С этого дня ведется обратный отсчет времени для этого странного вида, достигшего достаточного уровня умственного развития, чтобы изобрести средство

самоуничтожения, но – как вполне очевидно предполагает действительность – не достигшего ни моральной, ни интеллектуальной зрелости, чтобы контролировать свои самые пагубные инстинкты.

Первый день эпохи ядерного оружия ознаменовался успехом «Малыша», простенькой атомной бомбы. На четвертый Нагасаки испытала на себе триумф «Толстяка», изделия более сложного и замысловатого. А еще пять дней спустя наступило то, что в официальной истории военно-воздушных сил получило название «грандиозного финала»: налет тысячи американских самолетов – неслабое логистическое достижение – на японские города, в результате которого погибли десятки тысяч человек. Вместе с бомбами с неба сыпались листовки с надписями: «Япония сдалась». Президент Трумен объявил о капитуляции еще до того, как последний «Б-29» вернулся на базу[438].

Вот какими чудесными были первые дни ЭЯР. А поскольку сейчас время перевалило за седьмой десяток, нам должно с изумлением наблюдать тот факт, что человечество все еще живо. И гадать, сколько же еще осталось.

Некоторые мысли по поводу этих мрачных перспектив высказал генерал Ли Батлер, бывший глава Стратегического командования Вооруженных сил США (*STRATCOM*), контролирующего ядерное оружие и стратегию его применения. Двадцать лет назад Батлер написал, что «мы выжили в эпоху ядерного оружия благодаря сочетанию нескольких факторов – умения, удачи и Божественного вмешательства, – причем я подозреваю, что в большей степени благодаря последнему»[439]. Рассуждая дальше о своей карьере, посвященной разработке стратегии ядерного оружия и формированию войск для его эффективного применения, он с сожалением назвал себя «одним из самых ярых сторонников веры в ядерное оружие». Но потом, по его словам, он пришел к осознанию, что теперь его «долг заявить со всей убежденностью, на которую я только способен, что оно сослужило нам чрезвычайно плохую службу». «По какому праву сменяющие друг друга поколения лидеров ядерных держав узурпируют полномочия диктовать свои правила для продолжения жизни на планете? – спрашивает Ли Батлер. – И, что еще важнее, почему столь бесподобная дерзость упорно наблюдается в тот самый

момент, когда мы должны дрожать перед лицом собственного безумия и объединяться в приверженности уничтожить самые убийственные ее проявления?»[440]

Американский стратегический план 1960 года, призывавший к автоматическому массированному удару по коммунистическому блоку, генерал назвал «единственным в своем роде, самым абсурдным и безответственным документом, который я когда-либо в жизни читал»[441]. Его советский аналог, по всей видимости, отличался еще большим безумием. Но здесь важно иметь в виду, что в мире существуют соперники, для которых далеко не последнее дело – спокойно понять всю серьезность угрозы существованию человека, существующей на сегодняшний день. **Выживание на раннем этапе «холодной войны»**

В соответствии с доктриной, общепринятой в научной среде и в интеллектуальном дискурсе, первейшей целью политики государства является «национальная безопасность». Однако существует масса свидетельств того, что доктрина национальной безопасности отнюдь не включает в себя безопасность населения. Например, документы свидетельствуют, что угроза практически мгновенного разрушения с помощью ядерного оружия занимает далеко не самое первое место в иерархии опасений составителей подобных планов. Это не раз демонстрировало прошлое, и на данный момент проблема тоже не потеряла свою актуальность.

На начальном этапе эпохи ядерного оружия США обладали непомерным могуществом и могли похвастаться невиданной безопасностью: они контролировало полушарие, а также Атлантический и Тихий океаны, включая противоположные побережья. Задолго до Второй мировой войны США, по всеобщему признанию, стали богатейшей страной мира и пользовались несравнимыми преимуществами. Американская экономика во время войны добилась процветания, в то время как другие индустриальные державы были разорены или – в лучшем случае – серьезно ослаблены. К началу новой эры на долю Соединенных Штатов приходилось около половины всех мировых богатств, а процент производительных мощностей был еще выше.

Но существовала и потенциальная угроза: межконтинентальные баллистические ракеты с ядерными боеголовками. Эта угроза

обсуждалась в рамках стандартного изучения ядерной политики с использованием данных из самых высокопоставленных источников в книге «Опасность и выживание: выбор во всем, что касается бомб, в первые пятьдесят лет», написанной МакДжорджем Банди, советником по национальной безопасности при президентах Кеннеди и Джонсоне[442].

Банди писал, что «своевременное создание баллистических ракет во времена администрации Эйзенхауэра является одним из величайших достижений этих восьми лет. Однако для начала неплохо признать, что безопасность и Соединенных Штатов, и Советского Союза была бы куда выше, если бы эти ракеты вообще никогда не разрабатывались». После чего он добавляет весьма поучительный комментарий: «Я в курсе несерьезных предложений, выдвигаемых и принимаемых к рассмотрению правительствами обоих государств и предусматривающих запрет баллистических ракет на основе взаимного соглашения»[443]. Короче говоря, предупредить единственную для Соединенных Штатов угрозу – угрозу полного разрушения в ядерной войне с Советским Союзом – ни у кого и в мыслях не было.

Была ли возможность вернуться к обсуждению этой угрозы? Полной уверенности у нас, разумеется, быть не может, но предположить что-то подобное все-таки трудно. Русских, отставших в промышленном развитии и создании передовых технологий, окружала куда более враждебная среда. Как следствие, по сравнению с Соединенными Штатами они были уязвимее для новейших систем вооружений. Требовались предпосылки для того, чтобы рассмотреть саму возможность разоружения, однако на волне немыслимой истерии того периода эти предпосылки никто бы даже не увидел. А истерия действительно выходила за все мыслимые пределы: риторика ключевых документов того периода, например таких, как «Задачи и программы национальной безопасности США» (NSC-68), и сегодня может шокировать кого угодно. Одним из симптомов, очевидно указывавших, что эту угрозу можно значительно снизить, было поразительное предложение, выдвинутое в 1952 году советским лидером Иосифом Сталиным: позволить Германии объединиться на основе свободных выборов, при том, однако, условии, что она не станет членом какого-либо альянса, враждебного СССР. В свете

истории первой половины минувшего столетия, когда Германия в одиночку практически дважды разрушала Россию, каждый раз взимая страшную дань, это условие вряд ли было таким уж чрезмерным.

Предложение Сталина в те времена воспринял всерьез лишь уважаемый политический комментатор Джеймс Варбург, остальные либо не обратили на него внимания, либо и вовсе подвергли осмеянию. Современная научная мысль стала придерживаться другого взгляда. Советолог Адам Улам, выступавший с позиций ярого антикоммунизма, придал предложению Сталина статус «неразгаданной тайны». Вашингтон «потратил совсем немного усилий, отвергнув инициативу Москвы, – писал он, – сославшись на неубедительные причины, не вызывающие ничего, кроме смущения». Затем Улам добавил, что на фоне политического, научного и общего интеллектуального провала остался открытым «основополагающий вопрос» о том, «был ли Сталин действительно готов пожертвовать недавно созданной Германской Демократической Республикой (ГДР), бросив ее на алтарь подлинной демократии», что могло бы повлечь за собой огромные последствия для мира во всем мире и безопасности США»[444].

Просматривая результаты недавних поисков в советских архивах, Мелвин Леффлер, один из самых уважаемых специалистов по «холодной войне», заметил, что многие ученые пришли в удивление, обнаружив, что «[Лаврентий] Берия – зловещий, бесчеловечный глава [русской] тайной полиции – рекомендовал Кремлю предложить Западу сделку по объединению Германии и приданию ей нейтрального статуса». Тем самым Берия соглашался «принести коммунистический режим Восточной Германии в жертву, чтобы снизить напряженность между Западом и Востоком», а заодно улучшить политические и экономические условия внутри самой России. Однако этими возможностями пренебрегли ради участия Германии в НАТО[445].

В тех обстоятельствах вполне можно было прийти к соглашению, которое защитило бы безопасность жителей Америки от величайшей угрозы из всех, что маячат на горизонте. Однако такую возможность не приняли во внимание – это является поразительным признаком того, сколь незначительную роль в государственной политике играет подлинная безопасность.

Кубинский ракетный кризис и последующий период

В последующие годы этот результат во весь голос заявлял о себе не один раз. Никита Хрущев, пришедший к власти в России после смерти Сталина, сразу признал, что СССР не мог в военном отношении тягаться с Соединенными Штатами, самой богатой и могущественной страной в истории человечества. Для преодоления экономической отсталости и разрушительных последствий Второй мировой войны Советскому Союзу в обязательном порядке надо было прекратить гонку вооружений.

Как следствие, Хрущев предложил взаимное резкое сокращение наступательных видов вооружений. Администрация Кеннеди рассмотрела предложение советского лидера и отвергла его, приступив к наращиванию темпов военного развития, хотя Америка в этом отношении и без того вырвалась далеко вперед. Ныне покойный Кеннет Уолтц, поддерживаемый и другими стратегическими аналитиками, тесно связанными с разведкой США, в тот период писал, что администрация Кеннеди «приступила к величайшему наращиванию стратегических и обычных вооруженных сил, какое когда-либо видел мир… несмотря на то что Хрущев в это время пытался добиться значительного сокращения обычных вооруженных сил, придерживаясь стратегии минимального устрашения, но мы все же поступили именно так, хотя баланс стратегических сил в значительной степени был в пользу Соединенных Штатов». Правительство, опять же, решило расширить мощь государства в ущерб национальной безопасности.

Советской реакцией на расширение американской военной мощи в те годы стало принятое в октябре 1962 года решение разместить на Кубе ядерные ракеты, чтобы хоть как-то восстановить баланс сил. В определенной степени этот ход мотивировала и террористическая кампания Кеннеди против Кубы Фиделя Кастро. На повестке дня стояло вторжение на остров в том же октябре, о чем Россия и Куба вполне могли знать. Последующий ракетный кризис стал «самым опасным моментом в истории», если воспользоваться выражением историка Артура Шлезингера, советника и доверенного лица Кеннеди.

Совсем немаловажным является тот факт, что Кеннеди высоко ценят за холодное бесстрашие и искусство политика, которые он проявил в ходе принятия решений на пике кризиса, хотя при этом без особой нужды подверг население страны огромному риску в

интересах государства и ради собственного имиджа. Десять лет спустя, в последние дни арабо-израильской войны 1973 года, Генри Киссинджер, в те времена советник президента Никсона по безопасности, объявил боевую готовность ядерного оружия, преследуя цель предупредить русских не вмешиваться в хитроумные дипломатические маневры США, направленные на то, чтобы гарантировать Израилю победу (причем победу ограниченную, чтобы Соединенные Штаты и дальше оставались единовластным хозяином региона). А маневры действительно были хитроумные: Соединенные Штаты и Россия добились прекращения огня, однако Киссинджер тайком проинформировал израильтян, что перемирие можно и не соблюдать. Отсюда и приведение ядерного оружия в полную боеготовность, чтобы отпугнуть русских. Безопасность американцев и в эти дни сохраняла свой обычный статус[446].

Через десять лет администрация Рейгана провела ряд операций, чтобы прощупать средства противовоздушной обороны русских, объявив высокий уровень готовности ядерного оружия и осуществив серию мнимых ударов с моря и с воздуха, чтобы противник их засек. Все эти действия были предприняты в очень напряженный момент: Вашингтон как раз разворачивал в Европе стратегические ракеты «Першинг II», подлетное время которых до Москвы составляло десять минут. Кроме того, президент Рейган выступил со Стратегической оборонной инициативой (известна как программа «Звездных войн»), которую русские посчитали крайне опасной для них. Возникали и другие очаги напряженности.

Россия, в отличие от Соединенных Штатов, была очень уязвима и не раз подвергалась внешней агрессии, поэтому превентивный ядерный удар с ее стороны отнюдь не был мифом.

Открытые недавно архивы демонстрируют, что опасность была даже больше, чем раньше предполагали историки. Из проведенного американской разведкой на высоком уровне исследования, результаты которого были опубликованы в научном труде под названием «Одна из загадок “холодной войны”: 1983 год – угроза войны с Советами», следует, что разведывательные органы США, вероятно, недооценили озабоченность России и угрозу превентивного ядерного удара с ее стороны. Если верить отчету, опубликованному в *Journal of Strategic*

Studies, все эти маневры стали «почти что прелюдией к превентивному удару»[447].

Когда 26 сентября 1983 года система раннего предупреждения Советского Союза сообщила о запуске нескольких межконтинентальных баллистических ракет с баз в Соединенных Штатах, мир висел на волоске: советский военный протокол предписывал нанести в ответ ядерный удар. К счастью, дежурный офицер Станислав Петров идентифицировал предупреждение о ракетном нападении как ложную тревогу и решил не сообщать о нем вышестоящему начальству, за что впоследствии получил выговор по службе. И только благодаря его халатному отношению к долгу мы все еще живы и можем об этом говорить[448].

Для ответственных лиц в администрации Рейгана безопасность населения была не более высоким приоритетом, чем для их предшественников. Так продолжается и по сей день: все стараются не замечать многочисленные ядерные инциденты, нередко ставящие нас на грань катастрофы, о многих из которых в своей пугающей работе «Командуй и контролируй» говорит Эрик Шлоссер[449]. Иными словами, опровергать выводы генерала Батлера очень и очень сложно.

Выживание в период по окончании «холодной войны»

Документы доктрин и военных демаршей периода по окончании «холодной войны» вряд ли могут принести успокоение. Каждый уважающий себя президент просто обязан иметь собственную доктрину. Доктрина Клинтона содержала в себе слоган «Много сторон, когда можем, и одна, когда должны». По признанию Конгресса, фраза «когда должны» имеет более полное объяснение: Соединенным Штатам даровано право прибегать к «использованию военной силы в одностороннем порядке для обеспечения доступа к ключевым рынкам, поставкам энергоносителей и стратегическим ресурсам»[450].

В эпоху правления Клинтона Стратегическое командование провело важное исследование, получившее название «Основы стратегии устрашения в период после “холодной войны”». Оно вышло уже после того, как Клинтон расширил инициированную Джорджем Бушем-старшим программу расширения на восток в нарушение словесных обещаний, данных советскому премьеру Михаилу Горбачеву, отголоски чего ощущаются и сейчас[451]. Предметом исследования стала «роль ядерного оружия после “холодной войны”».

Главный вывод сводится к тому, что Соединенные Штаты и дальше должны сохранять за собой право нанести первый удар, причем даже против безъядерных государств. Более того, ядерное оружие всегда надо держать наготове, потому что оно «отбрасывает тень на любой кризис или конфликт». Другими словами, его надо постоянно использовать, точно так же, как человек пользуется пистолетом, когда целится, но не стреляет из него во время ограбления магазина (момент, который постоянно подчеркивает Дэниел Эллсберг). Стратегическое командование пошло дальше и выступило с рекомендацией, в соответствии с которой «составители планов не должны проявлять чрезмерно рационалистичный подход при определении… того, что у противника самое ценное». Возможной целью может стать что угодно. «Обидно представлять себя слишком рациональными и хладнокровными… То, что США могут перестать мыслить рационально и отомстить, если будет нанесен ущерб их жизненно важным интересам, должно стать частью национального имиджа, который мы создаем». Это «выгодно [для нашего стратегического подхода], если нам в потенциале покажется, что некоторые факторы вышли “из-под контроля”». Но ведь таким образом создается постоянная угроза применения ядерного оружия, что представляет собой серьезное нарушение Хартии ООН, если до нее конечно же кому-то есть дело.

Что-то не особо это вяжется с постоянно провозглашаемыми благородными целями – или, если уж на то пошло, с взятыми на себя в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия обязательствами прилагать «добросовестные» усилия, дабы избавить Землю от смертоносного бича.

Эта позиция скорее перекликается с перефразом известного куплета Хилэра Беллока о пулемете «Максим» (если воспользоваться словами великого африканского историка Чинвейзу):

Что бы ни случилось, у нас есть

Атомная бомба, а у них нет.

После Клинтона пришел Джордж Буш-младший с его горячей поддержкой превентивной войны, которая без труда оправдывает японские налеты на американские военные базы в двух заморских владениях США в декабре 1941 года – в период, когда японские милитаристы были прекрасно осведомлены, что «летающие крепости» B-17 в спешном порядке перебрасывались на эти базы прямо с заводских конвейеров с намерением «выжечь дотла промышленное сердце Империи посредством ударов с применением зажигательных бомб по набитым битком бамбуковым муравейникам на островах Хонсю и Кюсю». Именно так описывал довоенные планы их архитектор, генерал ВВС Клэр Шеннолт, при горячей поддержке президента Франклина Рузвельта, государственного секретаря Корделла Халла и начальника Генштаба Вооруженных сил Джорджа Маршалла[452].

Потом Буша-младшего сменил Барак Обама, произносивший приятные слова о работе над запретом ядерного оружия, но уже тогда вынашивавший планы потратить в ближайшие тридцать лет один триллион долларов на американский ядерный арсенал и довести военный бюджет до уровня, «сравнимого с расходами на приобретение новых стратегических систем в конце 1980-х годов, во времена правления президента Рональда Рейгана» (по данным анализа, проведенного Центром исследований Джеймса Мартина в области нераспространения при Монтерейском институте международных исследований[453]).

Обама без колебаний играл с огнем ради политических дивидендов. Взять хотя бы поимку и убийство «морскими котиками» Усамы бен Ладена. Обама с гордостью сообщил об этом, выступая с речью по вопросам национальной безопасности в мае 2013 года. Об этой речи много говорилось в СМИ, однако журналисты умудрились обойти один из ее жизненно важных моментов[454].

Обама приветствовал операцию, однако при этом добавил, что подобное не может быть нормой. Причина в том, что риск, по его словам, «был огромен». «Котики» могли «вступить в ожесточенную перестрелку». Но даже если ничего подобного по счастливой случайности не произошло, «мы дорого заплатили за это отношениями с Пакистаном и реакцией пакистанского общества на агрессивные действия на их территории…».

Позвольте и нам добавить несколько деталей. «Котики» получили приказ в случае обнаружения пробиваться обратно силой. Если бы им пришлось «вступить в ожесточенную перестрелку», они бы не остались брошенными на произвол судьбы – наготове была вся машина американской армии. Пакистан обладает мощными вооруженными силами, всемерно защищающими государственный суверенитет. У него также есть ядерное оружие, а пакистанских специалистов тревожит возможность проникновения в систему ядерной безопасности страны джихадистских элементов. Кроме того, не секрет, что население страны раздражается и радикализуется на фоне развязанной Вашингтоном террористической кампании с использованием дронов, равно как и ряда других факторов.

Когда «котики» были еще в лагере бен Ладена, начальник Штаба пакистанской армии Ашфак Парвез Кайани, узнав о рейде спецназа, приказал военным «давать отпор любым неопознанным самолетам», которые, как он предполагал, будут лететь со стороны Индии. Тем временем в Кабуле американский военачальник генерал Дэвид Петреус отдал «военным самолетам приказ отвечать», если пакистанцы «поднимут в воздух свои истребители»[455].

Как сказал Обама, по счастливой случайности худшего не произошло, хотя ситуация могла обернуться очень и очень скверно. Но его администрация пошла на риск без видимой озабоченности. И без последующих комментариев.

Как заметил генерал Батлер, то, что мы до сегодняшнего дня избежали гибели, чистой воды чудо, но чем дольше искушать судьбу, тем меньше надежда на то, что Бог и впредь будет вмешиваться, чтобы это чудо продолжалось.

16. Прекращение огня, нарушения которого никогда не прекратятся

Двадцать шестого августа 2014 года Израиль и Палестинская национальная администрация (ПНА) достигли соглашения о прекращении огня – после продолжавшихся пятьдесят дней ударов Израиля по Газе, итогом которых стали 2100 погибших палестинцев и обширные территории разрушения. Соглашение призывало к прекращению военных действий со стороны как Израиля, так и ХАМАС, а также к облегчению режима израильской блокады, которая вот уже много лет душит Газу.

Однако это лишь последнее из целой серии договоренностей о прекращении огня, которые заключаются каждый раз после очередной эскалации Израилем своих непрекращающихся ударов по Газе. Все это время условия соглашений (в основном) не претерпевают никаких изменений. Для Израиля стало привычной схемой не соблюдать никаких действующих соглашений, в то время как ХАМАС их соблюдает – до тех пор пока Израиль не наращивает агрессию, вызывая реакцию со стороны этого движения, на которую Израиль отвечает с еще большей жестокостью. Подобные эскалации напряженности израильтяне в просторечии нередко называют «выкашиванием газона», хотя операцию, проведенную Израилем в 2014 году, один повергнутый в ужас высокопоставленный американский офицер для большей точности назвал «снятием верхнего слоя почвы».

Первым из череды подобных перемирий стало Соглашение о режиме передвижения и доступа, заключенное между Израилем и Палестинской национальной администрацией в ноябре 2005 года. Оно призывало к открытию границы между Газой и Египтом в районе города Рафах для экспорта товаров и перемещения людей; созданию действующего на постоянной основе перехода между Израилем и Газой для экспорта и импорта товаров и перемещения людей; снятию барьеров для перемещения между Газой и Западным берегом реки Иордан; строительству в Газе морского порта и восстановлению аэропорта, который Израиль сравнял с землей.

Договор был подписан вскоре после того, как Израиль вывел из Газы своих поселенцев и войска. Мотив этого вывода с захватывающим цинизмом объяснил Дов Вайсгласс, доверенное лицо тогдашнего премьер-министра Ариэля Шарона, который в те времена отвечал за переговоры и воплощение их результатов в жизнь. Обобщая цель всей этой операции, Вайсгласс сказал, что «отказ Израиля от военнополитического доминирования в регионе на самом деле представляет собой формальдегид; он несет количество формальдегида, необходимое для того, чтобы с палестинцами не было никакого политического процесса»[456].

На этом фоне израильские ястребы признали, что вместо того чтобы тратить существенные ресурсы на поддержание нескольких тысяч поселенцев в нелегальных субсидируемых общинах в

разоренной Газе, их лучше переселить в нелегальные субсидируемые общины на Западном берегу реки Иордан, которые Израиль решил оставить себе.

Отказ Израиля от военно-политического доминирования в регионе был представлен в качестве благородных усилий по поддержанию мира, хотя в действительности дело обстоит совсем иначе. Он никогда не отказывался от контроля над Газой и, в силу этого, признан страной-оккупантом Организацией Объединенных Наций, Соединенными Штатами и другими странами (за исключением, разумеется, самого Израиля). В своем объемистом труде по истории поселений на оккупированных территориях израильские ученые Идит Зерталь и Акива Эльдар описывают, что на самом деле произошло, когда эта страна «отказалась от военно-политического доминирования»: разоренную территорию «израильские военные ни на день не выпускали из рук, а население продолжало ежедневно платить дань оккупации». После своего «отказа» «Израиль оставил за собой выжженную землю, разрушенную инфраструктуру и людей без прошлого и будущего. Поселения были разрушены неблагородным поступком малограмотного жильца, который в действительности продолжает контролировать территорию, убивать и преследовать местных жителей средствами своей замечательной военной мощи»[457]. **Операции «литой свинец» и «облачный столп»**

Вскоре у Израиля появился предлог еще более жестоким образом нарушить заключенное в ноябре соглашение. В январе 2006 года палестинцы совершили серьезное преступление. В ходе выборов, осуществляемых под самым пристальным наблюдением, они проголосовали «не так», как было надо, в итоге парламент оказался в руках ХАМАС. Израиль и Соединенные Штаты тут же ввели суровые санкции, совершенно недвусмысленно дав миру понять, какой смысл они вкладывают в такое понятие, как «продвижение демократии», а некоторое время спустя стали планировать военный удар с целью свергнуть законно избранное, но неприемлемое для них правительство – дело самое обычное.

Когда ХАМАС в 2007 году предвосхитил готовившееся нападение, режим блокады Газы ужесточился еще больше, а Израиль стал регулярно наносить военные удары. Проголосовать «не так» в ходе свободных выборов само по себе было уже довольно плохо, но

вот предвосхитить планируемое США наступление и вовсе оказалось непростительным оскорблением.

В июне 2008 года стороны заключили новое соглашение о прекращении огня. Оно тоже призывало приоткрыть границы, чтобы «обеспечить обращение товаров, ограниченных или запрещенных для поставок в Газу». Израиль формально согласился, но тут же заявил, что не будет его придерживаться до тех пор, пока ХАМАС не отпустит плененного им солдата Гилада Шалита.

У Израиля есть собственная долгая история похищения гражданских лиц в Ливане и в международных водах. Бросать мирных жителей в тюрьму по сомнительным обвинениям, а то и вовсе без таковых, часто в качестве заложников, – это стало обычной практикой террористического израильского «контроля».

Израиль не только продолжил блокаду в нарушение заключенного в 2008 году соглашения о прекращении огня, но и крайне ужесточил ее режим, даже не дав пополнять запасы Ближневосточному агентству ООН для помощи палестинским беженцам (это агентство заботится об огромном количестве официальных беженцев в Газе)[458]. Четвертого ноября, когда все средства массовой информации сосредоточили свое внимание на выборах в США, израильские войска вошли в Газу и убили полдюжины бойцов ХАМАС. Что спровоцировало ответную ракетную атаку со стороны ХАМАС. Дальше на опробованному сценарию – обмен ударами. Все погибшие были палестинцами. В конце декабря ХАМАС предложил возобновить режим прекращения огня. Израиль рассмотрел эту инициативу, но отверг ее, вместо этого решив начать операцию «Литой свинец» – трехнедельное вторжение в Сектор Газа всей своей военной мощью; результатом вторжения стали злодеяния, в полном объеме задокументированные международными и израильскими организациями по защите прав человека.

Восьмого января 2009 года, когда операция «Литой свинец» была в самом разгаре, Совет Безопасности ООН единодушно одобрил резолюцию (США при этом воздержались), призывавшую к «немедленному прекращению огня с тем, чтобы добиться полного вывода израильских войск, беспрепятственных поставок в Газу продовольствия и топлива, доступа к медицинским услугам, а также наращивания международных усилий с целью воспрепятствовать контрабанде оружия и военного снаряжения»[459].

Новое соглашение о прекращении огня, напоминавшее все предыдущие, действительно было достигнуто, однако оно не соблюдалось и самым радикальным образом было нарушено очередным эпизодом по «выкашиванию газона» – операцией «Облачный столп» в ноябре 2012 года. Что происходило в промежутке, демонстрируют цифры потерь с января 2012 года до начала этой операции: под обстрелами со стороны Газы погиб один израильтянин, под огнем Израиля погибли семьдесят восемь палестинцев[460].

Первым актом операции «Облачный столб» стало убийство Ахмеда Джабари, высокопоставленного должностного лица военного крыла движения ХАМАС. Алуф Бенн, главный редактор ведущей израильской газеты *Ha'aretz,* называл Джабари израильским «субподрядчиком» в Газе, более пяти лет поддерживавшим в регионе относительный мир и спокойствие. Для этого убийства, как всегда, нашелся предлог, однако самую вероятную причину назвал активист движения за мир Гершон Баскин. Он в течение ряда лет напрямую принимал участие в переговорах с Джабари и сообщил, что за несколько часов до убийства тот «получил черновик соглашения о постоянном перемирии с Израилем, которое предусматривало механизмы поддержания режима прекращения огня в случае обострения отношений между Израилем и какими-либо группировками в Секторе Газа»[461].

Шаги Израиля, направленные на срыв дипломатического урегулирования, можно описывать очень и очень долго.

После «выкашивания газона» вновь было достигнуто соглашение о прекращении огня. Повторяя положения, ставшие уже стандартными, оно призывало к прекращению боевых действий с обеих сторон и снятию блокады Газы, предусматривающему «открытие Израилем границ с целью облегчения передвижения людей и перемещения продовольствия, обеспечения жителям свободы передвижений и прекращения обстрелов мирного населения в обоих регионах»[462].

Обзор того, что случилось потом, сделал Натан Тролл, ведущий аналитик Международной кризисной группы по Ближнему Востоку. Израильская разведка признала, что ХАМАС соблюдал условия соглашения о прекращении огня. «Как следствие, – писал Тролл, – Израиль считал нецелесообразным придерживаться его со своей

стороны. В течение трех месяцев после заключения соглашения о прекращении огня его армия неоднократно вторгалась в Газу, обстреливала с воздуха палестинских земледельцев и тех, кто собирал отходы и битый камень вдоль границы, открывала огонь по лодкам, в большинстве районов не давая рыбакам выйти в море». Иными словами, блокаду так и не сняли. «Пограничные переходы постоянно закрывались. Израиль восстановил так называемую «буферную» зону в Газе (включавшую в себя треть, а то и больше немногочисленных пахотных земель и недоступную для палестинцев). Импорт пошел на спад, экспорт и вовсе прекратился, все меньше палестинцев получали разрешение на въезд в Израиль и на Западный берег реки Иордан»[463].

Операция «Несокрушимая скала»

Такое положение дел сохранялось до апреля 2014 года, когда случилось одно важное событие. Две главнейшие палестинские группировки: базирующееся в Газе движение ХАМАС и Палестинская национальная администрация (ПНА) на Западном берегу реки Иордан, подписали соглашение о единстве. ХАМАС пошел на базовые уступки – в объединенном правительстве не было ни его членов, ни союзников. По большому счету, как отмечает Тролл, ХАМАС отдал руководство Газой Палестинской национальной администрации. ПНА направила в Сектор несколько тысяч представителей сил правопорядка, выставила у границ и пограничных переходов свою охрану, в то время как силы безопасности ХАМАС на Западном берегу реки Иордан ничего подобного делать не стали. Наконец, объединенное правительство приняло три условия, на которых долгое время настаивали Вашингтон и ЕС: отказ от насилия, следование заключенным ранее соглашениям и признание Израиля.

Израиль был в бешенстве. Его правительство сразу заявило, что откажется иметь дело с объединенным правительством, и вышло из переговорного процесса. Его ярость накалилась еще больше, когда Соединенные Штаты, вместе с большинством других государств мира, выразили поддержку единому правительству.

У Израиля есть веские причины препятствовать объединению палестинцев. Одна из них заключается в том, что конфликт между ХАМАС и ФАТХ дает ему повод отказываться от любых серьезных переговоров. Как можно договариваться с разделенным целым? Но еще важнее представляется тот факт, что Израиль больше двадцати лет

прилагал усилия для отделения Газы от Западного берега реки Иордан, в нарушение заключенных в Осло соглашений, провозглашающих Газу и Западный берег неделимой территориальной единицей. Логику такого поведения объясняет взгляд на карту: отделенные от Газы, любые палестинские анклавы на Западном берегу лишаются доступа к внешнему миру.

Кроме того, Израиль систематически устанавливает контроль над Иорданской долиной, изгоняя палестинцев, обустраивая поселения, копая колодцы и прилагая иные усилия с тем, чтобы этот регион – занимающий примерно треть Западного берега реки Иордан и включающий в себя значительную часть пахотных земель – в конечном счете отошел ему, равно как и другие, в которых он устанавливает свою власть. Следовательно, остающиеся районы проживания палестинцев окажутся в полной изоляции. Объединение с Газой нарушило бы эти планы, восходящие к начальному периоду оккупации и пользующиеся стойкой поддержкой ключевых политических блоков, в том числе и политиков, которых обычно принято представлять сторонниками мирного процесса, таких как бывший президент Шимон Перес, один из архитекторов активного строительства поселений на Западном берегу.

Как обычно, чтобы перейти к следующему витку эскалации напряженности, потребовался предлог. Такой случай представился после убийства трех израильских ребят из поселения на Западном берегу, за которым незамедлительно последовали затянувшиеся на восемнадцать дней активные боевые действия, главной целью которых стал ХАМАС. Второго сентября газета *Ha'aretz* сообщила, что в результате интенсивных допросов израильские органы безопасности пришли к выводу, что похищение и последующее убийство мальчиков «совершила независимая ячейка», не замеченная в прямых связях с ХАМАС[464]. К тому времени, с помощью восемнадцатидневных ударов, Израиль успешно подорвал соглашение о единстве, внушавшее ему такой страх.

ХАМАС ответил на это первым за восемнадцать месяцев ракетным ударом, дав Израилю повод для начала 8 июля операции «Несокрушимая скала». Эта агрессия, продолжавшаяся пятьдесят дней, стала самой безжалостной кампанией по «выкашиванию газона».

Операция, которой еще только предстоит придумать название

У Израиля сегодня отличные позиции для того, чтобы отказаться от проводимой десятилетиями политики по отделению Газы от Западного берега реки Иордан и впервые за всю историю начать соблюдать очередное соглашение о прекращении огня. Хотя бы какое-то время, пока угроза демократии в соседнем Египте пошла на спад, а безжалостный, диктаторский военный режим генерала Абдул-Фатта-ха Ал-Сиси выступает в роли желанного союзника Израиля в деле поддержания контроля над Газой.

Когда объединенное палестинское правительство разместит вышколенные американскими инструкторами силы Палестинской национальной администрации контролировать границы Газы и правление, вероятно, перейдет в руки ПНА, зависящей от Израиля финансово и в плане выживания вообще, Тель-Авив может решить, что ему нечего бояться ограниченных форм автономии оставшихся палестинских анклавов.

Высказывание премьер-министра Беньямина Нетаньяху о том, что «многие силы в регионе сегодня понимают, что в этой борьбе, когда они подвергают себя угрозе, Израиль им не враг, а партнер»[465], тоже содержит в себе некую истину. В то же время Акива Эльдар, ведущий израильский дипломатический корреспондент, добавляет, что «упомянутые “многие силы в регионе” понимают и то, что без соглашения по созданию Палестинского государства на основе границ 1967 года и беспристрастного, согласованного решения проблемы беженцев ни о каких мужественных дипломатических шагах нечего и думать». Ничего подобного в повестке дня Израиля не стоит, указывает он[466].

Некоторые хорошо осведомленные израильские комментаторы, в частности колумнист Денни Рубинштейн, полагают, что Израиль готов сменить политический курс и ослабить мертвую хватку, которая сейчас сжимает Газу.

Посмотрим.

События последних лет ничего такого не предполагают, и первые признаки нельзя назвать благоприятными. По окончании операции «Несокрушимая скала» Израиль объявил о захвате самой большой за тридцать лет территории на Западном берегу реки Иордан – почти тысячу акров. Израильское радио сообщило, что этот захват стал результатом убийства трех мальчиков «боевиками ХАМАС». В

расплату за это преступление был сожжен заживо палестинский мальчик, однако Израиль почему-то не передал палестинцам часть своей земли. Никакой реакции не последовало и после того, как израильский солдат выстрелил в десятилетнего Халиля Анати на тихой улице лагеря беженцев поблизости Хеврона, а затем увез в своем джипе, в результате чего мальчик истек кровью и умер[467].

Согласно статистике ООН, Анати стал одним из двадцати трех палестинцев (в том числе трех детей), убитых израильскими оккупационными силами на Западном берегу реки Иордан во время нападения на Газу. Ранения получили две тысячи человек, из них 38 в результате боевой стрельбы. «Ни один из убитых не представлял угрозы жизни израильских солдат», – писал израильский журналист Гидеон Леви[468]. Раз нет, значит, и реакции не было никакой, как ее не было и когда Израиль в последние четырнадцать лет убивал в неделю в среднем двух палестинских детей. В конце концов, они ведь не люди.

Как правило, со всех сторон звучат заявления о том, что если доктрина «двух государств для двух народов» мертва по причине захвата Израилем палестинских земель, в результате будет создано одно государство к западу от реки Иордан. Некоторые палестинцы подобный результат приветствуют, полагая, что в этом случае у них появится возможность начать борьбу за равные гражданские права, наподобие той, что велась в Южной Африке при режиме апартеида. При этом многие израильские комментаторы предупреждают, что неизбежная в подобной ситуации «демографическая проблема», обусловленная более высокими показателями рождаемости у арабов по сравнению с евреями, наряду со снижением иммиграции евреев в страну, подорвет надежду на «демократическое еврейское государство».

Однако подобные представления, получившие широкое распространение, вызывают сомнения. Реальная альтернатива подходу «два государства для двух народов» сводится к тому, что Израиль продолжит воплощать в жизнь планы, реализуемые им уже много лет, забирая себе все ценное, что есть на Западном берегу, препятствуя концентрации палестинского населения и изгоняя палестинцев с территорий, относимых им к своим. Это должно предотвратить «демографическую проблему», внушающую такие опасения.

Эта основополагающая политика реализуется с израильского вторжения в 1967 году, следуя принципу, провозглашенному тогдашним министром Моше Даяном, одним из израильских лидеров, больше всех симпатизировавших палестинцам. Он проинформировал коллег по партии, что палестинским беженцам на Западном берегу надо сказать: «Решения у нас нет, вы и дальше будете жить, как собаки, кому не нравится, может уезжать, а мы посмотрим, к чему этот процесс приведет»[469].

Это предложение выглядело вполне естественным в рамках концепции, сформулированной в 1972 году будущим президентом Хаимом Герцогом: «Я не отрицаю, что у палестинцев есть свой статус, свои мнения и воззрения по любым вопросам… Но при этом конечно же я не готов рассматривать их в качестве партнеров в любых отношениях на земле, дарованной нашей нации тысячи лет назад. Для евреев на этой земле не может быть партнеров». Даян также призывал к «постоянному правлению» *(memshelet keva)* Израиля на оккупированных территориях[470]. Поэтому Нетаньяху, выражая сегодня подобные воззрения, отнюдь не открывает Америку.

В течение столетия сионистская колонизация Палестины продолжалась, базируясь в основном на прагматичном принципе спокойной констатации фактов, с которыми миру приходилось мириться. Такая политика была в высшей степени эффективной. Есть все основания полагать, что так будет продолжаться и дальше, по крайней мере до тех пор, пока Соединенные Штаты будут оказывать Израилю необходимую военную, экономическую, дипломатическую и идеологическую поддержку. Тем же, кого заботят права палестинцев, подвергающихся столь жестокому обращению, не может быть высшего приоритета, чем усилия, направленные на изменение политики США, любыми средствами реализуя эту далеко не праздную мечту.

17. США – ведущее террористическое государство

Представим, что на первой полосе газеты «Правда» или какой-либо другой выходит отчет об осуществленных Кремлем террористических операциях КГБ, проведенных с целью установить факторы, которые обусловили либо успех, либо провал. Конечный вывод этого предполагаемого отчета: к сожалению, успех достигался редко, поэтому на повестке дня стоит определенный пересмотр политики. Предположим, что газета идет дальше и цитирует слова

Владимира Путина о том, что он попросил КГБ провести подробное исследование с целью выявления случаев, когда «финансирование и поставки оружия в ту или иную страну действительно были успешными, но получатели так и не смогли ничего толком сделать», поэтому он с прохладцей относится к продолжению подобной практики.

Если бы такая статья появилась, хотя представить что-то подобное очень и очень трудно, крик ярости и возмущения поднялся бы до небес и на Россию обрушился бы целый шквал порицания – если не хуже, – причем не только за порочные террористические операции, которые она открыто признала, но и за реакцию среди руководства страны и политического истеблишмента: полное отсутствие интереса, разве что в вопросе о том, насколько хорошо работает российский государственный терроризм и можно ли подобную практику как-то улучшить.

Представить, что подобный материал мог бы и в самом деле выйти, действительно сложно, если бы не факт, что это уже случилось – почти.

Четырнадцатого сентября 2014 года *New York Times* на своей первой полосе сообщила об исследовании ЦРУ, в ходе которого изучению подверглись основные террористические операции Белого дома по всему миру, с целью определить факторы успеха или провала, – ровно с теми выводами, о которых говорилось выше. Автор статьи приводит слова президента Обамы о том, что тот попросил ЦРУ провести исследование с целью выявления случаев, когда «финансирование и поставки оружия в той или иной стране действительно были успешными, но получатели так и не смогли ничего толком сделать». Поэтому он, Обама, с прохладцей относится к продолжению подобной практики[471].

За этим не последовало ни криков ярости, ни возмущения – вообще ничего.

Вывод представляется предельно ясным. В западной политической культуре считается вполне естественным и нормальным, что Лидер Свободного Мира может быть никем не контролируемым террористическим государством и может открыто заявлять о своих достижениях в сфере таких преступлений. Столь же естественным и нормальным считается, что лауреата Нобелевской премии мира,

либерала и специалиста по конституционному праву заботит только то, как еще эффективнее осуществлять такого рода операции.

При более близком рассмотрении эти выводы подтверждаются еще больше.

В начале статьи перечисляются американские операции «от Анголы и Никарагуа до Кубы». Позвольте нам восполнить некоторые пробелы, обратившись к революционной работе по изучению роли Кубы в освобождении Африки, проделанной Пьеро Глейхесесом, особенно в его последней книге «Видение свободы»[472].

В Анголе Соединенные Штаты присоединились к Южной Африке в оказании всемерной поддержки террористической армии УНИТА Жонаса Савимби. И продолжали в том же духе, даже когда Савимби потерпел сокрушительное поражение в ходе свободных выборов, проведенных под пристальным вниманием наблюдателей, а Южная Африка перестала содействовать этому «чудовищу, жажда власти которого обрекла его народ на страшную нищету», если прибегнуть к выражению британского посла в Анголе Маррака Гулдинга. Эту характеристику поддержал и резидент ЦРУ в соседней Киншасе. Представители ЦРУ предупредили, что поддерживать чудовище «плохая идея» – «из-за размаха преступлений Савимби, который вел себя на удивление бесчеловечно»[473].

Несмотря на масштабные, кровавые террористические операции, совершенные при поддержке США в Анголе, кубинские силы вытеснили южноафриканских агрессоров из страны, вынудили покинуть незаконно оккупированную Намибию и проложили путь к ангольским выборам, в результате которых Савимби после своего поражения «полностью опроверг мнение почти 800 международных наблюдателей о том, что волеизъявление… в целом, было свободным и честным», как сообщила *New York Times*, и продолжил свою террористическую войну при поддержке США[474].

Кубинские достижения в деле освобождения Африки под конец эпохи апартеида приветствовал Нельсон Мандела, когда его наконец выпустили из тюрьмы. В числе первых своих шагов, он заявил, что «во время всего моего тюремного заключения Куба неизменно была для меня вдохновителем, а Фидель Кастро – надежной опорой и защитником… [Кубинские победы] разрушили миф о непобедимости белых угнетателей [и] вдохновили огромное количество

южноафриканцев на борьбу… что стало поворотным пунктом в деле освобождения нашего континента – и моего народа – от бича апартеида… Какая еще страна может похвастаться самоотверженностью больше той, которую Куба продемонстрировала в отношении Африки?»[475]

Командира террористов Генри Киссинджера, напротив, просто «бесила» непокорность этого «ничтожества» Кастро, которого, по его мнению, надо было «по стенке размазать», как пишут Уильям Лео Гранд и Питер Корнблах в своей книге «Тайный канал связи с Кубой» со ссылкой на документы, с которых недавно сняли гриф секретности[476].

Возвращаясь к Никарагуа, мы не должны обходить стороной террористическую войну Рональда Рейгана, которая еще долго продолжалась даже после того, как Международный суд ООН приказал Вашингтону прекратить «незаконное использование силы» – то есть практику международного терроризма – и выплатить существенные репарации. Потом Совет Безопасности ООН принял резолюцию, призывавшую все страны (имея в виду Соединенные Штаты) соблюдать международное право, но Вашингтон наложил на нее вето[477]. В то же время надо признать, что террористическая война Рейгана с Никарагуа – которую продолжил «великий политический деятель» Джордж Буш-старший – была не столь разрушительной, как государственный терроризм в Сальвадоре и Гватемале, с таким упоением им поддерживаемый. Никарагуа обладала одним преимуществом – у нее была армия, чтобы противостоять террористическим силам, подчинявшимся США, в то время как в соседних государствах население терроризировали силы правопорядка, вооруженные и натасканные Вашингтоном.

На Кубе вашингтонские террористические операции со всей яростью начали президент Кеннеди и его брат, генеральный прокурор Роберт Кеннеди, чтобы наказать жителей острова за разгром американцев в ходе операции в Заливе свиней. Эта террористическая война была делом нешуточным. В ней принимали участие четыреста американцев, две тысячи кубинцев и частный военный флот быстроходных катеров, а ее бюджет составлял 50 миллионов долларов в год. Руководила ею частично резидентура ЦРУ в Майами – в нарушение Соглашения о нейтралитете и, вероятно, закона,

запрещающего управлению проводить операции в Соединенных Штатах. В ходе этих операций американцы взрывали отели и промышленные объекты, топили рыболовецкие суда, травили посевы и домашний скот, портили поставляемый на экспорт сахар и т. д. Некоторые из них не были санкционированы непосредственно ЦРУ, но проводились террористическими подразделениями, которые оно финансировало и поддерживало, в данном случае это отличие не играет никакой роли. Впоследствии выяснилось, что эта террористическая война (операция «Мангуст») стала одним из факторов, подтолкнувших Хрущева отправить на Кубу ракеты и устроить ракетный кризис, угрожающе близко подошедший к ядерной войне, которая для человечества стала бы последней. Так что «мелкими» эти «операции» США на Кубе назвать нельзя.

Некоторое внимание к себе привлек лишь незначительный, пусть даже относительно, эпизод этой террористической войны: многочисленные попытки убить Фиделя Кастро, обычно отвергаемые как детские попытки ЦРУ ввести всех в заблуждение. В остальном эти события не стали предметом ни интереса, ни комментариев. Первое серьезное англоязычное исследование о влиянии этой террористической войны на кубинцев в 2010 году опубликовал в своей книге «Голоса с той стороны» канадский специалист Кейт Болендер, проделав бесценный труд, который сегодня в очень значительной степени игнорируется[478].

Три примера, приведенных в посвященной американскому терроризму статье в *New York Times*, являются лишь вершиной айсберга. Тем не менее очень полезно иметь это яркое признание приверженности Вашингтона политике разрушительных, убийственных операций и наплевательского отношения ко всему этому политического истеблишмента, который считает естественным и нормальным, что Соединенные Штаты выступают в роли террористической сверхдержавы, обладающей иммунитетом против закона и цивилизованных норм.

Странно, однако мир может с этим не соглашаться. Глобальные опросы свидетельствуют, что к Соединенным Штатам относятся как к самой большой угрозе миру во всем мире – с большим отрывом от остальных[479]. Самих американцев от этой пустячной информации уберегли.

18. Исторический шаг Обамы

Установление дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Кубой широко приветствовалось как событие исторической значимости. Журналист Джон Ли Андерсон, который весьма проницательно освещает этот регион, обобщил реакцию либеральных интеллектуалов, написав в *New Yorker:*

Барак Обама продемонстрировал, что может действовать как государственный деятель исторического масштаба. Как Рауль Кастро, по крайней мере в данный момент. Для кубинцев это время эмоционального очищения и исторических преобразований. Их отношения с богатым и могущественным северным соседом были заморожены в 60-х годах XX века и пребывали в таком состоянии пятьдесят лет. В определенном, метафоричном смысле подверглись заморозке и их судьбы. Для американцев это тоже важно. Мир с Кубой возвращает нас к золотым временам, когда Соединенные Штаты были любимы во всем мире, когда страной правил молодой, красивый Джон Фицджеральд Кеннеди – до Вьетнама, до Альенде, до Ирака и остальных бедствий, – и позволяет нам ощутить гордость за то, что мы наконец поступили правильно[480].

Прошлое, которое нам так настойчиво представляют в образе Камелота, далеко не столь идеально. Дж. Ф. К. был не «до Вьетнама». Когда Кеннеди пришел к власти, жестокость диктаторского режима Нго Динь Зьена, навязанного Соединенными Штатами, в конечном счете и породила в стране неконтролируемое движение сопротивления.

Кеннеди вывел вмешательство США на уровень открытой агрессии, приказав американским ВВС бомбить Южный Вьетнам (маскируя самолеты эмблемами армии Южного Вьетнама, что на самом деле никого не обмануло), разрешил использовать напалм и боевые химикаты для уничтожения посевов, урожая и домашнего скота, приступил к реализации программы переселения крестьян в некое подобие концентрационных лагерей, якобы «защищая» их от повстанцев, которых крестьяне – и Вашингтон знал это – в основном поддерживали.

К 1963 году репортажи с мест событий стали свидетельствовать, что Кеннеди в этой войне добивается успеха, но здесь возникла серьезная проблема. В августе администрация президента узнала, что правительство Зьена изыскивает возможность инициировать с

Северным Вьетнамом переговорный процесс с тем, чтобы положить конфликту конец.

Если бы у Кеннеди было пусть даже малейшее желание вывести войска, он смог бы сделать это в высшей степени изящно, никоим образом не заплатив политическую цену. И даже имел бы возможность заявить, что Северный Вьетнам «сдался», чему-де способствовали американская сила духа и следование принципу отстаивания свободы. Однако вместо этого Вашингтон поддержал военное наступление, чтобы привести к власти генералов-ястребов, ориентированных на предпочтения Кеннеди. Президента Зьема и его брата между делом убили. Когда на горизонте замаячила победа, Кеннеди неохотно принял предложение министра обороны Роберта Макнамары о начале вывода войск (Директива национальной безопасности № 263), но при этом выдвинул основополагающее условие: только когда враг будет разбит. Это требование Дж. Ф. К. упорно поддерживал вплоть до того, как был убит. О событиях тех лет ходит много красивых легенд, однако все они рушатся под весом многочисленных документальных свидетельств[481].

Копнем еще? Одним из самых значимых решений Кеннеди было переключить латиноамериканских военных с «защиты полушария» на «внутреннюю безопасность» в 1962 году, что повлекло за собой ужасные последствия. Все, кому не нравится практика, которую специалист по международным отношениям Майкл Гленнон назвал «преднамеренным неведением», могут без труда восстановить недостающие детали[482].

На Кубе Кеннеди унаследовал начатую Эйзенхауэром политику эмбарго вкупе с категоричными планами свергнуть режим и вскоре приступил к активной реализации этих планов, вторгшись в Залив свиней. Провал операции вызвал в Вашингтоне истерику. Как отмечал в своих личных записях заместитель госсекретаря Честер Боулс, на первой после неудачной агрессии встрече кабинета царила атмосфера «чуть ли не бешенства», «реакция на программу действий граничила с яростью»[483]. Свою истерику Кеннеди продемонстрировал в публичных выступлениях, хотя, по его собственным ироничным признаниям в узком кругу, знал, что союзники «полагают нас немного помешанными» на кубинском вопросе[484].

Сейчас ходит много разговоров о том, следует ли исключать Кубу из списка государств, поддерживающих терроризм. Подобный вопрос может воскресить в памяти слова Тацита о том, что «явные бесчинства могут найти опору лишь в дерзости»[485]. Вопрос в том, что эти бесчинства благодаря «предательству интеллектуалов» так и не стали явными.

Вступив после убийства Кеннеди в должность, президент Линдон Джонсон несколько ослабил режим террора в отношении Кубы. Но при этом в его планы не входило позволить Кубе жить спокойно. Однажды в разговоре с сенатором Уильямом Фулбрайтом он объяснил, что хотя и не имел никакого отношения к операции в Заливе свиней, все же нуждался в совете, «что мы должны сделать, чтобы “опустить” кубинцев еще больше, чем сейчас»[486]. Ларе Шульц, специалист по истории Латинской Америки, отмечает, что такого рода «опускание» с тех пор так и остается американской политикой[487].

Кому-то конечно же показалось, что столь деликатные меры не принесут должного результата. Взять хотя бы члена кабинета Ричарда Никсона Александра Хейга, который просил президента: «Скажите мне только слово, и я превращу этот долбаный остров в парковку»[488]. Его красноречие очень живо описывает давнее уныние Вашингтона в вопросе «этой маленькой, чертовой Кубинской республики»[489]. Первым колоритную фразу произнес Теодор Рузвельт, в бешенстве ругая нежелание Кубы благосклонно отнестись к вторжению на остров в 1898 году, в ходе испано-американской войны, которая закончилась захватом Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин, ранее принадлежавших Испанской короне.

Историк Луис Перес пишет, что это вторжение, провозглашенное в самих США гуманитарным актом по освобождению Кубы от колониального господства, достигло своих истинных целей (притом что на острове с 1895 года не прекращались успешные восстания против испанцев). «Кубинская война за освобождение превратилась в американскую завоевательную войну – или войну “испано-американскую”, если воспользоваться имперской терминологией, – призванную затмить кубинскую победу, быстро сведенную вторжением на нет». Ее итог развеял опасения американцев по поводу «кубинской независимости, которая была анафемой для любых североамериканских политиков со времен Томаса Джефферсона»[490].

Как же все изменилось за два столетия!

В последние пятьдесят лет порой предпринимались робкие попытки наладить отношения, о чем Уильям Лео Гранде и Питер Корнблах подробно написали в своей книге «Тайный канал связи с Кубой». Можно спорить о том, стоит ли нам «гордиться собой» за шаги, предпринятые Обамой, однако они представляют собой «правильный поступок», даже несмотря на то, что губительное эмбарго никуда не делось, в пику всему миру (за исключением Израиля), а туризм до сих пор остается под запретом. В своем обращении к нации, объявляя новую политику, президент недвусмысленно заявил, что в «остальных отношениях» США и далее будут наказывать Кубу применением силы за отказ подчиняться их воле, в который раз перечислив предлоги слишком смехотворные, чтобы их как-то комментировать.

В то же время, заслуживают внимания следующие слова президента:

Пятьдесят лет Соединенные Штаты поддерживают на Кубе демократию и права человека. В первую очередь мы добиваемся этого политикой, цель которой состоит в изоляции острова, пресечении торговли и поездок рядовъис граждан США, которые могут осуществлять их в любые другие места. И хотя эта политика обусловлена самыми лучшими намерениями, ни одна страна мира не присоединяется к нам в практике введения наших санкций, в итоге они не обеспечивают должного эффекта, а лишь позволяют кубинскому правительству подвергать свой народ новым лишениям… Сегодня я с вами откровенен. Мы никогда не сможем стереть нашу совместную историю[491]

Можно восхищаться поразительной дерзостью этой его речи, которая опять же отсылает нас к словам Тацита. Обама, разумеется, был в курсе подлинной истории, которая включает в себя не только кровопролитную террористическую войну и позорное экономическое эмбарго, но и военную оккупацию юго-восточной части Кубы (залив Гуантанамо), в том числе главного порта страны, несмотря на требования вернуть то, что было украдено под дулом пистолета, выдвигаемые правительством со времен обретения независимости. Такую политику единственно можно оправдать фанатичной приверженностью делу блокирования экономического развития Кубы.

По сравнению с ней незаконный захват Путиным Крыма выглядит чуть ли не милостью. Решимость отомстить нахальным кубинцам, противящимся американскому господству, достигает таких пределов, что даже препятствует стремлению весьма могущественных сфер бизнеса – производство лекарств, сельское хозяйство, энергетика – вернуть в нормальное русло столь необычное развитие американской внешней политики. Мстительные, агрессивные действия Вашингтона практически изолировали страну от всего полушария, попутно вызвав презрение и насмешки по всему миру. Вашингтону и его приспешникам нравится утверждать, что это они «изолируют» Кубу, о чем нам пел Обама, но хроника событий свидетельствует, что Соединенные Штаты сами себя изолируют, к чему, вероятно, и сводится первая причина для частичной смены курса.

Мнение внутри страны тоже бесспорно является одним из факторов «исторического шага» Обамы, хотя общество уже давно ратует за нормализацию отношений с Кубой. Опрос, проведенный в 2014 году *CNN*, показал, что сегодня только четверть американцев усматривают в Кубе угрозу Соединенным Штатам, в то время как тридцать лет назад, когда президент Рейган предупреждал о серьезной угрозе жизни каждого из нас, исходившей от мускатной столицы мира (Гренада) и от армии Никарагуа, которую от Техаса отделял лишь двухдневный марш-бросок, этот показатель составлял две трети[492]. Поскольку сегодня подобные страхи пошли на спад, мы, вероятно, можем слегка ослабить бдительность. Во всеобъемлющих комментариях решения Обамы лидирующей темой было то, что благонравные попытки Вашингтона принести страдающим кубинцам свободу и права человека, запятнанные единственно детскими происками ЦРУ, успеха не принесли.

Мы так и не достигли заявленных высокоморальных целей, поэтому вынужденная смена курса стоит на повестке дня.

Потерпела ли эта политика провал? Это зависит от того, какие она преследовала цели. Исходя из документальных свидетельств, ответ на этот вопрос ясен. Кубинская угроза нам хорошо знакома и проходит через всю историю «холодной войны». Отчетливо ее сформулировала администрация Кеннеди, когда он только вступил в должность: в первую очередь озабоченность вызывал тот факт, что Куба могла стать «вирусом», способным «распространять заразу». Как отмечает

историк Томас Патерсон, «Куба как символ и реальность бросила вызов гегемонии США в Латинской Америке»[493].

Методика борьбы с «вирусом» заключается в том, чтобы убить его, а всем потенциальным жертвам сделать прививку. Именно этой здравой политике и следует Вашингтон, причем весьма успешно. Куба выжила, но своего потенциала, внушающего столько опасений, так и не достигла. А в виде «прививки» в регионе, стараниями США, появился целый ряд порочных военных диктатур. Начало этому процессу положил совершенный вскоре после убийства Кеннеди военный переворот в Бразилии, в результате которого в страну пришел режим пыток и террора. Генералы подняли «демократическое восстание», телеграфировал домой посол США в Бразилии Линкольн Гордон. Это «великая победа для свободного мира», она предотвратила «полную потерю для нас всех республик Южной Америки» и «значительно улучшила климат для частных инвестиций». «Демократическая революция» в Бразилии стала «самым решительным триумфом свободы во второй половине XX века, – напишет позже Гордон, – одним из ключевых поворотных пунктов в мировой истории» того периода, ибо позволила избавиться от правителя, в котором Вашингтон видел двойника Кастро[494].

То же самое во многом справедливо и в случае войны во Вьетнаме, в которой многие тоже усматривают неудачу и провал. Сам Вьетнам это мало заботило, однако документальные свидетельства говорят о том, что Вашингтон боялся, как бы успешное независимое развитие не разнесло по всему региону «заразу». Вьетнам подвергся почти тотальному разрушению и многим послужил примером. А для защиты в регионе установили кровавые диктатуры, в точности такие же, как в Латинской Америке, хотя имперская политика в разных регионах не должна следовать одному и тому же сценарию, это ненормально.

Войну во Вьетнаме принято описывать как провал, как поражение Америки. В действительности же она, хотя бы частично, принесла победу. Соединенные Штаты пусть и кое-как, но справились с ключевыми проблемами, однако достичь по максимуму своих целей по превращению Вьетнама в Филиппины так и не смогли. Как следствие, подобный исход считается провалом, поражением, страшным приговором.

Имперский менталитет поистине удивителен, если его лицезреть.

19. Не один путь, а два

После нападения террористов на *Charlie Hebdo*, в результате которого погибли двенадцать человек, включая главного редактора и четырех карикатуристов, и убийства четырех евреев в кошерном супермаркете, которое произошло вскоре после этого, премьер-министр Франции Мануэль Вальс объявил «войну против терроризма, против джихадизма, против радикального ислама, против всего, что преследует целью нарушить свободу, равенство и братство»[495]. Миллионы вышли на демонстрации, чтобы осудить зверство, устроив хор ужаса под девизом «Я – Шарли». Прозвучало множество гневных выражений, которые так хорошо подхватил лидер Лейбористской партии Израиля Ицхак Герцог, заявивший, что «терроризм – это терроризм, и двух путей здесь быть не может», добавив при этом, что «все народы, стремящиеся к миру и свободе, сталкиваются с колоссальным вызовом» в виде грубого насилия[496].

Авторы многочисленных комментариев пытались разобраться в истоках этих шокирующих в исламской культуре нападений и изыскать возможности противостоять волне исламского терроризма, не жертвуя нашими ценностями. *New York Times* назвал теракт «столкновением цивилизаций», однако его поправил колумнист *Times* Ананд Джирид-харадас, написавший в своем Твиттере, что это «никогда не было войной цивилизаций или столкновением между ними. Это война ЗА цивилизацию против группировок по ту сторону барьера»[497].

События в Париже очень живо описал в *New York Times* Стивен Эрланджер: «День сирен, барражирующих в воздухе вертолетов, исступленных новостных сводок; полицейских кордонов и взволнованных толп, детей, уводимых из школ в целях безопасности. Это был день крови и ужаса по всему Парижу – как и два предыдущих»[498].

Эрланджер приводит слова оставшегося в живых журналиста, который сказал: «Все вокруг рушилось. Выхода не было. Отовсюду валил дым. Это был ужас. Люди кричали. Будто в кошмаре». Другой сообщал о «чудовищном взрыве, и вокруг стало совсем темно». «Знакомая картина разбитого вдребезги стекла, разрушенных стен,

изувеченных балок, обгоревшей краски и эмоционального опустошения».

Однако приведенные в предыдущем абзаце цитаты – об этом говорит нам независимый журналист Дэвид Петерсон – относятся не к январю 2015 года. Они позаимствованы из репортажа, написанного Эрланджером 24 апреля 1999 года, который привлек к себе куда меньше внимания. Тогда Эрланджер писал о «ракетном ударе НАТО по штаб-квартире государственного телевидения Сербии», который «вышиб Радио и телевидение Сербии (РТС) из эфира», убив шестнадцать журналистов.

Как сообщал Эрланджер, официальные лица США и НАТО выступили в защиту этого удара, связав его с усилиями, направленными на подрыв режима югославского президента Слободана Милошевича. Официальный представитель Пентагона Кеннет Бэкон на брифинге в Вашингтоне заявил, что «сербское телевидение является точно такой же частью кровавой машины Милошевича, как и его армия», и в этом качестве представляет собой цель для нападения[499].

Тогда не было ни демонстраций, ни громогласных, гневных осуждений, ни слоганов «Я – РТС», ни попыток разобраться в истоках этого удара в христианской культуре и истории. Напротив, нападение на телецентр превозносилось до небес. Высокопоставленный дипломат Ричард Холбрук, в те времена специальный представитель в Югославии, назвал успешный удар по РТС «чрезвычайно важным и, на мой взгляд, положительным шагом вперед»[500].

Можно привести пример множества других событий, не повлекших за собой никаких экскурсов в историю и культуру Запада. Скажем, самый страшный одиночный теракт за последние годы в Европе, в ходе которого Андерс Брейвик, христианский ультрасионистский экстремист и исламофоб, в июле 2011 года убил семьдесят семь человек, по большей части подростков.

Аналогичным образом, «война против терроризма» закрывает глаза на самую уникальную террористическую кампанию современности – практику использования Обамой дронов-убийц для уничтожения тех, кто вроде бы как в один прекрасный день намерен нанести нам ущерб, а заодно и тех, кому не посчастливится оказаться рядом. В иных случаях недостатка в таких «невезучих» тоже нет, взять

хотя бы пятьдесят гражданских лиц, убитых в декабре 2015 года в ходе американской бомбардировки в Сирии, о чем в СМИ едва было упомянуто[501].

Наказание за НАТОвскую бомбардировку телецентра РТС понес только один человек: сербский суд приговорил генерального директора Радио и телевидения Сербии к десяти годам тюрьмы за то, что он не смог эвакуировать из здания людей. Международный уголовный суд по Югославии, рассмотрев удар НАТО, пришел к выводу, что этот удар не был преступлением, и хотя человеческие жертвы, «к сожалению, были многочисленными, они не выглядят явно непропорциональными»[502].

Сравнение этих двух случаев помогает нам понять высказывание борца за гражданские права Флойда Абрамса, получившего известность благодаря яростной борьбе за свободу слова: «Бывают времена, когда себя надо сдерживать. Однако сразу после самого опасного наступления на журналистику на памяти живущих редакторы *The New York Times* лучше всего послужили бы делу защиты свободы слова, если б они подключились к этому делу». Иными словами, если бы опубликовали высмеивавшие Мохаммеда карикатуры *Charlie Hebdo*, которые и спровоцировали теракт[503].

Называя нападение на *Charlie Hebdo* «самым опасным наступлением на журналистику на памяти живущих», Абрамс ничуть не ошибается. Причина этого кроется в концепции «памяти живущих» – категории, выстроенной самым тщательным образом для того, чтобы включать в нее *их* преступления против нас, но скрупулезно исключать *наши* преступления против них – последние, собственно, даже не преступления, а благородные усилия по защите высших ценностей, которые порой непреднамеренно влекут за собой побочный ущерб в виде человеческих жертв.

Эту любопытную категорию «памяти живущих» можно продемонстрировать и другими примерами. Один из них – удар военно-морского флота по Эль-Фаллудже в ноябре 2004 года, ставший одним из самых кровавых преступлений в ходе американского вторжения в Ирак. В преддверии этого удара военные захватили Центральную больницу Эль-Фаллуджи, что само по себе серьезнейшее военное преступление, не говоря уже о том, каким образом его совершили. Броский репортаж об этом поместила на первой полосе

New York Times, сопроводив фотографией, на которой «вооруженные солдаты выгоняют пациентов и персонал из кабинетов и палат, заставляют сесть или лечь на пол, а потом связывают им за спиной руки». Захват больницы посчитали оправданным и достойным всяческих похвал, потому как он позволил «закрыть учреждение, названное офицерами пропагандистским оружием боевиков: больницу Аль-Фаллуджи, постоянно сообщавшую о потерях среди гражданского населения»[504].

Закрытие этого «пропагандистского оружия» конечно же не было наступлением на свободу слова, и поэтому не заслуживает включения в «память живущих». Но есть другие вопросы. Один из них, вполне естественно, заключается в том, как Франция, к примеру, может поддерживать свободу слова с помощью неоднократно применявшегося закона Гейссо, фактически наделяющего государство правом определять Историческую Истину и наказывать за отклонение от его эдиктов. Или как она отстаивает священные принципы «свободы, равенства, братства», высылая несчастных цыган, потомков выживших жертв холокоста. Или как обращается с иммигрантами из Северной Африки в пригородах Парижа, где террористы, напавшие на *Charlie Hebdo*, собственно, и превратились в джихадистов.

Каждый, кто смотрит на мир открытыми глазами, обратит внимание на поразительные пробелы в «памяти живущих». Например, никто не говорит об убийстве трех журналистов в Латинской Америке, которое довело общее число погибших за год представителей СМИ до тридцати одного.

Несколько десятков журналистов погибли в одном Гондурасе после военного переворота 2009 года, санкционированного США. После тех событий Гондурас явно стал лидером по количеству убитых представителей СМИ на душу населения. Однако это, опять же, не было наступлением на свободу прессы, а значит, не заслуживает включения в «память живущих».

Приведенные примеры иллюстрируют общий принцип, соблюдаемый с редкой приверженностью и постоянством: чем больше преступлений мы можем свалить на врага, тем яростнее гнев; чем больше ответственности мы несем за преступления – и, как следствие, можем сделать больше, чтобы положить им конец, – тем меньше этим озабочено общество, вплоть до забвения.

Вопреки красноречивым заявлениям, это не тот случай, когда можно сказать, что «терроризм – это терроризм, и двух путей здесь быть не может». Два пути существуют точно: их версия против нашей. И не только когда речь идет о терроризме.

20. Один день из жизни читателя New York Times

The New York Times можно с полным основанием считать ведущей газетой мира. Это обязательный источник новостей и комментариев, однако, если читать газету внимательно, проявляя критический подход, из нее можно почерпнуть очень много чего другого. Давайте возьмем один-единственный день, 6 апреля 2015 года, хотя почти любой другой позволил бы нам увидеть точно те же особенности превалирующей здесь идеологии и интеллектуальной культуры.

Материал на первой полосе посвящен истории с гнильцой, в которой фигурирует статья об изнасиловании в студенческом кампусе, ранее опубликованная в журнале *Rolling Stone* и впоследствии подвергшаяся резкой критике в издании *Columbia Journalism Review.* Это настолько неслыханное отступление от журналистской солидарности, что ему отводится место в разделе деловых новостей, а если точнее – целая полоса. В шокирующем материале говорится, в том числе, и о вопиющих преступлениях прессы в прошлом: пара случаев фабрикации сведений, тут же получивших опровержение, равно как и примеры плагиата («слишком многочисленные, чтобы их перечислять»). Особенностью преступления *Rolling Stone* стал «недостаток скептицизма», который «во многих отношениях представляется самым хитрым и коварным» из трех вышеперечисленных категорий[505].

Забавно видеть подобную приверженность *New York Times* журналистской солидарности.

На седьмой полосе опубликована солидная статья Томаса Фуллера под названием «Как одна женщина взяла на себя миссию избавить Лаос от неразорвавшихся бомб». В ней рассказывается о «бесхитростных усилиях» американки лаосского происхождения Чаннапхи Хамвонгсы «избавить ее родину от миллионов бомб, которые до сих пор лежат в земле, – наследия девятилетних американских налетов; Лаос подвергался бомбардировкам больше любого другого региона планеты. В статье особо подчеркивается, что в результате лоббистской деятельности госпожи Хамвонгсы

Соединенные Штаты «щедро» увеличили траты на извлечение из земли неразорвавшихся бомб на целых 12 миллионов долларов. Самыми смертоносными из них являются кассетные бомбы, специально предназначенные для того, чтобы «наносить военной силе противника максимальный урон», разбрасывая по земле «сотни небольших бомб малого калибра»[506]. Примерно 30 % из них до сих пор лежат неразорвавшимися, периодически убивая и калеча детей, которые их поднимают, землепашцев, натыкающихся на них во время сельскохозяйственных работ, и других горемык. К статье прилагается карта провинции Сиангкхуанг на севере Лаоса, известной больше как Долина кувшинов, главной цели массированных бомбардировок, достигших пика своего неистовства в 1969 году.

Фуллер пишет, что заняться этой проблемой госпожу Хамвонгсу «подтолкнула коллекция выполненных беженцами рисунков бомбардировок, собранная активистом антивоенного движения Фредом Бренфманом, который помог разоблачить “Тайную войну”»[507]. Эти рисунки, как и другие свидетельства, приведены в его поразительной книге «Голоса из Долины кувшинов», опубликованной в 1972 году, а в 2013 году переизданной издательством Университета штата Висконсин с новым предисловием. На них живо изображены страдания жертв, несчастных крестьян из самых удаленных уголков страны, не имеющих, как было признано впоследствии, никакого отношения с войне во Вьетнаме.

Характер авианалетов очень живо описывает типичный рассказ двадцатишестилетней медсестры: «Я не помню вечера, когда бы мы не думали, доживем ли до утра, и не помню утра, когда бы мы не думали, доживем ли до вечера. Плакали или нет наши дети? О, да, как и мы сами. Я просто сидела в погребе. И два года не видела солнечного света. Что я обо всем этом думала? Ох, я без конца повторяла: “Пожалуйста, не присылайте больше самолетов, пожалуйста, не присылайте больше самолетов, пожалуйста, не присылайте больше самолетов”»[508].

Доблестные усилия Бренфмана действительно пролили свет на эти ужасные зверства. Кроме того, в ходе неутомимых поисков ему удалось докопаться и до причин столь беспощадного убийства беззащитных крестьян. Они изложены в предисловии к новому изданию «Голосов»:

Одним из самых страшных потрясений было узнать, почему бомбардировки, по описанию беженцев, приняли такой размах в 1969 году. Я узнал, что президент Линдон Джонсон, объявив в 1968 году о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама, попросту перенаправил самолеты в Северный Лаос. Никаких военных причин для этого не было. Это сделали только потому, что «у нас там были самолеты, и мы не могли допустить, чтобы они торчали без дела»[509], о чем в октябре 1969 года Монтигль Стирнс, заместитель руководителя американской миссии в этой стране, заявил Комиссии Сената по международным отношениям.

Как следствие, оставшиеся не у дел самолеты натравили на несчастных крестьян, разорив дотла мирную Долину кувшинов, не имевшую никакого отношения к смертоносным и агрессивным войнам Вашингтона в Индокитае.

А теперь давайте посмотрим, каким превращениям эти откровения подверглись на страницах *New York Times* и как они теперь звучат на новоязе этой газеты. Вот что пишет Фуллер: «Целями были войска Северного Вьетнама, особенно вдоль так называемой Тропы Хо Ши Мина, значительная часть которой проходила по территории Лаоса, а по этой тропе проходили союзники Северного Вьетнама – лаосские коммунисты»[510]. Сравните это заявление со словами заместителя руководителя американской миссии, а также с душераздирающими свидетельствами и рисунками, приведенными в книге Фреда Бренфмана.

Справедливости ради, надо сказать, что репортер *New York Times* пользовался собственным источником: американской пропагандой. Ее, разумеется, с лихвой хватает для того, чтобы опровергнуть голые факты об одном из самых страшных преступлений периода после Второй мировой войны, в подробностях описанные в том самом источнике, на который он ссылается: в потрясающих откровениях Фреда Бренфмана.

Можно не сомневаться, что эта колоссальная ложь на службе государства не станет предметом многословной критики и осуждения, в отличие от таких постыдных проступков Свободной Прессы, как плагиат и недостаток скептицизма.

Тот же номер *New York Times* предлагает нам репортаж неподражаемого Томаса Фридмана, ревностно передающего слова

президента Обамы, представившего концепцию, которую автор материала назвал «Доктриной Обамы». (Каждый президент обязан иметь собственную доктрину.) Основательная концепция Обамы сводится к «активной деятельности» в сочетании с «удовлетворением ключевых стратегических нужд»[511].

Свою доктрину президент иллюстрирует на основополагающем примере: «Возьмем такую страну, как Куба. Мы должны пытаться действовать активно, чтобы обеспечить лучший результат для кубинцев, причем без особого риска для себя. Это маленькая, даже крохотная страна, которая не угрожает нашим ключевым интересам безопасности, и поэтому у нас нет причин отвергать подобное предложение. Если же окажется, что лучшего результата мы не добились, у нас всегда есть возможность внести в свою политику коррективы»[512].

После этого наш лауреат Нобелевской премии мира распространяется о причинах решения, которое *New York Review of Books*, ведущее издание леволиберальных интеллектуалов, называет «мужественным» и «поистине историческим шагом» по восстановлению дипломатических отношений с Кубой[513]. Это шаг, предпринятый с тем, чтобы «оказать кубинскому народу эффективную поддержку», объяснил нам герой, ибо предыдущие усилия, направленные на то, чтобы принести ему свободу и демократию, наших благородных целей не добились[514].

При дальнейшем поиске обнаруживаются новые перлы. Например, на первой полосе приведен также обзор Питера Бейкера иранской ядерной программы, о которой газета писала несколькими днями ранее. В обзоре говорится о преступлениях Ирана, регулярно перечисляемых пропагандистской системой Вашингтона. Прибегнув к анализу, их все можно опровергнуть, особенно «главное злодеяние Ирана», заключающееся в том, что он «дестабилизирует» регион, поддерживая «шиитские военизированные формирования, убивавшие в Ираке американских солдат»[515]. Опять та же стандартная картина. Когда Соединенные Штаты вторгаются в Ирак, разрушая его чуть не до основания и провоцируя межплеменные конфликты, разрывающие на части сначала страну, а теперь и весь регион, в официальной риторике и, как следствие, в риторике СМИ, это называется «стабилизацией». А когда Иран поддерживает военизированные

формирования, противостоящие агрессии, это уже «дестабилизация». И здесь не может быть более гнусного преступления, чем убийство американских солдат, напавших на чужой дом.

Все это, как и многое-многое другое, прекрасно обретает смысл, если мы проявляем должную покорность и безропотно принимаем официально одобренную доктрину: Соединенные Штаты владеют миром, причем совершенно по праву, по причинам, которые Джессика Мэтьюс, бывший президент Фонда Карнеги за международный мир, вразумительно изложила в статье, опубликованной в *New York Review of Books* в марте 2015 года: «Американский вклад в международную безопасность, глобальный экономический рост, свободу и благосостояние людей столь очевидно уникален и настолько ориентирован на интересы других, что американцы давно поверили в то, что США – страна совершенно иного типа. Так, где другие защищают свои национальные интересы, Соединенные Штаты пытаются продвигать принципы всеобщие»[516].

У защиты нет вопросов, ваша честь.

21. «Иранская угроза»: кто представляет самую смертельную опасность для мира во всем мире

Когда Иран, с одной стороны, и пять постоянных членов Совета Безопасности плюс Германия, с другой, заключили так называемую Иранскую ядерную сделку, весь мир вздохнул с огромным облегчением и оптимизмом. Большинство стран несомненно разделяют мнение Американской ассоциации по контролю над вооружениями, что «совместный всеобъемлющий план действий» устанавливает мощный, эффективный механизм, блокирующий любые обходные пути, с помощью которых Иран мог бы получать материалы для ядерных вооружений, и создает систему контроля, позволяющую выявлять и сдерживать возможные усилия Ирана по скрытой дальнейшей разработке ядерного оружия; по первому пункту соглашение будет действовать до смены поколения, по второму— бессрочно»[517].

Однако на фоне всеобщего энтузиазма выделялись и поразительные исключения: США и его ближайшие союзники в регионе в лице Израиля и Саудовской Аравии. Одним из последствий этого стало то обстоятельство, что американские корпорации, к их огорчению, не смогли массово ринуться в Тегеран наряду со своими

европейскими коллегами. Очень многие видные представители американского политического истеблишмента и специалисты разделяют позицию двух региональных союзников и в силу этого практически пребывают в состоянии истерии по поводу «иранской угрозы». Рассудительные комментаторы в Соединенных Штатах и, в значительной степени, деятели всего политического спектра заявляют, что эта страна «несет самую серьезную угрозу миру во всем мире». С учетом исключительного характера этой угрозы сдержанность проявляют даже те, кто выступает в поддержку сделки. В конце концов, как можно верить иранцам, если за ними тянется шлейф насилия и обмана, если они столько раз нарушали соглашения?

Противостояние политического класса оказалось настолько мощным, что общественное мнение, сначала в значительной степени поддерживавшее сделку, очень скоро разделилось[518]. Республиканцы противились ей почти единодушно. Официальные причины можно понять, наблюдая за республиканскими праймериз. Сенатор Тед Круз, считающийся интеллектуалом, предупреждает, что Иран может и дальше разрабатывать ядерное оружие, чтобы в один прекрасный день послать электромагнитный импульс, который «обесточит электросеть всего Восточного побережья» Соединенных Штатов, убив «десятки миллионов американцев»[519]. Бывший губернатор Флориды Джеб Буш и губернатор Висконсина Скотт Уокер сцепились по поводу того, когда бомбить Иран – сразу после избрания нового президента или же после первого заседания Кабинета[520]. А Линдси Грэм, единственный кандидат, обладающий хоть каким-то опытом в международной политике, называет сделку «смертельным приговором государству Израиль», что конечно же является сюрпризом для израильской разведки и служб стратегического анализа. Грэм и сам осознает полную бессмысленность своих высказываний, а это, в свою очередь, вызывает вопросы касательно истинных мотивов, которыми он руководствуется[521].

Здесь важно иметь в виду, что республиканцы давно отказались от претензий работать как нормальная парламентская партия. Как заметил уважаемый консервативный политический комментатор Норман Орнстейн из правого крыла Американского института предпринимательства, они превратились в «радикально настроенных бунтовщиков», которые практически не желают принимать участие в

нормальном политическом процессе Конгресса[522]. Со времен президентства Рональда Рейгана руководство партии так глубоко залезло в карманы богатейших американцев и корпоративного сектора, что теперь им ничего не стоит привлекать голоса, единственно мобилизуя слои населения, раньше не представлявшие собой организованную политическую силу. К таковым можно причислить экстремистски настроенных христиан-евангелистов, которые сегодня, вероятно, составляют большинство республиканских избирателей; последователей политики бывших рабовладельческих штатов; нативистов, опасающихся, что «они» отнимут «у нас» белую, христианскую, англосаксонскую страну; и многих других, кто превращает республиканские праймериз в спектакль, безмерно далекий от господствующих в современном обществе тенденций, но не от тенденций, господствующих в умах политиков самой могущественной в истории страны.

В то же время, отход от глобальных стандартов выходит далеко за рамки радикального республиканского бунта. Практически весь политический спектр выражает согласие с «прагматичным» выводом генерала Мартина Демпси, бывшего председателя Объединенного комитета начальников штабов, о том, что заключенное в Вене соглашение «не мешает Соединенным Штатам нанести удар по иранским объектам, если официальные лица решат, что он не соблюдает условий соглашения», хотя вероятность одностороннего военного удара, если Иран будет «вести себя хорошо», действительно «намного снижается»[523]. Бывший переговорщик Клинтона и Обамы по Ближнему Востоку Деннис Росс привычно советует Ирану «не сомневаться, что если мы увидим его прогресс в деле создания оружия, это приведет в действие механизм использования нами силы», даже по истечении срока сделки, когда Иран сможет делать что угодно[524]. По сути, наличие в соглашении пункта об окончании срока действия через пятнадцать лет, добавляет он, «является единственной, но очень серьезной проблемой». Кроме того, он предлагает поставить Израилю бомбардировщики B-52 с противобункерными бомбами, чтобы обезопасить себя к моменту наступления этой ужасной даты[525].

«Величайшая угроза»

Противники ядерной сделки указывают на ее слабость. С этим соглашаются и многие сторонники, заявляя, что «если подписанное в

Вене соглашение действительно будет что-то да значить, то всему Ближнему Востоку придется избавиться от оружия массового поражения». Автор этого высказывания, иранский министр иностранных дел Джавад Зариф, добавил, что «Иран в качестве государства, ныне возглавляющего Движение неприсоединения [в которое входят правительства стран, где живет значительное большинство населения планеты], готов работать с международным сообществом для достижения этих целей, прекрасно сознавая, что на этом пути ему, вероятно, придется столкнуться со множеством препятствий, воздвигнутых скептиками мира и дипломатии». Иран подписал «историческую ядерную сделку», продолжает он, теперь пришла очередь Израиля, который «всеми силами этому противится»[526].

Израиль конечно же является одной из трех ядерных держав в регионе, наряду с Индией и Пакистаном. Его программу ядерных вооружений поддерживали Соединенные Штаты, теперь он отказывается подписывать Договор о нераспространении ядерного оружия (Л/РТ).

Зариф обращался к Конференции по нераспространению ядерного оружия, проводящейся раз в пять лет, которая в конечном счете закончилась провалом, после того как Соединенные Штаты (на этот раз совместно с Канадой и Великобританией) в очередной раз заблокировали усилия расширить на Ближнем Востоке зону, свободную от оружия массового поражения. Эти усилия Египет и другие арабские государства предпринимают вот уже двадцать лет. Две ключевые фигуры, Джаянта Дханапала и Серджио Дуарте, представляющие их интересы как в *NPT*, так и в других агентствах ООН, отмечают, что «успешное одобрение в 1995 году резолюции о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового поражения (*WMD*), стало ключевым элементом, обеспечившим неограниченное расширение *NPT»*[527].

NPT, в свою очередь, вообще является самым значимым соглашением в области контроля над вооружениями. Если бы его придерживались, оно смогло бы положить конец такому бичу, какядерное оружие. Имплементация этой резолюции неоднократно блокировалась Соединенными Штатами, в том числе президентом Обамой в 2010 и 2015 годах. Дханапала и Дуарте отмечают, что эти

усилия снова блокировались «в интересах государства, не присоединившегося к *NPT*, которое, как повсеместно считается, единственное в регионе владеет ядерным оружием» – вежливый, завуалированный намек на Израиль. Они выражают надежду, что этот провал «не станет решающим ударом по двум долгосрочным целям, которые преследует *NPT*: ускорение процесса ядерного разоружения и создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового поражения». Их статья, опубликованная в журнале Ассоциации по контролю над вооружениями, называется «Есть ли у *NPT* будущее?»

Создание на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, представляет собой самый прямой и непосредственный способ отреагировать на угрозу, которую, как предполагается, несет в себе Иран. Однако у Вашингтона, продолжающего саботировать эти усилия с целью защитить своего израильского клиента, на кону намного больше. Это не единственный случай, когда США блокируют возможности положить конец предполагаемой иранской угрозе, поэтому вполне уместно возникает вопрос о том, а что же у него, собственно, на кону.

Рассматривая эту проблему, весьма поучительно внимательно присмотреться как к подспудным предположениям, так и к вопросам, которые задаются очень и очень редко. Давайте посмотрим на некоторые из этих предположений, начиная с самого серьезного: что Иран представляет собой величайшую угрозу миру во всем мире.

В Соединенных Штатах, в среде как высокопоставленных официальных лиц, так и журналистов, стало почти что штампом утверждать, что Иран действительно держит эту роковую пальму первенства. За пределами Соединенных Штатов тоже существует мир, и хотя о его взглядах ведущие

СМИ здесь не сообщают, для них этот вопрос представляет интерес. По данным ведущих западных агентств по изучению общественного мнения (BHC/Институт Гэллапа), приз за «величайшую угрозу» достается Соединенным Штатам – именно их вся планета, с большим отрывом, считает главной угрозой миру во всем мире. На втором месте, далеко позади, идет Пакистан – столь высокий показатель ему, по всей видимости, обеспечили голоса из Индии. Иран следует только за Китаем, Израилем, Северной Кореей и Афганистаном[528]. **«Ведущий мировой пособник терроризма»**

Теперь обратимся к следующему очевидному вопросу: а что же, по сути, представляет собой иранская угроза? Почему от этой самой угрозы Израиль и Саудовская Аравия дрожат от страха? В чем бы она ни заключалась, ее вряд ли следует считать военной. Много лет назад американская разведка проинформировала Конгресс, что у Ирана чрезвычайно низкий по стандартам региона военный бюджет и что его стратегическая доктрина носит оборонительный характер – ее цель сдерживать агрессию[529]. Далее та же разведка докладывает об отсутствии доказательств реализации Ираном программы создания ядерного оружия, утверждая, что «ядерная программа Ирана и стремление сохранить за собой возможность разрабатывать ядерное оружие являются ключевым элементом его стратегии сдерживания»[530].

Обзор глобальных вооружений, подготовленный влиятельным Стокгольмским институтом исследования проблем мира, по обыкновению выдвигает Соединенные Штаты на первое место по военным расходам. На втором месте Китай, военный бюджет которого составляет порядка трети американского. За ними с большим отрывом следуют Россия и Саудовская Аравия, что не мешает им опережать в этом плане любое государство Западной Европы. Иран в докладе если и упоминается, то вскользь[531]. Подробности приведены в апрельском докладе Центра международных стратегических исследований (ЦМСИ), который приходит «к убедительному выводу, что страны Персидского залива… обладают над Ираном огромными преимуществами в плане как трат на оборону, так и доступа к современным вооружениям». Военные расходы Ирана представляют собой лишь малую толику оборонного бюджета Саудовской Аравии и не дотягивают даже до военных трат Объединенных Арабских Эмиратов. Взятые вместе, страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ – превосходят Иран по вооружениям в восемь раз, причем этот дисбаланс сложился еще несколько десятилетий назад[532]. Доклад ЦМСИ добавляет, что «государства

Персидского залива приобрели и приобретают сейчас самые передовые и эффективные вооружения, в то время как Иран в основном вынужден жить прошлым, часто полагаясь на системы, поставленные еще во времена шаха». Которые, иными словами,

попросту устарели[533]. Если же говорить об Израиле, то здесь дисбаланс конечно же еще больше. Обладая самым совершенным американским оружием и представляя собой практически внешнюю военную базу глобальной супердержавы, он также накопил огромные запасы ядерного оружия.

Израиль, разумеется, сталкивается с «экзистенциальной угрозой» в виде иранских заявлений: высший руководитель страны Али Хаменеи и бывший президент Махмуд Ахмадинежад не раз во всеуслышание грозили сровнять его с землей. Только вот ничего не сделали – а если бы и сделали, то самую малость[534]. Они предсказали, что «с Божьей волей сионистский режим исчезнет с карты мира» (в другом варианте перевода Ахмадинежад сказал, что Израиль «должен исчезнуть из страниц времени», цитируя слова Аятоллы Хомейни, сказанные в тот период, когда Израиль и Иран были тайными союзниками). Иными словами, они выразили надежду, что в один прекрасный день режим подвергнется изменениям. Однако это явно не дотягивает до прямых призывов Вашингтона и Тель-Авива к смене режима в Иране, не говоря уже о действиях, направленных на то, чтобы такую смену инициировать. Это конечно же возвращает нас к действительной «смене режима» в 1953 году, когда Соединенные Штаты и Великобритания организовали военный переворот с целью свергнуть парламентское иранское правительство и установить диктатуру шаха, во времена правления которого Иран вышел в мировые лидеры по нарушению прав человека. Эти преступления известны тем, кто читал доклады «Международной амнистии» и других правозащитных организаций, но о них ничего не знает читатель американской прессы, уделяющей столько внимания нарушениям прав человека в Иране, правда, лишь с 1979 года, когда пал режим шаха. Эти весьма показательные факты тщательно задокументированы в исследовательской работе Мансура Фарханга и Уильяма Дормана[535].

И ничего из всего этого не является отклонением от нормы. Соединенные Штаты, как всем известно, удерживают титул чемпиона мира по смене режимов, да и Израиль в этом отношении ненамного отстает. Самое его разрушительное вторжение – в Ливан в 1982 году – явно преследовало цель смены власти в этой стране, равно как и обеспечение контроля над оккупированными территориями.

Названные израильтянами предлоги (другие, конечно) выглядели неубедительно и не выдерживали никакой критики. Это тоже вполне обычно и мало зависит от природы общества – достаточно вспомнить стенания по поводу «безжалостных индейских дикарей» в Декларации независимости или заявленную цель Гитлера защитить Германию от «дикого террора» поляков.

Ни один серьезный аналитик не считает, что Иран рискнул бы когда-нибудь использовать ядерное оружие, будь оно у него, ведь в этом случае Иран моментально был бы уничтожен. Реальная угроза того, что ядерное оружие попадет в руки джихадистов, существует, только исходит она не от Ирана, где шансы мизерны, а от американского союзника Пакистана, где они очень и очень высоки. Два ведущих пакистанских ученых-ядерщика, Первез Худбхой и Зиа Миан, пишут в журнале Королевского института международных отношений *(Chatham House*) о растущих опасениях по поводу того, что «боевики завладеют ядерным оружием или материалами и развяжут ядерный террор». На фоне этих опасений «для охраны ядерных объектов были созданы специальные войска численностью 20 тысяч человек». В то же время «нет оснований полагать, что эти силы будут обладать иммунитетом от проблем, связанных с охраной обычных военных объектов», нередко подвергающихся нападениям, в ходе которых боевикам «помогают сами военнослужащие»[536]. Иными словами, проблема действительно есть, но ее переложили на Иран из-за домыслов, в основе которых лежат совсем другие причины.

Другие опасения в отношении иранской угрозы включают его роль как «ведущего мирового пособника терроризма», которую ему приписывают из-за поддержки «Хезболлы» и ХАМАС[537]. Оба движения возникли в ответ на насилие и агрессию, осуществляемые Израилем при поддержке США и безмерно превосходящие все, что приписывается и «Хезболле» и ХАМАС. Что бы о них ни говорили, равно как и о других силах, пользующихся поддержкой Ирана, эта страна вряд ли считается таким уж пособником терроризма не только в мире, но даже в мусульманских странах. Если уж говорить об исламских государствах, то в лидеры среди тех, кто поддерживает исламский террор, со значительным отрывом выходит Саудовская Аравия, которая содействует террору не только посредством прямого финансирования со стороны богатых саудитов, но и миссионерским

рвением, с которым она насаждает свою собственную – экстремистскую ваххабистско-салафистскую версию – ислама в коранических школах и мечетях, привлекая на свою сторону имамов и прибегая к другим средствам, которые может себе позволить богатая религиозная диктатура, обладающая огромными запасами нефти. ИГИЛ представляет собой не что иное, как отросток саудовского религиозного экстремизма, и является следствием его усилий по разжиганию пламени джихада.

В возникновении исламского террора ничто не может сравниться с американской террористической войной, которая способствовала распространению этой чумы от небольшого участка вдоль афгано-пакистанской границы, населенной несколькими племенами, до обширных территорий – от Западной Африки до Юго-Восточной Азии. После одного только вторжения в Ирак количество терактов увеличилось в семь раз, значительно превысив показатели, которые предсказывали разведслужбы[538]. Военная кампания с использованием дронов против маргинализованных и угнетаемых племенных сообществ тоже породила жажду мщения, на что указывают многочисленные свидетельства.

Двое упомянутых выше клиентов Ирана, «Хезболла» и ХАМАС, совершили то же самое преступление, одержав по результатам народного голосования победу на выборах – единственно свободных во всем арабском мире. При этом «Хезболла» повинна в еще более страшном злодеянии – это движение вынудило Израиль уйти с территорий на юге Ливана, который он оккупировал в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН, одобренных несколько десятилетий назад, и на которых установил незаконный режим террора, отмеченный многочисленными случаями неслыханного насилия, разрушений и убийств.

«Повышая градус нестабильности»

Еще одно опасение, озвученное постоянным представителем США в ООН Самантой Пауэр, сводится к «нестабильности, градус которой Иран постоянно поднимает угрозой развития своей ядерной программы»[539]. «Соединенные Штаты продолжат внимательно следить за таким его дурным поведением», – заявила она. В этом ее слова перекликаются со сделанным на северной границе Израиля заявлением министра обороны США о том, что «мы и впредь будем

помогать Израилю противостоять пагубному влиянию Ирана», поддерживающего «Хезболлу», равно как и о том, что Соединенные Штаты оставляют за собой право применить против Ирана военную силу, если посчитают это уместным»[540].

То, как Иран «повышает градус нестабильности», особенно отчетливо видно по Ираку, где Иран помогает строить за 2,5 миллиарда электростанцию, пытаясь восстановить уровень энергоснабжения, существовавший до американского вторжения[541].

Слова постоянного представителя Саманты Пауэр вполне стандартны: когда Соединенные Штаты вторгаются в страну, убивая сотни тысяч и заставляя миллионы покидать свои дома, применяет варварские пытки и сеет разрушения, которые сами иракцы сравнивают с нашествием монголов, попутно разжигая межплеменные конфликты, раздирающие страну на мелкие кусочки, и тем самым закладывают на пару со своим союзником Саудовской Аравией фундамент для ИГИЛ – это «стабилизация»[542]. Фарс подобных стандартных речей порой достигает поистине сверхъестественного уровня. В качестве примера можно привести высказывание либерального комментатора Джеймса Чейса, бывшего главного редактора издания *Foreign Affairs*, который объяснил, что Соединенные Штаты стремились «дестабилизировать свободно избранное марксистское правительство Чили», потому что «мы были полны решимости обрести стабильность» в диктатуре Пиночета[543].

Другие бесятся от того, что Вашингтону вообще приходится вести переговоры с таким «презренным режимом», как Иран, где перечень нарушений прав человека зашкаливает, и вместо этого предлагают добиваться создания «под эгидой Америки альянса между Израилем и суннитскими государствами».

Об этом пишет Леон Уисельтир, редактор почтенного либерального журнала *Atlantic*, с большим трудом скрывая жгучую ненависть ко всему иранскому[544]. Этот уважаемый либеральный интеллектуал с невозмутимым видом предлагает, чтобы Саудовская Аравия (на фоне которой Иран выглядит почти что раем) и Израиль (с его ужасными преступлениями в Газе и многих других местах) объединились с целью поучить Иран хорошему поведению. Возможно, эта рекомендация не так уж бессмысленна, если принять во внимание многочисленные свидетельства нарушений прав человека режимами,

которые Соединенные Штаты насаждают и поддерживают во всем мире.

Да, иранское правительство действительно несет своему собственному народу угрозу, однако не бьет в этом отношении рекордов и не опускается до уровня любимых вашингтонских союзников. Но это уже забота не Вашингтона и уж тем более не Тель-Авива или Эр-Рияда.

Кроме того нелишне вспомнить – и иранцы об этом действительно помнят, – что с 1953 года не было ни одного дня, чтобы американцы не причинили Ирану никакого вреда. Как только иранцы в 1979 году свергли ненавистный режим шаха, установленный с помощью США, Вашингтон тут же поддержал кровавое наступление на Иран Саддама Хуссейна. Президент Рейган в отрицании главного преступления Саддама – использования химического оружия против иракских курдов – дошел до того, что обвинил в этом Иран[545]. Когда мировое сообщество под эгидой США занялось расследованием преступлений Саддама, это кошмарное злодеяние (наряду с другими, к которым были причастны Соединенные Штаты) было аккуратно изъято из перечня обвинений, сократившегося до одного-единственного, и то не самого значительного злодейства – убийства в 1982 году 148 шиитов, которых в этом отвратительном списке можно считать чем-то вроде сноски[546].

По окончании ирано-иракской войны Соединенные Штаты и дальше поддерживали Саддама, первейшего врага Ирана. Президент Джордж Буш-старший пригласил иракских инженеров-атомщиков в США, чтобы те прошли основательную подготовку в деле производства вооружений, что стало для Ирана серьезнейшей угрозой[547]. Санкции против Ирана усилились, под них подпали компании, ведущие дела с этой страной, были предприняты шаги с тем, чтобы отрезать Иран от мировой финансовой системы[548]. В последние годы враждебность разрослась до размеров саботажа, убийств ученых-атомщиков (предположительно Израилем) и «борьбы с разжигателями кибервойны»[549].

Пентагон считает кибервойну военными действиями, оправдывающими вооруженный ответ, эту позицию разделяет и НАТО, которое в сентябре 2014 года заявило, что кибератаки могут привести в действие механизм коллективных оборонительных обязательств

членов альянса – если мы цель, то злоумышленниками быть просто не можем[550]. **«Самое злодейское государство»**

Справедливости ради надо сказать, что порой от этой модели поведения бывали отступления. Президент Джордж Буш-младший преподнес Ирану несколько весьма значимых подарков, уничтожив Саддама Хуссейна и движение Талибан. И даже подчинил «иракского врага» влиянию Ирана после поражения США, оказавшегося столь сокрушительным, что Вашингтону даже пришлось отказаться от официально заявленных целей, предусматривавших создание постоянных военных баз и обеспечение приоритетного доступа американских компаний к огромным нефтяным ресурсам Ирака[551].

Намерены ли нынешние иранские лидеры разрабатывать ядерное оружие? Пусть каждый сам решает, насколько правдивы их утверждения в обратном, но то, что подобные намерения руководство страны вынашивало в прошлом, не вызывает никаких сомнений, поскольку самый высокопоставленный чиновник этой страны заявлял иностранным журналистам, что Иран «бесспорно» будет создавать ядерное оружие, и «раньше, чем кто-либо думает»[552]. Бывший глава Иранской организации по ядерной энергии выразил уверенность, что руководство страны «планировало создать ядерную бомбу»[553]. ЦРУ тоже докладывало, что Иран, «вне всяких сомнений», будет разрабатывать ядерное оружие наряду с соседними государствами (у которых оно есть[554]).

Все это происходило во времена шаха, того самого «высокопоставленного чиновника», которого мы только что цитировали, то есть в тот период, когда американские высокопоставленные чиновники (Чейни, Рамсфилд, Киссинджер и другие) подталкивали шаха реализовать ядерную программу и оказывали давление на американские университеты, дабы те способствовали этим усилиям[555]. В качестве одного из участников этой программы мое собственное учебное заведение, Массачусетский технологический институт, заключило с шахом сделку на обучение иранских студентов по программе ядерных разработок – при сильнейшем сопротивлении студенческого сообщества, зато со сравнительно активной поддержкой со стороны профессорско-

преподавательского состава во время встречи, которая преподавателям постарше наверняка запомнится надолго[556].

Когда Киссинджера спросили, почему он поддерживал эту программу во времена шаха, но противостоял ей потом, он честно ответил, что Иран в те времена был союзником[557].

Если отложить в сторону абсурд, то в чем же заключается истинная угроза со стороны Ирана, внушающая такую ярость и страх? С этим вопросом естественнее всего обратиться к той же американской разведке. Вспомните ее анализ, который говорит о том, что Иран не представляет военной угрозы, что его военная доктрина носит оборонительный характер и что его ядерная программа (насколько установила разведка, не учитывающая усилий по созданию бомб) является «ключевым элементом его стратегии сдерживания». Но кого в таком случае заботит иранское сдерживание? Ответ прост: злодейские государства, бесчинствующие в регионе и не желающие терпеть любые преграды на избранном ими пути агрессии и насилия.

Впереди всех в этом отношении выступают Соединенные Штаты и Израиль, в то время как Саудовская Аравия делает все от нее зависящее, чтобы тоже стать членом этого клуба: вторгается в Бахрейн (чтобы поддержать в этой стране крах движения реформ), нападает на Йемен, ускоряя в этом государстве нарастающую гуманитарную катастрофу.

Соединенным Штатам такая характеристика вполне знакома. Пятнадцать лет назад выдающийся политический аналитик Сэмюэл Хантингтон в элитарном политическом журнале *Foreign Affairs* предупреждал, что для значительной части мира Соединенные Штаты «становятся злодейским государством… единственной величайшей внешней угрозой для их народов»[558]. Вскоре в тон ему высказался и Роберт Джервис, президент Американской ассоциации политологии: «По сути, в глазах значительной части мира Соединенные Штаты сегодня являются первейшим государством-злодеем»[559]. Как мы уже видели, глобальное общественное мнение поддерживает данное суждение с существенным отрывом.

Более того, этот ярлык носят с гордостью, что в полной мере демонстрирует та настойчивость, с которой лидеры страны и политический истеблишмент утверждают, что Соединенные Штаты оставляют за собой право прибегнуть к военной силе, если в

одностороннем порядке решат, что Иран нарушил те или иные обязательства. К подобной политике либеральные демократы прибегают уже давно, и она никоим образом не ограничивается одним лишь Ираном. Доктрина Клинтона утверждала, что Соединенные Штаты имеют право прибегнуть «к использованию военной мощи в одностороннем порядке» даже для того, чтобы обеспечить «свободный доступ к ключевым рынкам, поставкам энергии и стратегических ресурсов», не говоря уже о предполагаемой угрозе «безопасности» или принципам «гуманизма»[560]. Приверженность различным версиям этой доктрины не раз доказывалась на практике, что вряд ли стоит обсуждать тем, кто не желает игнорировать факты современной истории. В том числе и важнейшие моменты, которые должны быть в центре внимания при анализе заключенной в Вене ядерной сделки.

22. Часы Судного дня

В январе 2015 года Бюллетень ученых-атомщиков установил на своих знаменитых Часах Судного дня время без трех минут до полуночи – такой уровень угрозы не наблюдался уже тридцать лет. Выпущенное Бюллетенем заявление объясняло приближение к катастрофе двумя ключевыми факторами выживания человечества: ядерным оружием и «неконтролируемыми изменениями климата». Этот символический шаг осудил мировых лидеров, которые «не смогли действовать достаточно быстро либо масштабно, чтобы защитить своих граждан от потенциальной катастрофы»; опасности подвергается «каждый человек на Земле, когда правительства не выполняют свою главную обязанность – обеспечивать здоровье и выживание человеческой цивилизации»[561].

С тех пор появились веские основания задуматься о том, что стрелки могут быть передвинуты еще ближе к Судному дню.

В декабре 2015 года мировые лидеры встретились в Париже, чтобы обсудить животрепещущую проблему «неконтролируемых изменений климата». Не проходит и дня, чтобы мы не получили нового свидетельства того, насколько серьезен этот кризис. В качестве примера возьмем, практически наугад, доклад, опубликованный Лабораторией реактивного движения НАСА, встревоживший ученых, занимающихся изучением арктических льдов. Из доклада следует, что огромный гренландский ледник Закария Исстром «в 2012 году вышел из гляциологического равновесия и вступил в фазу активного

таяния» – развитие событий неожиданное и грозное. Ледник «содержит в себе воды достаточно для того, чтобы уровень Мирового океана, в случае его полного таяния, поднялся на 18 дюймов (46 сантиметров)». Сегодня он на строгой диете и теряет 5 миллиардов тонн воды каждый год. Весь этот лед крошится и осыпается в северную часть Атлантического океана[562].

Впрочем, особых надежд на то, что собиравшиеся в Париже мировые лидеры будут «действовать достаточно быстро и масштабно, чтобы защитить своих граждан от потенциальной катастрофы», никто и не питает. Но если бы даже каким-то чудом что-то подобное и случилось, особой ценности это не имело бы – по причинам, вызывающим глубокую обеспокоенность.

Когда соглашение в Париже было заключено, министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус, выступавший в переговорном процессе в роли принимающей стороны, заявил, что оно «юридически обязательно для исполнения»[563]. Его слова, может, и вселяют надежду, но на этом пути существует ряд препятствий, заслуживающих внимательного рассмотрения.

В многочисленных материалах и репортажах о конференции в Париже наиболее важными представляется пара фраз, похороненных в самом конце подробного анализа в *New York Times*: «Традиционно участники переговоров стремятся подписать правовое соглашение, которое, для придания ему законной силы, должны ратифицировать правительства стран-участников. Добиться этого в данном случае невозможно – из-за Соединенных Штатов. Договор умрет сразу по прибытии на Капитолийский холм, не получив требуемой поддержки двух третей депутатов в контролируемом республиканцами Сенате. Так что эти волюнтаристские планы выступают в роли обязательных решений, принимаемых наверху, а потом спускаемых вниз». И эти волюнтаристские планы гарантированно обречены на провал[564].

«Из-за Соединенных Штатов». Точнее, из-за Республиканской партии, которая сегодня становится реальной угрозой на пути к достойному выживанию человечества.

О выводах из этого пишет другая статья о Парижском соглашении, опубликованная в *New York Times*. В конце череды пространных восхвалений итогового документа автор материала отмечает, что созданная на конференции система «в очень

значительной степени зависит от видения будущего мировыми лидерами, которым предстоит претворять эту политику в жизнь. В Соединенных Штатах каждый республиканский кандидат, выдвинувший свою кандидатуру на участие в президентских выборах 2016 года, либо обращался публично с вопросами к науке об изменениях климата, либо и вовсе ее отрицал, при этом выступая против политики, проводимой Обамой в данной сфере». Митч МакКоннелл, лидер республиканцев в Сенате, критикующий вопросы изменений климата, стоящие на повестке дня господина Обамы, заявил: «Перед тем как его международные партнеры хлопнут пробками шампанского, им не мешало бы вспомнить, что это недостижимая сделка, основанная на некоем внутреннем энергетическом плане, скорее всего незаконном, которую половина штатов уже постановили в судебном порядке отменить, да и Конгресс тоже проголосовал за отказ от нее»[565].

В последние четверть века, в ходе неолиберального периода, обе партии сместились вправо. Господствующие демократы сегодня – нечто неизмеримо большее, чем то, что когда-то называлось «умеренными республиканцами». Республиканская партия вообще выбилась из политического спектра и превратилась, по выражению Томаса Манна и Нормана Орнстейна, в «радикально настроенных бунтовщиков», практически забывших о том, что такое нормальная парламентская политика. С этим креном вправо приверженность Республиканской партии идеалам богатства и привилегий приобрела столь чрезвычайный характер, что они больше не могут привлекать на свою сторону избирателей, а потому вынуждены искать новый электорат, мобилизуя его на других площадках: христиан-евангелистов, дожидающихся Второго пришествия[566]; нативистов, страшащихся, что «они» отнимут «у нас» страну; непримиримых расистов[567]; обиженных, неправильно понимающих причины своих невзгод[568]; и им подобных, готовых стать жертвами демагогов и примкнуть к рядам радикально настроенных бунтовщиков.

В последние годы республиканский истеблишмент игнорировал мнение мобилизованного им электората. Но так продолжалось недолго. К концу 2015 года высокопоставленные республиканцы стали выражать опасения и тревогу по поводу своей неспособности слышать

избирателя, когда республиканский электорат с его предпочтениями вышел из-под контроля.

Депутаты-республиканцы и кандидаты на участие в следующих президентских выборах в открытую выражали презрение к парижским дискуссиям, отказываясь даже присутствовать на заседаниях. Три кандидата, лидировавшие по опросам того времени – Дональд Трамп, Тед Круз и Бен Карсон, – встали на позиции своего электората, в значительной степени евангелистского: человек не оказывает влияния на глобальное потепление, если конечно же таковое вообще имеет место. Другие кандидаты отвергают действия правительства, направленные на решение данного вопроса. Сразу после того, как Обама в Париже заверил всех, что Соединенные Штаты будут в авангарде действий, предпринимаемых мировым сообществом, Конгресс, в котором преобладали республиканцы, проголосовал за отмену недавно одобренных правил Агентства по охране окружающей среды США, призванных снизить выбросы углекислого газа. Как писала пресса, это был «провокационный сигнал более чем ста мировым лидерам, что американский президент не пользуется стопроцентной поддержкой своего правительства в вопросе изменений климата», мягко говоря. Тем временем республиканец Ламар Смит, глава Комитета палаты представителей США по науке, космосу и технологиям, объявил собственный джихад правительственным ученым, осмеливающимся сообщать о фактах[569].

Посыл ясен. Американские граждане прямо у себя дома несут огромную ответственность.

В статье в *New York Times*, посвященной этой теме, говорится, что «две трети американцев выступают за то, чтобы Соединенные Штаты присоединились к международному соглашению, обязательному для всех его участников, с тем чтобы снизить выбросы парниковых газов». А пять из восьми полагают, что климат важнее экономики. Но это все не играет никакой роли. До общественного мнения никому нет дела. И этот факт, опять же, служит американцам очень серьезным посылом. Именно на них лежит задача починить вышедшую из строя политическую систему, при которой общественное мнение является маргинальным фактором. Отсутствие паритета между общественным мнением и политикой в данном случае оказывает значительное влияние на судьбы мира.

Нам, разумеется, не стоит строить иллюзий по поводу былого «золотого века». Однако события, о которых мы только что говорили, свидетельствуют об очень значимых изменениях. Одним из итогов покушения неолибералов на жителей всего мира стал как раз подрыв функциональной демократии. Причем происходит это не только в США; в Европе их влияние, пожалуй, еще хуже[570].

Теперь давайте обратимся к другому (более традиционному) вопросу, вызывающему тревогу ученых-атомщиков, устанавливающих стрелки Часов Судного дня: ядерному оружию. Сохраняющаяся на сегодняшний день угроза ядерной войны в значительной степени сподвигла их в январе 2015 года установить стрелки на трех минутах до полуночи.

Последующие события еще отчетливее выявили нарастающую угрозу, хотя этой проблеме, на мой взгляд, так и не уделяется достаточного внимания.

В последний раз стрелки часов Судного дня показывали три минуты до полуночи в 1983 году, когда администрация Рейгана проводила учения *Able Archer* («Опытный лучник»), имитировавшие нападение на Советский Союз, чтобы испытать систему его обороны. Недавно рассекреченные советские архивы свидетельствуют: у русских эта операция вызывала такую озабоченность, что они были готовы дать отпор. А это означало одно: конец. Об этих безрассудных, безответственных учениях, равно как и о том, насколько близок к катастрофе был тогда мир, мы узнали от американского военного аналитика и специалиста по разведке Мелвина Гудмана, который в те годы возглавлял подразделение ЦРУ, ведавшее делами Советского Союза, одновременно исполняя обязанности старшего аналитика. «В дополнение к операции “Опытный лучник”, предусматривавшей подъем личного состава по тревоге и так встревожившей Кремль, – пишет Гудман, – Рейган одобрил на редкость агрессивные военные учения у границ СССР, в ряде случаев нарушавшие территориальный суверенитет страны. В качестве одной из рискованных мер Пентагон, чтобы протестировать советский радар, послал в полет над Северным полюсом американские стратегические бомбардировщики. Кроме того, в ходе военно-морских маневров в условиях, максимально приближенных к боевым, американские суда приблизились к СССР на расстояние, которого раньше никогда себе не позволяли. Проводились

и другие тайные операции, целью которых был внезапный удар по советским целям средствами морского базирования»[571].

Теперь мы знаем, что мир в те страшные дни спасло решение русского офицера Станислава Петрова не передавать на самый верх сообщение о том, что СССР подвергся ракетному удару. Таким образом, Петров занял место в одном ряду с командиром русской подводной лодки Василием Архиповым, который в опасный момент Кубинского ракетного кризиса в 1962 году отказался отдавать приказ на запуск ядерных торпед, когда американские эсминцы, охранявшие подходы к острову, совершили нападение на русские субмарины.

Этот перечень, и без того пугающий, дополняют примеры, о которых общественность узнала совсем недавно. Эксперт по ядерной безопасности Брюс Блэр утверждает, что «ближе всего к немотивированному решению президента нанести стратегический ядерный удар США подошли в 1979 году, когда запись с учебной пленки системы раннего предупреждения Командования воздушно-космической обороны Северной Америки, симулирующая полномасштабное ядерное нападение Советского Союза, по оплошности попала в реальную сеть раннего предупреждения. Советнику по национальной безопасности Збигневу Бжезински дважды позвонили ночью, сообщив, что на США совершено нападение, он уже поднял трубку, чтобы убедить президента Картера дать на агрессию ответ всеми имеющимися в наличии средствами, но в этот момент прозвенел третий звонок, и ему сказали, что тревога оказалась ложной[572].

Этот пример, о котором мы узнали недавно, воскрешает в памяти опасный инцидент 1995 года, когда траектория американско-норвежской ракеты с научным оборудованием на борту во многом повторила путь ядерной ракеты. Русских это встревожило, о ситуации тут же доложили президенту Борису Ельцину, которому предстояло решить, наносить ядерный удар или нет[573]. Основываясь на собственном опыте, Блэр приводит и другие примеры. Однажды, во время войны на Ближнем Востоке в 1967 году, «экипажу самолета с ядерным оружием на борту отдали приказ вместо учебной атаки нанести реальный удар». Несколько лет спустя, в начале 1970-х, Стратегическое командование ВВС США в Омахе «передало приказ об учебном пуске как приказ о настоящем». И в том, и в другом случае

идентификация кодов ничего не дала, и для предотвращения запусков потребовалось вмешательство человека. «Общий смысл здесь совершенно ясен, – добавляет Блэр, – проблема лишь в том, что подобный бардак случается нередко».

С этими комментариями Блэр выступил в ответ на доклад летчика Джона Бордна, недавно рассекреченный ВВС США. В октябре 1962 года, когда разразился Кубинский ракетный кризис и обострилась напряженность в Азии, Бордн служил на военной базе на острове Окинава. Американская система предупреждения о ядерном ударе была переведена в Режим боеготовности 2, то есть от Режима боеготовности 1, при котором немедленно производится запуск ядерных ракет, нас отделял всего один уровень. В самый разгар кризиса, 28 октября, одному из ракетных подразделений по ошибке отдали приказ на запуск ядерных ракет. Военнослужащие его не выполнили, предотвратив возможную ядерную войну и присоединившись к Архипову и Петрову в пантеоне тех, кто не подчинился протоколу и спас мир.

Как отметил Блэр, подобного рода инциденты не являются чем-то необычным. В результате одного экспертного исследования выяснилось, что с 1977 по 1983 год было зафиксировано множество ложных тревог. Из документа следует, что их количество варьировалось от 43 до 255 в год. Сет Баум, автор этого исследования, подводит итог весьма уместными в данной ситуации словами: «Ядерная война – это черный лебедь, которого мы никогда не увидим, разве что в тот короткий момент, когда она нас убьет. Устранение этой угрозы мы откладываем на свой страх и риск. Сейчас самое время заняться решением данной проблемы, хотя бы потому, что мы все еще живы»[574].

Эти сообщения, как и те, о которых Эрик Шлоссер упоминает в своем пространном обзоре «Командуй и контролируй», в большей степени относятся к американским системам[575]. Можно не сомневаться, что их русские аналоги куда больше подвержены ошибкам. Не говоря уже о чрезвычайной опасности, которую представляют собой системы других, в первую очередь Пакистана.

Порой ядерная угроза была следствием не случайности, но авантюризма, как в случае с учениями «Опытный лучник». Самым вопиющим в этом отношении случаем стал Кубинский ракетный

кризис 1962 года, когда угроза катастрофы стала более чем реальной. То, как его разрешили, повергает в шок, как и то, в каком свете его повсеместно представляют, как мы уже видели.

Учитывая все эти мрачные события, небесполезно присмотреться к стратегическим дебатам и планированию. В качестве ужасающего примера можно привести исследование «Основы стратегии сдерживания в период после “холодной войны”», проведенное Стратегическим командованием вооруженных сил США в 1995 году, во времена правления Клинтона. Его авторы призывают сохранить за Соединенными Штатами право нанести первый удар, причем даже против стран, не обладающих ядерным оружием. В документе объясняется, что ядерное оружие используется постоянно, в том смысле, что «бросает тень на любой кризис или конфликт». Также его авторы предлагают пугать мир устоявшейся за США репутацией государства иррационального и мстительного.

Текущая доктрина внимательно рассматривается в передовой статье журнала *International Security*, самого авторитетного издания в сфере стратегического планирования[576].

Ее авторы объясняют, что Соединенные Штаты привержены идее «стратегического превосходства», иными словами, защиты от ответного удара. Эта же логика лежит в основе «новой триады» Обамы (укрепление стратегических ракетных группировок подводного и сухопутного базирования, равно как и подразделений стратегических бомбардировщиков), наряду с развитием противоракетной обороны, призванной отразить ответный удар. Поднятая авторами проблема заключается в том, что американские притязания на стратегическое превосходство могут сподвигнуть Китай отказаться от политики «неприменения первым ядерного оружия» и расширить свои ограниченные силы сдерживания. Авторы полагают, что этого все же не случится, хотя прогнозы остаются неясными. Как бы там ни было, данная доктрина, вполне очевидно, усиливает напряженность в регионах различных конфликтов.

То же самое касается расширения НАТО на восток в нарушение словесных обещаний, данных Михаилу Горбачеву в период крушения СССР, в ответ на которые он одобрил объединение Германии и ее вступление в НАТО – весьма значимая уступка, если вспомнить историю XX века. Практически сразу после этого альянс

распространил свое присутствие на Восточную Германию, а в последующие годы подступил к российским границам; на сегодняшний день наблюдается немалая опасность того, что в него попытаются включить даже Украину, один из ключевых регионов зоны российских стратегических, геополитических интересов[577]. Можно только представить, как реагировали бы США, если бы Варшавский договор все еще существовал, к нему присоединились бы большинство государств Латинской Америки, а теперь с просьбой принять их в свои ряды обратились бы Канада и Мексика.

Кроме того, Россия, как и Китай (а заодно и американские стратеги, занимающиеся данной проблематикой), понимает, что противоракетные системы США у российских границ по сути своей представляют собой наступательные вооружения, цель которых – обеспечить стратегическое превосходство и иммунитет от ответного удара. Как утверждают некоторые специалисты, их миссия в конечном счете невыполнима, однако цель никогда не может быть в этом уверена. И реакцию российских военных, вполне естественно, НАТО трактует как угрозу Западу. Один выдающийся британский специалист по Украине сформулировал мнение, названное им «роковым географическим парадоксом»: НАТО «существует для того, чтобы устранять угрозы, вызванные его же собственным существованием»[578].

На сегодняшний день угроза более чем реальна. К счастью, инцидент с российским самолетом, сбитым турецким F-16, не повлек за собой конфликта международного масштаба, что вполне могло случиться, особенно с учетом сложившихся обстоятельств. Штурмовик вылетел с заданием сбросить груз бомб на Сирию, на территорию которой и рухнул. Его уничтожение выглядит безрассудным и провокационным поступком, призванным повлечь за собой серьезные последствия. В ответ Россия заявила, что в дальнейшем ее бомбардировщики будут сопровождаться истребителями, и приступила к развертыванию в Сирии передовых комплексов противоракетной обороны. Кроме того, как заявил министр обороны Сергей Шойгу, ракетный крейсер «Москва», обладающий ПРО дальнего радиуса действия, получил приказ подойти ближе к берегу и быть готовым «поразить любую воздушную цель, представляющую собой потенциальную угрозу для наших самолетов». Все эти шаги создают

предпосылки для конфронтации, которая может оказаться смертельной[579].

Напряженность сохраняется и на границах между Россией и странами НАТО, включая военные маневры с обеих сторон. Вскоре после того, как стрелки Часов Судного дня так опасно придвинули к полуночи, американская пресса сообщила, что американские БТРы торжественным маршем прошли по эстонской столице, что стало символическим актом, лишний раз подчеркнувшим самый серьезный характер напряженности в отношениях между Западом и Россией со времен «холодной войны»[580]. Незадолго до этого российский военный самолет на каких-то пару секунд разминулся с датским гражданским лайнером. Обе стороны быстро поднимают войска по тревоге и разворачивают вдоль границы между Россией и странами НАТО боевые подразделения, «больше не считая войну делом совершенно немыслимым»[581].

Но если так, то обе стороны напрочь выжили из ума, ведь война, с большой долей вероятности, уничтожит все на планете. Еще много десятилетий назад ученые признали, что первый удар одной из ведущих держав способен уничтожить и самого нападающего даже в случае, если за этим не последует ответа, – просто в результате ядерной зимы.

Однако так уж устроен сегодня мир. И не только сегодня – подобным образом мы живем вот уже семьдесят лет. Рассуждений на эту тему со всех сторон хоть отбавляй. Как мы уже видели, безопасность собственных жителей, как правило, не выступает в роли приоритета для тех, кто делает политику. Так было с самых первых дней ядерной эры: формирование политики никогда не предусматривало усилий – и даже выраженных вслух мыслей, – направленных на то, чтобы устранить эту первейшую угрозу для Соединенных Штатов, как теоретически могло бы быть. Это продолжается и по сей день, а как – мы только что вкратце продемонстрировали.

Таков мир, в котором мы живем, причем живем уже сегодня. Ядерное оружие неизменно несет в себе угрозу мгновенного уничтожения, однако мы знаем хотя бы в принципе, как ее минимизировать, а то и устранить – для этого достаточно соблюдать подписанный ядерными державами Договор о нераспространении, к

которому сегодня многие относятся с пренебрежением. Угроза глобального потепления представляется не такой неотложной, хотя в долгосрочной перспективе этот жуткий процесс может резко ускориться. Пока еще до конца не ясно, в состоянии ли мы с ней справиться, но можно не сомневаться в одном: чем дольше мы будет откладывать решение этой проблемы, тем страшнее будет катастрофа.

Перспективы достойного и долгосрочного выживания человеческого рода далеко не радужные, если конечно же не начать процесс значимых перемен. Значительная доля ответственности за это лежит на нас – у нас в этом отношении есть целый ряд возможностей.

23. Владыки человечества

Спрашивая «Кто правит миром?», мы, как правило, принимаем стандартное допущение, что в роли главных действующих лиц в мировых делах выступают государства, в основном супердержавы, поэтому для нас важны решения, которые они принимают, равно как и отношения между ними. Это неверно, и мы поступим правильно, если не будем упускать из виду, что данный уровень абстракции может оказаться в высшей степени обманчивым.

Каждое государство обладает сложной внутренней структурой, поэтому принимаемые политическим руководством решения в огромной степени зависят от внутренних центров власти, в то время как рядовые граждане нередко маргинализованы. Это справедливо даже для стран с развитой демократией, не говоря уже об остальных. Действительного понимания того, кто правит миром, мы не можем добиться, игнорируя «владык человечества», как их назвал Адам Смит: в его эпоху это были английские торговцы и промышленники, в наше время ими стали транснациональные конгломераты, гигантские финансовые институты, торговые империи и им подобные. В русле мысли того же Смита будет благоразумным уделить внимание «отвратительной максиме», которой посвящают себя «владыки человечества»: «Все для нас и ничего для народа» – эта доктрина также известна как ожесточенная, нескончаемая классовая борьба, нередко носящая односторонний характер, жертвами которой является народонаселение на только собственной страны, но и всего мира.

При нынешнем глобальном порядке институты владык человечества наделены огромной властью, причем не только на международной арене, но и внутри их собственных государств, на

которые они полагаются каждый раз, когда эту власть надо защитить и оказать экономическую поддержку при помощи обширного арсенала средств. Рассматривая роль владык человечества, мы обращаемся к таким текущим приоритетам государственной политики, как Транстихоокеанское партнерство – соглашение о правах инвесторов, в пропаганде и комментариях неправильно называемое «договором о свободной торговле». Переговоры велись втайне, к тому же в них принимали участие сотни лоббистов и корпоративных юристов, вносивших жизненно важные детали. Цель – добиться одобрения всех проектов в достославном сталинском стиле «как можно быстрее и без проволочек», чтобы блокировать любые дискуссии и оставить лишь два варианта – либо да, либо нет (стало быть, да). Авторы подобных решений, как правило, действуют вполне успешно, что совсем не удивительно. Люди в этом процессе второстепенны – со всеми вытекающими последствиями. **Вторая супердержава**

Вследствие неолиберальных программ, реализованных предыдущим поколением, деньги и власть сосредоточились в руках куда меньшего количества людей, чем раньше. Это подорвало функциональную демократию, но вместе с тем породило очаги сопротивления, в первую очередь в Латинской Америке, равно как и в центрах глобальной власти[582]. Европейский союз, одно из самых перспективных новообразований периода после Второй мировой войны, ковыляет, едва держась на ногах, на фоне пагубных последствий политики жесткой экономии во время рецессии, которую осудили даже экономисты Международного валютного фонда (если, конечно, не относить их к категории политических деятелей). Демократия была подорвана, потому что право принимать решения передали бюрократам в Брюсселе, на каждый шаг которых оказывают влияние западные банки. Господствующие партии стали быстро терять членов, дрейфующих кто вправо, кто влево. Исполнительный директор парижской исследовательской группы *EuropaNova* относит всеобщее разочарование на счет «настроения злобного бессилия на фоне того, что реальная власть придавать событиям тот или иной оборот в значительной степени перешла от политических лидеров конкретного государства [которые, хотя бы в принципе, являются субъектом демократической политики] к рынку, корпорациям и институтам Европейского союза» – в полном соответствии с неолиберальной

доктриной[583]. Очень схожий процесс сегодня идет и в Соединенных Штатах, причем примерно по тем же причинам, что должно считаться важным вопросом и вызывать озабоченность не только внутри страны, но и, учитывая могущество Соединенных Штатов, во всем мире.

Растущее сопротивление наступлению неолиберализма подчеркивает еще один жизненно важный аспект вышеназванного стандартного допущения: оно отодвигает в сторону простых граждан, которые нередко отвергают роль «зрителей» (а не «участников»), отведенную им либерально-демократической теорией[584]. Такого рода непокорность нередко тревожит правящие классы. Если вспомнить ту же американскую историю, то Джордж Вашингтон считал простых граждан, входивших в отряды ополчения, которыми ему предстояло командовать, «на редкость отвратительными и грязными людьми, причем их низшие слои демонстрируют непостижимую глупость»[585]. В своей работе «Политика насилия», мастерском обзоре протестных движений от Американской революции до нынешних Афганистана и Ирака, Уильям Полк приходит к выводу, что генерал Вашингтон с таким рвением оттеснял на второй план презираемых им борцов, что «чуть было не упустил Революцию». «Скорее всего, так оно и было бы», если бы не активное вмешательство французов, которые «спасли Революцию», до этого успешно защищаемую повстанцами – которых мы сегодня назвали бы «террористами», – в то время как «армия Вашингтона, построенная по британскому принципу, раз за разом терпела поражения и чуть не проиграла войну»[586].

По свидетельству Полка, общим для всех успешных восстаний является то, что, как только поддержка со стороны народа после победы сходит на нет, лидеры подавляют этих «отвратительных и грязных людей», которые, собственно, и одержали победу методами партизанской борьбы и террора, – подавляют из страха, что те бросят вызов классовым привилегиям. Презрение элит к «низшим слоям» этих людей с течением лет может принимать разнообразные формы. В последнее время одной из форм такого презрения является призыв к пассивности и подчинению («умеренность в демократии»), брошенный международными либералами в ответ на опасные последствия демократизации общественных движений в 1960-х годах.

Иногда государства все-таки следуют общественному мнению, вызывая страшную ярость центров власти. В качестве одного из

показательных примеров можно привести случай, имевший место в 2003 году, когда администрация Буша призвала Турцию принять участие во вторжении в Ирак. Девяносто пять процентов турок выступили против такого развития событий, и правительство страны, к изумлению и ужасу Вашингтона, учло их взгляды. Турция подверглась резкой критике за это отклонение от разумного поведения. Заместитель министра обороны Пол Уолфовиц, которого пресса прозвала «главным идеалистом» президентской администрации, обрушился на турецких военных с бранью за то, что они позволили правительству совершить это преступление, и потребовал извинений. Ничуть не смущаясь этого и бесчисленных других свидетельств надуманного «стремления к демократии», респектабельные комментаторы продолжили восхвалять президента Джорджа Буша-младшего за его приверженность «делу продвижения демократии», время от времени критикуя за наивность, с которой он полагал, что демократические устремления можно кому-то навязать извне.

Турецкий народ оказался не одинок. Противостояние американо-английской агрессии во всем мире приняло всепоглощающий характер. По данным международных опросов общественного мнения, поддержка военных планов Вашингтона почти повсеместно едва набирала 10 %. Это движение сопротивления вылилось в масштабные протесты по всей планете, в том числе и в Соединенных Штатах, – имперская агрессия, пожалуй, впервые в истории, натолкнулась на жесткое противостояние еще до ее официального начала. Журналист Патрик Тайлер с первой полосы *New York Times* заявил тогда, что «на планете, вероятно, есть две сверхдержавы: Соединенные Штаты и мировое общественное мнение»[587].

Беспрецедентные протесты в Соединенных Штатах вспыхнули и в ответ на агрессию, совершенную несколько десятилетий назад, – их участники осуждали войну, развязанную США в Индокитае. В 1967 году, когда антивоенное движение уже стало значимой силой, Бернард Фолл, военный историк и специалист по Вьетнаму, предупреждал, что Вьетнаму «как культурно-исторической сущности… грозит исчезновение… потому что его территория буквально гибнет под ударами самой мощной военной машины, когда-либо натравливаемой на регион таких размеров»[588]. Война будет завершена только к середине 1970-х, и надо признать, что протесты, действительно

достигшие неслыханного масштаба, оказали немалое влияние на мировоззрение американцев. Антивоенное движение превратилось в силу, которую больше нельзя было игнорировать. В том числе и в тот момент, когда хозяином Овального кабинета стал Рональд Рейган, полный решимости развязать агрессию в Центральной Америке. Администрация президента чуть ли не в точности повторяла шаги, предпринятые за двадцать лет до этого, когда Джон Кеннеди начал войну против Южного Вьетнама. Но в итоге, уже в других реалиях, пришлось отступить под натиском протестов со стороны общества. Рейгана сложно назвать пацифистом, и его внешняя политика была далеко не миролюбивой, но то, что случилось с Индокитаем, было несравненно хуже, так что мировое общественное мнение сыграло свою роль.

Нередко можно услышать утверждения о том, что масштабное неприятие обществом вторжения в Ирак не оказало никакого эффекта. Мне кажется, что это неправильно. Нападение, опять же, было ужасным, а его последствия в высшей степени гротескными. Вместе с тем могло быть и гораздо хуже. Вице-президент Дик Чейни, министр обороны Дональд Рамсфелд и остальные высокопоставленные чиновники администрации президента Буша так и не смогли лицезреть судьбу мер, к которым президенты Кеннеди и Линдон Джонсон активно прибегали сорок лет назад в отсутствие протестов.

Власть Запада под давлением

Намного больше можно сказать о факторах формирования государственной политики, которые отодвигаются в сторону, когда мы принимаем стандартное допущение, что в роли главных действующих лиц в международных делах выступают государства. Но сколь бы неочевидными ни были бы подобные оговорки, давайте все же примем упомянутое допущение, хотя бы в первом приближении к реальности. В этом случае вопрос о том, кто правит миром, сразу подводит нас к таким проблемам, как рост могущества Китая, бросающего вызов Соединенным Штатам и «мировому порядку»; новая «холодная война», маячащая на горизонте в Восточной Европе; глобальная террористическая война; американская гегемония и американский упадок и ряд других им подобных.

Вызовы, с которыми власть Запада столкнулась в начале 2016 года, в рамках традиционной системы взглядов очень практично

обобщил Гидеон Рахман, ведущий колумнист *Financial Times* в сфере международных отношений[589]. Для начала он предлагает нам краткий обзор западного видения мирового порядка: «По окончании “холодной войны” превосходящая военная мощь США всегда была ключевым фактором мировой политики». Особенно важно это было в трех регионах: Восточной Азии, где «флот США стал считать Тихий океан чем-то вроде “американского озера”»; Европе, где НАТО – считай, те же США, «финансирующие три четверти военных расходов альянса», – гарантирует территориальную целостность его членов; и на Ближнем Востоке, где гигантский военно-морской флот Соединенных Штатов и их военно-воздушные базы «существуют, чтобы поддерживать друзей и устрашать противников».

Сегодня, продолжает Рахман, проблема мирового порядка состоит в том, что «системы безопасности, выстроенные в этих трех регионах, сталкиваются с вызовами» из-за российского вторжения на Украину и в Сирию, а также из-за Китая, который превращает окружающие его моря из «американского озера» в «явно спорные воды». В сложившейся ситуации фундаментальный вопрос международных отношений сводится к тому, должны ли Соединенные Штаты «признать, что другие ведущие державы тоже могут считать соседние территории зоной своего влияния». По мнению Рахмана, должны – по причине распределения экономической власти по многим странам мира, да и просто потому, что так велит здравый смысл.

На мир конечно же можно смотреть с различных позиций. Но давайте все же остановимся на трех упомянутых выше, каждая из которых наверняка представляется критически важной. **Современные вызовы: Восточная Азия**

Во-первых, что касается «американского озера». Некоторые наверняка удивленно поднимут брови, прочитав сообщение о том, что в середине декабря 2015 года, «по сведениям высокопоставленных военных, американский бомбардировщик B-52, выполнявший обычный полет над Южно-Китайским морем, случайно вторгся на две морские мили в воздушное пространство искусственного острова, построенного Китаем, что в значительной степени обострило вопрос разногласий между Вашингтоном и Пекином»[590]. Те, кто знаком с мрачной летописью семидесяти лет эры ядерного оружия, понимают, что инциденты подобного рода слишком близко подводят человечество

к опасной черте, отделяющей нас от губительной ядерной войны. Отнюдь не обязательно быть сторонником агрессивных, провокационных действий Китая в Южно-Китайском море, чтобы заметить: в данном сообщении ничего не говорится о китайском стратегическом бомбардировщике с ядерным оружием на борту, пролетающим над Карибским морем или же у побережья Калифорнии, где Китай предъявляет претензии на создание «китайского озера». К счастью для всего мира.

Лидеры Китая очень хорошо понимают, что его морские торговые пути – от Японии до Малаккского пролива и дальше – окружают враждебные государства, опирающиеся на превосходящую американскую военную мощь. Соответственно, Китай начинает двигаться на запад посредством масштабных инвестиций и осторожных шагов к интеграции. Частично этот процесс идет в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), включающей в себя государства Центральной Азии, Индию, Пакистан и Россию. Иран получил статус наблюдателя, в котором отказали Соединенным Штатам, попутно призвав закрыть все военные базы в регионе. Китай – член ШОС воссоздает современную версию старого Шелкового пути, преследуя цель войти не только в регионы, относящиеся к зоне его влияния, но также дотянуться до Европы и нефтеносных территорий Ближнего Востока. Он тратит огромные суммы на создание единых азиатских торговых и энергетических систем с протяженными высокоскоростными железными дорогами и трубопроводами.

Одним из элементов программы является автомагистраль, пролегающая через самые высокие в мире горы и ведущая к построенному на китайские деньги пакистанскому порту Гвадар, призванному защитить нефтеналивные танкеры от потенциальных препятствий со стороны США. Кроме того, программа, как надеются Китай и Пакистан, придаст толчок промышленному развитию Пакистана – которому американцы, несмотря на масштабную военную помощь, так и не посодействовали, – а развитие промышленности побудит Пакистан покончить на своей территории с терроризмом, представляющим серьезную проблему для Китая в западной провинции Синьцзян. Гвадар станет составной частью китайской «нитки жемчуга», баз, построенных в Индийском океане в торговых

целях, но также обладающих потенциалом в плане военного использования – в надежде на то, что Китай когда-нибудь сможет защитить свое могущество вплоть до Персидского залива, впервые в современной истории[591].

Все эти шаги неуязвимы для сокрушительной военной мощи Вашингтона, если, конечно, не случится ядерной войны, которая попутно уничтожит и сами США.

В 2015 году Китай основал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и стал его основным акционером. В июне на церемонии открытия банка в Пекине присутствовали представители пятидесяти пяти государств, включая таких американских союзников, как Австралия и Великобритания, прибывших вопреки воле США. Самих Соединенных Штатов, как и Японии, не было. Некоторые аналитики полагают, что новый банк может составить конкуренцию бреттон-вудским институтам (Всемирный банк и Международный валютный фонд), в которых Соединенные Штаты обладают правом вето. Кроме того, по предположениям ряда специалистов, ШОС со временем станет аналогом НАТО[592].

Современные вызовы: восточная европа

Если говорить о втором регионе, Восточной Европе, то здесь, на границах между Россией и странами НАТО, назревает кризис. И не абы какой. В своем содержательном, здравом и дотошном исследовании, посвященном проблемам региона, Ричард Саква вполне логично пишет, что российско-грузинская война, вспыхнувшая в августе 2008 года, по сути, стала «первым конфликтом, призванным “остановить расширение НАТО”; вторым стал украинский кризис 2014 года. Гарантировать, что человечество выживет во время третьего, не может никто»[593].

Запад считает расширение НАТО благом. Неудивительно, что Россия, наряду со значительной частью глобального Юга, придерживается иного мнения, как и некоторые видные специалисты. Например, Джордж Кеннан с самого начала предупреждал, что расширение НАТО представляет собой «трагическую ошибку», в тон ему выступили и высокопоставленные американские деятели, назвав этот шаг в открытом письме Белому дому «политической ошибкой исторического масштаба»[594].

Своими корнями нынешний кризис уходит в 1991 год, когда закончилась «холодная война» и рухнул Советский Союз. Тогда возникло два радикально отличающихся друг от друга взгляда на новую систему безопасности и политико-экономических отношения в Евразии. По мнению Саквы, один из них сводился к «расширению Европы», главенствующая роль в которой отводилась Европейскому союзу с перспективой дальнейшего движения на восток с целью постепенно интегрировать расположенные там страны в свое политическое сообщество и создать обширную зону евроатлантической безопасности; с другой стороны, некоторые вынашивали идею создания «Большой Европы», имеется в виду Европы континентальной, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, с несколькими центрами власти, включая Брюссель, Москву и Анкару. При этом главная цель состояла в том, чтобы преодолеть традиционные барьеры в виде территориальной раздробленности, которая во все времена была бичом континента.

Главным поборником «Большой Европы», концепции, уходящей корнями в голлизм и другие инициативы, был лидер Советского Союза Михаил Горбачев. Однако, когда Россия рухнула под бременем разрушительных рыночных реформ 1990-х годов, эта мечта поблекла и вновь напомнила о себе, лишь когда страна стала восстанавливаться и искать свое место на мировой арене, а Владимир Путин со своим единомышленником Дмитрием Медведевым не раз призывали к геополитическому объединению «Великой Европы» от Лиссабона до Владивостока с целью создания «стратегического партнерства»[595].

Эти инициативы Запад «встретил с вежливым презрением», пишет Саква. Их посчитали «прикрытием для того, чтобы скрытно создать “Великую Россию”», попыткой вбить клин между Северной Америкой и Западной Европой. Эти опасения восходят к начальному периоду «холодной войны», когда многие боялись, что Европа может стать «третьей силой», независимой как от первой сверхдержавы, так и от второй, и двинуться в сторону более тесных связей именно со второй, СССР (что можно увидеть на примере «Новой восточной политики» Вилли Брандта и других инициатив).

На коллапс России Запад отреагировал как триумфатор. Его приветствовали как признак «конца истории», окончательной победы западной капиталистической демократии, почти так, будто Россия

получила предписание вернуться в состояние до Первой мировой войны, когда ей практически отводилась роль экономической колонии Запада. НАТО тут же начало расширяться на восток, в нарушение словесных гарантий в том, что они «не продвинутся ни на дюйм», – гарантий, данных Горбачеву после того, как тот одобрил объединение Германии и разрешил ей стать членом НАТО (в свете истории уступка более чем значимая). Эта дискуссия касалась только Восточной Германии – возможность того, что НАТО двинется *дальше* этой страны, с Горбачевым даже не обсуждалась, хотя в личных беседах тема все же поднималась[596].

Очень скоро альянс и в самом деле двинулся дальше Германии – до самых российских границ. Главная миссия НАТО официально претерпела изменения, теперь альянс должен был защищать «жизненно важную инфраструктуру» глобальной энергетической системы, морские пути и трубопроводы, обеспечивая себе масштабное поле деятельности. Более того, Запад радикально пересмотрел повсеместно провозглашаемую в настоящее время доктрину «ответственности защитить», резко отличающуюся от официальной версии ООН, и теперь НАТО может использоваться в качестве силы военного вмешательства под руководством США[597].

Особую озабоченность России вызывают планы принять в НАТО Украину. Они недвусмысленно были озвучены в ходе саммита НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года, когда

Украине и Грузии дали понять, что они могут стать членами альянса. Формулировки были предельно точны: «НАТО приветствует евроатлантические устремления Украины и Грузии стать членами альянса. Сегодня мы согласны, чтобы эти государства стали членами НАТО». После победы в результате «оранжевой революции» в 2004 году прозападных кандидатов представитель Госдепартамента тут же вылетел в Киев и особо подчеркнул, что «США горячо поддерживают евроатлантические устремления Украины и ее желание вступить в НАТО», о чем свидетельствуют документы *WikiLeaks*[598].

Опасения России можно понять без особого труда. Их в журнале *Foreign Affairs*, ведущем издании американского политического истеблишмента, в общих чертах обрисовал специалист по международным отношениям Джон Мирсхеймер. Он пишет, что «стержневой корень нынешнего кризиса [в отношении Украины]

заключается в расширении НАТО, а также желании НАТО вывести Украину из сферы влияния Москвы и включить в орбиту Запада», в чем Путин увидел «прямую угрозу ключевым интересам России».

«Кто осмелится его в этом обвинять?» – спрашивает Мирсхеймер, указывая, что «Вашингтону может не нравиться позиция Москвы», однако он «должен понимать лежащую в основе этой позиции логику». Это совсем не трудно. Ведь все знают, что «Соединенные Штаты терпеть не могут, когда великие державы развертывают свои вооруженные силы в тех или иных уголках Северного полушария, и уж тем более у их границ». В действительности позиция США куда жестче. Они терпеть не могут явления, названного «успешным неповиновением» в принятой в 1823 году доктрине Монро, которая провозгласила контроль США над всем полушарием (хотя на сегодняшний день полного контроля США еще не добились). Небольшое государство, осмелившееся на подобное «успешное неповиновение», может испытать на себе «все земные ужасы»: на него могут наложить сокрушительное эмбарго, что и случилось с Кубой. Нам нет нужды задаваться вопросом о том, как Соединенные Штаты отреагировали бы на присоединение к Варшавскому договору стран Латинской Америки, а за ними Мексики и Канады. Малейший намек на первые робкие шаги в этом направлении был бы пресечен с «максимальным пристрастием», если воспользоваться жаргоном ЦРУ[599].

Как и в случае с Китаем, к мотивам и шагам Путина совсем не обязательно относиться благосклонно, чтобы понять логику шагов и мотивов российского лидера и постичь всю значимость понимания этой логики, вместо того чтобы посылать в ее адрес проклятия. Как и в случае с Китаем, на кону здесь стоит очень многое – буквально вплоть до выживания человечества.

Современные вызовы: исламский мир

Теперь давайте обратимся к третьему региону, вызывающему озабоченность, – исламскому (в большинстве своем) миру, который тоже стал ареной Глобальной войны с террором (ГВТ), объявленной Джорджем Бушем-млад-шим в 2001 году после терактов 11 сентября. Точнее, объявленной *повторно.* ГВТ провозгласила еще администрация Рейгана, когда он был у власти, пользуясь лихорадочной риторикой о «заразе, распространяемой порочными

противниками самой цивилизации» (как назвал их Рейган) и о «возврате к варварству в современную эпоху» (слова Джорджа Шульца, его госсекретаря). Первую ГВТ из истории втихомолку вырезали, и вскоре она превратилась в кровопролитную и разрушительную террористическую войну, вспыхнувшую в Центральной Америке, на юге Африки, на Ближнем востоке. Ее зловещие последствия ощущаются и сегодня, вплоть до того, что Международный суд ООН выдвинул обвинения против США (хотя Вашингтон их отверг). Как бы там ни было, с точки зрения истории это было неправильно, а раз так, то можно считать, что ничего такого не было вообще.

Успех ГВТ в версии Буша – Обамы можно без труда оценить при ближайшем рассмотрении. Когда война только была провозглашена, террористические цели ограничивались небольшим, населенным несколькими племенами уголком Афганистана. Эти цели защищали афганцы, в основном питая к ним отвращение или презрение, но все же исполняя свой долг в соответствии с племенным законом гостеприимства, – американцев совершенно сбило с толку, когда эти бедные крестьяне отказались «выдать им Усаму бен Ладена за астрономическую для них сумму в 25 миллионов долларов»[600].

Есть все основания полагать, что в результате хорошо подготовленной полицейской операции или даже серьезных дипломатических переговоров с движением Талибан лиц, подозреваемых в совершении терактов 11 сентября, передали бы американцам для суда и вынесения приговора. Однако такие варианты на повестке дня не стояли. Вместо этого в ответ было принято решение начать масштабную агрессию – американцам захотелось не столько свергнуть Талибан (что случилось несколько позже), сколько выразить свое презрение к робким предложениям представителей этого движения экстрадировать бен Ладена. Насколько эти предложения были серьезны, мы не знаем, ведь возможность их рассмотреть никогда даже не рассматривалась. А может, Соединенным Штатам просто захотелось «поиграть мышцами, одержать победу и напугать весь мир. Им плевать и на страдания афганцев, и на то, сколько человек мы потеряем».

Это взгляд многоуважаемого Абдула Хака, лидера противников Талибана, одного из многих оппозиционеров, осудивших

американские бомбардировки, начатые в октябре 2001 года, и заявивших, что они «поставили большой крест» на усилиях свергнуть Талибан изнутри, хотя эта цель, по их мнению, была вполне достижима. Того же мнения придерживается и Ричард Кларк, занимавший пост главы Группы контртеррористической безопасности Белого дома во времена правления Джорджа Буша-младшего, когда готовились планы нападения на Афганистан. Кларк рассказывает, когда во время совещания президенту сообщили, что это нападение будет идти вразрез с международным законодательством, «он на всю маленькую совещательную комнату заорал: “Чихать я хотел, что там говорят эти международные законники, мы собираемся надрать кое-кому задницу!”». Также этой агрессии очень активно противостояли работающие в Афганистане организации по оказанию помощи, предупреждая, что миллионы жителей страны практически голодают и что последствия этого шага могут оказаться поистине чудовищными[601].

Вряд ли здесь стоит еще раз рассматривать последствия, с которыми позже столкнулся Афганистан.

Следующей целью на пути американской кувалды был Ирак. Вторжение в эту страну войск США и Великобритании, без всякого действенного на то повода, стало главным преступлением XXI века. В результате нападения погибли сотни тысяч человек, и это в стране, граждане которой и без того были разорены американо-британскими санкциями, которые два вводивших их выдающихся дипломата назвали «геноцидом» и по этой причине подали в отставку в знак протеста[602]. Кроме того, вторжение породило миллионы беженцев, в значительной степени разрушило инфраструктуру страны и повлекло за собой межплеменной конфликт, раздирающий сегодня не только Ирак, но и весь регион. Для нашей высокоморальной, интеллектуальной культуры просто удивительно наблюдать, как в просвещенных, хорошо информированных кругах данный конфликт банально называют «освобождением Ирака»[603].

Согласно опросам, проведенным Пентагоном и Министерством обороны Великобритании, только 3 % иракцев считали усилия США по обеспечению безопасности в регионе легитимными, менее 1 % верили, что «коалиция» (США – Великобритания) действительно способствовала укреплению их безопасности, 80 % выступали против

присутствия сил коалиции в стране, и большинство поддерживали военные действия против коалиционных войск. Афганистан подвергся таким разрушениям, что достоверные опросы общественного мнения там провести нельзя, однако по ряду признаков можно сделать вывод, что и в этой стране наблюдается аналогичная картина. В Ираке Соединенные Штаты потерпели самое сокрушительное поражение, отказались от заявленных военных целей и оставили страну под влиянием единственного победителя – Ирана[604].

Кувалдой помахали и в других странах, особенно в Ливии, где три традиционные имперские державы (Великобритания, Франция и США) вооружились резолюцией Совета Безопасности ООН 1973 года и сами же ее без промедления нарушили, оказав противникам режима поддержку с воздуха. Их действия свели на нет возможность мирного урегулирования ситуации путем переговоров, резко увеличили количество жертв (по данным политолога Алена Купермана, как минимум в десять раз) и оставили Ливию лежать в руинах, в руках непримиримых незаконных военных формирований. А заодно Исламское государство было снабжено военной базой, чтобы нести террор дальше. Как отмечает Алекс де Ваал, весьма здравые дипломатические предложения, выдвинутые Африканским союзом и в принципе одобренные ливийским лидером Муаммаром Каддафи, имперский триумвират отверг. Массовый наплыв оружия и джихадистов распространил насилие и террор на пространстве от Западной Африки (ныне занимает первое место по количеству погибших в результате террористических актов) до Леванта. Кроме того, на фоне натовских атак из Африки в Европу хлынул поток беженцев[605].

Еще один триумф «гуманитарного вмешательства», ставший, как свидетельствуют многочисленные мрачные страницы истории, делом весьма привычным и восходящий своими нынешними корнями к временам, от которых нас отделяют четыре столетия.

Цена насилия

Одним словом, стратегия кувалды ГВТ распространила джихадистский террор с крохотного уголка Афганистана на значительную часть земного шара, начиная от Африки и Леванта до стран Южной и Юго-Восточной Азии. А заодно спровоцировала террористические акты в Европе и Соединенных Штатах.

Значительный вклад в этот процесс внесло вторжение в Ирак – в полном соответствии с прогнозами разведслужб. Питер Берген и Пол Крикшенк, специалисты по вопросам терроризма, полагают, что война в Ираке «поразительным образом привела к семикратному росту годового количества джихадистских атак, их число увеличилось буквально на сотни, лишив жизни тысячи гражданских лиц; даже если исключить терроризм в Ираке и Афганистане, терактов, повлекших за собой смерть людей, в остальном мире стало больше, чем на треть».

Боевые действия в других регионах привели к аналогичному результату[606].

Ряд крупных организаций по защите прав человека – «Врачи за социальную ответственность» (США), «Врачи за глобальное выживание» (Канада) и «Врачи мира за предупреждение ядерной войны» (Германия) – провели исследование с целью «максимально реально оценить общее число погибших в трех главных зонах конфликтов [Ирак, Афганистан и Пакистан] за 12 лет войны с терроризмом», включая обширный анализ «посвященных этой теме материалов и публичных данных о количестве жертв», дополнив их сведениями о боевых действиях. По самым скромным подсчетам, во время этих войн погибли 1,3 миллиона человек, хотя этот показатель может превышать и два миллиона[607]. Поиск в базах данных, проведенный независимым исследователем Дэвидом Петерсоном практически сразу после публикации этого доклада, выявил, что в официальных источниках эти сведения практически нигде не упоминаются. Разве до них кому-то есть дело?

В более общем смысле исследование, проведенное Институтом Осло по изучению проблем мира, продемонстрировало, что порядка двух третей жертв были убиты в ходе внутренних конфликтов в тех случаях, когда их внешние участники навязывали свои решения. Девяносто восемь процентов жертв таких конфликтов погибали, когда внешние участники вмешивались во внутренние дела с использованием своей военной мощи. В Сирии количество непосредственных жертв конфликта увеличилось более чем втрое, когда Запад начал бомбить самопровозглашенное Исламское государство, а ЦРУ стало втихую принимать участие в боевых действиях[608]. Причем, по всей вероятности, это вмешательство вовлекло в конфликт русских, после того как продвинутые

американские противотанковые ракеты стали крушить армию их союзника Башара Асада. Судя по первым признакам, бомбардировки русских влекут за собой примерно те же последствия.

Свидетельства, рассмотренные политологом Тимо Кивимаки, указывают на то, что «протекционистские войны [которые ведут «коалиции доброй воли»] стали главным источником насилия в мире; если бы не они, очень многих жертв, порой до половины, можно было бы избежать». Более того, как отмечает ученый, во многих подобных случаях, включая и Сирию, существовали возможности дипломатического решения конфликтов, которые попросту игнорировались. Как уже говорилось выше, то же самое относится и к другим кошмарным ситуациям, включая конфликт на Балканах в начале 1990-х, первую войну в Персидском заливе и, конечно, агрессию в Индокитае – самое страшное преступление после Второй мировой войны. В случае с Ираком данный вопрос даже не стоит. Здесь есть из чего извлечь уроки.

Как правило, последствия использования кувалды против уязвимых народов не вызывает удивления. Уже упомянутое нами дотошное исследование повстанческих движений, проведенное Уильямом Полком, должно стать настольной книгой для каждого, кто желает разобраться в нынешних конфликтах, равно как и для всех, кто занимается планированием, при том, однако, условии, что их заботят не только господство и власть, но и гуманитарные последствия. Полк указывает на некую модель, повторяющуюся снова и снова. Агрессоры – даже руководствующиеся самыми благими целями, – вполне естественно, не нравятся местному населению, которое сначала не подчиняется им в мелочах, провоцируя силовую реакцию, а та, в свою очередь, сплачивает оппозицию, с течением времени поддерживаемую все большим количеством людей. Этот цикл эскалации нарастает до тех пор, пока агрессор не уходит или не достигает своих целей методами, граничащими с геноцидом.

Примерно по той же модели развивалась и развязанная Обамой кампания убийств с помощью дронов – весьма примечательное нововведение в глобальном терроризме. Большинство отчетов свидетельствует о том, что она порождает террористов больше, чем убивает тех, кто подозревается в намерении в один прекрасный день причинить нам вред, – весьма весомый вклад нашего Юриста по

конституционным правам, приуроченный к восьмисотлетней годовщине Великой хартии, установившей принцип презумпции невиновности, лежащий в основе любого цивилизованного права.

Еще одной характерной чертой вмешательств такого рода является вера в то, что протест можно преодолеть, уничтожив его лидеров. Однако, когда подобные усилия оканчиваются успехом, на смену убитому лидеру приходит человек более молодой, решительный, жестокий и результативный. Полк приводит тому множество примеров. Военный историк Эндрю Кокберн в своей книге «Убить цепь» подверг тщательному анализу многолетние американские кампании по борьбе с наркомафией с практикой устранения ее главарей и пришел к аналогичным выводам. Можно с огромной долей уверенности ожидать, что подобное положение дел будет сохраняться и дальше. В данный момент американские стратеги наверняка разрабатывают планы ликвидации «халифа Исламского государства» Абу Бакра аль-Багдиди, как и другого злейшего врага – лидера АльКаиды Аймана аз-Завахири. Вероятный результат реализации этих планов предсказал известный специалист по вопросам терроризма Брюс Хоффман, старший научный сотрудник Центра по борьбе с терроризмом Военной академии США. По его убеждению, «смерть аль-Багдиди откроет дорогу к сближению ИГИЛ с Аль-Каидой и созданию террористической силы, беспрецедентной по размерам, масштабу деятельности, возможностям, амбициям и ресурсам»[609].

Полк ссылается на трактат о методах ведения войны, написанный Генрихом Жомини под впечатлением поражения Наполеона от рук испанских повстанцев, – этот трактат стал настольной книгой для многих поколений слушателей Военной академии в Вест-Пойнте. Жомини отмечал, что подобное вмешательство, как правило, оборачивается «противоборством взглядов» и почти всегда ведет к «гражданской войне», если и не с самого начала, то в ходе борьбы, подчиняясь описываемой Полком динамике. Жомини заключает, что «военачальники регулярных армий не должны прислушиваться к советам втягиваться в подобные войны, которые они все равно проиграют», а если и добьются успеха, то лишь на короткий срок[610].

Внимательный взгляд на Аль-Каиду и ИГИЛ свидетельствует о том, что Соединенные Штаты и их союзники в точности следуют намеченному этими террористическими организациями плану игры.

Их цель заключается в том, чтобы «как можно активнее и глубже втягивать Запад в трясину», «постоянно вовлекать Соединенные Штаты и Запад, изнуряя их, в затяжные военные авантюры на территории других государств», при этом расшатывая общество у них дома, заставляя тратить ресурсы, повышая уровень насилия и запуская процессы, которые описывает Полк[611].

Скотт Этрен, один из самых проницательных специалистов по джихадистским движениям, подсчитал, что «для осуществления терактов 11 сентября 2001 года потребовалось от 400 000 до 500 000 долларов, в то время как на военный ответ и обеспечение мер безопасности Соединенным Штатам потребовалось в 10 миллионов раз больше. С точки зрения чистого соотношения прибылей и затрат, это движение насилия оказалось в высшей степени успешным, превысив даже первоначальные ожидания бен Ладена. Причем успех будет развиваться и в будущем. В этом в полной мере и заключаются асимметричные боевые действия в стиле джиу-джитсу. В конце концов, кто может претендовать на то, что мы стали лучше, чем раньше, или что опасность пошла на спад? А если мы и дальше будем размахивать кувалдой, молча следуя написанному джихадистами сценарию, то самым вероятным следствием этого станет еще более агрессивный джихадизм, привлекательность которого во многих регионах повысится. Имевшие место события, полагает Этрен, «должны побудить к изменению стратегии нашего противодействия».

Американцы помогают Аль-Каиде и ИГИЛу, следуя директивам террористов; взять, к примеру, республиканца Теда Круза, большого любителя ковровых бомбардировок. Или же представителя противоположного конца политического спектра Томаса Фридмана, ведущего колумниста *New York Times* по Ближнему Востоку и международным отношениям, который в 2003 году посоветовал Вашингтону, как надо воевать в Ираке, во время шоу *Charlie Rose:* «Там появилось некое образование, которое я назвал бы террористическим пузырем… Все что от нас требовалось – это отправиться в этот уголок света и пузырь проткнуть. По сути, нам надо было туда слетать, взять очень большую палку и проткнуть ею пузырь. И сделать это был только один способ… Им надо было видеть только одно: американских девушек и парней, которые ходят от дома до дома на пространстве от Басры до Багдада… Что из этого предложения вам,

по сути, непонятно? Думаете, нам есть дело до открытого общества? Думаете, мы оставим этот причудливый пузырь в покое? Да ни хрена подобного. Так-то. Вот о чем, Чарли, была та война»[612].

Они им покажут, этим моджахедам.

Глядя вперед

Этрен и другие внимательные наблюдатели в основном сходятся во мнениях касательно установок на будущее. Для начала мы должны признать то, что нам с такой очевидностью демонстрируют скрупулезные исследования: те, кого привлекает джихад, «испытывают неодолимую тягу к своей истории и традициям с их собственными героями и моралью; и Исламское государство, каким бы бесчеловечным и отвратительным оно ни выглядело не только в наших глазах, но и в глазах большей части арабского, мусульманского мира, напрямую обращается к этим устремлениям… Сегодня большинство террористов-смертников вдохновляются не Кораном, а захватывающим трепетом и призывом к действию, которые обещают славу и уважение со стороны друзей». По сути, очень немногие джихадисты знакомы с исламскими текстами и теологией, если, конечно, таковые вообще есть[613].

Лучшей стратегией, советует Полк, стала бы «международная программа, ориентированная на благополучие и удовлетворяющая ряду психологических требований… способная снизить градус ненависти, на которую опирается ИГИЛ. Ее элементы нам четко определены: общие потребности, компенсация за предыдущие преступления, призыв начать все сначала»[614]. «Тщательно сформулированные извинения за совершенные ранее злодеяния, – добавляет он, – обойдутся недорого, но сделают очень многое». Такого рода проект можно реализовать в лагере для беженцев или же «в трущобах пригородов Парижа», где, как пишет Этрен, команда его исследователей «повсеместно выявила терпимое отношение, а то и поддержку ценностей ИГИЛ». Еще больше можно сделать посредством истинной приверженности дипломатии и переговорному процессу, отказавшись от практики рефлекторного использования насилия.

Далеко не последним по значимости был бы достойный ответ на «кризис беженцев», долго назревавший и в 2015 году с силой всколыхнувший всю Европу. Это, по крайней мере, означало бы резкое

увеличение гуманитарной помощи лагерям беженцев в Ливане, Иордании и Турции, где обездоленные беженцы из Сирии едва сводят концы с концами. Впрочем, данная проблематика этим вопросом не ограничивается и дает нам неприглядную картину государств, называющих себя «просвещенными», которая должна послужить нам стимулом к действию.

Есть страны, такие как Соединенные Штаты и, чуть в меньшей степени, Великобритания и Франция, массовая агрессия которых порождает потоки беженцев. И есть страны, которые эти потоки, включая жертв агрессии Запада, у себя принимает, такие как Ливан (явный чемпион по количеству беженцев на душу населения), Иордания, Сирия (пока в ней самой не началась война) и ряд других в этом регионе. Есть также страны, которые, с одной стороны, порождают потоки беженцев, а с другой – отказываются у себя их принимать, причем не только с Ближнего Востока, но и с собственного «заднего двора», по ту сторону своей южной границы. Странная картина, наблюдать которую весьма и весьма неприятно.

Если говорить честно, то поколение беженцев уходит своими корнями в куда более ранний этап истории. Ветеран ближневосточной журналистики Роберт Фиск сообщает, что на одном из первых видеороликов, подготовленных Исламским государством, «фигурировал бульдозер, сносивший песчаный бруствер, знаменующий собой границу между Ираком и Сирией. Когда машина разрушила земляную насыпь, камера выхватила написанную от руки вывеску со словами “Конец соглашению Сайкса – Пико”».

Для жителей региона соглашение Сайкса – Пико является ярчайшим символом жестокости и цинизма западного империализма. Тайком договорившись во время Первой мировой войны, британец Марк Сайкс и француз Франсуа Жорж-Пико, ради достижения собственных целей, поделили регион на несколько искусственных государств, совершенно презрев интересы живущих там людей, в нарушение обещаний, данных во время войны, чтобы побудить арабов примкнуть к военным действиям союзников. Этот договор отражал практику европейских государств, сходным образом разорившую Африку. «Она превратила спокойные, пусть даже относительно, провинции Оттоманской империи в самые нестабильные и взрывоопасные в международном плане государства в мире»[615].

С тех пор Запад неоднократно вторгался в Африку и на Ближний Восток, разжигая конфликты, повышая градус напряженности и сея хаос, сотрясающий народы. Конечным результатом стал «кризис с беженцами», который невинный Запад едва в состоянии вынести. Германия в этой ситуации выступила в роли совести Европы, приняв на первом этапе (но не потом) почти миллион беженцев – в одну из богатейших стран мира с населением в 80 миллионов человек. На контрасте с ней бедная страна Ливан приняла порядка 1,5 миллиона беженцев, что составляет четверть ее собственного населения, и это в дополнение к миллиону палестинских беженцев, зарегистрированных БАПОР и, по большей части, являющихся жертвами израильской политики.

Кроме того, Европа стонет от наплыва беженцев из стран, которые она же и разорила в Африке – не без помощи США, что подтвердят в том числе жители Конго и Анголы.

Теперь Европа пытается подкупить Турцию (принявшую у себя два миллиона беженцев из Сирии), чтобы убрать тех, кто бежит от ужасов войны, подальше от своих границ. В этом она поступает точно так же, как США, оказывающие давление на Мексику, чтобы та не подпускала к американской границе всех, кто спасается от последствий развязанной Рейганом Глобальной войны с террором, равно как и жертв катастроф более позднего периода, включая военный переворот в Гондурасе, который во всем белом свете объявил законным один лишь Обама и который (переворот) породил самые отвратительные ужасы во всем регионе[616].

Ответ США на кризис с сирийскими беженцами не подлежит описанию словами, по крайней мере теми, что приходят мне в голову.

Возвращаясь к нашему первоначальному вопросу «Кто правит миром?», мы также могли бы задать и другой: «Какие принципы и ценности правят миром?» В первую очередь он должен звучать в головах граждан богатых и могущественных государств, пользующихся доставшейся им в наследство широчайшей свободой, а также привилегиями и возможностями, которые достались им благодаря борьбе предшественников, – перед ними сейчас стоит судьбоносный выбор: им надо решить, как реагировать на вызовы, обладающие огромным значением для всего человечества.

Об авторе

Ноам Хомский – автор многочисленных политических бестселлеров, включая такие книги, как «Гегемония и выживание» и «Неудавшиеся Штаты». Почетный профессор философии и лингвистики Массачусетского технологического института, широко известен революционными работами в сфере современной лингвистики.

Живет в Кембридже, штат Массачусетс. **Проект «американская империя»**

В эпоху беспрецедентной военной мощи лидеры Соединенных Штатов, глобальной гипердержавы, все больше и чаще преследуют имперские амбиции. Чем обусловлено это смещение целей и политики? И что нас ждет дальше на этом пути?

Проект «Американская империя» представляет собой ответ на изменения в американском стратегическом мышлении, а также в военном и экономическом положении страны. Империя, длительное время считавшаяся оскорблением демократического наследия Америки, теперь грозится определять отношения между Штатами и остальным миром. В рамках проекта «Американская империя» публикуются книги, изучающие этот процесс, рассматривающие происхождение имперских чаяний США, анализирующие их последствия внутри страны и за рубежом, а также изучающие альтернативы этой опасной тенденции.

Проект задумали Том Энгельгардт и Стив Фрейзер, выступающие одновременно в роли его составителей, историков и писателей. Книги публикуются в *Metropolitan Books*, импринте *Henry Holt and Company*, и включают в себя такие работы, как «Гегемония или выживание» и «Неудавшиеся Штаты» Ноама Хомского, «Пределы власти» и «Вашингтон правит» Эндрю Бесевича, «Кровь и нефть» Майкла Клэра, «Убивай все что движется» Ника Терса, «Народная история Американской империи» Говарда Зинна и «Мастерская Империи» Грега Грандина.

За дополнительной информацией о проекте «Американская империя», а также чтобы посмотреть список планируемых к публикации книг, обращайтесь на сайт

americanempireproject.com.

Примечания

1

Джеймс Морган (James *Morgan),* экономический обозреватель BBC // Financial Times (London), 25-26 апреля 1992 г.

Вернуться

2

Martin Gilens, Benjamin Page. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens (М. *Джиленс, Б. Пейдж.* Проверка теорий американской политики: элиты; группы, представляющие интересы; и рядовые граждане) // Perspectives on Politics, № 3 (сентябрь 2014 г.), см. также: http://www.princeton.edu; *Martin Gilens.* Affluence and Influence: Economic Inequality and Political Power in America. (М. *Джиленс.* Богатство и влияние: экономическое неравенство и политическая власть в Америке). – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010; *Larry Bartels.* Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age *(Л. Бартелз.* Демократия неравенства: политическая экономия Нового позолоченного века). – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008; *Thomas Ferguson.* Golden Rule: The Investment Theory of Party Competition and the Logic of Logic of Money-Driven Political Systems (Г. *Фергюсон.* Золотое правило: инвестиционная теория состязания между партиями и логика политической системы, движимой деньгами). – Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Вернуться

3

Уолтер Дин Бернхем *(Walter Dean Burnham),* в сб. «Тайные выборы» под ред. Томаса Фергюсона и Джоэла Роджерса *(Hidden Election /* Thomas Ferguson and Joel Rogers, eds. – New York: Random House, 1981); *Walter Burnham, Thomas Ferguson.* Americans Are Sick to Death of Both Parties: Why Our Politics Is in Worse Shape Than We Thought *(У. Бернхем, I Фергюсон.* Американцев тошнит об обеих партий: почему наша политика в худшей форме, чем мы думали), см.: http:// www.alternet.org/americans-are-sick-death-both-parties-why-our-poli-tics-worse-shape-we thought? paging=off&current_page=l#bookmark (17 декабря 2014 г.)

Вернуться

4

Ken Caldeira. Stop Emissions *(К. Кальдейра.* Прекратить выбросы) // MIT Technology Review, 119, № 1, январь/февраль 2016 г.; Текущий

процесс климатических изменений беспрецедентен за всю историю Земли) / Пресс-релиз University of Bristol, 4 января 2016 г.; в тот же день материал был опубликован на сайте журнала *Nature Geoscience*, см.: http: //www.bristol. ac. uk/ne ws/2016/j anuary/pace-environment-change .html.

Вернуться

5

Julian Borger. Nuclear Weapons Risk Greater Than in Cold War, Says Ex-Pentagon Chief *(Дж. Борджер.* «По словам бывшего главы Пентагона, риск ядерной войны сейчас выше, чем во времена “холодной войны”») // Guardian (London), 7 января 2016 г., см. также: http://www.theguardian.com/world/2016/jan/07/nuclear-weapons-risk-greater-than-in-cold-war-says-ex-pentagon-chief; *William Broad, David Sanger.* As U.S. Modernizes Nuclear Weapons, ‘Smaller’ Leaves Some Uneasy (*У. Броуд, Д. Сэнджер.* По мере того как США модернизируют ядерное оружие, государства «поменьше» забывают о былом смущении) // New York Times, 12 января 2016 г., см также.: http:// www.nytimes.com/2016/01/12/science/as-us-modernizes-nuclear-weapons-smaller-leaves-some-uneasy.html?_r=0.

Вернуться

6

Steven Lukes. Emile Durkheim: His Life and Work (С. *Лъюкс.* Эмиль Дюркгейм: его жизнь и труды). – Palo Alto, C A: Stanford University Press, 1973, 335.

Вернуться

7

Манифест 93 германских интеллектуалов к цивилизованному миру, 1914 год // Архив документов Первой мировой войны. См.: http://www.gwpda.org/1914/93intell.html.

Вернуться

8

Кто желал американского участия // New Republic, 14 апреля 1917 г., 308-310.

Вернуться

9

The Middle Works of John Dewey, Vol.ll, 1899-1924: Journal Articles, Essays, and Miscellany Published in the 1918-1919 Period / Jo Ann

Boydston, ed. (Труды Джона Дьюи промежуточного периода. Т. 11, 1899-1924: Журнальные статьи, эссе и другие материалы, опубликованные в 1918-1919 гг. / Под ред. Джо Энн Бойдстона). – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1982, 81-82.

Вернуться

10

John Dewey. Our Un-Free Press *(Джон Дьюи.* Наша несвободная пресса) / The Later Works of John Dewey, Vol. 13, 1925-1953: Essays, Reviews, Trotsky Inquiry, Miscellany, and Liberalism and Social Action / Jo Ann Boydston, ed. (Труды Джона Дьюи позднего периода. Т. 13,1925-1953: Эссе, критические статьи, расследование дела Троцкого, другие материалы, либерализм и социальное действие / Под ред. Джо Энн Бойд стона). – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987, 270.

Вернуться

11

Randolph Bourne. Twilight of Idols (Р. *Борн.* Сумерки идолов) // Seven Arts, октябрь 1917 г., 688-702.

Вернуться

12

Michael Crozier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuke. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission (М. *Крозъер,* С. *П. Хантингтон, Дж. Уатанъюк.* Кризис демократии: доклад об управляемости демократии, представленный Трехсторонней комиссии). – New York University Press, 1975, см. также: http://www.trilateral.org/download/doc/crisis_of_democracy.pdf.

Вернуться

13

Adam Smith. The Wealth of Nations *(А. Смит.* Богатство народов). – New York: Bantam Classics, 2003, 96.

Вернуться

14

Gordon S. Wood. The Creation of the American Republic, 1776-1787 (Г. С. *Вуд.* Создание Американской республики, 1776-1787). – New York: W. W. Norton, 1969, 513-14. В своей работе «Священный огонь свободы: Джеймс Мэдисон и основание Федеральной республики» Лэнс Баннинг категорично настаивает на приверженности Мэдисона

народному правлению, но в то же время не соглашается с предложенной Вудом оценкой целей Конституции. См.: *Lance*

Banning. The Sacred Fire of Liberty: James Madison and the Founding of the Federal Republic. – Ithaca: Cornell University Press, 1995, 245.

Вернуться

15

Из письма Джеймса Мэдисона Томасу Джефферсону, 9 декабря 1787 года. См.: http://founders.archives.gov/documents/Madi-son/01-10-02-0197. См. также: *Ralph Louis Ketcham.* Madison: A Biography (Р. *Л. Кетчем.* Джеймс Мэдисон: биография). – Charlottesville: University of Virginia Press, 1990, 236, 247, 298.

Вернуться

16

Edward Thorndike. How May We Improve the Selection, Training, and Life Work of Leaders (Э. *Торндайк.* Как нам улучшить отбор, подготовку и деятельность лидеров) // Teachers College Record, апрель 1939 г., 593-605.

Вернуться

17

Краткая характеристика террористических организаций *(Terrorist Group Profiles*) // Department of State, январь 1989 г. См. также: *Robert Pear.* US Report Stirs Furor in South Africa (Р. *Пир.* Американский доклад всколыхнул ярость в Южной Африке) // New York Times, 14 января 1989 г.

Вернуться

18

Межведомственная комиссия ООН по восстановлению Африки / Экономическая комиссия по делам Африки / Дестабилизация в Южной Африке: экономическая цена передовой борьбы с апартеидом, 1989,13.

Вернуться

19

Noam Chomsky. The Evil Scourge of Terrorism. Speech to the International Erich Fromm Society (Я. *Хомский.* Пагубный бич терроризма. Выступление перед Международным обществом Эрика Фромма) // Stuttgart, Germany, 23 марта 2010 г.

Вернуться

20

Высказывания сотрудников Института Гувера Мартина Андерсона (*Martin Anderson)* и Аннелиз Андерсон (*Annelise Anderson)* о Рейгане приведены по статье Пола Бойера «Шлифуя документы Рейгана по теме разоружения» (*Paul Boyer. Burnishing Reagan's Disarmament Credentials) //* Army Control Today, сентябрь 2009 г.

Вернуться

21

John Coatsworth. The Cold War in Central America, 1975-1991 *(Дж. Коутсворт.* «Холодная война» в Центральной Америке, 1975-1991 – глава из книги «Кембриджская история "холодной войны"». (The Cambridge History of the Cold War: Vol. 3: Endings / Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad, eds. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010).

Вернуться

22

Noam Chomsky. Hopes and Prospects *(Н. Хомский.* Надежды и перспективы). – Chicago: Haymarket Books, 2010, 272.

Вернуться

23

Документы Джона Ф. Кеннеди: Президентские материалы. Архив Национальной безопасности. Встречи и меморандумы. Меморандум о действиях в сфере национальной безопасности [NSAM]: NSAM 134. Доклад о ситуации с внутренней безопасностью в Южной Америке // JFKNSF-335-013. Президентская библиотека и музей Джона Ф. Кеннеди, Бостон, Массачусетс.

Вернуться

24

Lars Schoultz. Human Rights and United States Policy Toward Latin America *(Л. Шульц.* Права человека и государственная политика Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки). – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981; *Charles Maechling Jr.* The Murderous Mind of the Latin American Military (*4. Мечлинг-мл.* Убийственный дух латиноамериканского милитаризма) // Los Angeles Times, 18 марта 1982 г.

Вернуться

25

Цитата приведена по книге Адама Айзексона и Джой Олсон «Только факты» *(Adam Isacson*, *Joy Olson* Just the Facts. – Washington, DC: Latin America Working Group and Center for International Policy, 1999, ix).

Вернуться

26

Noam Chomsky. Humanitarian Imperialism: The New Doctrine of Imperial Right (Н. *Хомский.* Гуманитарный империализм: новая доктрина имперского права) // Monthly Review, 1 сентября 2008 г.

Вернуться

27

Noam Chomsky Rogue States (К *Хомский.* Непокорные государства). – Chicago: Haymarket Books, 2015, 88.

Вернуться

28

Noam Chomsky. Deterring Democracy (Я. *Хомский.* Сдерживая демократию) . – New York: Hill and Wang, 1991,131.

Вернуться

29

Noam Chomsky Hopes and Prospects (Я *Хомский.* Надежды и перспективы), 261.

Вернуться

30

Daniel Wilkinson. Death and Drugs in Colombia *(Д. Уилкинсон.* Смерть и наркотики в Колумбии) // New York Review of Books, 23 июня 2011 г.

Вернуться

31

Anthony Lewis. Abroad at Home (Э. *Льюис.* За границей как дома) // New York Times, 2 марта 1990 г.

Вернуться

32

Mary McGrory. Havel’s Gentle Rebuke (М. *Макгрори.* Мягкий укор Гавела) // Washington Post, 25 февраля 1990 г.

Вернуться

33

Mark Mazzetti, Helene Cooper; *Peter Baker.* Behind the Hunt for Bin (М. *Мазетти, Э. Купер, П. Бейкер.* За кулисами охоты на бен Ладена) // New York Times, 2 мая 2011 г.

Вернуться

34

Eric Alterman. Bin Gotten. (Э. *Олтерман.* Бен пойман) //Nation, 4 мая 2011 г.

Вернуться

35

Elaine Scarry. Rules of Engagement (Э. *Скарри.* Правила схватки) // Boston Review, 8 ноября 2006 г.

Вернуться

36

Russell Baker. A Heroic Historian on Heroes (Р. *Бейкер.* Героический историк о героях) // New York Review of Books, 11 июня 2009 г.

Вернуться

37

Mark Mazower. Short Cuts (М. *Мазо вер.* Короткие пути) // London Review of Books, 8 апреля 2010 г.

Вернуться

38

Eric S. Margolis. Osama's Ghost (Э. *Марголис.* Призрак Усамы) // American Conservative, 20 мая 2011 г.

Вернуться

39

Daniel Trotta. Cost of War at Least $3.7 Trillion and Counting Дэниел Тротта (*Д. Тротта.* , «По расчетам, война обойдется как минимум в 3,7 триллиона долларов»,) // Reuters, 29 июня 2011 г.

Вернуться

40

Michael Scheuer. Imperial Hubris: Why the West Is Losing the War on Terror (М. *Шейер.* Имперская спесь: почему Запад проигрывает войну с террором). – Washington, DC: Potomac Books, 2004.

Вернуться

41

Выдвинутые против дрейфусаров обвинения приведены по книге Джеффри Готорна «Просвещение и отчаяние: история социальной

теории» *(Geoffrey Hawthorn.* Enlightenment and Despair: A History of Social Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976,117).

Вернуться

42

См.: *Nada Bakri, Graham Bowley.* Top Hezbollah Commander Killed in Syria (Н. *Бакри, Г. Боули.* В Сирии убит высокопоставленный военачальник «Хезболлы») // New York Times, 13 февраля 2008 г.

Вернуться

43

См.: *Hezbollah Leader May Have Been Killed by Insiders or Syria* (Лидер «Хезболлы» мог быть убит своими же в Сирии) //Associated Press, 17 февраля 2008 г.

Вернуться

44

Cynthia O'Murchu, Farrid Shamsuddin. Seven Days (С. *О'Мерчу, Ф. Шамсуддин.* Семь дней) // Financial Times (London), 16 февраля 2008 г.

Вернуться

45

Ferry Biedermann. A Militant Wanted the World Over (*Феррри Байдерманн.* Боевик хотел конца света) // Financial Times (London), 14 февраля 2008 г.

Вернуться

46

В одном из обзоров прессы Джефф Найгаард обнаружил ссылку на опрос общественного мнения Институтом Гэллапа, вскользь упомянутого в *Omaha World-Herald*, который «полностью исказил полученные данные» // Nygaard Notes Independent Weekly News and Analysis, 16 ноября 2001 г.; см. также: Counterpoise, 5, № 3/4 (2002 г.).

Вернуться

47

Ferry Biedermann. A Militant Wanted the World Over *(Феррри Байдерманн.* Боевик хотел конца света).

Вернуться

48

См.: *Noam Chomsky.* Middle East Illusions (Я. *Хомский.* Ближневосточные иллюзии). – London: Rowman & Littlefield, 2004, 235.

Вернуться

49

См.: Yediot Ahronot, 15 ноября 1985 г.

Вернуться

50

Bernard Gwertzman. U.S. Defends Action in U.N. (*Б. Гверцман.* США защищают нападение в ООН () // New York Times, 7 октября 1985 г.

Вернуться

51

Ежегодный отчет ООН. Т. 39,1985, 291.

Вернуться

52

Bernard Weinraub. Israeli Extends ‘Hand of Peace’ to Jordanians (Б. *Вайнштрауб.* Израильтяне протягивают «руку мира» иорданцам) // New York Times, 18 октября 1985 г.

Вернуться

53

См.: *Noam Chomsky.* Necessary Illusions (Н. *Хомский.* Необходимые иллюзии). – Toronto: House of Anansi, 1995, гл. 5.

Вернуться

54

В качестве примера можно привести статью Авива Лави «В стенах израильской секретной тюрьмы» *(Aviv Lavi.* Inside Israel’s Secret Prison // Ha’aretz, 23 августа 2003 г.)

Вернуться

55

См.: Йоав Биран ('*YoavBiran*), официальный представитель посольства Израиля // Manchester Guardian Weekly, 25 июля 1982 г.; Гэд Бекер *(Gad Becker*) // Yediot Ahronot, 13 апреля 1983 г.; *Reuters:* «Shamir Promises to Crush Rioters» (Рейтер: «Шамир обещает раздавить бунтовщиков) // New York Times, 1 апреля 1988 г.

Вернуться

56

См.: Davar, 10 декабря 1982 г.

Вернуться

57

Justin Huggler, Phil Reeves. Once Upon a Time in Jenin *(Дж. Хагглер, Ф. Ривз.* Однажды в Дженине) // Independent (London), 25 апреля 2002 г.

Вернуться

58

Амира Хасс *(Amira Hass*) // Ha'aretz, 19 апреля 2002 г.; перепечатано *в Los Angeles: Semiotext(e*), 2003 г.

Вернуться

59

Ferry Biedermann. A Militant Wanted the World Over (Ф. *Байдерманн* Боевик хотел конца света).

Вернуться

60

Bob Woodward, Charles Babcock. Anti-Terrorist Unit Blamed in Beirut Bombing (Б. *Вудворд, Ч. Бэбкок.* Во взрыве в Бейруте обвиняют подразделение по борьбе с терроризмом) // Washington Post, 12 мая 1985 г.

Вернуться

61

Nora Boustany. Beirut Bomb's Legacy Suspicion and Tears (Я. *Бустани.* Подозрения и слезы после взрыва в Бейруте) // Washington Post, 6 марта 1988 г.

Вернуться

62

Ethan Bronner. Israel Lets Reporters See Devastated Gaza Site and Image of a Confi dent Military. (Э. *Броннер.* Израиль разрешил журналистам увидеть разрушенную Газу и представил образ уверенных военных) // New York Times, 16 января 2009 г.

Вернуться

63

Julie Flint Israeli Soldiers in New Terror Raid on Shi'ite Village (*Дж. Флинт.* Израильские солдаты устроили новый рейд на шиитскую деревню) // Guardian (London), 6 марта 1985 г.

Вернуться

64

Adam Goldman, Ellen Nakashima. CIA and Mossad Killed Se nior Hezbollah Figure in Car Bomb *(А. Голдман, Э. Накасима.* ЦРУ и

МОССАД подорвали автомобиль и убили высокопоставленного деятеля «Хезболлы») // Washington Post, 30 января 2008 г.

Вернуться

65

Three Decades of Terror (Три десятилетия террора) // Financial Times, 2 июля 2007 г.

Вернуться

66

FawazA. Gerges. Journey of the Jihadist: Inside Muslim Militancy (Ф. *Джерджес.* Путь джихад иста: изнанка мусульманской воинственности). – New York: Mariner Books, 2007.

Вернуться

67

Reagan’s Letter to Congress on Marines in Lebanon (Письмо Рейгана Конгрессу о морских пехотинцах в Ливане) // New York Times, 30 сентября 1982 г. См. также: *Micah Zenko.* When Reagan Cut and Run (М. *Зенко.* Когда Рейган сбежал) // Foreign Policy, 7 февраля 2014 г.

Вернуться

68

Jimmy Carter. Palestine: Peace Not Apartheid *(Дж. Картер.* Палестина: мир, а не апартеид). – New York: Simon & Schuster, 2006.

Вернуться

69

Tobias Buck. Israel Denies Killing Hizbollah Commander (Г. *Бак.* Израиль отрицает убийство высокопоставленного руководителя «Хезболлы») // Financial Times (London), 13 февраля 2008 г.

Вернуться

70

Noam Chomsky. Fateful Triangle: The United States, Israel, and the Palestinians (Я. *Хомский.* Роковой треугольник: Соединенные Штаты, Израиль и палестинцы). – Chicago: Haymarket Books, 2015), 591.

Вернуться

71

Там же.

Вернуться

72

Там же, с. 589.

Вернуться

73

Henry Kamm. Ruins of War Litter Hills and Valleys of Lebanon (Г. *Камм.* Среди холмов и долин Ливана изобилуют оставленные войной руины) // New York Times, 20 июня 1982 г.

Вернуться

74

Noam Chomsky. Fateful (Я. *Хомский.* Роковой треугольник), 590.

Вернуться

75

См. там же.

Вернуться

76

Isabel Kershner. Israel Reduces Electricity Flow to Gaza (И. *Кершнер.* Израиль сокращает поставки электроэнергии в Газу) // New York Times, 9 февраля 2008 г.

Вернуться

77

James Astill. Strike One *(Дж. Эстилл.* Удар один) // Guardian (London), 2 октября 2001 г.

Вернуться

78

Расследование условий содержания арестованных в тюрьмах США: Доклад комитета Сената по вооруженным силам, 20 ноября 2008 г. См.: http://documents.nytimes.com/report-by-the-senate-armed-services-committee-on-detainee-treatment#p=72 .-by-the-senate-armed-services-committee-on-detainee-treatment#p = 72; *Jonathan Landay.* Abusive Tactics Used to Seek Iraq – al Qaida Link *(Дж. Ленди.* Для выявления связей между Ираком и Аль-Каидой использовались методы насильственного воздействия) // McClatchyDC, 21 апреля 2009 г.

Вернуться

79

Paul Krugman. Reclaiming America’s Soul (Я. *Крагмен.* Притязания на американскую душу) // New York Times, 23 апреля 2009 г.

Вернуться

80

Hans Morgenthau. The Purpose of American Politics (Г. *Моргентау.* Цель американской политики). – New York: Knopf, 1964.

Вернуться

81

Там же.

Вернуться

82

Roger Cohen. America Unmasked (Р. Коэн. Америка без маски) // New York Times, 24 апреля 2009 г.

Вернуться

83

См.: *Richard Drinnon.* Facing West: The Metaphysics of Indian-Hating and Empire-Building *(Р. Дриннон.* Лицом к Западу: метафизика ненависти к индейцам и сотворение империи). – Norman: University of Oklahoma Press, 1997 г. Высказывания Нокса приведены по книге Реджинальда Хорсмана «Экспансия и американская политика в отношении индейцев, 1783-1812 гг.» *(Reginald Horsman.* Expansion and American Indian Policy 1783-1812. – Norman: University of Oklahoma Press, 1992), 64.

Вернуться

84

Paul Krugman. Reclaiming America’s Soul *(П. Крагмен.* Притязания на американскую душу).

Вернуться

85

Полемику можно посмотреть в книгах Реджинальда Хорсмана «Экспансия и американская политика в отношении индейцев, 1783-1812 гг.» и Уильяма Эрла Уикса «Джон Куинси Адамс и Американская глобальная империя» *(William Earl Weeks.* John Quincy Adams and American Global Empire. – Lexington: University Press of Kentucky, 1992.

Вернуться

86

Сведения о провиденческих оправданиях самых шокирующих преступлений и их общей роли в создании «американской идеи» можно почерпнуть из книги Николаса Гайятта «Провидение и измышления Соединенных Штатов, 1607-1876 гг.» *(Nicholas Guyatt.*

Providence and the Invention of the United States, 1607-1876. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Вернуться

87

Цитата приведена по книге Ларса Шульца «Эта маленькая, чертова Кубинская республика: Соединенные Штаты и Кубинская революция» *(Lars Schoultz.* That Infernal Little Cuban Republic: The United States and the Cuban Revolution. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009, 4).

Вернуться

88

Arthur M. Schlesinger Jr. Robert Kennedy and His Times (A. *Шлезингер-мл.* Роберт Кеннеди и его время). – Boston: Mariner Books, 2002, 480.

Вернуться

89

Платформа Республиканской партии, 19 июня 1900 г. Выложено в Интернет Герхардом Питерсом и Джоном Вули в рамках проекта «Американское президентство». См.: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid = 29630.

Вернуться

90

Alfred McCoy. Policing America’s Empire: The United States, the Philippines, and the Rise of the Surveillance State *(A. Маккой.* Охраняя порядок Американской империи: Соединенные Штаты, Филиппины и становление полицейского государства). – Madison: University of Wisconsin Press, 2009.

Вернуться

91

Jennifer Harbury. Truth, Torture, and the American Way: The History and Consequences of U.S. Involvement in Torture *(Дж. Харбери.* Истина, пытки и американский путь: история и последствия причастности США к пыткам). – Boston: Beacon Press, 2005.

Вернуться

92

Alfred McCoy. A Question of Torture: CIA Interrogation, from the Cold War to the War on Terror *(A. Маккой.* Вопрос пыток: допросы ЦРУ,

от «холодной войны» до войны с террором). – New York: Metropolitan Books, 2006. См. также: *Alfred McCoy.* The U.S. Has a History of Using Torture *(А. Маккой.* У Америки есть история применения пыток) // History News Network, 6 декабря 2006 г.

Вернуться

93

Allan Nairn. The Torture Ban That Doesn't Ban Torture: Obama's Rules Keep It Intact, and Could Even Accord with an Increase in US-Sponsored Torture Worldwide *(А. Нерп.* Запрет пыток, который не запретил никаких пыток: Обама правил не меняет и даже согласен на расширение поддержки американцами пыток во всем мире), www.allannairn.org, 24 января 2009 г.

Вернуться

94

Lars Schoultz. U.S. Foreign Policy and Human Rights Violations in Latin America: A Comparative Analysis of Foreign Aid Distributions *(Л. Шульц.* Международная политика США и нарушение прав человека в Латинской Америке: сравнительный анализ распределения иностранной помощи) // Comparative Politics, 13, № 2 (январь 1981 г.), 149-70.

Вернуться

95

См.: *Noam Chomsky, Edward S. Herman.* The Washington Connection and Third World Fascism: The Political Economy of Human Rights: Vol. I. (Н. *Хомский, Э. Хермана.* Связь Вашингтона с фашизмом в третьих странах: политэкономия и права человека: Т. 1). – Boston: South end Press, 1999; *Noam Chomsky, Edward S. Herman.* After the Cataclysm: Postwar Indochina and the Reconstruction of Imperial Ideology: The Political Economy of Human Rights: Vol. II. (Я. *Хомский, Э. Херман.* После катаклизма: послевоенный Индокитай и восстановление имперской идеологии: политэкономия и права человека. Т. 2). – Chicago: Haymarket Books, 2014; *Edward S. Herman.* The Real Terror Network: Terrorism in Fact and Propaganda (Э. *Херман.* Подлинная террористическая сеть: терроризм в фактах и пропаганде). – Boston: South End Press, 1982.

Вернуться

96

Alfred McCoy. The U.S. Has a History of Using Torture *(А. Маккой.* У Америки есть история применения пыток); *Danford Levinson.* Torture in Iraq and the Rule of Law in America *(Д. Левинсон.* Пытки в Ираке и власть закона в Америке) // Daedalus, 133, № 3 (лето 2004 г.)

Вернуться

97

См.: *Linda Greenhouse.* Justices, 5-4. Back Detainee Appeals for Guantanamo (*Л. Гринхаус*. Правосудие, 5-4. Возвращаясь к апелляционному разбирательству о содержании задержанных в Гуантанамо) // New York Times, 13 июня 2008 г.

Вернуться

98

Glenn Greenwald. Obama and Habeas Corpus – Then and Now (Г. *Гринвальд.* Обама и *Habeas Corpus* – тогда и сейчас) // Salon, И April 2009 г.

Вернуться

99

Там же.

Вернуться

100

См.: *Daphne Eviatar.* Obama Justice Department Urges Dismissal of Another Torture Case *(Д. Эвиатар.* Министерство юстиции Обамы настаивает на прекращении еще одного дела о пытках) // Washington Independent, 12 марта 2009 г.

Вернуться

101

William Glaberson. U.S. May Revive Guantanamo Military Courts (*У. Глеберсон.* США могут возродить военные суды в Гуантанамо») // New York Times, 1 мая 2009 г.

Вернуться

102

Michael Kinsley. Down the Memory Hole with the Contras (М. *Кинсли.* В глубь провала в памяти в отношении контрас) // Wall Street Journal, 26 марта 1987 г.

Вернуться

103

См.: *Patrick Cockburn.* Torture? It Prob ably Killed More Americans than 9/11 (*Я. Кокберн.* Пытки? Они, вероятно, убили больше американцев чем теракты 11 сентября) // Independent (London), 6 апреля 2009 г.

Вернуться

104

Rajiv Chandrasekaran. From Captive to Suicide Bomber (P. Чандрасекаран. От узника до террориста-самоубийцы) // Washington Post, 22 февраля 2009 г.

Вернуться

105

См.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), 266.

Вернуться

106

Там же, с. 267.

Вернуться

107

Там же, с. 268.

Вернуться

108

Tareq Y. Ismael, Glenn E. Perry. The International Relations of the Contemporary Middle East: Subordination and Beyond (Г. *Исмаел, Г. Перри.* Международные отношения на современном Ближнем Востоке: зависимость и все остальное). – London: Routledge, 2014, 73; *Noam Chomsky.* Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance (Н. *Хомский.* Гегемония или выживание: стремление Америки к глобальному доминированию). – New York: Metropolitan Books, 2003,150; *Daniel Yergin.* The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power *(Д. Йергин.* Награда: эпическая жажда нефти, денег и власти). – New York: Free Press, 1991.

Вернуться

109

См.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), 55.

Вернуться

110

Laurence H. Shoup, William Minter. Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy (*Л. Шоуп, У. Минтер.* Имперский мозговой трест: Совет по международным отношениям и международная политика Соединенных Штатов). – New York: Monthly Review Press, 1977,130.

Вернуться

111

См.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), 238.

Вернуться

112

Gerard Van Bilzen. The Development of Aid (*Дж. ван Бильзен.* Наращивание помощи). – Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2015, 497.

Вернуться

113

Белый дом. Декларация о принципах долгосрочных взаимо

отношений, дружбы и сотрудничества между Иракской республикой и Соединенными Штатами Америки / Пресс-релиз от 26 ноября 2007 г. См.: http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/

releases/2007/И/20071126-ll.html.

Вернуться

114

Charlie Savage. Bush Declares Exceptions to Sections of Two Bills He Signed into Law (*4. Сэвидж.* Буш заявляет об исключениях из двух разделов подписанных им законопроектов) // New York Times, 15 октября 2008 г.

Вернуться

115

Marina Ottoway, David Ottoway. Of Revolutions, Regime Change, and State Collapse in the Arab World // (М. *Оттоуэй, Д. Оттоуэй.* О революциях, сменах режимов и коллапсе государств в Арабском мире) // Carnegie Endowment for International Peace, 28 февраля 2011 г. http://carnegieendowment.org/2011/02/28/of-revolutions-regime-change-and-state-collapse-in-arab-world.

Вернуться

116

Pew Research Center: Египтяне выбирают лидеров сопротивления, религиозные партии, а также военных, 25 апреля 2011 г. См.: http://pewglobal.org/files/2011/04/Pew-Global-Attitudes-Egypt-Report-FINAL-April-25-2011.pdf.

Вернуться

117

Marwan Muasher. Tunisia's Crisis and the Arab World (М. *Муашер.* Кризис в Тунисе и Арабский мир) // Carnegie Endowment for International Peace, 24 января 2011 г. http://carnegieendowment.org/2011/01/24/tunisia-s-crisis-and-arab-world.

Вернуться

118

AfafLutfl Al-Sayyid Mar sot. Egypt in the Reign of Muhammad Ali (А Л. *Аль-Саид Марсот.* Египет во времена правления Мухаммеда Али). – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Более широкая дискуссия о Египте после Второй мировой войны приведена во второй главе книги Ноама Хомского «Мировые порядки, старые и новые» *(Noam Chomsky.* World Orders Old and New. – New York: Columbia University Press, 1994, chapter 2Нью-Йорк: Columbia University Press, 1994).

Вернуться

119

Adam Smith. The Wealth of Nations (А. *Смит.* Богатство народов). – New York: Bantam Classics, 2003, 309.

Вернуться

120

Noam Chomsky. Year 501: The Conquest Continues (Я. *Хомский.* Год 501: завоевание продолжается) – Chicago: Haymarket Books, 2014,150.

Вернуться

121

См.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects *(Н. Хомский.* Надежды и перспективы), 80.

Вернуться

122

David Ricardo. The Works of David Ricardo With a Notice of the Life and Writings of the Author by J. R. McCulloch *(Д. Рикардо.* Труды Давида Рикардо с замечаниями Дж. Р. Мак-Каллоха о жизни и работах автора). – London: John Murray, 1846, 77.

Вернуться

123

Tony Magliano. The Courageous Witness of Blessed Oscar Romero Тони Мильяно (Г. *Мильяно.* Храбрые свидетельства раненого Оскара Ромеро) // National Catholic Reporter, 11 мая 2015 г.

Вернуться

124

Martin van Creveld. Sharon on the Warpath: Is Israel Planning to Attack Iran? (М. *ван Кревельд.* Шарон на пути войны: планирует ли Израиль нападение на Иран?) // New York Times, 21 августа 2004 г.

Вернуться

125

Clayton Jones. China Is a Barometer on Whether Israel Will Attack Nuclear Plants in Iran *(К. Джонс.* Китай – барометр того, станет ли Израиль атаковать ядерные объекты Ирана) // Christian Science Monitor, 6 августа 2010 г.

Вернуться

126

Kim Ghattas. US Gets Serious on Iran Sanctions (К *Гаттас.* США всерьез подходят к санкциям по отношению к Ирану) // BBC News, 3 августа 2010 г.

Вернуться

127

Thom Shanker. Pentagon Cites Concerns in China Military Growth (Г. *Шенкер.* Пентагон выражает озабоченность наращиванием военной мощи Китая) // New York Times, 16 августа 2010 г.

Вернуться

128

Joshua Kurlantzick. The Belligerents *(Дж. Курланцик.* Воюющие стороны) // New Republic, 17 февраля 2011 г.

Вернуться

129

Stephen Braun, Jack Gillum. 2012 Presidential Election Cost Hits $2 Billion Mark (С. *Браун, Дж. Джиллум.* Стоимость президентской кампании 2012 года преодолела уровень в 2 млрд долларов) // Associated Press, 6 декабря 2012 г.; *Amie Fames, Kevin Cirilli.* The $5

Billion Presidential Campaign? (Э. *Парне, К. Чирилли.* Пять миллиардов на президентскую кампанию?) // The Hill, 21 января 2015 г.

Вернуться

130

The Secret Behind Big Bank Profits («Тайна прибыли больших банков», редакционный материал) // Bloomberg News, 21 февраля 2013 г.

Вернуться

131

Christine Harper; *Michael J. Moore.* Goldman Sachs CEO Blankfein Is Awarded $12.6 Million in Stock *(К. Харпер, М. Мур.* Главный исполнительный директор *Goldman Sachs* Бланкфейн получил награду в виде акций на сумму 12,6 млн долларов) // Bloomberg Business, 29 января 2011 г.

Вернуться

132

Eszter Zalan. Hungary's Orban Wins Another Term, Jobbik Support Jumps (Э. *Задан.* Орбан в Венгрии избран на второй срок, резко выросла поддержка партии «Йоббик») // EU Observer, 7 апреля 2014 г.

Вернуться

133

См.: Австрийские парламентские выборы 2008 года https://en.wikipedia.org/wiki/Austrian_legislative_election,_2008#Results.

Вернуться

134

Donny Gluckstein. Nazis, Capitalism, and the Working Class *(Д. Глакстейн.* Нацисты, капитализм и рабочий класс) . – Chicago: Haymarket Books, 1999, 37.

Вернуться

135

Matthew Weaver. Angela Merkel: German Multiculturalism Has 'Utterly Failed' (М. *Уивер.* Ангела Меркель: германская политика мультикультурализма «окончательно провалилась») // Guardian (London Лондон), 17 октября 2010 г.

Вернуться

136

Darren Samuelsohn. John Shimkus Cites Genesis on Climate Change *(Д. Сэмюэлсон.* Говоря о климатических изменениях, Джон Шимкус цитирует Книгу Бытия) // Politico, 10 декабря 2010 г.

Вернуться

137

Joseph Stiglitz. Some Lessons from the East Asian Miracle *(Дж. Стиглиц.* Некоторые уроки Восточноазиатского чуда) // World Bank Research Observer, август 1996 г. https://feb.kuleuven.be/public/ndaag37/1996_Some_Lessons_from_the_East_Asian_Miracle.pdf.

Вернуться

138

Джакомо Чиоцца, обзор книги Карлы Норрлоф «Глобальное американское преимущество: гегемония США и международное сотрудничество» *(Carla Norrlof.* America's Global Advantage: US Hegemony and International Cooperation) // Political Science Quarterly (лето 2011 г.), 336-337.

Вернуться

139

Geoffrey Warner. The Cold War in Retrospect *(Дж. Уорнер.* «Холодная война», оглядываясь назад) // International Affairs 87, №. 1 (январь 2011 г.),173-184.

Вернуться

140

Noam Chomsky. On Power and Ideology *(Н. Хомский.* О власти и идеологии). – Chicago: Haymarket Books, 2015,15.

Вернуться

141

The Chinese Revolution of 1949 / U.S. Department of State, Office of the Historian (Китайская революция 1949 года / Государственный департамент США, Отдел истории) https://history.state.gov/milestones/1945-1952/chinese-rev.

Вернуться

142

Robert Kagan. Not Fade Away (*P: Каган.* Не поблекнуть) // New Republic, 2 февраля 2012 г.

Вернуться

143

Noam Chomsky. Powers and Prospects: Reflections on Human Nature and the Social Order (Н. *Хомский.* Государства и перспективы: размышления о человеческой природе и общественном порядке) – Chicago : Haymarket Books, 2015,185.

Вернуться

144

Эти и другие высказывания можно найти в книгах Ноама Хомского «Новый военный гуманизм: уроки Косово» C*Noam Chomsky.* New Military Humanism: Lessons from Kosovo. Monroe, ME: Common Courage, 2002) и «Новое поколение проводит черту: Косово, Восточный Тимор и сегодняшняя ответственность защищать», дополненное и расширенное издание C*Noam Chomsky.* A New Generation Draws the Line: Kosovo, East Timor, and the Responsibility to Protect Today. – Boulder, CO: Paradigm, 2011).

Вернуться

145

Noam Chomsky. Hopes and Prospects (Я. *Хомский.* Надежды и перспективы), 277.

Вернуться

146

Samuel P. Huntington. The Lonely Superpower (С. *П. Хантингтон.* Одинокая сверхдержава) // Foreign Affairs, 78, № 2 (март/ апрель 1999 г.); *Robert Jervis.* Weapons Without Purpose? Nuclear Strategy in the Post-Cold War Era / Review of The Price of Dominance: The New Weapons of Mass Destruction and Their Challenge to American Leadership, by Jan Lodal (Р. *Джервис.* Оружие, для которого не нашлось цели? Ядерная стратегия в эпоху после «холодной войны» / Обзор книги Яна Лодала «Цена доминирования: новое оружие массового поражения и вызов, который оно бросает американскому лидерству») // Foreign Affairs 80, № 4 (июль/август 2001 г.).

Вернуться

147

Jeremy White. Obama Approval Rating in Arab World Now Worse Than Bush *(Дж. Уайт.* Обаму в Арабском мире одобряют даже меньше, чем Буша) // International Business Times, 13 июля 2011 г.

Вернуться

148

Бюллетень Государственного департамента, 8 декабря 1969 г., 506-07. Цитата приведена по книге Дэвида Шмитца «Соединенные Штаты и диктаторские режимы правого толка» C*David F. Schmitz.* The United States and Right-Wing Dictatorships, 1965-1989. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 89).

Вернуться

149

Bill Keller. The Return of America's Missionary Impulse (Б. *Келлер.* Возвращение американского миссионерского импульса) // New York Times Magazine, 17 апреля 2011 г.

Вернуться

150

Yochi Dreazen, Aamer Madhani, Marc Ambinder. The Goal Was Never to Capture bin Laden (*Й. Дризен, А. Мадхани, М. Эмбиндер.* Цель схватить бен Ладена никогда не ставилась) // Atlantic, 4 мая 2011 г.

Вернуться

151

Nick Turse. Iraq, Afghanistan, and Other Special Ops 'Successes' (Н. *Терс.* Ирак, Афганистан и другие «успешные» спецоперации) // Tom Dispatch, 25 октября 2015 г. http://www.tomdispatch.com/ blog/176060/.

Вернуться

152

Robert Westbrook. John Dewey and American Democracy (Р. *Уэстбрук.* Джон Дьюи и американская демократия). – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991, 440.

Вернуться

153

Jennifer Epstein. Poll: Tax Hike Before Medicare Cuts *(Дж. Эпштейн.* Опрос: перед тем как урезать расходы на медицину, следует поднять налоги) // Politico, 20 апреля 2011 г.

Вернуться

154

Jon Cohen. Poll Shows Americans Oppose Entitlement Cuts to Deal with Debt Problem *(Дж. Коэн.* Опрос показал, что американцы против заявленного сокращения расходов для решения проблемы долга) // Washington Post, 20 апреля 2011 г.

Вернуться

155

University of Maryland – College Park: Public’s Bud get Priorities Diff er Dramatically from House and Obama (Университет Мэриленда – Колледж-Парк: Приоритеты народного бюджета радикально отличаются от бюджетных приоритетов депутатов и Обамы) // Newswise.com, 2 марта 2011. http://www.newswise.com/articles/ publics-budget-priorities-differ-dramatically-from-house-and-obama.

Вернуться

156

Catherine Lutz, Neta Crawford, Andrea Mazzarino. Costs of War / Brown University Watson Institute for International and Public Aff airs (*К. Лютц, Н. Кроуфорд*, А. *Маззарино.* Цена войны / Институт Уотсона международных исследований при Брауновском университете). http://watson.brown.edu/costsofwar/.

Вернуться

157

Martin Wolf. From Italy to the US, Utopia vs. Reality (М. *Вулф.* От Италии до США, утопия против реальности) // Financial Times (London), 12 июля 2011 г.

Вернуться

158

Lawrence Summers. Relief at an Agreement Will Give Way to Alarm (Л. *Саммерс.* Облегчение после подписания соглашения уступает место озабоченности) // Financial Times (London), 2 августа 2011 г.

Вернуться

159

Расчет дефицита бюджета здравоохранения / Центр экономических и политических исследований, http://www.cepr.net/ calculators/hc/hc-calculator. html.

Вернуться

160

Matthew L. Wald, John M. Broder. Utility Shelves Ambitious Plan to Limit Carbon (М. *Уолд, Дж. Броудер.* Коммунальщики откладывают в долгий ящик амбициозные планы по ограничению выбросов углерода) // New York Times, 13 июля 2011 г.

Вернуться

161

Thomas Ferguson. Best Buy Targets are Stopping a Debt Deal (Г. *Фергюсон.* Лучшие вложения капитала блокируют долговое соглашение) // Financial Times (London), 26 июля 2011 г.

Вернуться

162

Robert Pear. New Jockeying in Congress for Next Phase in Bud get Fight (Р. *Пир.* Новые жульничества в Конгрессе на следующем этапе борьбы за бюджет) // New York Times, 3 августа 2011 г.

Вернуться

163

Stephanie Clifford. Even Marked Up, Luxury Goods Fly Off Shelves (С. *Клиффорд.* Предметы роскоши сметаются с полок даже по завышенным ценам) // New York Times, 3 августа 2011 г.

Вернуться

164

См.: *Louis Uchitelle.* Job Insecurity of Workers Is a Big Factor in Fed Policy (Л. *Учайтел.* Нестабильное положение рабочих является важным фактором федеральной политики) // New York Times, 27 февраля 1997 г.

Вернуться

165

Ajay Kapur. Plutonomy: Buying Luxury, Explaining Global Imbalances, 16 October 2005 (А. *Капер.* Плутономика: покупая товары для роскоши, объясняя глобальный дисбаланс, 16 октября 2005 г.); приведено по материалам ресурса http://delong.typepad. com/plutonomy-l.pdf.

Вернуться

166

См.: *Noam Chomsky.* Making the Future: Occupations, Interventions, Empire and Resistance (Н. *Хомский.* Творя будущее: завоевания, вмешательства, империя и сопротивление). – San Francisco: City Lights, 2012, 289.

Вернуться

167

Elizabeth Becker. Kissinger Tapes Describe Crises, War and Stark Photos of Abuse (Э. *Бекер.* Пленки Киссинджера, описания кризиса и

войны, поразительные фотографии зверств) //New York Times, 27 мая 2004 г.

Вернуться

168

John F. Kennedy. The President and the Press *(Дж. Ф. Кеннеди.* Президент и пресса. Выступление перед Американским обществом издателей, отель «Уолдорф-Астория», Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 27 апреля 1961 г.). См.: http://www.jfklibrary.org/Research/Research-Aids/JFK-Speeches/American-Newspaper-Publishers-Association_19610427.aspx.

Вернуться

169

Данное высказывание Джона Кеннеди приведено по книге Томаса Патерсона «Стремление Кеннеди к победе: американская внешняя политика, 1961-1963», гл. «Одержимость Кубой: залив Свиней, ракетный кризис и скрытая война против Кастро *(Thomas G. Paterson.* Kennedy's Quest for Victory: American Foreign Policy, 1961-1963. – Oxford: Oxford University Press, 1989,136).

Вернуться

170

См.: *Edward S. Herman, Noam Chomsky.* Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media (Э. *Херман, Н. Хомский.* Приходя к согласию: политэкономия средств массовой информации. – New York: Pantheon, 1988,183.

Вернуться

171

Джимми Картер: Пресс-конференция президента, 24 марта 1977 года. Выложено в Интернет Герхардом Питерсом и Джоном Вули в рамках проекта «Американское президентство». См.: http:// www.presidency.ucsb.edu/ws/7pid=*7229.*

Вернуться

172

Joseph M. Parent, Paul K. MacDonald. The Wisdom of Retrenchmen *(Дж. Пэрент, Пол Макдоналд.* Мудрость урезаний) // Foreign Affairs, 90, № 6 (ноябрь/декабрь 2011 г.).

Вернуться

173

Yosef Kuperwasser; *Shalom Lipner.* The Problem Is Palestinian Rejectionism *(Й. Купервассер, Ш. Литер.* Проблема в палестинском неприятии) // Foreign Affairs, 90, № 6 (ноябрь – декабрь 2011 г.).

Вернуться

174

Ronald R. Krebs. Israel's Bunker Mentality (Р. *Кребс.* Израильский бункерный менталитет) // Foreign Affairs, 90, № 6 (ноябрь – декабрь 2011 г.).

Вернуться

175

Matthew Kroenig. Time to Attack Iran (М *Крениг.* Иран пора атаковать) // Foreign Affairs, 90, № 1 (январь – февраль 2012 г.).

Вернуться

176

Xizhe Peng. China's Demographic History and Future Challenges (З. *Пенг.* Демографическая история Китая и проблемы, которые ждут его в будущем) // Science, 333, № 6042, 29 июля 2011 г., 581-587.

Вернуться

177

Daniel Yergin. US Energy Is Changing the World Again *(Д.* Нер-аим. Американская энергетика вновь меняет мир) // Financial Times (London), 16 ноября 2012 г.

Вернуться

178

Fiona Harvey. World Headed for Irreversible Climate Change in Five Years, IEA Warn (Ф. *Харви.* МЭА предупреждает, что через пять лет мир столкнется с необратимыми климатическими изменениями) // Guardian (London), 9 ноября 2011 г.

Вернуться

179

Чудовищный парниковый газ вышел на невиданный уровень // Associated Press, 3 ноября 2011 г.

Вернуться

180

См.: *Noam Chomsky.* Powers and Prospects (Н. *Хомский.* Государства и перспективы), 220.

Вернуться

181

John W. Dower. The Superdomino In and Out of the Pentagon Papers С*Дж. Дауэр*. «Супердомино» в документах Пентагона), опубликовано в кн.: The Pentagon Papers: The Senator Gravel Edition. Vol. 5, eds. Noam Chomsky and Howard Zinn (Документы Пентагона: Публикации сенатора Грейвела. Т. 5; ред. Н. Хомский и Х. Зинна). – Boston: Beacon Press, 1972,101-142.

Вернуться

182

Seymour Topping. Slaughter of Reds Gives Indonesia a Grim Legacy (С. *Топпинг*. Убийства красных аукнутся Индонезии мрачным наследием) // New York Times, 24 августа 1966 г.

Вернуться

183

James Reston. A Gleam of Light in Asia *(Дж. Рестон*. Луч света в Азии) // New York Times, 19 июня 1966 г.

Вернуться

184

David Sanger. Why Suharto Is In and Castro Is Out *(Д. Сэнджер*. Почему Сухарто принимают, а Кастро нет) // New York Times, 31 октября 1995 г.

Вернуться

185

Noam Chomsky. Hegemony or Survival (Н. *Хомский*. Гегемония или выживание), 150.

Вернуться

186

Alan J. Kuperman. Obama’s Libya Debacle (А *Куперман*. Ливийский провал Обамы) // Foreign Affairs, 94, № 2 (март/апрель 2015 г.).

Вернуться

187

Barbara Ferguson. Israel Defi es US on Illegal Settlements (Б. *Фергюсон*. Израиль бросает США вызов на незаконных поселениях) // Arab News, 6 сентября 2006 г.

Вернуться

188

U.S. Daily Warns of Threat of ‘Nasserite Virus’ to Moroccan, Algerian Jews *(U.S. Daily* предупреждает, что «вирус Насера» может распространиться на евреев из Марокко и Алжира) // Jewish Telegraphic Agency, 21 февраля 1961 г. http://www.jta.org/1961/02/21/archive/u-s-daily-warns-of-threat-of-nasserite-virus-to-moroccan-algeri-an-jews.

Вернуться

189

Noam Chomsky. Making the Future: Occupations, Interventions, Empire and Resistance (*Я. Хомский.* Творя будущее: завоевания, вмешательства, империя и сопротивление). – San Francisco: City Lights, 2012, 251.

Вернуться

190

Peter Beaumont. Israel Outraged as EU Poll Names It a Threat to Peace (*Я. Бомонт*. Израиль пришел в ярость, когда проведенный в ЕС опрос назвал его «угрозой миру») // Guardian (London), 19 ноября 2003 г. Опрос был проведен Taylor Nelson Sofres/EOS Gallup Europe 8-16 октября 2003 г.

Вернуться

191

Опрос общественного мнения в арабских странах, 2010 г. // Zogby International/Brookings Institution, 2010. http://www.brookings.edu/~/media/research/files/reports/2010/8/05-arab-opinion-poll-telhami/0805_arabic_opinion_poll_telhami.pdf.

Вернуться

192

В ответ на вопрос «Назовите две страны, которые, на ваш взгляд, представляют две главные угрозы» Израиль назвали 88 % опрошенных, СИТА – 77 % , Иран – 9 % в возрасте от 36 лет и более и 11 % в возрасте до 36 лет. Там же.

Вернуться

193

Scott Clement. Iranian Threat: Public Prefers Sanctions over Bombs (*С. Клемент*. Иранская угроза: народ предпочитает бомбам санкции) // Washington Post, 14 марта 2012 г.; *Steven Kull et al.* Public Opinion in Iran and America on Key International Issues (*С. Каллет* и др.

Общественное мнение в Иране и США по ключевым международным вопросам: опрос общественного мнения) //WorldPublicOpinion. org, 24 января 2007 г. http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/ j апО 7/1г an_ JanO 7_r p t. pdf.

Вернуться

194

Министерство обороны: Рассекреченный доклад о военной мощи Ирана, апрель 2010 г. См.: http://www.politico.com/static/ PPM145_link_042010.html.

Вернуться

195

Gavan McCormack. 'All Japan' versus 'All Okinawa'– Abe Shinzo's Military-Firstism (Г. *МакКормак.* «Вся Япония» против «всей Окинавы» – стремление Синдзо Абэ к военному превосходству) // Asia-Pacific Journal, 13, изд. 10, № 4 (15 марта 2015 г.).

Вернуться

196

Paul Godwin. Asia's Dangerous Security Dilemma (Я. *Годвин.* Опасная азиатская дилемма в сфере безопасности») // Current History, 109, № 728 (сентябрь 2010 г.), 264-266.

Вернуться

197

William Blackstone. The Great Charter and the Charter of the Forest (У *Блэкстоун.* Великая хартия и Лесная хартия). – Oxford, 1759.

Вернуться

198

Winston S. Churchill. A History of the English Speaking Peoples. Vol. 2: The New World (У. С. *Черчилль.* История англоязычных народов. Т. 2: Новый мир). – London: Bloomsbury, 2015.

Вернуться

199

James Kendall Hosmer. The Life of Young Sir Henry Vane, Governor of Mas sachusetts Bay, and Leader of the Long Parliament: With a Consideration of the English Commonwealth as a Forecast of America *(Дж. К. Хосмер.* Жизнь сэра Генри Вейна-младшего, губернатора колонии Массачусетского залива и лидера Долгого парламента:

с мыслями о Содружестве как предтече Америки) – Boston: Houghton Mifflin, 1888, 462.

Вернуться

200

The Famous Old Charter of Rhode Island, Granted by King Charles II, in 1663 (Знаменитая Старая грамота Род Айленда, дарованная королем Карлом II в 1663 году). – Providence, RI: I. H. Cady, 1842. См. также: https://en.wikipedia.org/wiki/Rhode_Island_Royal_Charter.

Вернуться

201

Peter Linebaugh. The Magna Carta Manifesto: Liberties and Commons for All (Я. *Лайнбо.* Манифест Хартии великих вольностей: свободы и общее достояние для всех). – Berkeley: University of California Press, 2009.

Вернуться

202

A Necessary Fantasy: The Heroic Figurein Children's Popular Culture / Dudley Jones and Tony Watkins, eds. (Необходимая фантазия: героический персонаж в детской культуре / Под ред. Д. Джонса и Т. Уоткинса). – New York: Taylor and Francis, 2000.

Вернуться

203

Emily Achtenberg. From Water Wars to Water Scarcity: Bolivia's Cautionary Tale (Э. *Эхтенберг.* От войн за воду до нехватки воды: поучительная история Боливии); Доклад Североамериканского конгресса по Латинской Америке о ситуации в регионе, 6 июня 2013 г.) См.: https://nacla.org/blog/2013/6/5/water-wars-water-scarcity-bolivia%E2%80%99s-cautionary-tale.

Вернуться

204

Randal C. Archibold. El Salvador: Canadian Lawsuit over Mine Allowed to Proceed (Р. *Арчиболд.* Сальвадор: канадский суд возбудил дело о добыче золота) // New York Times, 5 июня 2012 г.

Вернуться

205

Erin Banco. Is Your Cell Phone Fueling Civil War in Congo? (Э. *Банко.* Ваш сотовый телефон подпитывает гражданскую войну в

Конго?) //Atlantic, 11 июля 2011 г.

Вернуться

206

Garrett Hardin. The Tragedy of the Commons (Г. *Хардин.* Трагедия общего достояния) // Science, 162, № 3859, 13 декабря 1968 г., 1243-1248.

Вернуться

207

См.: *Paul Corcoran.* John Locke on the Possession of Land: Native Title vs. the Principle of Vacuum domicilium (Я. *Конкоран.* Джон Локк и вопрос владения землей: право от рождения против принципа ничейной земли) https://digital.library.adelaide.edu.au/dspace/bitstream2440/44958/l/hdl_44958.pdf, сентябрь 2007 г.

Вернуться

208

Norman Ware. The Industrial Worker 1840-1860: The Reaction of American Industrial Society to the Advance of the Industrial Revolution (Н. *Вэр.* Промышленный рабочий, 1840-1860 гг.: Реакция американского индустриального общества на развитие промышленной революции. – Chicago: Ivan Dee, 1990. (Переиздание первого издания 1924 г.)

Вернуться

209

Michael J. Sandel. Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy (М. *Сэндел.* Досада демократии: Америка стремится к публичной философии). – (Cambridge, MA: Belknap Press, 1996.

Вернуться

210

Thor stein Veblen. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions (Г. *Веблен.* Теория праздного класса: экономическое исследование институций). – London: Macmillan, 1899.

Вернуться

211

The Essential Lippmann: A Political Philosophy for Liberal Democracy / Clinton Rossiter, James Lare, eds. (Важнейшие идеи Липпманна: политическая философия либеральное демократии / Под ред. К. Россистера и Дж. Лэра). – Cambridge, MA: Harvard University

Press, 1982, 91-92; *Edward Bernays.* Propaganda (Э. *Бернейс.* Пропаганда) – Brooklyn, NY: Harvard University Press, 1982, 91-92.

Вернуться

212

Scott Bowman. The Modern Corporation and American Political Thought: Law, Power, and Ideology (С. *Бауман.* Современный корпоративный сектор и американская политическая мысль: закон, власть и идеология). – University Park: Penn State University Press, 1996,133.

Вернуться

213

Desmond King. America's Hidden Government: The Costs of a Submerged State: Review of The Submerged State: How Invisible Government Policies Undermine American Democracy, by Suzanne Mettler (Д. *Кинг.* Тайное правительство Америки: цена скрытного государства: Обзор Сюзанной Миллер книги «Скрытное государство: как тайная политика правительства подрывает американскую демократию») // Foreign Affairs, 91, № 3 (май – июнь 2012 г.).

Вернуться

214

Robert W. McChesney. Public Scholarship and the Communications Policy Agenda; in «…And Communications for All: A Policy Agenda for a New Administration» / A. M. Schejter, ed. (*МакЧесни.* Общественная научная мысль и тайные планы политики коммуникаций»; цит. по кн.: «…И коммуникация для всех: Тайные политические планы новой администрации» / Под ред. Э. М. Шейтера). – New York: Lexington Books, 2009, 50.

Вернуться

215

Ralph Waldo Emerson. The Prose Works of Ralph Waldo Emerson. In Two Vol. (Р. У. *Эмерсон.* Прозаические работы Ральфа Уолдо Эмерсона. В 2 т.). – Boston: Fields, Osgood, and Company, 1870.

Вернуться

216

Michael Crozier, Samuel P. Huntington, Joji Watanuke. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission (М. *Крозъер,* С. *П. Хантингтон, Дж. Уатанъюк.* Кризис

демократии: доклад об управляемости демократии, представленный Трехсторонней комиссии). – New York: New York University Press, 1975. См. также: http://www.trilateral.org/download/doc/crisis_of_democracy.pdf.

Вернуться

217

Margaret E. McGuinness. Peace v. Justice: The Universal Declaration of Human Rights and the Modern Origins of the Debate (М. *МакГин-нес.* Противостояние мира и справедливости: Всеобщая декларация прав человека и современные корни дебатов) // Diplomatic History, 35, № 5 (ноябрь 2011 г.), 749.

Вернуться

218

William Blackstone. Commentaries on the Laws of England. Vol. 1 (У. *Блэкстоун.* Комментарии к законам Англии. Т. 1) – University of Chicago Press, 1979 .

Вернуться

219

Сомерсет против Стюарта, 1772 г. Английский суд королевской скамьи, http://www.commonlii.org/int/cases/EngR/1772/57.pdf.

Вернуться

220

Samuel Johnson. Taxation No Tyranny; An Answer to the Resolutions and Address of the American Congress (С. *Джонсон.* Взимание налога – не тирания; ответ на революции и обращение Американского конгресса). – London, 1775 г.

Вернуться

221

Douglas Blackmon. Slavery by Another Name: The Re-Enslavement of Black Americans from the Civil War to World War II *(Д. Блэкмон.* Рабство под другим именем: новое порабощение чернокожих американцев в период между Гражданской войной и Второй мировой войной). – New York: Anchor Books, 2009.

Вернуться

222

Ian Cobain. Revealed: How Blair Colluded with Gaddafi Regime in Secret *(И. Кобейн.* Разоблачение: как Блэр тайно сговорился с режимом

Каддафи) // Guardian (London), 23 января 2015 г.; *Benjamin Wies-er.* Appeals Court Rejects Suit by Canadian Man over Detention and Torture Claim (Б. *Вейзер.* Апелляционный суд отклонил ходатайство канадского гражданина по делу о задержании и пытках) // New York Times, 3 ноября 2009 г.

Вернуться

223

Министерство юстиции: Законность операции по ликвидации гражданина США, являющегося высокопоставленным руководителем Аль-Каиды, или Взаимодействующая сила / Авторитетный доклад NBC, 4 февраля 2013 г.

Вернуться

224

Anthony Shadid, David D. Kirkpatrick. As the West Celebrates a Cleric's Death, the Mideast Shrugs (Э. *Шадид, Д. Киркпатрик*. Пока Запад празднует смерть духовного лица, Ближний Восток пожимает плечами) // New York Times, 1 октября 2011 г.

Вернуться

225

Jo Becker; *Scott Shane*. Secret 'Kill List' Proves a Test of Obama's Principles and Will *(Дж. Бекер, С. Шейн.* Секретный «Список смертников» является испытанием для принципов и воли Обамы) // New York Times, 29 мая 2012 г.

Вернуться

226

Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны, ст. 3. Женева, 12 августа 1949 г. См.: https://www.icrc.org/ applic/ihl/ihl.nsf/Article .xsp? action=openDocument&documentld=A4 E145A2A7A68875C12563CD0051B9AE.

Вернуться

227

Matthew Yglesias. International Law Is Made by Power ful States (M. *Иглесиас*. Международное законодательство создают могущественные государства) // Think-Progress, 13 мая 2011 г.

Вернуться

228

Holder v. Humanitarian Law Project, 561 U.S. 1 (2010). См.: http://www.supremecourt.gov/opinions/09pdf/08-1498.pdf.

Вернуться

229

Paul Beckett. Shutdown of A1 Barakaat Severs Lifeline for Many Somalia Residents (Я. *Бекетт*. Закрытие организации «Аль-Бакараат» отнимает у многих жителей Сомали последнюю возможность выживать) // Wall Street Journal, 4 декабря 2001 г.

Вернуться

230

Ibrahim Warde. The Price of Fear: The Truth Behind the Financial War on Terror *(И. Уард*. Цена страха: правда, скрывающаяся за финансовой войной с террором). – Berkeley: University of California Press, 2007,101-102.

Вернуться

231

Там же, с. 102.

Вернуться

232

Nnimmo Bassey. To Cook a Continent: Destructive Extraction and Climate Crisis in Africa (Н. *Бассей.* Сварить континент: разрушительная добыча и климатический кризис в Африке). – Oxford: Pambazuka Press, 2012, 25.

Вернуться

233

См.: *Melvyn P. Leffler.* A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War (М. *Леффлер*. Преимущество власти: национальная безопасность, администрация Трумена и «холодная война»). – Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1993,144.

Вернуться

234

John M. Broder. Bashing E.P.A. Is New Theme in G.O.P. Race *(Дж. Бродер*. Нападки на Управление по охране окружающей среды – новая тема для Республиканской партии) // New York Times, 17 август 2011 г.

Вернуться

235

Пятьдесят семь процентов опрошенных одобряют использование технологии гидроразрыва пласта для разведки новых месторождений нефти и газа в США // Rasmussen Reports, 26 марта 2012 г. См.: http://www.rasmussenreports.com/public_content/business/gas_ oil/march_2012/57_favor_use_of_fracking_to_fi nd_more_u_s_oil_and_

gas; Who's Holding Us Back: How Carbon-Intensive Industry Is Preventing Effective Climate Change Legislation / Report by Greenpeace (Кто нас удерживает: как индустрия добычи углеводородов препятствует принятию эффективных законов по изменениям климата / Доклад Greenpeace, ноябрь 2011 г.). См.: http://www.greenpeace.org/ international/Global/international/publications/climate/2011/391%20 - %20WhosHoldingUsBack.pdf.

Вернуться

236

См.: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/24/ remarks-president-state-union-address.

Вернуться

237

Guy Chazan. US on Path to Energy Self-Sufficiency (Г. *Чезен.* США на пути к энергетической самодостаточности) // Financial Times (London), 18 января 2012 г.

Вернуться

238

Полный текст Народного соглашения и Всеобщей декларации прав Матери-Земли можно найти на сайте https://pwccc. wordpress.com/programa/.

Вернуться

239

Sheldon Stern. The Week the World Stood Still: Inside the Secret Cuban Missile Crisis (*Ш. Стерн.* Неделя, когда мир остановился: за кулисами Кубинского ракетного кризиса). – Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2005, 5.

Вернуться

240

Noam Chomsky. Hegemony or Survival (Н. *Хомский.* Гегемония или выживание), 74.

Вернуться

241

Michael Dobbs. One Minute to Midnight: Kennedy, Khrushchev, and Castro on the Brink of Nuclear War (М. *Доббс.* Одна минута до полуночи: Кеннеди, Хрущев и Кастро на грани ядерной войны). – New York: Vintage, 2008, 251.

Вернуться

242

Там же, с. 410.

Вернуться

243

Там же, с. 511.

Вернуться

244

Там же, XIII.

Вернуться

245

Р. Макнамара – интервью Ричарду Роту от 28 ноября 2003 г. Стенограмма опубликована ресурсом CNN.com, http://www.cnn.com/TRANSCRIPTS/0311/28/i_dl.00.html; *Chauncey* G. *Parker III* Missile Crisis: Cooked Up for Camelot (*4. Дж. Паркер III.* Ракетный кризис: состряпано для окружения Кеннеди?) // Orlando Sentinel, 18 октября 1992 г

Вернуться

246

http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB75/.

Вернуться

247

Edward Wilson. Thank You Vasili Arkhipov, the Man Who Stopped Nuclear War (Э. *Уилсон.* Спасибо Василию Архипову, человеку, остановившему ядерную войну) // Guardian (London), 27 октября 2012 г.

Вернуться

248

Graham Allison. The Cuban Missile Crisis at 50: Lessons for U.S. Foreign Policy Today (Г. *Эллисон.* 50 лет Кубинскому ракетному кризису: уроки для нынешней внешней политики США) // Foreign Affairs, 91, № 4, (июль – август 2012 г.).

Вернуться

249

Don Clawson. Is That Something the Crew Should Know? Irreverent Anecdotes of an Air Force Pilot *(Д. Клоусон.* Что нужно было знать экипажу? Непочтительные истории пилота военно-воздушных сил) . – Twickenham, UK: Athena Press, 2003, 80-81.

Вернуться

250

Интервью генерала BBC Дэвида Берчинела Джону Шмидту и Джеку Стрейзеру, 11 апреля 1975 г. //Архив BBC, док. № 01011174, AFHRA.

Вернуться

251

Sheldon Stem. The Week the World Stood Still *(Ш. Стерн*. Неделя, когда мир остановился), 146.

Вернуться

252

Там же, с. 147.

Вернуться

253

Там же, с. 148.

Вернуться

254

Там же, с. 149; выделение курсивом в оригинале.

Вернуться

255

Там же, с. 154.

Вернуться

256

Стенограмма Седьмого заседания Исполнительного комитета Совета национальной безопасности, 27 октября 1962 года. См: http: //microsites .j fklibrary. org/cmc/oct2 7/docl .html.

Вернуться

257

Jorge I. Dominguez. The @#$%& Missile Crisis, Or What Was ‘Cuban’ About U.S. Decisions During the Cuban Missile Crisi *(Х. Домингес.* Ракетный кризис @#$%&, или сколько было «кубинского»

в решениях, принятых во время Кубинского ракетного кризиса) // Diplomatic History 24, № 5 (весна 2000 г.), 305-315.

Вернуться

258

Ernest R. May, Philip D. Zelikow. The Kennedy Tapes: Inside the White House During the Cuban Missile Crisis (*Э. Мэй, Ф. Зеликов.* Записи Кеннеди: в стенах Белого дома во время Кубинского ракетного кризиса) – New York: W. W. Norton, 2002, 47.

Вернуться

259

Jon Mitchell. Okinawa's First Nuclear Missile Men Break Silence (*Дж. Митчелл.* Командование ракетных сил на Окинаве нарушает молчание) //Japan Times, 8 июля 2012 г.

Вернуться

260

Michael Dobbs. One Minute to Midnight (М. *Доббс.* Одна минута до полуночи), 309.

Вернуться

261

Sheldon M. Stern. Averting "The Final Failure": John F. Kennedy and the Secret Cuban Missile Crisis Meetings (Ш. *Стерн.* Отвращая «Последний провал»: Джон Ф. Кеннеди и тайные заседания во время Кубинского ракетного кризиса). – Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2003, 273.

Вернуться

262

См.: *Piero Gleijeses.* Conflicting Missions: Havana, Washington, and Africa, 1959-1976 (Я. *Глейхесес.* Конфликтующие задачи: Гавана, Вашингтон и Африка, 1959-1976 гг.). – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003, 26.

Вернуться

263

Ervand Abrahamian. The Coup: 1953, the CIA, and the Roots of Modern U.S. – Iranian Relations (Э. *Абрахамиан.* Переворот: 1953 год, ЦРУ и корни нынешних отношений между СИТА и Ираном) – New York: Нью-Йорк: New Press, 2013.

Вернуться

264

«Большинство американцев хотят восстановить связи с Кубой»: опрос общественного мнения агентством *Angus Reid*, февраль 2012 г. https://www.american.edu/clals/upload/2012-02-06_Polling-on-Cuba_USA-l.pdf.

Вернуться

265

См.: *Michael Dobbs.* One Minute to Midnight (М. *Доббс*. Одна минута до полуночи), 337.

Вернуться

266

Там же, с. 333.

Вернуться

267

Sheldon M. Stern. Averting “The Final Failure” (*Ш. Стерн.* Отвращая «Последний провал»).

Вернуться

268

Там же, с. 406.

Вернуться

269

Raymond L. Garthoff. Documenting the Cuban Missile Crisis (Р. *Гартхофф.* Документы по Кубинскому ракетному кризису) // Diplomatic History, 24, № 2 (весна 2000 г.), 297-303.

Вернуться

270

Документы Джона Ф. Кеннеди: Президентские материалы. Архив Национальной безопасности. Встречи и меморандумы. Меморандум о действиях в сфере национальной безопасности [NSAM]: NSAM 181. Действия, которые следует предпринять в ответ на активность нового Блока на Кубе (В), сентябрь 1962 года // JFKNSF-338-009, Президентская библиотека и музей Джона Ф. Кеннеди, Бостон, Массачусетс.

Вернуться

271

Raymond L. Garthoff. Documenting the Cuban Missile Crisis (Р. *Гартхофф.* Документы по Кубинскому ракетному кризису).

Вернуться

272

Keith Bolender. Voices From the Other Side: An Oral History of Terrorism Against Cuba *(К. Болендер.* Голоса с другой стороны: устные свидетельства терроризма против Кубы). – London: Pluto Press, 2010.

Вернуться

273

Монтегю Керн, обзор книги Бриджит Нэкос, Яэли Блох-Элкон и Роберта Шапиро «Продавая страх: борьба с терроризмом, средства массовой информации и общественное мнение» (*Brigitte L. Nacos, Yaeli Bloch-Elkon, Robert Y. Shapiro.* Selling Fear: Counterterrorism, the Media, and Public Opinion) // Political Science Quarterly, 127, № 3 (осень 2012 г.), 489-492.

Вернуться

274

Sheldon Stern. The Week the World Stood Still (Ш. *Стерн.* Неделя, когда мир остановился), 146, 2.

Вернуться

275

Michael Dobbs. One Minute to Midnight (М. *Доббс.* Одна минута до полуночи), 344.

Вернуться

276

Piero Gleijeses. Conflicting Missions (Я. *Глейхесес.* Конфликтующие задачи), 16.

Вернуться

277

Arthur M. Schlesinger Jr. Robert Kennedy and His Times (А *Шлезингер-младший.* Роберт Кеннеди и его время), 480; *Noam Chomsky.* Hegemony or Survival (Я. *Хомский.* Гегемония или выживание), 83.

Вернуться

278

См.: *Noam Chomsky.* Hegemony or Survival (Н. *Хомский.* Гегемония или выживание).

Вернуться

279

Sheldon Stem. The Week the World Stood Still (Ш. *Стерн.* Неделя, когда мир остановился), 146, 2.

Вернуться

280

Desmond Ball. Politics and Force Levels: The Strategic Missile Program of the Kennedy Administration *(Д. Болл.* Уровни политики и силы: стратегическая ракетная программа администрации Кеннеди) . – Berkeley: University of California Press, 1980, 97.

Вернуться

281

Raymond L. Garthoff. Documenting the Cuban Missile Crisis (Р. *Гартхофф.* Документы по Кубинскому ракетному кризису).

Вернуться

282

Michael Dobbs. One Minute to Midnight (М. *Доббс.* Одна минута до полуночи), 342.

Вернуться

283

Graham Allison. The Cuban Missile Crisis at 50 (Г. *Эллисон.* 50 лет Кубинскому ракетному кризису).

Вернуться

284

Sean M. *Lynn-Jones, Steven E. Miller*; *Stephen Van Evera.* Nuclear Diplomacy and Crisis Management: An International Security Reader (Ш. *Линн-Джонс, С. Миллер,* С. *Ван Эвера.* Ядерная дипломатия и разрешение ракетного кризиса: Хрестоматия по международной безопасности). – Cambridge, MA: The MIT Press 1990, 304.

Вернуться

285

Октябрьская война и политика США: Документ Архива национальной безопасности, опубликованный 7 октября 2003 г. См.: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB98/.

Вернуться

286

Фразу «сверхнеожиданный первый удар» ввел в обиход Мак-Джордж Банди, о чем Джон Ньюхаус говорит в своей книге «Война и

мир в ядерную эпоху» (John *Newhouse.* War and Peace in the Nuclear Age. – New York: Knopf, 1989, 328).

Вернуться

287

См.: *Noam Chomsky.* Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy (Я. *Хомский.* Несостоявшиеся штаты: злоупотребление властью и покушение на демократию). – New York: Henry Holt, 2006, 3.

Вернуться

288

David M. Shribman. At White House, Symbols of a Day of Awe *(Д. Шрибман.* Символы трепетного дня в Белом доме) // Boston Globe, 29 сентября 1995 г.; *Maureen Dowd.* Mideast Accord: The Scene; President's Tie Tells It All: Trumpets for a Day of Glory (М. Дауд. Соглашение по Ближнему Востоку: место действия; президентский галстук говорит обо всем: фанфары в честь славного дня) // New York Times, 14 сентября 1993 г.

Вернуться

289

Джордж Буш-старший, интервью в ночном выпуске новостей NBC, 2 февраля 1991 г.

Вернуться

290

Заместитель постоянного наблюдателя Организации освобождения Палестины при Генеральном секретаре ООН, 16 ноября 1988 г. http://domino.un.Org/UNISPAL.NSF/0/6EB54A389E2DA6C6852560DE0070E392.

Вернуться

291

R. C. *Longworth.* Shultz Helps Arafat Get Right Words (Р. С. *Лонгворт*. Шульц помогает Арафату найти правильные слова) // Chicago Tribune, 15 декабря 1988 г.

Вернуться

292

George P. Shultz. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State *(Дж*. *Шульц.* Суматоха и триумф: мои годы в должности госсекретаря).– New York: Scribner, 1993,1043.

Вернуться

293

Мирная инициатива Израиля // Архив Посольства США в Израиле, 14 мая 1989 г.

Вернуться

294

Elaine Sciolino. Mideast Accord: The Ceremony; Old Enemies Arafat and Rabin to Meet (Э. *Сиолино.* Соглашение по Ближнему Востоку: церемония; встреча старых врагов Арафата и Рабина) // New York Times, 12 сентября 1993 г.

Вернуться

295

Anthony Lewis. Abroad at Home; A Chance to Live (Э. *Льюис.* За границей дома: шанс жить) // New York Times, 13 сентября 1993 г.

Вернуться

296

Edward W. Said. Intifada and Independence (Э. *Сейд.* Интифада и независимость) См.: Intifada: The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation / Zachary Lockman and Joel Beinin, eds. (Интифада: бунт палестинцев против израильской оккупации / Под ред. З. Локмана и Дж. Бейнина). – Boston: South End Press, 1989, 5-22.

Вернуться

297

Dan Fisher. Israeli Settlers Kill Arab Girl, 17, at Gaza Protest *(Д. Фишер.* Израильские поселенцы убили 17-летнюю арабскую девушку, в Газе протесты) // Los Angeles Times, 11 ноября 1987 г.

Вернуться

298

Avi Raz. The Bride and the Dowry: Israel, Jordan, and the Palestinians in the Aftermath of the June 1967 War (А. *Рац.* Невеста и приданое: Израиль, Иордания и палестинцы после войны в июне 1967 года). – New Haven, CT: Yale University Press, 2012.

Вернуться

299

Резолюция Совета Безопасности ООН № 446 от 22 марта 1979 года. См.: http://domino.un.Org/UNISPAL.NSF/0/bal23cded3ea84a5852560e50077c2dc.

Вернуться

300

Правовые последствия строительства Стены на оккупированной палестинской территории. Международный суд ООН, 30 января 2004 г. См.: http://www.icj-cij.org/docket/files/131/1591.pdf; *Gershorn Gorenberg.* The Accidental Empire: Israel and the Birth of the Settlements, 1967-1977 (Г. *Горенберг.* Случайная империя: Израиль и зарождение поселений, 1967-1977 гг.). – New York: Times Books, 2006.

Вернуться

301

Дэнни Рубинштейн, Ha'aretz, 23 октября 1991 г. Если источник не уточняется, см. кн. Ноама Хомского «Мировой порядок, старый и новый» C*Noam Chomsky.* World Orders Old and New. – New York: Columbia University Press, 1994).

Вернуться

302

Noam Chomsky. Fateful (Н. *Хомский.* Роковой треугольник),

Вернуться

303

Noam Chomsky. World Orders Old and New (Я. *Хомский.* Мировой порядок, старый и новый), 261-264.

Вернуться

304

Dean AncLromidas. Israeli 'Peace Now' Reveals Settlements Grew Since Oslo *(Д. Андромидас.* Израильская организация «Шалом Алхав» сообщает, что после Осло количество поселений выросло) // EIR International? 27, № 49 (15 декабря 2000 г.); *Noam Chomsky.* World Orders Old and New (Я. *Хомски.* Мировой порядок, старый и новый), 282.

Вернуться

305

Noam Chomsky. World Orders Old and New (Я. *Хомский.* Мировой порядок, старый и новый), 282.

Вернуться

306

The Other Front («Второй фронт»), октябрь 1995 г.; News from Within (Новости с территории), ноябрь 1995 г. См. также: *Noam*

Chomsky. World Orders Old and New (Я. *Хомский.* Мировой порядок, старый и новый), 282; *Noam Chomsky.* Powers and Prospects (Н. *Хомский.* Государства и перспективы).

Вернуться

307

В отсутствие других уточнений, мы используем материалы в том виде, в каком они приведены в статьях Л. Андони «Кризис Арафата и ООП» и «Арафат подписал соглашения вопреки опасениям в его адрес» C*Lamis Andoni.* Arafat and the PLO in Crisis // Middle East International, 457 (28 августа 1993 г.); Arafat Signs Pact Despite Misgivings All Around Him // Christian Science Monitor, 5 мая 1994 г.).

Вернуться

308

Noam Chomsky. World Orders Old and New (Н. *Хомский.* Мировой порядок, старый и новый), 269.

Вернуться

309

Youssef M. Ibrahim. Mideast Accord: Jericho; Where P.L.O Is to Rule, It Is Nowhere to Be Seen (Ю. *Ибрагим.* Соглашение по Ближнему Востоку: где правит ООП, ее нигде не видно) // New York Times, 6 мая 1994 г.

Вернуться

310

Noam Chomsky. World Orders Old and New (Я. *Хомский.* Мировой порядок, старый и новый), 269.

Вернуться

311

Более подробный анализ позиции Росса приведен в работе Нормана Финкелыптейна «Деннис Росс и мирный процесс: подчинение прав палестинцев израильским «запросам» C*Norman Finkelstein.* Dennis Ross and the Peace Process: Subordinating Palestinian Rights to Israeli «Needs”». – Washington, DC: Institute of Palestine Studies, 2007).

Вернуться

312

Резолюция Совета Безопасности № 242, 22 ноября 1967 г.

См.: http://domino.un.Org/unispal.nsf/0/7D35ElF729DF491C85256

EE700686136; Резолюция Совета Безопасности ООН № 338, 22 октября 1973 г., https://unispal.un.org/DPA/DPR/unispal.nsf/181c4bf00c44e5fd85256cef0073c426/7fb7c26fcbe80a31852560c50065f878?OpenDocument.

Вернуться

313

Временное соглашение между Израилем и Палестиной по Западному берегу реки Иордан и Сектору Газа, ст. XI, 28 сентября 1995 г. См.: http://www.unsco.org/Documents/Key/Israeli-Palestinian%20Interim%20Agreement%20on%20the%20West%20Bank%20and%20the%20Gaza%20Strip.pdf.

Вернуться

314

Noam Chomsky. World Orders Old and New (Н. *Хомский.* Мировой порядок, старый и новый), 248.

Вернуться

315

Временное Соглашение между Израилем и Палестиной по Западному берегу реки Иордан и Сектору Газа, ст. XI, 28 сентября 1995 г.

Вернуться

316

Noam Chomsky. World Orders Old and New (Я. *Хомский.* Мировой порядок, старый и новый), 278.

Вернуться

317

Hilde Henriksen Waage. Postscript to Oslo: The Mystery of Norway's Missing Files *(Х. Х. Ваагe.* Постскриптум к соглашениям, подписанным в Осло: тайна исчезнувших норвежских документов) // Journal of Palestine Studies, 38 (осень 2008 г.).

Вернуться

318

См., например: *Edward Said.* Arafat's Deal (Э. *Сеид.* Сделка Арафата) // Nation, 20 сентября 1993 г.; The Israel-Arafat Agreement (Соглашение между Израилем и Арафатом) // Z Magazine, октябрь 1993 г.

Вернуться

319

Hilde Henriksen Waage. Postscript to Oslo *(Х. Х. Вааге.* Постскриптум к соглашениям, подписанным в Осло).

Вернуться

320

Заявление Уго Чавеса на 61-й Генеральной Ассамблее ООН, 20 сентября 2006 г. См.: http://www.un.org/webcast/ga/61/pdfs/ venezuela-e.pdf.

Вернуться

321

См.: http: //nsarchive.gwu.edu/nukevault/ablearcher/.

Вернуться

322

Jillian Kestler-D'Amours. Opportunity Missed for Nuclear-Free Middle East *(Дж. Кестлер-Д'Амур.* Упущенная возможность безъядерного Ближнего Востока) // Inter Press Service, 2 декабря 2012 г.

Вернуться

323

О бомбардировке плотин как военном преступлении см. следующие работы: *Gabriel Kolko.* Report on the Destruction of Dikes: Holland, 1944-45, and Korea, 1953 / Against the Crime of Silence: Proceedings of the Russell International War Crimes Tribunal, Stockholm and Copenhagen, 1967 / John Duffett, ed. (Г. *Колко.* Доклад о разрушении дамб: Голландия, 1944-45, и Корея, 1953 / Против молчаливых преступлений: рассмотрение дел в Международном трибунале Рассела по расследованию военных преступлений, Стокгольм и Копенгаген, 1967 / Под ред. Дж. Даффета). – New York: O'Hare Books, 1968, 224-26; см. также: *Jon Halliday Bruce Cumings.* Korea: The Unknown War *(Дж. Холлидей, Б. Камингс.* Корея: неизвестная война). – New York: Viking, 1988, 195-96; *Noam Chomsky.* Towards a New Cold War: Essays on the Current Crisis and How We Got There *(Н. Хомский.* К новой «холодной войне»: очерки о текущем кризисе и о том, как мы до него дошли). – New York: Pantheon, 1982,121-22.

Вернуться

324

Oded Granot. Background on North Korea – Iran Missile Deal (О. *Грэнот.* Подоплека иранско-северокорейской ракетной сделки) //

Ma’ariv, 14 апреля 1995 г.

Вернуться

325

Fred Kaplan. Rolling Blunder: How the Bush Administration Let North Korea Get Nukes (Ф. *Каплан.* Один и тот же промах: как администрация Буша позволила Северной Корее получить ядерное оружие) // Washington Monthly, май 2004 г.

Вернуться

326

Shreeya Sinha, Susan C. Beachy. Timeline on North Korea’s Nuclear Program *(111. Синха, С. Бичи.* О развитии северокорейской ядерной программы) // New York Times, 19 ноября 2014 г.; *Leon Sigal.* The Lessons of North Korea’s Test (*Л. Сигал.* Уроки северокорейских испытаний) //Current History, 105, № 694 (ноябрь 2006 г.).

Вернуться

327

Bill Gertz. U.S. B-52 Bombers Simulated Raids over North Korea During Military Exercises (Б. *Герц.* Во время маневров американские бомбардировщики B-52 произвели учебное бомбометание по Северной Корее) // Washington Times, 19 марта 2013 г.

Вернуться

328

Yuval Diskin. Israel Nears Point of No Return on Two- State Solution (Ю. *Дискин.* Израиль подходит к точке невозврата в соглашении о модели двух государств) // Jerusalem Post, 13 июля 2013 г.

Вернуться

329

Clive Jones, Beverly Milton-Edwards. Missing the «Devils» We Knew? Israeland Political Islam Amid the Arab Awakening *(К. Джонс, Б. Милтон-Эдвардс.* Куда подевались знакомые нам «дьяволы»? Израиль и политический ислам на фоне арабского пробуждения) // International Affairs, 89, № 2 (март 2013 г.), 399-415.

Вернуться

330

Yonatan Mendel. New Jerusalem *(И. Мендель.* Новый Иерусалим) // New Left Review, 81 (май/июнь 2013 г.).

Вернуться

331

Amos Havel. West Bank Fence Not Done and Never Will Be, It Seems *(А. Арель.* Стена на Западном берегу не достроена и, по-видимому, достроена не будет) // Ha'aretz, 14 июля 2009 г.

Вернуться

332

См.: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, «Как происходит лишение прав владения: гуманитарное воздействие захвата палестинских источников питьевой воды израильскими поселенцами», март 2012 г.; Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, «10 лет Консультативному заключению Международного суда ООН», 9 июля 2014 г.; Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, «Обзор ситуации: влияние насильственных действий израильских поселенцев на урожай оливковых садов в Палестине», октябрь 2013 г.; Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, Ежемесячный доклад гуманитарного мониторинга, декабрь 2012 г.

Вернуться

333

Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, «Гуманитарное влияние Стены», июль 2013 г.

Вернуться

334

A Dry Bone of Contention (Непреодолимость разногласия) // The Economist, 25 ноября 2010 г.

Вернуться

335

David Bar-Illan. Palestinian Self-Rule, Israeli Security *(Д. Бар-Иллан.* Палестинское самоуправление и безопасность Израиля) // Palestine-Israel Journal, 3,1996, №3-4.

Вернуться

336

Obama Calls Israeli Settlement Building in East Jerusalem «Dangerous» (Обама назвал строительство поселений в Восточном Иерусалиме «опасным») // Fox News, 18 ноября 2009 г.

Вернуться

337

Вето Соединенных Штатов на резолюцию Совета Безопасности ООН по израильским поселениям / Управление ООН по связям с общественностью, 18 февраля 2011 г. Cv/'[4] http://www.un.org/ apps/news/story.asp?NewsID = 37572#.VoLKpxUrKhc.

Вернуться

338

Официальные документы Совета Безопасности ООН, стенограмма 1879-го заседания, 26 января 1976 г.

Вернуться

339

Noam Chomsky. Hegemony or Survival (Н. *Хомский.* Гегемония или выживание), 168.

Вернуться

340

Marwan Bishara. Gauging Arab Public Opinion (М. *Бишара.* Изучая арабское общественное мнение) //Al Jazeera, 8 марта 2012 г.

Вернуться

341

Joyce Battle. Shaking Hands with Saddam Hussein, The US Tilts Toward Iraq, 1980-1984 *(Дж. Баттл.* Пожимая руку Саддаму Хуссейну: реверансы США в сторону Ирака, 1980-1984) // National Security Archive Briefing Book, № 82, 25 февраля 2003 г. См.: http://nsarchive. gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB82/.

Вернуться

342

Gary Milhollin. Building Saddam Hussein's Bomb (Г. *Милхоллин.* Создание бомбы для Саддама Хуссейна) // New York Times Magazine, 8 марта 1992, 30.

Вернуться

343

Резолюция Совета Безопасности ООН № 687, 1991. См.: http://www.un.org/Depts/unmovic/documents/687.pdf.

Вернуться

344

Norman Ware. The Industrial Worker (Я *Вэр.* Промышленный рабочий).

Вернуться

345

David Montgomery. The Fall of the House of Labor: The Workplace, the State, and American Labor Activism, 1865-1925 *(Д. Монтгомери.* Падение Палаты труда: рабочее место, государство и выступления американских рабочих, 1865-1925). – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Вернуться

346

Charles Lindholm, John A. Hall. Is the United States Falling Apart? *(Ч. Линдхольм, Дж. Холл.* Может, Соединенные Штаты разваливаются) // Daedalus, 26, № 2 (весна 1997 г.), 183-209.

Вернуться

347

David Montgomery. The Fall of the House of Labor *(Д. Монтгомери.* Падение Палаты труда).

Вернуться

348

Alex Carey. Taking the Risk out of Democracy: Corporate Propaganda Versus Freedom and Liberty *(A. Кэри.* Риск демократии: корпоративная пропаганда против свобод и свободы). – Champaign: University of Illinois Press, 1997, 26.

Вернуться

349

Adam Smith. The Wealth of Nations *(A. Смит.* Богатство народов).

Вернуться

350

Richard B. Freeman. Do Workers Still Want Unions? More than Ever (Р. *Фриман.* Хотят ли рабочие по-прежнему вступать в профсоюз? Больше чем когда-либо) // Economic Policy Institute, 22 февраля 2007 г. См.: http://www.sharedprosperity.org/bpl82.html; Опрос общественного мнения Фонда Гэллапа 30 августа 2013 г: «Большинство жителей США одобряют профсоюзы, но считают, что те слабеют». См.: http://www.galhip.com/poll/164186/majority-ap-

proves-unions-say-weaken.aspx.

Вернуться

351

Richard Fry, Rakesh Kochhar. America’s Wealth Gap Between Middle-Income and Upper-Income Families Is Widest on Record (*Р. Фрай, Р. Кочхар.* Разрыв в доходах между семьями со средним и высоким доходами огромен, как никогда в истории) // Pew Research Center, 17 декабря 2014 г. См.: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/12/17/wealth-gap-upper-middle-income/.

Вернуться

352

Доходы и бедность в Соединенных Штатах: 2013 год, текущий доклад о положении населения // Служба переписи населения США, сентябрь 2014 г.

Вернуться

353

John Bellamy Foster; *Robert W. McChesney.* The Endless Crisis: How Monopoly-Finance Capital Produces Stagnation and Upheaval from the USA to China *(Дж. Беллами Фостер, Р. Мак-Чесни.* Нескончаемый кризис: как финансовый капитал монополий порождает стагнацию, приводя к подъему китайской экономики и спаду американской). – New York: Monthly Review Press, 2012, 21.

Вернуться

354

Если не оговаривается иное, все цитаты здесь приведены по книге Н. Вэра «Промышленный рабочий» C*Norman Ware.* The Industrial Worker).

Вернуться

355

Авраам Линкольн. Первое ежегодное послание, 3 декабря 1861 года. Выложено в Интернет Герхардом Петерсом и Джоном Вули в рамках проекта «Американское президентство». См.: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/7pid=29502.

Вернуться

356

John Stuart Mill. Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy; 3rd ed. *(Дж. С. Милль.* Основы политэкономии с некоторыми их применениями к общественной философии; 3-е изд.). – London: John W. Parker, 1852.

Вернуться

357

G. *D. H. Cole.* Guild Socialism: A Plan for Economic Democracy *(Дж. Д. Х. Коул.* Гильдейский социализм: план экономической демократии). – New York: Frederick A. Stokes Company, 1921.

Вернуться

358

Lawrence Goodwyn. The Populist Moment: A Short History of the Agrarian Revolt in America (*Л. Гудвин*. Популистский момент: краткая история аграрного восстания в Америке). – New York: Oxford University Press, 1978.

Вернуться

359

Norman Ware. The Industrial Worker (Н. *Вэр.* Промышленный рабочий).

Вернуться

360

Don Shannon. U.N. Assembly Condemns U.S. Invasion *(Д. Шеннон.* Ассамблея ООН осуждает вторжение США) // Los Angeles Times, 30 декабря 1989 г.

Вернуться

361

Национальная стратегия Соединенных Штатов в сфере безопасности. Белый дом, март 1990 г. См.: https://bush411ibrary.tamu.edu/files/select-documents/national_security_strategy_90.pdf.

Вернуться

362

Там же.

Вернуться

363

Noam Chomsky. Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), гл. 12.

Вернуться

364

Там же.

Вернуться

365

Предложения в сфере экономики и промышленности, выдвинутые Соединенными Штатами на Всеамериканской конференции // New York Times, 26 февраля 1945 г.

Вернуться

366

David *Green.* The Containment of Latin America: A History of the Myths and Realities of the Good Neighbor Policy *(Д. Грин.* Сдерживание Латинской Америки: о мифах и реальности в политике Доброго соседа). – New York: Quadrangle Books, 1971,175.

Вернуться

367

Там же, VII.

Вернуться

368

Цели и методы Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки: Внешние отношения Соединенных Штатов, 1952-1954. Т. IV, док. 3,18 марта 1953 года.

Вернуться

369

Из письма Луиса Пайса Ноаму Хомскому от 13 июня 2014 г., имеется в распоряжении автора.

Вернуться

370

Дуайт Эйзенхауэр, цит. по: *Richard Immerman.* Confession of an Eisenhower Revisionist: An Agonizing Reappraisal (Р. *Иммерман.* Исповедь Эйзенхауэра-ревизиониста: мучительный пересмотр») // Diplomatic History, 14, № 3 (лето 1990 г.); Джон Фостер Даллес в телефонном разговоре с Аленом Даллесом, 19 июня 1958 г. (Президентская библиотека Дуайта Эйзенхауэра).

Вернуться

371

Noam Chomsky Rogue States (Н. *Хомский.* Непокорные государства), 114.

Вернуться

372

P. Gleijeses. Conflicting Missions (Я. *Глейхесес.* Конфликтующие задачи), 22.

Вернуться

373

Noam Chomsky. Hegemony or Survival (Я. *Хомский.* Гегемония или выживание), 90.

Вернуться

374

Там же.

Вернуться

375

См.: *Walter LaFeber.* The New Empire: An Interpretation of American Expansion, 1860-1898 (*У. Лафебер.* Новая империя: толкование американской экспансии, 1860-1898 гг.). – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1963, 4.

Вернуться

376

Ernest R. May, Philip D. Zelikow, eds. The Kennedy Tapes: Inside the White House During the Cuban Missile Crisis (Э. *Мэй,* Ф. *Зеликов.* Записи Кеннеди: в стенах Белого дома во время Кубинского ракетного кризиса), XI.

Вернуться

377

См.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), 116.

Вернуться

378

Somini Sengupta. U.N. Will Weigh Asking Court to Investigate War Crimes in Syria (С. *Сенгупта.* ООН намерена попросить Международный суд расследовать военные преступления в Сирии) // New York Times, 22 мая 2014 г.

Вернуться

379

Закон о дополнительных ассигнованиях на дальнейшее восстановление и реакцию на террористические акты против Соединенных Штатов / 107-й Конгресс (2001-02). См.: https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/4775.

Вернуться

380

Samuel P. Huntington. American Politics: The Promise of Disharmony (С. *Хантингтон.* Американская политика: обещание дисгармонии). – Cambridge MA: Harvard University Press, 1981, 75.

Вернуться

381

Stanley Hoffmann, *Samuel P. Huntington*, *Ernest R. May*, *Richard N. Neustadt*, *Thomas C. Schelling.* Vietnam Reappraised (С. *Хоффман*, *С. Хантингтон*, Э. *Мэй*, *Р. Нефштадт*, *Т. Шеллинг.* Переоценка Вьетнама) // International Security, 6, № 1 (лето 1981 г.), 3-26.

Вернуться

382

Justin ElliottTheodoric Meyer. Claim on ‘Attacks The waited’ by NSA Spreads Despite Lack of Evidence (*Дж. Эллиотт*, *Т Мейер.* Заявления АНБ о предотвращении терактов ширятся, невзирая на отсутствие доказательств) // ProPublica, 23 октября 2013 г. См.: http://www.propublica.org/article/claim-on-attacks-thwarted-by-nsa-spreads-despite-lack-of-evidence.

Вернуться

383

James Ball. US and UK Struck Secret Deal to Allow NSA to ‘Unmask’ Britons’ Personal Data *(Дж. Болл.* Соединенные Штаты и Великобритания заключили секретное соглашение о раскрытии личных данных британцев) // Guardian (London), 20 ноября 2013 г.

Вернуться

384

Опрос Фонда Гэллапа: Американцы демонстрируют низкий уровень озабоченности проблемой глобального потепления, 4 апреля 2014 г. См.: http://www.gallup.com/poll/168236/americans-show-low-levels-concern-global-warming.aspx.

Вернуться

385

Robert S. Eshelman. The Danger of Fair and Balanced (Р *Эшельман.* Опасность честности и сбалансированности) // Columbia Journalism Review, 1 мая 2014 г.

Вернуться

386

Katie Zezima. Obama: Plane Crash in Ukraine an ‘Outrage of Unspeakable Proportions’ *(К. Зезима*. Обама: Крушение самолета в Украине – «оскорбление невыразимого масштаба») // *Washington* Post, 18 июля 2014 г.

Вернуться

387

Объяснение позиции Постоянного представителя США при ООН Саманты Пауэр, приведенное после голосования по резолюции № 2166 в Совете Безопасности ООН о крушении в Украине самолета «Малазийских авиалиний» / Миссия Соединенных Штатов в ООН, 21 июля 2014 года. См.: http://usun.state.gov/remarks/6109.

Вернуться

388

Timothy GartonAsh. Putin’s Deadly Doctrine: Opinion (Г. Г. *Эш*. Убийственная доктрина Путина: Мнение) *//New York Times,* 18 июля 2014 г.

Вернуться

389

Уильям Тейлор, интервью Андерсону Куперу // CNN, 18 июля 2014г. Расшифровку см.: http://www.cnn.com/TRANSCRIPTS/1407/18/acd.01.html.

Вернуться

390

United Press International: Офицер пишет, что *Vincennes*, сбивая самолет, вел себя слишком агрессивно // *Los Angeles Times,* 2 сентября 1989 г.

Вернуться

391

David Evans. Vincennes Medals Cheapen Awards for Heroism *(Д. Эванс*. Ордена командованию *Vincennes* обесценивают награды за героизм) // *Daily Press*, 15 апреля 1990 г.

Вернуться

392

Рональд Рейган: Заявление по поводу иранского авиалайнера, сбитого американским военным судном в Персидском заливе, 3 июля 1988 г. Выложено в Интернет Герхардом Питерсом и Джоном Вули в

рамках проекта «Американское президентство». См.: http:// www.presidency.ucsb.edu/ws/7pid=36080.

Вернуться

393

Michael Kinsley. Rally Round the Flag, Boys (М. *Кикзи.* Соберемся под знаменем, ребята) // *Time*, 12 сентября 1988 г.

Вернуться

394

Philip Shenon. Iran's Chief Links Aid to Better Ties (Ф. *Шенон.* Иранский лидер связывает помощь более тесными узами) // *New York Times*, 6 июля 1990 г.

Вернуться

395

Dominic Lawson. Conspiracy Theories and the Useful Idiots Who Are Happy to Believe Putin's Lies *(Д. Лоусон.* Теории заговора и полезные идиоты, которым радостно верить в путинскую ложь) // *Daily Mail* (London), 20 июля 2014 г.

Вернуться

396

Dilip Hiro. The Longest War: The Iran-Iraq Military Conflict (*Д. Хайроу.* Самая долгая война: вооруженный конфликт между Ираном и Ираком). – New York: Psychology Press, 1989.

Вернуться

397

John Crewdson. New Revelations in Attack on American Spy Ship С*Цж. Крюдсон.* Новые откровения о нападении на американский шпионский корабль) // *Chicago Tribune*, 2 октября 2007 г.

Вернуться

398

Miron Rezun. Saddam Hussein's Gulf Wars: Ambivalent Stakes in the Middle East (М *Резун.* Войны Саддама Хуссейна в Заливе: противоречивые ставки на Ближнем Востоке) – Westport, CT: Praeger, 1992, 58f.

Вернуться

399

Michael Omer-Man. This Week in History: IAF Shoots Down Libyan Flight 114 (М. *Омер-Ман.* Этот день в истории: израильские ВВС сбили

ливийский авиалайнер, следовавший рейсом 114) // *Jerusalem Post,* 25 февраля 2011 г.

Вернуться

400

Edward W. Said, *Christopher Hitchens.* Blaming the Victims: Spurious Scholarship and the Palestinian Question (*Э. Саид*, *К. Хитченс.* Обвиняя жертвы: мнимая ученость и палестинский вопрос). – New York: Verso, 2001,133.

Вернуться

401

Somini Sengupta. Why the U.N. Can't Solve the World's Problems (*С. Сенгупта.* Почему ООН не может решать мировые проблемы) // New York Times, 26 июля 2014 г.

Вернуться

402

Там же.

Вернуться

403

Laura Barron-Lopez. Obama Pushes for 'Immediate' Cease-Fire Between Israel, Hamas (*Jl. Баррон-Лопес.* Обама прилагает усилия для «немедленного» прекращения огня между Израилем и ХАМАС) // The Hill, 27 июля 2014 г.

Вернуться

404

Решение, выражающее видение Сенатом поддержки Соединенными Штатами государства Израиль, защищающего себя от ничем не спровоцированных атак со стороны террористической организации ХАМАС / Резолюция Сената № 498, 113-й Конгресс (2013-14). См.: https://www.congress.gov/bill/113th-congress/sen-ate-resolution/498.

Вернуться

405

Опрос Института Гэллапа: «За два месяца до выборов Конгресс одобряют лишь 14 % опрошенных», 8 сентября 2014 г. См.: http://www.gallup.com/poll/175676/congress-approval-sits-two-months-elections.aspx.

Вернуться

406

Mouin Rabbani. Institutionalised Disregard for Palestinian Life (M. *Раббани*. Пренебрежение проблемами жизни палестинцев, вошедшее в норму) // LRB Blog, 9 июля 2014 г.

Вернуться

407

Mads Gilbert Brief Report to UNRWA: The Gaza Health Sector as of June 2014 (М. *Гилберт*. Краткий отчет в БАПОР: здравоохранение в Газе по состоянию на июнь 2014 г.) // University Hospital of North Norway, 3 июля 2014 г.

Вернуться

408

Там же.

Вернуться

409

Roma Rajpal Weiss. Interview with Raji Sourani (*Р. Р. Вайсе*. Интервью с Раджи Саурани) // Qantara, 16 июля 2014 г.

Вернуться

410

См.: *Ari Shavit*. The Big Freeze (А. *Шавит*. Большая заморозка) // Ha’aretz, 7 октября 2004 г.

Вернуться

411

См.: *Conal Urquhart*. Gaza on Brink of Implosion as Aid Cut-Off Starts to Bite (К. *Урюсарт*. Газа грани взрыва: урезание помощи начинает кусаться) // Guardian (London), 15 апреля 2006 г.

Вернуться

412

Архивная копия сайта Кнессета: Позиция партии Ликуд. См.: http://web.archive.Org/web/20070930181442/http://www.knesset.gov.il/elections/knessetl5/elikud_m.htm.

Вернуться

413

Израиль: следствие по делу об обстреле берега Газы игнорирует очевидное: Доклад гуманитарной организации *Human Rights Watch*, 19 июня 2006 г. См.: https://www.hrw.org/news/2006/06/19/ israel-gaza-beach-investigation-ignores-evidence.

Вернуться

414

Nathan Thrall Hamas’s Chances (Н. *Тролл*. Шансы движения ХАМАС) // London Review of Books, 36, № 16 (21 августа 2014 г.), **10-12**.

Вернуться

415

Jodi Rudoren, Said Ghazali. A Trail of Clues Leading to Victims and Heartbreak *(Дж. РуЪорен, С. Газали*. Цепочка следов, ведущая к жертвам и большой беде) // New York Times, 1 июля 2014 г.

Вернуться

416

Там же.

Вернуться

417

Последние новости, 7 июля 2014 года: Ракетная бомбардировка юга – ХАМАС берет ответственность на себя // Ha’aretz, 8 июля 2014 г.

Вернуться

418

Там же.

Вернуться

419

Jason Burke. Gaza ‘Faces Precipice’ as Death Toll Passes 1,400 *(Дж. Берк*. Газа на краю пропасти: количество погибших превысило 1400 человек) // Guardian (London), 31 июля 2014 г.

Вернуться

420

Последние новости: операция «Несокрушимая скала», день 21-й // Ha’aretz, 29 июля 2014 г.

Вернуться

421

Jodi Rudoren, Anne Barnard. Israeli Military Invades Gaza, with Sights Set on Hamas Operations *(Дж. Рудорен, Э. Барнард*. Израильские военные вторгаются в Газу, держа под прицелом операции движения ХАМАС) // New York Times, 17 июля 2014 г.

Вернуться

422

БАПОР категорично осуждает обстрел Израилем принадлежащей агентству школы и серьезное нарушение международного законодательства (30 июля 2014 г.).См.: http://www.unrwa.org/newsroom/official-statements/unrwa-strongly-condemns-israeli-shelling-its-school-gaza-serious.

Вернуться

423

Там же.

Вернуться

424

Высказывания Генерального секретаря в присутствии прессы по прибытии в Сан-Хосе, Коста-Рика (ООН, 30 июля 2014 г.). См. http://www.un.org/sg/offthecuff/index.asp7nicN3503.

Вернуться

425

Barak Ravid. UN Chief Condemns ‘Shameful’ Shelling of School in Gaza (Б. *Равид.* Глава ООН осуждает «позорный» обстрел школы в Газе) // Ha’aretz, 30 июля 2014 г.

Вернуться

426

Sudarsan Raghavan, William Booth, Ruth Eglash. Israel, Hamas Agree to 72-Hour Humanitarian Cease-Fire (С. *Раваган, У. Бут, Р. Иглеш.* Израиль и ХАМАС согласны на 72-часовое гуманитарное перемирие) // Washington Post, 1 августа 2014 г.

Вернуться

427

Документ Совета безопасности ООН № 337, S/1996/337, 7 май 1996 г. См.: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/1996/337.

Вернуться

428

Annemarie Heywood. The Cassinga Event: An Investigation of the Records *(А.-М. Хейвуд.* Трагедия в Кассинге: изучая документы) // National Archives of Namibia, 1996 г.

Вернуться

429

Amira Hass. Reaping What We Have Sown in Gaza (А. *Хасс*. Пожиная в Газе то, что мы сами и посеяли) // Ha’aretz, 21 июля 2014 г.

Вернуться

430

Газа: католической церкви приказано эвакуироваться перед израильской бомбардировкой // Independent Catholic News, 29 июля 2014 г.

Вернуться

431

пять государств Латинской Америки отозвали из Израиля своих послов // Middle East Monitor, 30 июля 2014 г.

Вернуться

432

Центр по правам человека Аль-Мизан: «Гуманитарное перемирие нарушено, армия Израиля применяет ковровые бомбардировки, в Рафахе убиты десятки людей» / Пресс-релиз, 1 августа 2014 г. См.: http://www.mezan.org/en/post/19290/Humanitarian+Truce+Fa ils + and+IOF+Employ+Carpet+Bombardment+in+Rafah+Killing+Do zens + of+people%3Cbr%3EAl+Mezan%3A+Death+Toll+Reaches + l,4 97%3B + 81.8%25 +Civilians%3B +358 + Children +and

+ 196 +Women%3B + Excluding+Rafah.

Вернуться

433

Эзер Вайцман, лекция, записанная в издании *Ha’aretz*, 20 марта 1972 г.

Вернуться

434

См.: *Lou Pingeot, Wolfgang Obenland*. In Whose Name? A Critical View on the Responsibility to Protect *(Л. Пинджот, В. Обенланд*. Во имя чего? Критический взгляд на «ответственность защитить») // Global Policy Institute, май 2014 г. https:// www.globalpolicy.org/images/ pdfs/images/pdfs/In_whose_name_web.pdf.

Вернуться

435

См.: *Piero Gleijeses*. Visions of Freedom: Havana, Washington, Pretoria, and the Struggle for Southern Africa, 1976-1991 (Я. *Глейхесес*.

Видение свободы: Гавана, Вашингтон, Претория и борьба за Южную Африку, 1976-1991). – University of North Carolina Press, 2013.

Вернуться

436

разогревая конфликт: иностранные поставки оружия Израилю и Газе // Amnesty International, 23 февраля 2009 г. См.: https://www.amnesty.ie/sites/default/files/report/2010/04/Fuelling20conflict_Final.pdf.

Вернуться

437

Barak Ravid. US Senator Seeks to Cut Aid to Elite IDF Units Operating in West Bank and Gaza (Б. *Равид.* Американский сенатор намерен лишить помощи элитные подразделения Армии обороны Израиля, действующие на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа) // Ha'aretz, 16 августа 2011 г.

Вернуться

438

The Army Air Forces in World War II. Vol. 5 / Wesley F. Craven, James L. Cate, eds. (Военно-воздушные силы во Второй мировой войне. Т. 5 / Под ред. У. и Крейвена и Дж. Кейта). – Chicago: University of Chicago Press, 1953, 732-33; *Makoto Oda.* The Meaning of «Meaningless Death» (М. *Ода.* Смысл «Бессмысленной смерти») // Tenbo, январь 1965 (пер. в Journal of Social and Political Ideas in Japan, август 1966, 75-84). См. также: *Noam Chomsky.* On the Backgrounds of the Pacific War (Я. *Хомский.* Подоплека войны на Тихом океане) // Liberation, сентябрь/октябрь 1967 г.; текст воспроизведен в кн.: *Noam Chomsky.* American Power and the New Mandarins: Historical and Political Essays (Я. *Хомский.* Американская мощь и новые мандарины: исторические и политические эссе). – New York: Нью-Йорк: New Press, 2002.

Вернуться

439

Генерал Ли Батлер: Обращение во время Канадской конференции по запрещению ядерного оружия, Монреаль, Канада, 11 марта 1999 г.

Вернуться

440

Lee Butler. At the End of the Journey: The Risks of Cold War Thinking in a New Era (*Л. Батлер.* В конце пути: риски «холодной войны»,

размышления в Новую эру) // International Affairs, 82, № 4 (июль 2006 г.), 763-769.

Вернуться

441

Генерал Ли Батлер: Обращение во время Канадской конференции по запрещению ядерного оружия», Монреаль, Канада, 11 марта 1999 г.

Вернуться

442

McGeorge Bundy. Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years (М. *Банди.* Опасность и выживание: выбор во всем, что касается бомб, в первые пятьдесят лет). – New York: Random House, 1988, 326.

Вернуться

443

Там же.

Вернуться

444

James Warburg. Germany: Key to Peace *(Дж. Варбург.* Германия: ключ к миру). – Cambridge, MA: Кембридж, MA: Harvard University Press, 1953, 189; *Adam Ulam.* A Few Unresolved Mysteries About Stalin and the Cold War in Europe *(А. Улам.* Несколько неразгаданных тайн Сталина и «холодной войны» в Европе) // Journal of Cold War Studies, 1, № 1 (зима 1999), 110-116.

Вернуться

445

Melvyn P. Leffler. Inside Enemy Archives: The Cold War Reopened (М. *Леффлер.* В архивах врага: новое начало «холодной войны») // Foreign Affairs, 75, № 4 (июль – август 1996).

Вернуться

446

Noam Chomsky, Irene Gendzier. Exposing Israel’s Foreign Policy Myths: The Work of Amnon Kapeliuk (Я. *Хомский, А. Джейнзъер.* Изобличение мифов израильской внешней политики: труд Амнона Капелюка) // Jerusalem Quarterly, 54, лето 2013.

Вернуться

447

Benjamin B. Fische. A Cold War Conundrum: The 1983 Soviet War Scare (Б. *Фишер.* Одна из загадок «холодной войны»: 1983 год – угроза войны с Советами) // Center for the Study of Intelligence, 7 июля 2008 г., см.: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelli-gence/csi-publications/books-and-monographs/a-cold-war-conundrum/ source.htm; *Dmitry Dima Adamsky.* The 1983 Nuclear Crisis – Lessons for Deterrence Theory and Practice *(Д. Д. Адамски.* Ядерный кризис 1983 года – уроки теории и практики устрашения) // Journal of Strategic Studies, 36, 2013, № 1, 4-41.

Вернуться

448

См.: *Pavel Aksenov.* Stanislav Petrov: The Man Who May Have Saved the World (*Я. Аксенов.* Станислав Петров: человек, который, похоже, спас мир) // BBC News Europe, 26 сентября 2013 г., см.: http:// www.bbc.com/news/world-europe-24280831.

Вернуться

449

Eric Schlosser. Command and Control: Nuclear Weapons, the Damascus Accident, and the Illusion of Safety (Э. *Шлоссер.* Командуй и контролируй: ядерное оружие, инцидент в Дамаске и иллюзия безопасности). – New York: Нью-Йорк: Penguin, 2013.

Вернуться

450

Билл Клинтон: Выступление на Генеральной Ассамблее ООН, 27 сентября 1993 г. См.: http://www.state.gOv/p/io/potusunga/207375. htm; Министр обороны Уильям Коэн: Ежегодный доклад президенту и Конгрессу, 1999 (Вашингтон, округ Колумбия: Министерство обороны, 1999). См.: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/ annual_reports/1999_DoD_AR.pdf.

Вернуться

451

«Основы стратегии устрашения в период после “холодной войны”», отрывки опубликованы в книге Ханса Кристенсена «Ядерное будущее: распространение оружия массового поражения и ядерная стратегия США» *(Hans Kristensen.* Nuclear Futures: Proliferation of Weapons of Mass Destruction and US Nuclear Strategy / British American

Security Information Council, Appendix 2, Basic Research Report 98.2, март 1998 г.)/

Вернуться

452

Michael Sherry. The Rise of American Airpower: The Creation of Armageddon (М. *Шерри.* Становление американской военно-воздушной мощи: сотворение Армагеддона). – New Haven, CT: Yale University Press, 1987.

Вернуться

453

Jon B. Wolfstahl, Jeffrey Lewis, Marc Quint The Trillion Dollar Nuclear Triad: US Strategic Nuclear Modernization over the Next Thirty Years /James Martin Center for Nonproliferation Studies, January 2014 *(Джон Вольфсталь, Джеффри Лъюис, Марк Квинт.* Триллион долларов на ядерную триаду: американская стратегия модернизации ядерных сил на ближайшие тридцать лет / Центр исследований в области нераспространения им. Джеймса Мартина, январь 2014), см.: http://cns.miis.edu/opapers/pdfs/140107_trillion_dollar_nuclear_ triad.pdf. См. также: *Tom Z. Collina.* Nuclear Costs Undercounted, GAO Says (Г. *З. Колина.* Ядерные затраты недоучтены, говорит GAO) // Arms Control Today, July – August 2014.

Вернуться

454

См.: Белый дом. Департамент по связям с общественностью. Высказывания президента в Университете национальной обороны / Пресс-релиз, 23 марта 2013 г. См.: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/05/23/remarks-president-national-defense-university.

Вернуться

455

Jeremy Scahill. Dirty Wars: The World Is a Battlefield *(Дж. Шехилл.* Грязные войны: мир – это поле битвы). – New York: Nation Books, 2013, 450, 443.

Вернуться

456

Ari Shavit. The Big Freeze *(A. Hlaeum.* Большая заморозка) // Ha’aretz, 7 октября 2004 г.

Вернуться

457

Idith Zertal, Akiva Eldar. Lords of the Land: The War for Israel's Settlements in the Occupied Territories, 1967-2007 *(И. Зерталь, А. Эльдар.* Властелины земли: война за израильские поселения на оккупированных территориях, 1967-2007). – New York: Nation Books, 2007, XII.

Вернуться

458

Организация Объединенных Наций: «Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам борется с кризисами в трех сферах деятельности, сообщает генеральный комиссар Четвертому комитету Генассамблеи ООН» / Пресс-релиз, 29 октября 2008 г. См.: http://www.un.org/press/en/2008/gaspd413.doc.htm.

Вернуться

459

Совет безопасности ООН: «Совет безопасности призывает к немедленному, длительному, всецело соблюдаемому прекращению огня в Газе, ведущему к выводу израильских войск» / Пресс-релиз, 8 января 2009 г. См.: http://www.un.org/press/en/2009/sc9567.doc.htm.

Вернуться

460

Isabel Kershner. Gaza Deaths Spike in 3rd Day of Air Assaults While Rockets Hit Israel *(И. Керижер.* На третий день ударов с воздуха число погибших в Газе резко выросло, Израиль подвергся ракетным ударам) // New York Times, 10 июля 2014 г.

Вернуться

461

Amos Harel, Avi Issacharoff, Gili Cohen, Allison Kaplan Sommer, and News Agencies. Hamas Military Chief Ahmed Jabari Killed by Israeli Strike *(А. Харель, А. Исашарофф, Г. Коэн, Э.Каплан Соммер* и информационные агентства. Высокопоставленный военачальник ХАМАС Ахмед Джабари убит в результате израильского удара) // Ha'aretz, 14 ноября 2012 г.

Вернуться

462

Reuters: Соглашение о прекращении огня между Израилем и ХАМАС // Ha'aretz, 21 ноября 2012 г.

Вернуться

463

Nathan Thrall. Hamas’s Chances (Н. *Тролл.* Шансы ХАМАС) // London Review of Books, 36, № 16 (21 августа 2014 г.), 10-12.

Вернуться

464

Amos Harel. Notes from an Interrogation: How the Shin Bet Gets the Low-Down on Terror (А. *Харел.* Заметки с одного допроса: как «Шин Бет» получает полную информацию о террористах) // Ha’aretz, 2 сентября 2014 г.

Вернуться

465

Akiva Eldar. Bibi Uses Gaza as Wedge Between Abbas, Hamas *(А. Эльдар.* Биби использует Газу, чтобы вбить клин между Аббасом и ХАМАС) // Al-Monitor, 1 сентября 2014 г.

Вернуться

466

Там же.

Вернуться

467

Gideon Levy, Ariel Levac. Behind the IDF Shooting of a 10-Year-Old Boy (Г. *Леви,* А. *Левак.* Что стоит за выстрелом в 10-летнего мальчика) // Ha’aretz, 21 августа 2014 г.

Вернуться

468

Gideon Levy. The IDF’s Real Face (Г. *Леви.* Истинное лицо Армии обороны Израиля) // Ha’aretz, 30 августа 2014 г.

Вернуться

469

См.: *Idith Zertal, Akiva Eldar.* Lords of the Land *(И. Зерталь, А. Эльдар.* Властелины земли), 13.

Вернуться

470

См.: *Noam Chomsky.* Deterring Democracy (Н. *Хомский.* Сдерживая демократию), 435.

Вернуться

471

Mark Mazzetti. C.I.A. Study of Covert Aid Fueled Skepticism About Helping Syrian Rebels (М. *Маззетти.* Исследование ЦРУ скрытой поддержки вызывает скептицизм в отношении помощи сирийским повстанцам) // New York Times, 14 октября 2014 г.

Вернуться

472

Piero Gleijesus. Visions of Freedom (Я. *Глейхесус.* Видение свободы) .

Вернуться

473

Noam Chomsky. Pirates and Emperors, Old and New: International Terrorism in the Real World (Я. *Хомский.* Пираты и императоры, старые и новые: международный терроризм в реальной жизни). – Chicago: Haymarket Books, 2015, VIII.

Вернуться

474

Kenneth B. Nobel Savimbi, Trailing, Hints at New War (К *Нобель.* Проигравший Савимби намекает на новую войну) // New York Times, 4 октября 1992.

Вернуться

475

Isaac Risco. Mandela, a Loyal Friend of Cuba's Fidel С*И. Риско.* Мандела, верный друг кубинского Фиделя) // Havana Times, 7 декабря 2013 г.

Вернуться

476

William M. LeoGrande, Peter Kornbluh. Back Channel to Cuba: The Hidden History of Negotiations Between Washington and Havana (У. *Лео Гранде, П. Корнблах.* Тайный канал связи с Кубой: неизвестная история переговоров между Вашингтоном и Гаваной). – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014,145.

Вернуться

477

Краткая сводка решений Международного суда ООН: Военные и военизированные операции в Никарагуа и против нее // Nicaragua v. United States of America, 27 июня 1986. См.: http://www. icj-cij.org/docket/?sum=367&pl = 3&p2 = 3&case = 70&p3 = 5.

Вернуться

478

Keith Bolender. Voices From the Other Side: An Oral History of Terrorism Against Cuba (К *Болендер.* Голоса с другой стороны: устная история терроризма против Кубы) – London: Pluto Press, 2010.

Вернуться

479

Институт Гэллапа, опрос конца 2013 года. См.: http://www. wingia.eom/en/services/end_of_year_survey_2013/7/.

Вернуться

480

Jon Lee Anderson. Obama and Castro Seize History *(Дж. Ли Андерсон.* Обама и Кастро берут в свои руки историю) // New Yorker, 18 декабря 2014.

Вернуться

481

Документы Джона Ф. Кеннеди: Президентские материалы. Архив Агентства национальной безопасности. Отчеты о встречах и меморандумы. Директивы национальной безопасности. Директива национальной безопасности № 263 // Библиотека и музей Джона Ф. Кеннеди, Бостон, Массачусетс.

Вернуться

482

Michael Glennon. Terrorism and «Intentional Ignorance» (М. *Гленнон.* Терроризм и «преднамеренное неведение») // Christian Science Monitor, 20 марта 1986 г.

Вернуться

483

Управление Государственного департамента США по истории и международным отношениям Соединенных Штатов, 1961-1963. Документ № 158: Заметки о встрече кабинета, 20 апреля 1961 г. См.: https: //history, state. gov/historicaldocuments/frus1961-63vlO/d 158.

Вернуться

484

The Kennedy Tapes: Inside the White House During the Cuban Missile Crisis / Ernest R. May and Philip D. Zelikow, eds. (Записи Кеннеди: в стенах Белого дома в дни кубинского ракетного кризиса / Под ред. Э.

Мея и Ф. Зеликова). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998, 84.

Вернуться

485

Tacitus. Annals of Tacitus. Book XI *(Тацит.* Анналы. Кн. XI). – New York: Macmillan, 1888,194.

Вернуться

486

Michael R. Beschloss. Taking Charge: The Johnson White House Tapes 1963-1964 (М. *Бешлосс.* У руля: записи из Белого дома во времена правления Джонсона, 1963-1964). – New York: Simon & Schuster, 1998, 87.

Вернуться

487

Lars Schoultz. That Infernal Little Cuban Republic (Л. *Шульц.* Эта маленькая, чертова Кубинская республика), 5.

Вернуться

488

Nancy Reagan. My Turn: The Memoirs of Nancy Reagan (Я. *Рейган.* Моя очередь: Мемуары Нэнси Рейган) – New York: Random House, 2011, 77.

Вернуться

489

Слова Теодора Рузвельта, обращенные к Генри Уайту, 13 сентября 1906 г. / Бумаги Рузвельта, Библиотека Конгресса.

Вернуться

490

См.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects *(Н. Хомский.* Надежды и перспективы), 50.

Вернуться

491

Белый Дом. Департамент по связям с общественностью. Заявление президента об изменении политики в отношении Кубы / Пресс-релиз, 17 декабря 2014 г. См.: https://www.whitehouse.gov/ the-press-office/2014/12/17/statement-president-cuba-policy-changes.

Вернуться

492

Опрос общественного мнения CNN/ORC, 18-21 декабря 2014 г. См.: http://i2.cdn.turner.com/cnn/2014/images/12/23/cuba. poll.pdf.

Вернуться

493

См.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), 116; *Dennis Merrill*, *Tomas Paterson.* Major Problems in American Foreign Relations. Vol. II: Since 1914 *(Д. Меррилл, Т Патерсон.* Ключевые проблемы американских международных отношений. Т II: Период после 1914 года). – Boston: Cengage Learning, 2009, 394.

Вернуться

494

См.: *Noam Chomsky.* Deterring Democracy (*Я Хомский.* Сдерживая демократию), 228.

Вернуться

495

Dan Bilefsky, Maia de la Байте. French Premier Declares War on Radical Islam as Paris Girds for Rally *(Д. Билефска, М. дела Бом.* Французский премьер-министр объявляет войну радикальному исламу. Париж готовится к новым нападениям) // New York Times, 10 января 2015 г.

Вернуться

496

Jodi Rudoren. Israelis Link Attacks to Their Own Struggles *(Дж. Рудорен.* Израильтяне связывают атаки со своей собственной борьбой) // New York Times, 9 января 2015 г.

Вернуться

497

Liz Alderman. Recounting a Bustling Office at Charlie Hebdo, Then a «Vision of Horror» *(Л. Олдерман.* Подробный рассказ о кипучем офисе Charlie Hebdo и затем «ужасная картина») // New York Times, 8 января 2015; Ананд Джиридхадарас, https:// twitter.com/ anandwrites/status/552825021878771713.

Вернуться

498

Steven Erlanger. Days of Sirens, Fear and Blood: France Is Turned Upside Down (С. *Эрланджер.* Дни сирен, страха и крови: Франция

перевернулась с ног на голову) // New York Times, 9 января 2015 г.

Вернуться

499

За исключением особо оговариваемых случаев, в приведенном выше материале содержатся выдержки из статьи Стивена Эрланджера «Кризис на Балканах: Белград. Выжившие после НАТОвской бомбардировки штаб-квартиры сербского телевидения: Удача, Отвага и Решимость» // New York Times, 24 апреля 1999 г.

Вернуться

500

См.: *Эйми Гудман.* Радио *Pacifica* отказывается от премии Международного пресс-клуба // Программа *Democracy Now!*, радио *Pacifica*, 23 апреля 1999 г.

Вернуться

501

Roy Gutman, Mousab Alhamadee. U.S. Airstrike in Syria May Have Killed 50 Civilians (Р. *Гатман, М. Альхамаде.* В ходе американского авиаудара по Сирии погибли 50 мирных жителей) // McClatchyDC, 11 января 2015 г.

Вернуться

502

David Holley Zoran Cirjakovic. Ex-Chief of Serb State TV Gets Prison (Д. *Холли, Зоран Киръякович.* Бывший глава Сербского государственного телевидения получает тюремный срок) // Los Angeles Times, 22 июня 2002 г.; Международный уголовный суд ООН по бывшей Югославии: Окончательный доклад Комитета по рассмотрению бомбардировок НАТО Федеральной Республики Югославия обвинителю. См.: http://www.icty.Org/x/file/Press/nato061300.pdf.

Вернуться

503

Floyd Abrams. After the Terrorist Attack in Paris, letter to the editor (Ф. *Абрамс*. После террористического акта в Париже», письмо редактору) // New York Times, 8 января 2015 г.

Вернуться

504

Richard A. Oppel Jr. Early Target of Offensive Is a Hospital (Р. *Оппель-мл.* Больница, легкая цель для нападения») // New York Times, 8 ноября 2004 г.

Вернуться

505

Jonathan Mahler. In Report on *Rolling Stone*, a Case Study in Failed Journalism *(Дж. Малер.* Репортаж в *Rolling Stone:* классический пример неудачной журналистики) // New York Times, 5 апреля 2015 г.

Вернуться

506

Thomas Fuller. One Woman's Mission to Free Laos from Millions of Unexploded Bombs (Г. *Фуллер.* Как одна женщина взяла на себя миссию избавить Лаос от неразорвавшихся бомб) // New York Times, 5 апреля 2015 г.

Вернуться

507

Там же.

Вернуться

508

Fred Branfman. Voices from the Plain of Jars: Life Under an Air War (Ф. *Бренфман.* Голоса из Долины кувшинов: жизнь под авианалетами). – Madison: University of Wisconsin Press, 2013 г.).

Вернуться

509

Thomas Fuller. One Woman's Mission to Free Laos… (Г. *Фуллер.* Как одна женщина взяла на себя миссию избавить Лаос…)

Вернуться

510

Там же.

Вернуться

511

Thomas Friedman. Iran and the Obama Doctrine (Г. *Фридман.* Иран и Доктрина Обамы) // New York Times, 5 апреля 2015 г.

Вернуться

512

Там же.

Вернуться

513

Enrique Krauze. Cuba: The New Opening (Э. *Краузе.* Куба: новое открытие») // New York Review of Books, 2 апреля 2015 г.

Вернуться

514

David Martosko and Associated Press. Obama Tries «New Approach» on Cuba with Normalized Trade Relations and Diplomacy Between Washington and Havana for the First Time in a Half-Century (*Д. Мартоско и Associated Press.* Впервые за полстолетия Обама пытается проявить «новый подход» к Кубе, установить дипломатические и нормализовать торговые отношения) // Daily Mail (London), 17 декабря 2014 г.

Вернуться

515

Peter Baker. A Foreign Policy Gamble by Obama at a Moment of Truth (Л. *Бейкер.* Рискованная игра, затеянная Обамой во внешней политике в момент истины) // New York Times, 2 апреля 2015 г.

Вернуться

516

Jessica Matthews. The Road from Westphalia *(Дж. Мэтьюс.* Путь из Вестфалии) // New York Review of Books, 19 марта 2015 г.

Вернуться

517

Kelsey Davenport. The P5 + 1 and Iran Nuclear Deal Alert (К *Дэвенпорт.* Иранская ядерная сделка между Ираном, с одной стороны, и пятью постоянными членами Совбеза ООН плюс Германия – с другой // Arms Control Association, 11 августа 2015 г. См.: http:// www.armscontrol.org/blog/ArmsControlNow/08-ll-2015/The-P5-plus-1 - and-Iran-Nuclear-Deal-Alert-August-11.

Вернуться

518

Scott Clement, Peyton M. Craighill. Poll: Clear Majority Supports Nuclear Deal with Iran (С. *Клемент, П. Крейгхилл.* Опрос: явное большинство поддерживает ядерную сделку с Ираном») // Washington Post, 30 марта 2015 г.; *Laura Meckler, Kristina Peterson.* U.S. Public Split on Iran Nuclear Deal – WSJ/NBC Poll *(Л. Меклер, К. Петерсон.* Общественное мнение американцев по ядерной сделке с Ираном разделилось – опрос WSJ/NBC) // Washington Wire, 3 августа 2015 г.,

http:// blogs.wsj.com/washwire/2015/08/03/american-public-split-on-iran-nuclear-deal-wsjnbc-poll/.

Вернуться

519

Philip Weiss. Cruz Says Iran Could Set Off Electro Magnetic Pulse over East Coast, Killing 10s of Millions (Ф. *Вейс.* Круз заявляет, что Иран может послать на Восточное побережье электромагнитный импульс, который убьет десятки миллионов граждан») // Mondoweiss, 29 июля 2015 г.

Вернуться

520

Simon Maloy. Scott Walker's Deranged Hawkishness: He's Ready to Bomb Iran During His Inauguration Speech (С. *Мэлой.* Ястреб Скотт Уокер обезумел: он готов бомбить Иран во время своей речи на церемонии инаугурации) // Salon, 20 июля 2015 г.

Вернуться

521

См.: *Amy Davidson.* Broken (Э. *Дэвидсон.* Не работает) // New Yorker, 3 августа 2015 г.; Former Top Brass to Netanyahu: Accept Iran Accord as Done Deal (Бывший высокопоставленный политик говорит Нетаньяху принять сделку как факт // Ha'aretz, 3 августа 2015 г.

Вернуться

522

Thomas E. Mann, Norman J. Ornstein. Finding the Common Good in an Era of Dysfunctional Governance (Г. *Манн, Н. Орнстейн.* Где искать общественное благо в эпоху недееспособного руководства) // Daedalus, 142, № 2 (весна 2013 г.).

Вернуться

523

Helene Cooper; *Gardiner Harris.* Top General Gives «Pragmatic» View of Iran Nuclear Deal (*Элен Купер, Гардинер Харрис.* Высокопоставленный генерал выражает «прагматичный» взгляд на иранскую ядерную сделку) // New York Times, 29 июля 2015 г.

Вернуться

524

Dennis Ross. How to Make Iran Keep Its Word *(Д. Росс.* Как заставить Иран держать данное слово) // Politico, 29 июля 2015 г.

Вернуться

525

Dennis Ross. Iran Will Cheat. Then What? *(Д. Росс.* Иран всех обманет. И что дальше?) // Time, 15 июля 2015 г.; Former Obama Adviser: Send B-52 Bombers to Irsael (Бывший советник Обамы: в Израиль надо послать бомбардировщики «B-52») // Ha'aretz, 17 июля 2015 г.

Вернуться

526

Javad Zarif. Iran Has Signed a Historic Nuclear Deal – Now It's Israel's Turn *(Дж. Зариф.* Иран подписал историческую ядерную сделку – теперь очередь Израиля») // Guardian (London), 31 июля 2015 г.

Вернуться

527

Jayantha Dhanapala Sergio Duarte. Is There a Future for the *NPT? (Дж. Дханапала, С. Дуарте.* Есть ли у *NPT* будущее?») // Arms Control Today, июль – август 2015 г.

Вернуться

528

WIN//Институт Гэллапа: В мир возвращается оптимизм, 30 декабря 2013 года. См.: http://www.wingia.com/web/files/services/33/file/33.pdf?1439575556.

Вернуться

529

Anthony H. Cordesman. Military Spending and Arms Sales in the Gulf (Э. *Кордесман.* Военные траты и продажа оружия в Персидском заливе) // Center for Strategic and International Studies, 28 апреля 2015 г. См.: http://csis.org/files/publication/150428_military_ spending.pdf.

Вернуться

530

Министерство обороны. Открытый доклад о военном могуществе Ирана, апрель 2010 г. См.: http://www.politico.com/static/PPM145_link_042010.html.

Вернуться

531

Сводка о военных расходах. См.: http://www.sipri.org/ research/arma ments/milex/milex_database; *Trita Parsi*, *Tyler Cullis.* The Myth of the Iranian Military Giant (Г. *Парси*, *Т Каллис.* Миф об Иране как о военном гиганте) // *Foreign Policy,* 10 июля 2015 г.

Вернуться

532

Trita Parsi, Tyler Cullis. The Myth of the Iranian Military Giant (Г. *Парси, Т Каллис.* Миф об Иране как о военном гиганте).

Вернуться

533

Anthony H. Cordesman. Military Spending and Arms Sales in the Gulf (Э. *Кордесман.* Военные траты и продажа оружия в Персидском заливе), 4.

Вернуться

534

Seyed Hossein Mousavian, Shahir Shahidsaless. Iran and the United States: An Insider's View on the Failed Past and the Road to Peace (С. *Х. Мусавиан, Ш. Шсисидсалес.* Иран и Соединенные Штаты: взгляд изнутри на провальное прошлое и дорога к миру). – New York: Bloomsbury, 2014, 214-219.

Вернуться

535

William A. Dorman, Mansour Farhang. The U.S. Press and Iran: Foreign Policy and the Journalism of Deference (У. *Дорман,* М. *Фарханг.* Пресса США и Иран: международная политика и уважаемая журналистика). – Berkeley: University of California Press, 1988.

Вернуться

536

Pervez Hoodbhoy, Zia Mian. Changing Nuclear Thinking in Pakistan, Policy Brief. (Я. *Худбхой, З. Миан.* Пересмотр ядерной концепции в Пакистане) // Азиатско-Тихоокеанская группа по разоружению и нераспространению ядерного оружия и Центр по разоружению и нераспространению ядерного оружия, февраль 2014. См.: http://www.princeton.edu/sgs/faculty-staff/zia-mian/Hoodbhoy-Mian-Changing-Nuclear-Thinking.pdf.

Вернуться

537

См.: *Haroon Siddique.* Bush: Iran «the World's Leading Supporter of Terrorism» *(Х. Сиддик.* Буш: Иран – «ведущий мировой пособник терроризма») // Guardian (London), 28 августа 2007 г.

Вернуться

538

Peter Bergen, Paul Cruickshank. The Iraq Effect: War Has Increased Terrorism Sevenfold Worldwide (*Я. Берген, П. Крикшенк.* Иракский эффект: после войны терроризма в мире стало в семь раз больше) // Mother Jones, 1 марта 2007 г.

Вернуться

539

См.: *Somini Sengupta.* U.N. Moves to Lift Iran Sanctions After Nuclear Deal, Setting Up a Clash in Congress (С. *Сенгупта.* ООН намерен отменить санкции против Ирана после заключения ядерной сделки, провоцируя столкновение мнений в Конгрессе) // New York Times, 20 июля 2015.

Вернуться

540

Helene Cooper. U.S. Defense Secretary Visits Israel to Soothe Ally After Iran Nuclear Deal (Э. *Купер.* Министр обороны США едет в Израиль, чтобы успокоить союзника после Иранской ядерной сделки) // New York Times, 20 июля 2015 г.

Вернуться

541

См.: *Anne Barnard.* 120 Degrees and No Relief? ISIS Takes Back Seat for Iraqis (Э. *Барнард.* 120 градусов и никакого облегчения? ИГИЛ играет в Ираке второстепенную роль) // New York Times, 1 августа 2015 г.

Вернуться

542

WINZ/Институт Гэллапа: «Счастье на подъеме», 30 декабря 2014 г. См.: http://www.wingia.com/web/files/richeditor/fileman-ager/EOY_release_2014_-_FINAL.pdf.

Вернуться

543

James Chace. How «Moral» Can We Get? *(Дж. Чейс.* Насколько «моральными» мы можем стать?») // New York Times Magazine, 22 мая

1977 г.

Вернуться

544

Leon Wieseltier. The Iran Deal and the Rut of History (Л. *Уисельтир.* Иранская сделка и колея Истории) // Atlantic, 27 июля 2015 г.

Вернуться

545

Shane Harris, Matthew M. Aid. Exclusive: CIA Files Prove America Helped Saddam as He Gassed Iran *(Ш. Харрис, Мэтью Эйд.* Эксклюзив: документы ЦРУ говорят о том, что Америка помогала Саддаму, когда он месил Иран) // Foreign Policy, 26 августа 2013 г.

Вернуться

546

См.: AlexBoraine. Justice in Iraq: Let the UN Put Saddam on Trial *(А. Борейн.* Правосудие в Ираке: пусть ООН отдаст Саддама под суд) // New York Times, 21 апреля 2003 г.

Вернуться

547

Gary Milhollin. Building Saddam Hussein's Bomb (Г. *Милхоллин.* Бомба для Саддама Хуссейна) // New York Times Magazine, 8 марта 1992 г.

Вернуться

548

Robert Litwak. Iran's Nuclear Chess: Calculating America's Moves *(Р. Литвак.* Иранские ядерные шахматы: Америка рассчитывает ходы) // Wilson Center report, 18 июля 2014 г., 29. См.: https://www.wilsoncenter.org/publication/irans-nuclear-chess-calculating-americas-moves.

Вернуться

549

См., например: *David E. Sanger.* Obama Order Sped Up Wave of Cyberattacks Against Iran *(Д. Сэнджер.* Приказ Обамы привел к волне кибератак на Иран) // New York Times, 1 июня 2012 г.; *Farnaz Fassihi Jay Solomon.* Scientist Killing Stokes U.S.-Iran Tensions (Ф. *Фассихи, Дж. Соломон.* Убийства ученых усиливает напряжение между США и Ираном) // *Wall Street Journal,* 12 января 2012 г.; *Dan Raviv.* US Pushing Israel to Stop Assassinating Iranian Nuclear Scientists *(Д. Равив.* США

призывают Израиль остановить убийства иранских ядерщиков) // *CBSNews.com,* 1 марта 2014 г.

Вернуться

550

Современные практики Соединенных Штатов // American Journal of International Law, 109, № 1 (январь 2015 г.).

Вернуться

551

Charlie Savage. Bush Asserts Authority to Bypass Defense Act (*4. Сэвидж*. Буш заявляет, что власти обойдут Закон о национальной обороне) // Boston Globe, 30 января 2008 г.

Вернуться

552

Elaine Sciolino. Iran's Nuclear Goals Lie in Half- Built Plant," (Э. *Сиолино.* Иранские ядерные цели заключены в недостроенной атомной станции») // New York Times, 19 мая 1995 г.

Вернуться

553

Seyed Hossein Mousavian, Shahir Shahidsaless. Iran and the United States (С. *Х. Мусавиан, Ш. Шахидсалес.* Иран и Соединенные Штаты), 178.

Вернуться

554

«Специальная национальная разведывательная оценка 4-1-74: перспективы дальнейшего распространения ядерного оружия», 23 августа 1974 г. / Доклад ЦРУ (рассекречен Агентством национальной безопасности и помещен в архив. См.: http://nsarchive.gwu.edu/ NSAEBB/NSA EBB240/snie.pdf.

Вернуться

555

RohamAlvandi. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War (Р. *Альванди.* Никсон, Киссинджер и шах: Соединенные Штаты и Иран в период «холодной войны»). – Oxford: Oxford University Press, 2014; *Seyed Hossein Mousavian, Shahir Shahidsaless.* Iran and the United States (С. *Х. Мусавиан, Ш. Шахидсалес.* Иран и Соединенные Штаты), 178.

Вернуться

556

Farah Stockman. Iran’s Nuclear Vision Initially Glimpsed at Institute (Ф. *Стокман*. Иранская ядерная мечта: первое знакомство в институте) // Boston Globe, 13 марта 2007 г.

Вернуться

557

Dafna Linzer. Past Arguments Don’t Square with Current Iran Policy (*Ц. Линцер*. Прежние аргументы не согласуются с нынешней иранской политикой») // Washington Post, 27 марта 2005 г.

Вернуться

558

Samuel P. Huntington. The Lonely Superpower (С. *Хантингтон.* Одинокая супердержава) // Foreign Affairs, 78, № 2 (март/апрель 1999 г.).

Вернуться

559

Robert Jervis. Weapons Without Purpose? Nuclear Strategy in the Post-Cold War Era / *Jan Lodal.* Price of Dominance: The New Weapons of Mass Destruction and Their Challenge to American Leadership (Р. *Джервис*. Оружие без цели? Ядерная стратегия в период после «холодной войны» / *Й. Лодел.* Цена доминирования: новое оружие массового поражения и вызов, которое оно бросает американскому лидерству») // Foreign Affairs, 80, № 4 (июль/август 2001).

Вернуться

560

Билл Клинтон: Национальная безопасность в новом столетии» / Национальная стратегия безопасности. Архив, 1 декабря 1999 года. См.: http://nssarchive.us/national-security-strategy-2000-2/.

Вернуться

561

2015: Три минуты до полуночи» // Бюллетень ученых-ядерщиков. См.: http:// thebulletin.org/clock/2015.

Вернуться

562

В Гренландии тает еще один крупный ледник / Калифорнийский технологический институт, Лаборатория реактивного движения, 12

ноября 2015 г. См.: http://www.jpl.nasa.gov/news/news. php ? fe ature=4771.

Вернуться

563

Hannah Osborne. COP21 Paris Climate Deal: Laurent Fabius Announces Draft Agreement to Limit Global Warming to 2C *(Х. Осборн.* Конференция по климату в Париже: Лоран Фабиус заявляет о подготовке черновика соглашения по ограничению глобального потепления двумя градусами) // International Business Times, 12 декабря 2015 г. См.: http://www.ibtimes.co.uk/cop21-paris-climate-deal-laurent-fabius-announces-draft-agreement-limit-global-warming-2c-1533045.

Вернуться

564

Coral Davenport Paris Deal Would Herald an Important First Step on Climate Change *(К. Дэвенпорт.* Парижское соглашение провозгласит первый, очень важный шаг в решении проблемы изменений климата) // New York Times, 29 ноября 2015 г.

Вернуться

565

См.: *Coral Davenport.* Nations Approve Landmark Climate Accord in Paris *(К. Дэвенпорт.* Народы одобряют базовое соглашение по климату в Париже) // New York Times, 12 декабря 2015 г.

Вернуться

566

Евангелисты с большим отрывом преобладают на первых республиканских праймериз в Айове. Проведенные в этом штате социологические опросы показывают, что почти 6 из 10 потенциальных избирателей-республиканцев считают изменения климата обманом. Почти половина требуют массовой депортации незаконных мигрантов. Шесть из десяти упразднили бы Налоговое управление США (таким образом преподнеся роскошный подарок сверхбогатым толстосумам и корпоративному сектору). Trip Gabriel. Ted Cruz Surges Past Donald Trump to Lead in Iowa Poll (Г. *Габриэль.* По опросам в Айове, вслед за Дональдом Трампом идет Тед Круз») // New York Times, 12 декабря 2015 г.

Вернуться

567

Социологи Рори МакВей и Дэвид Каннингем полагают, что существенным прогностическим фактором нынешних настроений избирателей-республиканцев на Юге является существование в 1960-х годах довольно сильной организации Ку-клукс-клан. *Bill Schaller.* Ku Klux Klan's Lasting Legacy on the U.S. Political System (Б. *Шаллер.* Наследство, полученное американской политической системой от Ку-клукс-клана») // Brandeis Now, 4 декабря 2014 г. См.: https://www.brandeis.edu/now/2014/december/cunningham-kkk-impact.html.

Вернуться

568

Shawn Donnan, Sam Fleming. America's Middle-Class Meltdown: Fifth of US Adults Live in or near to Poverty (Ш. *Доппан, С. Флеминг.* Крушение американского среднего класса: пятая часть взрослого населения США живет чуть ли не в нищете») // Financial Times (London), 11 декабря 2015 г.

Вернуться

569

Sewell Chan, Melissa Eddy. Republicans Make Presence Felt at Climate Talks by Ignoring Them (С. *Хан, М. Эдди.* Республиканцы заявили о своем присутствии на переговорах, напрочь их игнорируя») // New York Times, 10 декабря 2015 г.; *David M. Herszenhorn.* Votes in Congress Move to Undercut Climate Pledge *(Д. Хершенборн.* Голосование в Конгрессе обесценивает перспективы соглашения по климату») // New York Times, 1 декабря 2015 г.; *Samantha Page.* America's Scientists to House Science Committee: Go Away (С. *Пейдж.* Американские ученые Комитету палаты представителей: Убирайтесь!) // Climate Progress, 25 ноября 2015 г.

Вернуться

570

Giovanni Russonello. Two-Thirds of Americans Want U.S. to Join Climate Change Pact *(Дж. Руссонелло.* Две трети американцев за то, чтобы США присоединились к Соглашению по изменениям климата) // New York Times, 30 ноября 2015 г.

Вернуться

571

Melvin Goodman. The «War Scare» in the Kremlin, Revisited: Is History Repeating Itself? (М. *Гудман.* «Страх перед войной» в Кремле. И снова о том же: неужели история повторяется?) // Counterpunch, 27 октября 2015 г.

Вернуться

572

Aaron Tovish. The Okinawa Missiles of October (А. *Товиш*. Ракеты на Окинаве в октябре) // Bulletin of the Atomic Scientists, 25 октября 2015 г.

Вернуться

573

David Hoffman. Shattered Shield: Cold-War Doctrines Refuse to Die *(Д. Хоффман.* Разбитый щит: доктрины «холодной войны» не хотят умирать) //Washington Post, 15 марта 1998 г.

Вернуться

574

Seth Baum. Nuclear War, the Black Swan We Can Never See (С. *Баум.* Ядерная война: черный лебедь, которого мы никогда не увидим) // Bulletin of the Atomic Scientists, 21 ноября 2014 г.

Вернуться

575

Eric Schlosser. Command and Control (Э. *Шлоссер*. Командуй и контролируй).

Вернуться

576

Fiona S. Cunningham, M. Taylor Fravel. Assuring Assured Retaliation: China's Nuclear Posture and U.S. – China Strategic Stability (Ф. *Каннингам, Т Фрэвел.* Гарантируя гарантированные отношения: ядерная позиция Китая и стратегическая стабильность в отношениях между этой страной и США») // International Security, осень 2015 г.

Вернуться

577

После восстания, в результате которого в Украине пришло к власти прозападное правительство, парламент страны (303 против 8) проголосовал за отказ от политики «неприсоединения» и установление более тесных связей с Западом… сделав шаг к вступлению в НАТО. См.: New York Times, 23 декабря 2014 г.

Вернуться

578

Джонатан Стил, обзор книги Ричарда Саквы «Украина, передний край: кризис на приграничных территориях C*Richard Sakwa.* Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. – New York: I. B. Tauris, 2015) // Guardian (London), 19 февраля 2015 г.

Вернуться

579

Lauren McCauley. In Wake of Turkey Provocation: Putin Orders Antiaircraft Missiles to Syria *(Л. МакКоли.* Последствия турецкой провокации: Путин приказал развернуть в Сирии противоракетные системы) // Common Dreams, 25 ноября 2015 г.

Вернуться

580

Michael Birnbaum. U.S. Military Vehicles Paraded 300 Yards from the Russian Border (М. *Бернбаум.* БТРы США прошли парадным маршем в 300 ярдах от российской границы) // Worldviews, 24 января 2015 г. См.: http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/ 2015/02/24/u-s-military-vehicles-paraded-300-yards-from-the-russian-border/.

Вернуться

581

Ian Kearns. Avoiding War in Europe: The Risks From NATO-Russian Close Military Encounters *(И. Кирнс.* Как избежать войны в Европе: опасность военного столкновения на границе между Россией и НАТО) // Arms Control Today, ноябрь 2015 г.

Вернуться

582

См. в том числе: *Marc Weisbrot.* Failed (М. *Уэйсброт.* Провал). – New York: Oxford University Press, 2015; *David Kotz.* The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism *(Д. Котц.* Взлет и падение неолиберального капитализма). – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015; *Mark Blyth.* Austerity: History of a Dangerous Idea (М. *Блис.* Аскетризм: история одной опасной идеи). – New York: Oxford University Press, 2013.

Вернуться

583

Alison Smale, Andrew Higgins. Election Results in Spain Cap a Bitter Year for Leaders in Europe (Э. *Смейл, Э. Хиггинс.* Результаты голосования в Испании венчают непростой для лидеров Европы год) // New York Times, 23 декабря 2015 г., цитата из высказывания главы *EuropaNova* Франсуа Лафона. О выборах в Испании и их влиянии на крах неолиберальной политики строгой экономии см.: Марк Уэйсброт, *Al Jazeera America*, 23 декабря 2015 г., http://america.aljazeera.com/opinions/2015/12/spain-votes-no-to-failed-economic-policies.html.

Вернуться

584

Это одна из запоминающихся тем прогрессивного исследования Уолтера Липпманна на тему демократии.

Вернуться

585

John Shy. A People Numerous and Armed *(Дж. Шай.* Многочисленный и вооруженный народ). – New York: Oxford University Press, 1976,146.

Вернуться

586

щей истории, Полк в качестве источников информации пользуется как непосредственным опытом на местах, так и документами о планировании американской государственной политики на самом высоком уровне.

Вернуться

587

Patrick Tyler. A New Power in the Streets (Я. *Тайлер.* Новая уличная власть) // New York Times, 17 февраля 2003 г.

Вернуться

588

Bernard B. Fall. Last Reflections on a War *(Б. Фолл.* Последние размышления об одной войне). – New York: Doubleday, 1967.

Вернуться

589

Gideon Rachman. Preserving American Power After Obama (Г. *Рахман.* Сохранение американского могущества после Обамы) // National Interest, январь – февраль 2016.

Вернуться

590

Jeremy Page, Gordon Lubold. U.S. Bomber Flies over Waters Claimed by China *(Дж. Пейдж, Гордон Лъюболд.* Американский бомбардировщик пролетел над водами, который Китай объявил своими) // Wall Street Journal, 18 декабря 2015 г.

Вернуться

591

Tim Craig, Simon Denver. From the Mountains to the Sea: A Chinese Vision, a Pakistani Corridor (Г. *Крейг,* С. *Денвер.* От гор к морю: китайское видение, пакистанский коридор) // Washington Post, 23 октября 2015 г.; Китай включает пакистанский Гвадар в свою «нитку жемчуга», см.: http://store.businessmonitor.com/article/475258. Более общую информацию см.: *Alfred McCoy.* Washington's Great Game and Why It's Failing *(А. Маккой.* Большая игра Вашингтона и почему он ее проигрывает) //Tomdispatch, 7июня 2015 г., см.: http://www.tomdispatch.com/blog/176007/tomgram%3A_alfred_mccoy%2C_washington%27s_great_game_and_why_it%27s_failing.

Вернуться

592

Jane Perlez. Xi Hosts 56 Nations at Founding of Asian Infrastructure Bank *(Дж. Перлес.* На церемонию открытия Азиатского банка инфраструктурных инвестиций Си [Цзиньпин] пригласил представителей 56 стран) // New York Times, 19 июня 2015 г.

Вернуться

593

Richard Sakwa. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands (Р. *Саква.* Украина, передний край: кризис на приграничных территориях), 55.

Вернуться

594

Там же, с. 46.

Вернуться

595

Там же, с. 26.

Вернуться

596

Основополагающим научным трудом на эту тему сегодня можно назвать книгу Мари Элайз Саротт «1989 год: борьба за создание

Европы периода после “холодной войны”» (M. *E. Sarotte.* 1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe. – Princeton, NJ: University Press, 2011).

Вернуться

597

Cm.: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), 185-186.

Вернуться

598

Richard Sakwa. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands (Р. *Саква.* Украина, передний край) 4, 52.

Вернуться

599

John J. Mearsheimer. Why the Ukraine Crisis Is the West’s Fault: The Liberal Delusions That Provoked Puti *(Дж. Мирсхеймер.* Почему вина за украинский кризис лежит на Западе: либеральные заблуждения, спровоцировавшие Путина) // Foreign Affairs, 93, № 5 (сентябрь-октябрь 2014 г.); *Richard Sakwa.* Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands (Р. *Саква.* Украина, передний край) 234-235.

Вернуться

600

William Polk. Violent Politics *(У. Полк.* Политика насилия), 191.

Вернуться

601

Richard A. Clarke. Against All Enemies: Inside America’s War on Terror (Р. *Кларк.* Против всех врагов: изнанка американской войны с террором). – New York: Free Press, 2004. В плане дискуссии, см. работу специалиста по международному праву Ф. Бойла «С 2001 года до наших дней: война в Афганистане была и остается незаконной» C*Francis A. Boyle.* From 2001 Until Today: The Afghanistan War Was and Is Illegal), **cm.:** http://www.larsschall.com/2016/01/09/ from-2001-until-today-the-afghanistan-war-was-and-is-illegal/. Развитие темы, см.: *Noam Chomsky.* Hegemony or Survival (Н. *Хомский.* Гегемония или выживание), гл. 8.

Вернуться

602

См.: *H. C. van Sponeck. A* Different Kind of War: The UN Sanctions Regime in Iraq *(Х. ван Спонек.* Другой тип войны: режим санкций ООН в Ираке). – New York: Berghahn, 2006. На удивление важное исследование, очень редко упоминаемое в Соединенных Штатах и Великобритании. С технической точки зрения санкции ввела ООН, однако их правильнее называть американо-британскими, главным образом это преступление Клинтона.

Вернуться

603

Brian Katulis, Siwar al-Assad, William Morris. One Year Later: Assessing the Coalition Campaign against ISIS (Б. *Катулис, Сивар аль-Ассад, У. Моррис*. Год спустя: оценки организованной Коалицией кампании против ИГИЛ) // Middle East Policy, 22, № 4 (зима 2015 г.).

Вернуться

604

Timo Kivimaki. First Do No Harm: Do Air Raids Protect Civilians? (Г. *Кивимаки.* Для начала не навреди: действительно ли авианалеты защищают гражданское население?) // Middle East Journal, 22, № 4 (зима 2015 г.). См. также: *Noam Chomsky.* Hopes and Prospects (Н. *Хомский.* Надежды и перспективы), 241.

Вернуться

605

Alan Kuperman. Obama’s Libya Debacle *(А. Куперман.* Фиаско Обамы в Ливии») // Foreign Affairs, 94, № 2 (март – апрель 2015 г.); Alex de Waal. African Roles in the Libyan Conflict of 2011 *(А. де Ваал.* Роль Африки в ливийском конфликте 2011 г.) // International Affairs, 89, 2013, № 2, 365-379.

Вернуться

606

Peter Bergen, Paul Cruickshank. The Iraq Effect: War Has Increased Terrorism Sevenfold Worldwide (Л. *Берген, П. Крикшенк.* Иракский эффект: на фоне войны количество террористических актов по всему миру выросло в семь раз) // Mother Jones, 1 марта 2007 г.

Вернуться

607

Врачи за социальную ответственность Подсчет потерь: количество убитых за десять лет «войны с террором»: Ирак,

Афганистан, Пакистан. Март 2015 г. См.: http://www.psr.org/assets/pdfs/body-count.pdf.

Вернуться

608

Timo Kivimaki. First Do No Harm *(Г. Кивимаки.* Для начала не навреди).

Вернуться

609

Andrew Cockburn. Kill Chain: The Rise of the High-Tech Assassins (Э. *Кокберн.* Убить цепь: появление высокотехнологичных убийц). – New York: Henry Holt, 2015); *Bruce Hoffman.* ISIS Is Here: Return of the Jihadi (Б. *Хоффман.* ИГИЛ уже здесь: возврат к Джихаду) // National Interest, январь – февраль 2016 г.

Вернуться

610

William Polk. Violent Politics (У. *Полк.* Политика насилия),

Вернуться

611

Scott Atran. ISIS Is a Revolution (С. *Этрен.* ИГИЛ – это революция) //Aeon, 15 декабря 2015 г., см.: https://aeon.co/essays/why-isis-has-the-potential-to-be-a-world-altering-revolution; *Bruce Hoffman.* ISIS Is Here (Б. *Хоффман.* ИГИЛ уже здесь).

Вернуться

612

Томас Фридман, высказывания на шоу *Charlie Rose* / PBS, 29 мая 2003 г., https://www.youtube.com/watch?v=ZwFaSpca_3Q; *Dan Murphy.* Thomas Friedman, Iraq War Booster *(Д. Мерфи.* Томас Фриман, горячий сторонник войны в Ираке) // Christian Science Monitor, 18 марта 2013 г.

Вернуться

613

Scott Atran. ISIS Is a Revolution (С. *Этрен.* ИГИЛ – это революция) .

Вернуться

614

William R. Polk. Falling into the ISIS Trap (У. *Полк.* В ловушке ИГИЛ) // Consortiumnews, 17 ноября 2015 г.; https://consortiumnews.com/2015/11/17/falling-into-the-isis-trap/.

Вернуться

615

Ayse Tekdal Fildis. The Troubles in Syria: Spawned by French Divide and Rule (Э. *Т Филдис.* Сирийская проблема: порождение французского правления и разделения) // Middle East Policy 18, № 4 (зима 2011 г.). Приведенные слова Энн Джойс цитирует в своей передовой статье в *Middle East Policy 22,* № 4 (зима 2015 г.).

Вернуться

616

О постыдной истории американской иммиграционной политики можно прочесть в книге Авивы Хомского «Без документального обоснования: как иммиграция стала незаконной» *(Aviva Chomsky.* Undocumented: How Immigration Became Illegal. – Boston: Beacon Press, 2014).

Вернуться